Индекс 70544
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:
«КНЯЗЬ ТЬМЫ»
Бориса Олейника.
«ЛАГЕРНИКИ. ГУЛАГ БЕЗ РЕТУШИ»
Станислава Кузьмина.
Повесть «КНЯЖИЙ ОСТРОВ»
Юрия Сергеева.
Криминальный роман
«ОХОТА НА ПРЕЗИДЕНТА»
Александра Кротова.
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МГ
1993
МГ
1993
2
ISSN 0131—2251
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Патриоты, объединяйтесь!

Распространяйте и пропагандируйте патриотический журнал «Молодая гвардия». Создавайте клубы журнала «Молодая гвардия». Добивайтесь открытия на Центральном телевидении постоянных передач устных выпусков журнала «Молодая гвардия».

Патриоты! Организуйте и проводите подписку на журнал «Молодая гвардия» на предприятиях, в организациях, в России и за рубежом.

О ПОДПИСКЕ НА 1993 ГОД

Подписка на второе полугодие 1993 года будет проходить с 1 марта по 30 апреля 1993 года. Каталожная цена на месяц — 262 рубля, на 3 месяца — 786 рублей, на полгода — 1572 рубля. В стоимость подписки входит публикация Приложения из уникальных (раритетных) изданий.

Вниманию читателей из стран СНГ, в которых не проводится подписка на журнал «Молодая гвардия»!

Вы можете подписаться на «МГ» с любого месяца, направив денежные переводы непосредственно в адрес редакции:

125015, Москва, Новодмитровская, 5а, журнал «Молодая гвардия» — ответственному секретарю Кротову Александру Анатольевичу.

Библиотеки из стран СНГ могут осуществить подписку, перечислив деньги по безналичному расчету на счет редакции: р/с 000608075 в Тихвинском отделении Мосбизнесбанка г. Москвы, МФО 201553, код Д-9 с пометкой: «для журнала «Молодая гвардия», подписка» — и обязательно прислать в адрес редакции копию платежного поручения и свой точный почтовый адрес, указав количество необходимых экземпляров.

На этот же счет читатели журнала могут присылать деньги в фонд помощи журналу.

Редакция уверена, что подписчики «МГ» в 1993 году будут получать журнал ежемесячно.

ПАТРИОТЫ, НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ!

МГ 1993 2

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

«Молодая гвардия», 1993, № 2, 1—256

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-80-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел распространения, реализации и пропаганды — 285-80-16.

ФАКЕЛ ЗАЖЖЕТСЯ

Алексей ПРОСВЕТОВ

* * *

Покой деревни утонул в дремоте.
Вечерний воздух холоден и мглист,
И трудно угадать: что там — в полете
И на излете — птица или лист?

Смежает день натруженные веки.
Уже звезда к земле спустила нить...
А я не сплю. О, сколько в человеке
Желания: не выживать, а жить.

г. Пушкино, Московская обл.

Лариса СОКОЛОВА

* * *

Ничто на земле нас навек не обманет —
Затмение длится какой-нибудь час...
Вчерашняя ложь завтра правдою станет,
И факел зажжется, который погас.

Шальные рассветы, хмельные закаты,
Прихлынув — отхлынут и вновь набегут.
Мы все перед кем-то по смерть виноваты
За горсточку легких счастливых минут...

г. Брянск

Валерий МИТРОХИН

* * *

Пятак и ложку — в глиняный горшок...
Над тиглем пар. Слегка щекочет горло.
Они слились. Их ожидает форма.
Опока дышит, ощутив ожог.

Замру под указующим перстом.
То медь и олово. Они скрестились в сплаве.
Так жизнь и смерть, соединяясь в славе,
Венчаются в конце концов крестом.

Вернусь на юг. Приду в старинный храм.
На камни стану, где крещен когда-то.
Отцу и сыну помолюсь. У брата
Прощенья попрошу. И аз воздам:
За изгнанных из ран без суда,
За яд, проникший в кровь, и сок, и семя,
За ненависть, возникшую меж теми,
Кто в мире уживался тут всегда;
Слезой младенца, скорбью матерей,
Судьбой поэта, родом из России,
Крестнóю мукой нового Мессии —
На этот раз он будет славянин.

МЕЖДУМОРЬЕ

(Керченский полуостров)

Междуморье — полуостров,
Старорусское словцо.
Сквозь священный прах погостов
Смотрит пращура лицо.
Сквозь былины и руины,
Помня рук его тепло,
В борозде родной равнины
Блещет памяти стекло.
Выворачивая плугом
Скифский шлем,
Сарматский меч,
Различаю чутким ухом
Клики легендарных сеч.
Кто войною шел. Кто в гости.
А кого-то путал бес.
Тут играли Боги в кости,
Отдохнуть сойдя с небес.

г. Симферополь

Юрий ЧЕХОПАДСКИЙ

* * *

Сколько лет просыпается утром страна и не знает,
Чтó начавшийся день ей великой заботой сулит.
Там какие решенья сегодня в Кремле принимают?
И о чем там парламент, бессильный сегодня, шумит?
Выйдут женщины в поле картофель копать измельчавший,
Разодетые все в телогрейках, платках, сапогах.
И любой самый маленький клубень, случайно упавший,
Полежит в их разбитых, но теплых и нежных руках.
Листья падают тихо — зимы уже близко дыханье,
Хорошо, что природа всегда исполняет закон.
И уже все заметнее светлых небес колыханье,
Значит, срок приближается. Скоро исполнится он.

Москва

Владимир ХОМЯКОВ

ДИКОЕ ПОЛЕ

Завечéрилось Дикое поле,
Наклонило свои ковыли.
По просторам,
Где вольному воля,
Снег идет,
Не касаясь земли.

А деревня совсем притомилась:
Ниву жала,
Колола дрова.
Не с того ль эта тихая милость
После ясного дня Покрова?

Ну а ты, темно-русая дева,
Что грустишь, пресвятая краса?
Что ж ты оченьки все проглядела
В затуманенные небеса?

Ждешь Его?
Он появится скоро,
Он отпустит печали твои.
А пока по родимым просторам
Снег идет,
Не касаясь земли...

* * *

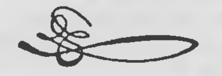
Огни, далекие огни —
И темноте не видно краю —
И редко теплятся они,
И на какой идти — не знаю.

Протяжно ухает сова,
И холод сковывает плечи.
Ко мне подходят дерева
И говорят по-человечьи.

А я от страха чуть дышу.
И кто бы, кто б сегодня понял,
Что это я к себе спешу
Широким лесом, темным полем.

И, словно все померкли дни,
И нет пути конца и краю.
И редко теплятся огни,
И на какой идти — не знаю...

г. Сасово, Рязанская обл



Сергей ФОМИН

О РУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ

В России не принято говорить о русских национальных интересах. Любая попытка поставить этот вопрос трактуется в «демократических» средствах массовой информации как проявление русского «великодержавного шовинизма», «черносотенства», «антисемитизма» и т. п. «Русский вопрос» освещается либо в извращенном свете, либо замалчивается. С другой стороны, в патриотической печати ему уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Преобладают публикации, в которых речь идет о «российских государственных интересах» (то есть совокупности интересов народов Российской Федерации), рассматриваются интересы «Евразии» (понятие, которое, по-видимому, приходит на смену понятию «СССР»). Делаются попытки пробудить в русском народе прежде всего не русский, а «российский государственный патриотизм» или даже «евразийское самосознание». Борцы за российские или евразийские государственные интересы нередко весьма прохладно относятся к национальным интересам собственно русского народа, которыми, по их мнению, следует поступиться во имя территориальной целостности Российской Федерации (или единства Евразии). Рост русского этнического патриотизма, согласно таким взглядам, нежелателен, поскольку это может «обидеть» другие «евразийские» народы. Кроме того, весьма часто ставят знак равенства между «русским», с одной стороны, и «российским», «евразийским» — с другой. Все это приводит к дезориентации русского национального самосознания.

Если под национальным самосознанием понимать прежде всего отчетливое осознание народом своих собственных национальных проблем и интересов, задач и целей своего исторического развития, то приходится признать, что такого осознания в настоящее время не хватает не только широким массам русского народа, но и тем, кого можно отнести к элите нации. В течение десятилетий коммунистический режим отучал нас, русских, думать о себе как об отдельной нации, со своими собственными интересами, судьбой и устремлениями, беспощадно подавлял наши национальные чувства и принуждал жертвовать всем во имя интересов со-

ветских. Через центральный бюджет и дискриминационную для РСФСР систему цен происходил (да и сейчас, по сути, продолжается) отток финансовых, природных и материальных ресурсов из России в другие республики. За счет дотаций, вычитаемых из бюджета России, проводилась политика подкармливания других республик СССР с целью обеспечения их лояльности, предотвращения развития в них национализма. Зная неприхотливость и терпеливость русского народа, коммунистические правители цинично полагали, что он все стерпит. Хватит, дескать, с него сознания, что он — «старший брат», «стержень державы» и что его язык — средство межнационального общения. И русский народ терпел, повиновался. И что же, помогло ли забвение собственных русских интересов предотвратить распад СССР?

Безусловно, развал СССР, а за ним и тенденция к распаду России — это следствие некомпетентной (а вернее — предательской) политики Горбачева и его окружения, намеренно поощрявших деструктивные действия «демократов»-космополитов в России и национал-экстремистов в республиках. Лжепутч августа 1991 года явился лишь долгожданным предлогом для провозглашения их независимости. Не обошлось, вероятно, и без вмешательства зарубежных стран и их агентов влияния. Однако это лишь часть истины. Другая ее часть состоит в том, что никому бы не удалось развалить Советский Союз, если бы внутреннее состояние советского государства не несло бы в себе предпосылки такого распада.

Способна ли идея «российского патриотизма», «российского государственного самосознания» остановить намечающийся распад Российской Федерации? Думается, способна, но только при одном условии: она должна основываться на русском этническом патриотизме, на возрождении русского национального самосознания. Российские государственные интересы не должны расходиться с интересами русскими, национальными. Рост русского национального самосознания и вытекающее из него энергичное отстаивание русских национальных интересов является единственной гарантией территориальной и политической целостности Российской Федерации. Ибо любые односторонние уступки со стороны русского народа, его пассивность в защите своих прав лишь разжигают аппетиты сепаратистов в бывших автономиях (а ныне республиках) России, а также в ряде ее регионов. Различным национализмам и сепаратизмам мы должны противопоставить в качестве противовеса наш русский патриотизм или, если хотите, русский национализм, понимаемый как стремление сохранить свою уникальность, свой национальный характер и культуру, как твердую, бескомпромиссную защиту своих законных исторических интересов. Это особенно необходимо сейчас, в условиях, когда в бывших союзных республиках и ряде автономий России фактически идет строительство этнических государств для народов, имя которых носят республики. И это несмотря на то, что все республики многонациональны, что титульные народы в ряде случаев составляют незначительное большинство (а то и меньшинство) населения. Кроме того, известно, что межреспубликанские границы, а также границы автономий внутри России были проведены незаконным большевистским режимом произвольно, что привело к включению в состав республик территорий, исторически титульным народам не принадлежавших и компактно заселенных представителями других национальностей, которые живут на этих территориях в течение столетий и, безусловно, являются коренным населением.

Так, например, в состав Казахстана были насильственно включены земли уральских казаков, Южной Сибири, а в состав многих российских республик — чисто русские территории. В большинстве российских республик русские составляют большинство населения, а титульные народы являются национальным меньшинством. Так, башкиры составляют лишь четверть населения Башкирии (и при этом башкирские националисты требуют провозгласить ее независимым башкирским унитарным государством), татары в Татарии — менее половины населения (и уже, по сути, независимость Татарстана провозглашена), якуты — 37% в Якутии, карелы — 11% в Карелии и т. п. Хотя во многих республиках, находящихся, в частности, в Поволжье, Сибири, на Урале, в Карелии, русские проживают с XIV—XVI веков и являются не менее (а в некоторых случаях даже и более) коренным населением, чем титульные народы, сама «титульность» этих последних дает им по сравнению с русскими несомненные преимущества: предоставление руководящих постов «национальным кадрам», преимущества при заполнении «престижных» профессий, поступлении в вузы и т. п. Если нынешние тенденции к суверенизации и даже независимости бывших автономий, поощряемые московскими «демократами», будут и дальше усиливаться, то русским, живущим в автономиях, грозит участь дискриминируемого национального большинства, уж не говоря о том, что они будут оторваны от основного тела русского народа, подобно тому, как оказались отрезанными 26 миллионов русских, проживающих в бывших союзных республиках — ныне «независимых государствах». Предотвратить подобное развитие событий может лишь национальное пробуждение русских, создание мощного русского национального движения, способного отстаивать интересы нашего народа. И не надо запугивать нас тем, что рост русского национализма приведет якобы к гражданской войне. Поводов для гражданской войны будет как раз больше в том случае, если русский народ и далее будет оставаться слабым, распыленным, неорганизованным, не одушевленным национальной идеей. Войну провоцирует слабость, уверенность в

легкой победе. Если же мы, русские, будем сильны, сплочены, исполнены патриотизма — кто осмелится пренебрегать нашими интересами, кто посмеет проводить в отношении нас дискриминационную политику? Отсюда вывод: мир, порядок, стабильное развитие в России и «ближнем зарубежье» могут быть обеспечены лишь при условии, что внешняя и внутренняя политика Российского государства будет строиться с учетом русских национальных интересов, а сам русский народ осознает наконец, в чем эти интересы состоят, какое государство ему нужно.

Выше уже отмечалось, что такого осознания русским как раз и не хватает, что их национальное самосознание дезориентировано. Русским не хватает «патриотизма, идущего от ума», то есть осознанной концепции национальных русских интересов. Но здесь уже вина русской интеллигенции, поскольку подобные концепции, национальные идеи народа разрабатываются интеллектуальной элитой нации. После падения коммунизма и распада СССР в России создался идеологический вакуум, который различные течения политической и общественной мысли стремятся заполнить, исходя из своих информационных и материальных возможностей.

Думаю, не вызовет возражения утверждение, что в России в настоящее время существуют три широких политических движения: демократическое, неокоммунистическое и национально-патриотическое. Названия достаточно условные, поскольку движения неоднородны и объединяют (не столько по организационному, сколько по идеологическому признаку) различные более или менее крупные партии, союзы, мелкие группировки и т. п. Кроме того, первоначальный смысл, заложенный в эти наименования, не всегда соответствует реальному содержанию той деятельности, которую проводят представители соответствующих движений. Так, например, понятие «демократия» оказалось сильно скомпрометированным после двухгодичного пребывания у власти так называемых «демократических сил»: всем здравомыслящим людям ясно, куда ведет политика ельцинского режима. В области экономики она направлена на развал отечественной промышленности, сельского хозяйства, на создание огромной армии безработных, на обнищание народа и одновременно обогащение за его счет новоявленных «бизнесменов», которые бизнесменами, то есть предпринимателями, в прямом смысле слова не являются, а представляют в своей массе различные мафиозные группировки перекупщиков краденого, спекулянтов, торговых посредников. Эти лица практически не участвуют в процессе производства, в создании новых ценностей. По сути, их функция сводится к тому, что в процессе распределения они экспортируют то, что создано чужим трудом. То, что творит ельцинский «демократический» режим в области экономики, — это отнюдь не строительство капитализма в его западном значении. Речь скорее может идти о превращении России в гигантскую барахолку, на которой правит бал наглая, разнузданная мафия, в большинстве своем нерусская. В области же внешней политики «демократы» взяли курс на одностороннее разоружение, на подчинение России интересам Запада, и прежде всего США, на превращение нашей страны в источник дешевых природных и трудовых ресурсов для западных стран. Проводится фактически политика национального предательства.

Выступая за «общечеловеческие ценности», за права человека и национальных меньшинств, «демократы» открыто попирают права «огромного молчаливого большинства» — русского народа. Установив жесткий контроль над телевидением, радио, другими средствами массовой информации, представители «демократических сил» (значительную часть которых составляют бывшие коммунистические идеологи-перевертыши типа А. Яковлева) ведут кампанию по удушению в зародыше ростков русского патриотизма, оплевыванию и унижению русского народа, разжиганию антирусских настроений в республиках.

Характерно, что и власти Российской Федерации, и «демократические» средства массовой информации преднамеренно и упорно избегают употреблять слова: «русские», «русский народ». Пущено в ход слово «россияне», к которым относят всех граждан Российской Федерации независимо от их национальности. Слово «россияне» уже до революции было устаревшим, носило официально-торжественный характер, но самое главное — было тождественно понятию «русские», которое включало великороссов, малороссов и белорусов. В настоящее время понятию «россияне» придан территориальный, а не этнический, как раньше, смысл, и оттого оно звучит фальшиво, искусственно. Еще более искусственным является неологизм «русскоязычные», который, кроме того, оскорбителен для русских людей.

Главным аргументом использования понятия «россияне» в территориальном значении является то, что Россия — многонациональна и что для ее граждан должно быть какое-то общее название. Но многонациональны и все прочие бывшие союзные и автономные республики, однако до подобных неологизмов там никто не додумался. Более того, Россия в этническом отношении, пожалуй, одно из наиболее однородных государств. Так, русские составляют в Российской Федерации 81,5% от общей численности населения (120 млн. из 147,4 млн., по данным на 1989 год). Степень однородности, «русскости» может возрасти еще больше, если будут созданы условия для приема русских беженцев и переселенцев из бывших союзных республик. Число русских людей, желающих покинуть эти республики, огромно, и лишь антирусская политика нынешнего прозападного правительства

России мешает русским возвратиться на свою историческую Родину. Ссылки на нехватку средств для обустройства русских беженцев совершенно несостоятельны. «Демократы» боятся возвращения русских в Россию, поскольку такое возвращение неизбежно будет способствовать возрождению русского народа, росту его национального самосознания. Ведь возвращаться будут люди, на собственном опыте познавшие все последствия антирусской кампании в республиках и под воздействием этого обретшие свое русское национальное самосознание. Оттого и нежелательны они для «демократических» правителей России, оттого и чинятся им различные препятствия на пути возвращения на родную землю. И одновременно антирусское правительство России поощряет массовую миграцию в русские области и края, города и села, в казачьи станицы представителей «кавказских национальностей», коренных народов Средней Азии, а нынче уже и китайцев, корейцев и т. д. Вероятно, они надеются таким образом уничтожить русский народ, смешав его с другими народами, или, по крайней мере, разбавить, интернационализировать, превратив Русскую землю в новый Вавилон, скопище рас и народов, лишив его православного, русского духа с тем, чтобы легче было осуществлять господство космополитической мафии на нашей земле. Не исключено, что «вхождение» России в так называемое «мировое сообщество» откроет двери нашей страны для массовой иммиграции африканцев, турок, жителей Юго-Восточной Азии и т. п., как это происходит сейчас в западных странах. Вполне возможно, что Запад попытается направить поток иммигрантов из этих регионов в Россию.

Возвращаясь к понятию «россияне», отметим, что оно должно рассматриваться лишь в качестве устаревшего синонима понятия «русские», и его нельзя переносить на граждан России нерусской национальности. Да и сами народы России, как свидетельствуют события в бывших автономиях, отнюдь не стремятся быть «россиянами» и предпочитают называться своим родовым именем, то есть быть чеченцами, татарами, башкирами и т. д. Никто не додумался называть многонациональные народы Украины, Литвы, Грузии и других бывших союзных республик «украинянами», «литвинянами», «грузинянами» и т. д. А ведь эти республики менее однородны по национальному составу, чем Россия: доля украинцев на Украине — 72,7%, литовцев в Литве — 70%, латышей в Латвии — 52%, грузин в Грузии — 70%, эстонцев в Эстонии — чуть больше 60% и т. д. И все они строят унитарные, национальные, по сути, государства титульных народов. Россия же, раздробленная на всевозможные автономии и республики по рецептам Ленина, находится в состоянии дезинтеграции. И это при том, что великороссы составляют, как уже отмечалось, 81,5% от общей численности населения. Если же сюда приплюсовать живущих в России украинцев, белорусов, представителей некоренных народов России, то обнаружится, что общая численность титульных народов российских республик и автономий составляет менее 10% от общей численности населения Российской Федерации. Далее отметим, что многие из них живут не на территории своих республик, а на территории русских областей, в то время как русские исторически составляют большинство населения в подавляющем числе российских республик и автономий. Добавим также, что значительная часть титульных народов российских республик называет русский язык в качестве родного. Нет сомнений также, что подавляющее большинство населения российских республик не мыслит себя вне России. Кому же тогда выгодна тенденция на выделение из России, тенденция, которая уже заметна не только в российских республиках, но в областях и регионах? Думается, прежде всего — местным властям (особенно в богатых природными ресурсами республиках и регионах). Они сами желают распоряжаться нефтью, газом, алмазами, лесом и т. д., самостоятельно продавать эти богатства за границу и распоряжаться полученной валютой независимо от московского правительства. Сам Ельцин дал толчок такому развитию своей знаменитой фразой: «Берите суверенитета, сколько сможете проглотить». Хорошо известна позиция «демократов», направленная не только на предоставление независимости автономиям, но и на создание отдельных государств на территории русских областей.

«Россия могла бы разделиться на несколько республик с равными правами: Сибирь, Урал, Европа, Север, Дальний Восток», — по словам Г. Старовойтовой, депутата Верховного Совета России, незаконно совмещавшей депутатство с постом советника президента по межнациональным отношениям. Где, скажите, в какой стране, включая и государства СНГ, человек, призывающий к уничтожению государственной и территориальной целостности своей страны, мог быть избран в депутаты парламента, сохранять это место и, более того, быть советником президента по межнациональным отношениям? Очевидно, великие познания в национальном вопросе дают основания Старовойтовой беспардонно и нагло издеваться над русским народом, оскорбляя его национальное достоинство: русские, по ее словам, — это народ, у которого «нарушена нормальная сохранность исторической памяти», это народ «с утраченной культурной традицией», «с искаженным, болезненно извращенным этническим самосознанием» («Правда» от 1 сентября 1992 г., с. 2). Странное дело, Старовойтова, проживающая в русском городе Москве, позволяет себе оскорбительные выходки по отношению к народу, трудом которого, кстати сказать, создается и личное материальное благополучие Старовойтовой. Особую неприязнь

у Старовойтовой вызывает Православие. «Я не раз обращала внимание российского руководства на недопустимость православия как государственной религии, — заявляет она в интервью, данном газете «Советская Татария» (18 сентября 1991 г.). — А также опасения подтверждаются частыми посещениями наших лидеров православных богослужений. Я считаю, что объявление 7 января в РСФСР нерабочим днем было ошибкой... Мы постараемся избегать таких ошибок впредь». Свою позицию Старовойтова аргументирует тем, что в России живут люди различных вероисповеданий. Ей как бы невдомек, что в том же Татарстане, например, можно объявить два праздника: мусульманский и православный, в Бурятии — буддистский и православный и т. п. А ведь Рождество празднуется во всех христианских государствах. Но вот еврейский праздник Хануки (даже не всееврейский, а одной из иудейских сект, хасидов, представители которой бесчинствовали в Доме Пашкова) — другое дело. Для него даже православной святыни — Московского Кремля — не жалко. Этот праздник был отмечен в Кремлевском Дворце съездов, несмотря на протесты православных русских людей. Старовойтова в данном случае возражений не высказывала, более того, способствовала его проведению. Интересно спросить Старовойтову, какая реакция была бы, скажем, в Израиле, если бы русские устроили православное богослужение у стены Плача, а депутат кнессета (невозможно даже представить, чтобы русский стал депутатом израильского парламента) потребовал бы отменить какой-нибудь еврейский религиозный праздник?

Линия «демократов» на расчленение России объективно отвечает интересам западных стран и их монополий. Западу не нужна сильная, единая Россия. Для того чтобы им легче было грабить наши природные ресурсы, Россию нужно раздробить на ряд мелких государств. Куда сподручнее иметь дело с маленьким «независимым» Татарстаном или Якутией, чтобы диктовать свои условия торгово-экономических отношений и внешней политики всем тем формально независимым образованиям, а на деле полуколониям, в которые неизбежно превратятся выделившиеся из России новые «государства».

А поскольку единственной силой, способной противостоять такому расчленению, является русский патриотизм, сотрудничающий с патриотическими силами других коренных народов России (силами, для которых единство России — такая же первостепенная задача, как и для русских), — то и направлена вся ярость, вся ненависть и злоба «демократов»-космополитов против русских патриотических движений и организаций. Ни один народ в мире, вероятно, не подвергался такой целенаправленной обработке, какой подвергается русский народ с целью подавления его национального самосознания. Если коммунисты-интернационалисты стремились подменить «русское» «советским», то сейчас «демократы» пытаются утопить «русское» в «российском», просто из кожи лезут, чтобы убедить самих русских, что как нация, как народ со своими собственными национальными интересами, проблемами, судьбой и историческими задачами русские вроде бы уже и не существуют, а есть безликая, серая, денационализированная масса «россиян». Подобная интерпретация и использование слова «россияне» способствуют вытеснению слова «русские», препятствуют русскому народу выступать в качестве самостоятельной силы в политической жизни России, например, в качестве субъекта Российской Федерации. Являясь самым многочисленным народом Федерации, русские лишены собственной государственности, в то время как титульные народы российских республик и автономий ее имеют. Есть татарское государство, калмыцкое, якутское и другие национальные образования. Ведь, по сути, это государства в государстве, и ряд из них уже дрейфует в сторону полной независимости. Но где же государство русского народа? Бытует мнение, что государственность самой Российской Федерации — это и есть государственность русской нации. Однако это не так. Ведь Верховный Совет, правительство Российской Федерации — все это наднациональные, федеральные органы. Эти органы по Конституции не могут являться органами национальной власти. Если во главе российских республик и автономий стоят представители титульных народов, то русские такой «роскошью», как правительство, состоящее по национальности из русских, не то что реально, но даже теоретически обладать не могут.

Все имеющиеся на сегодня проекты Конституции Российской Федерации полностью исключают возможность реализации права русского народа на свой национальный суверенитет и самоопределение, на свое русское правительство. Титульным же народам российских республик такие права предоставлены. В соответствии с этими проектами (равно как и в соответствии с действующей Конституцией РСФСР) в России пытаются сочетать несочетаемое: с одной стороны — национальные государственные образования для ряда титульных народов (республики и автономии в составе Российской Федерации), с другой стороны — административные единицы (области, края), напрямую подчиненные федеральному правительству, интернациональному и по форме, и по содержанию. Республики в составе России пользуются неизмеримо большими правами, чем русские области и края. Они принимают свои республиканские конституции, законы, сами определяют отчисления в федеральный бюджет. Как уже отмечалось выше, они требуют все больше независимости от так называемого федерального правительства. По сути, Россия превращается в конфедерацию. Все чаще в газетах

мелькает: переговоры между Татарстаном и Россией, Бурятией и Россией, Россией и Башкортостаном и т. д. Возникает, естественно, вопрос: если вышеуказанные республики уже не являются Россией, то что же тогда есть Россия?..

Нынешнее федеративное устройство, сочетающее национальное и административное деление территории страны, никуда не годится. Оно не учитывает интересов русского народа, содержит угрозу его единству, угрозу целостности России. В интересах всех народов России было бы упразднение на ее территории всех национально-государственных образований и введение административного деления страны по территориальному признаку. Россия должна состоять из достаточно самостоятельных, но в то же время нерасторжимо связанных между собой областей (губерний), что сразу же поставило бы все народы России в равное правовое положение. Потребности национального развития народы России могли бы удовлетворить в рамках культурной автономии, которая предполагает свои национальные школы, театры, газеты, культурные общества и т. п. К сожалению, такие аргументы сейчас мало кого убеждают. Поэтому в условиях, когда политические силы, пришедшие к власти в России и республиках, взяли курс на создание национальных государств для отдельных титульных народов, **русская нация обязана бороться за воссоздание своего национального Русского государства.** Естественно, это ставит вопрос о пересмотре нынешних произвольных границ как республик и автономий Российской Федерации, так и ряда бывших союзных республик. Вместо Российской Федерации необходимо воссоздать Русское государство России, куда бы входили автономные национальные образования, территория которых соответствовала бы процентной доле титульных наций в общей численности населения. Сохранение же нынешнего положения к стабильности не приведет, ибо оно ущемляет интересы русского народа, и в конечном счете «русский вопрос» будет решаться силовыми методами. А этого никому не нужно.

Россия должна стать наконец Россией, обрести свое историческое имя, отказавшись от унизительной аббревиатуры РФ. Тип государственного устройства — «федерация» — определяется в Конституции, и его вовсе не обязательно отражать в названии. На съезде народных депутатов России, где решался вопрос о названии страны, русские люди опять спасовали, уступили нажиму тех, кто не желает возрождения России не только физически, но и в ее названии, навязав нам «Российскую Федерацию», РФ.

Идея воссоздания Русской государственности наталкивается на сопротивление различных политических сил, нередко занимающих диаметрально противоположные позиции по другим — нерусским вопросам. Ясно, что эта идея неприемлема для «демократов». Часть из них не желает возрождения русской нации вполне осознанно. Многие из этой категории «демократов» являются представителями национальных общин, не относящихся к числу коренных народов России, в частности, особенно велика доля евреев. Пробуждение русского национального самосознания, желание русских стать хозяевами в собственном доме пугает этих людей, поскольку неизбежно встанет вопрос о справедливом национально-пропорциональном представительстве в органах власти, в области экономики, торговли, в средствах массовой информации, в науке, культуре, короче — во всех престижных областях человеческой деятельности. А ведь не секрет, что именно в этих областях процент инородцев, особенно в Москве и Петрограде, необычайно высок. Подобной ситуации нет ни в одной из стран «ближнего» и «дальнего зарубежья». Русские в своей стране фактически оттеснены от процессов принятия решений по важнейшим политическим и экономическим вопросам.

В многонациональных государствах многое зависит от статуса национального, который может, в свою очередь, определять статус социальный и профессиональный. Чем выше у народа развито национальное самосознание, чувство этнической солидарности, сплоченности, взаимовыручки, тем успешнее реализует себя этот народ в многонациональной среде, тем больше реальных «человеческих прав» у каждого отдельного его представителя. Такие народы (даже если они немногочисленны, как, например, евреи, армяне, чеченцы и др.) всегда переигрывают по показателям жизненного успеха тех, у кого подобные качества подавлены. Поэтому бессмысленно зацикливаться только на «правах человека», ставить их выше прав нации, как это делают лукавые «демократы». В действительности права отдельного человека определяются объемом тех прав, которые имеет вся данная нация.

Для того чтобы защитить свои права, обеспечить достойную жизнь себе и своим детям, нам и следует развивать в себе русское национальное самосознание, крепить национальную солидарность и взаимовыручку, а это невозможно без объединения всех патриотических партий и движений, без создания массовой организации, исходящей из **принципов русского патриотизма, приоритета русских национальных интересов.**

К сожалению, неокоммунисты, выступающие за воссоздание Советского Союза, являются, по сути, сторонниками «советского патриотизма». Борясь против нынешней лжедемократии, они, как представляется, не совсем четко понимают, что нынешние «демократы» — это вчерашние коммунисты-интернационалисты, что марксизм-ленинизм и современный космополитический либерализм имеют общие исторические корни, восходящие к эпохе Просвещения, на кото-

рую наложило свою печать масонство. И наконец, совершенно ясно, что «советский патриотизм» (и это уже доказано нашим предшествующим 75-летним опытом) не оставляет места для патриотизма русского, который единственно может спасти Россию.

В последнее время в обществе активно развивается концепция патриотизма евразийского. Те, кто выступает за сохранение Евразии в границах СССР, должны, однако, помнить, что в составе Евразии Россия была достаточно долгое время — около трехсот лет. Только тогда это «содружество народов» называлось не Евразией, а Золотой Ордой, вассалом которой была Русь. Сейчас делаются попытки фальсифицировать историю, представить татаро-монгольское иго чуть ли не как благо для Руси. Дескать, оно, иго, «прикрыло» Русь от агрессии со стороны Запада. Сомнительный тезис, который можно опровергнуть. Однако это тема уже отдельного исследования. Главное же, что мы знаем, состоит в следующем: наши предки всеми силами пытались вырваться из цепких лап Золотой Орды, о чем свидетельствует героическая борьба русского народа против «ига поганого» на протяжении всего периода его существования. Достаточно вспомнить Куликовскую битву. Хорошо также известно, во что обходилось русскому народу пребывание в составе «Евразии», то бишь Золотой Орды: постоянные набеги на русские города, убийства, насилия и угон в рабство тысяч русских людей, уплата грабительской дани татаро-монгольским ханам и т. п. Освобождение Руси от этого позорного ига явилось следствием непреодолимого стремления русского народа к собственной национальной государственности, самоопределению. Добившись независимости в процессе территориального расширения, Россия присоединила к себе и земли бывшей Орды, заселенные ее прямыми наследниками — различными тюркоязычными, преимущественно мусульманскими народами. В условиях, когда русские (великороссы, малороссы, белорусы) составляли большинство населения Российской империи, когда их численность возрастала быстрыми темпами, а тюркоязычные народы были относительно малочисленны, доминирование русских в империи было бесспорным. Российское государство носило ярко выраженный русский, православный характер, и идея русского патриотизма была той пружиной, которая приводила в действие государственный механизм. Ослабление же этой пружины в 1917 году и явилось причиной крушения России.

Сторонники «евразийского» единства исходят не из славянского доминирования в Евразии, а из паритета между православными и мусульманами, славянами и тюрками в будущей Евразийской державе. Существуют ли условия для такого паритета в настоящее время? Факты говорят об обратном. Сохраняя пока численное превосходство, славяне в

силу низкой рождаемости (уже, по сути, начавшемся вымирании) в Евразии в границах бывшего СССР неизбежно превратятся в дискриминируемое национальное меньшинство. На увеличение же у них рождаемости (во всяком случае, до такого уровня, который сравнился бы с показателями, характерными для Средней Азии и Кавказа) надеяться не приходится. И здесь дело не просто в нищенском уровне жизни. Даже в богатых странах Запада рождаемость крайне низка, что свидетельствует об общей для всех европейских народов тенденции.

Тюркско-мусульманское население бывшего СССР, включая мусульманские народы северокавказских республик Российской Федерации, составляет сейчас более 60 млн. человек. Сохранение нынешнего уровня рождаемости (а есть основания полагать, что он ненамного изменится) приведет к удвоению этой цифры уже примерно через 15 лет. Славянское же население практически не увеличится (а может, даже уменьшится), оно будет более старым, нежели тюркско-мусульманское население. Если Украина и Белоруссия не войдут в предполагаемую Евразийскую державу, положение русских в Евразии безнадежно. У них не будет возможности уцелеть в ней как нации, они растворятся в «тюркско-мусульманском море». Впрочем, даже вхождение Украины и Белоруссии лишь оттянет во времени этот процесс поглощения славян мусульманами. Евразия, необходимость сохранения которой доказывают наши евразийцы и в равной степени неокоммунисты, превратится попросту в мусульманскую, преимущественно тюркскую Азию, где русским уготована участь дискриминируемого меньшинства. Ни Трубецкой, ни другие евразийцы 20-х годов нашего века такого развития событий (в частности, демографический взрыв в Средней Азии и на Кавказе и депопуляцию у славян) явно не предвидели. Для чего же нам теперь реанимировать их отжившие идеи, как это делают журнал «Наш современник» и газета «День»?

Не предвидели евразийцы и возможности массовой миграции тюркско-мусульманских народов в исконно русские области и края. Уже сейчас высокая рождаемость в Средней Азии и в северокавказских республиках Российской Федерации приводит там к быстрому росту трудовых ресурсов, не находящих работу по месту жительства, нехватке обрабатываемой земли в сельских районах, а в среднеазиатском регионе и к растущему дефициту водных ресурсов. Еще в 70-х годах коммунистический режим по рекомендациям советских «ученых»-экономистов (из тех, что способствовали уничтожению «бесперспективных» деревень в центре России и вытеснению русских крестьян с их родной земли) начал осуществлять планомерное, широкомасштабное заселение среднеазиатами и кавказцами исконно русских областей

Европейской России, обезлюдевших в результате преступной антирусской политики этого режима. В то время как русская деревня хиреет и вымирает, для среднеазиатов и кавказцев на землях центра России уже созданы сотни современных поселков. Юг России, Москву, Петербург, другие русские города, казачьи станицы буквально захлестывает волна армянской иммиграции. Мафиозные группировки среднеазиатов и кавказцев орудуют в России, контролируют рынки, торгуют наркотиками, грабят и убивают русских людей.

Какие же выводы следуют после всего сказанного?

Восстановление Советского Союза или создание Евразийского Союза в прежнем его составе не отвечает национальным интересам русского народа. Такое восстановление позволяет сохранить территорию, но в перспективе приведет к постепенному исчезновению русских как нации. Уже сейчас «прозрачные» границы, безвизовое передвижение в рамках СНГ приводят к тому, что территория России продолжает оставаться открытой для массовой миграции коренного населения Средней Азии, государств Закавказья, республик Северного Кавказа. Такая миграция ведет к дальнейшему ослаблению русской нации, утрате русским народом контроля над своей национальной территорией и экономикой России. Такая миграция в перспективе примет необратимый, неудержимый характер, ибо демографический взрыв в названных регионах создает там абсолютное перенаселение со всеми его негативными последствиями. Жесткость мусульманских традиций не позволяет вести политику контроля за рождаемостью. В итоге русские могут оказаться меньшинством на своей земле. Уже сейчас миграция инородцев в Россию приводит к межнациональным конфликтам, которые со временем, по мере увеличения числа мигрантов, неизбежно перерастут в гражданскую войну коренного населения с мигрантами.

В перспективе Евразийский Союз будет характеризоваться доминированием мусульман во всех сферах: в государственном управлении, экономике, армии. Как свидетельствует история, мусульманско-христианские государства непрочны и чаще всего распадаются (например, Оттоманская империя, Кипр). Кстати, Оттоманская империя была тюркско-славянской державой, в которой турки являлись правящим большинством, угнетавшим славян. СССР был славяно-тюркской державой, где тюрки в течение длительного периода находились в меньшинстве и не играли решающей роли в управлении государством. Демографический взрыв выведет их на новые позиции, в результате чего Россия в границах СССР или Евразия (если она, конечно, политически оформится в единое государство) превратится уже не в славяно-тюркское, а в тюркско-славянское, а затем, вероятно, и просто в тюркско-мусульманское государство.

В рамках Евразии русский народ по-прежнему будет играть роль донора для среднеазиатских и кавказских народов в результате перераспределения национального дохода, дотаций, «братской» помощи и т. п. Недаром среднеазиаты являются наиболее горячими сторонниками сохранения СНГ и даже образования нового союза.

Нам необходимо будет установить с республиками Средней Азии и Закавказья нормальные межгосударственные отношения. Это остановит миграцию коренного населения этих республик на территорию России. Думается, верным было бы решение о предоставлении полной независимости северокавказским республикам, входящим сейчас в состав России. Кавказ всегда был и остается регионом взрывоопасным, нестабильным, негативно влияющим на политическую и экономическую обстановку. Если же северокавказские республики останутся в составе России, это будет означать дальнейшую демографическую и экономическую экспансию их коренных народов на территорию русских областей и краев со всеми негативными для русского народа последствиями. В то же время совершенно ясно, что республики, не имеющие внешних границ, находящиеся внутри России, не могут выйти из нее, и этот вопрос даже не должен дискутироваться.

Необходимо создать все условия для массового возвращения в Россию всех русских, проживающих в ныне независимых государствах «ближнего зарубежья» и желающих переехать на жительство в Российскую Федерацию. Все они должны автоматически получить российское гражданство. Миллионы русских, вернувшись в Россию, будут не столько потреблять, сколько производить, тем самым обогащая Россию. Такое возвращение будет способствовать и решению демографических проблем русского народа.

Не подлежит сомнению, что в ходе так называемой приватизации именно теневики, спекулянты и мафиозные структуры, нередко организованные по этническому принципу (еврейская, армянская, северокавказские, среднеазиатские и т. д.), а также западные компании (включая и международные мафии) будут в числе главных скупщиков нашего национального достояния: хозяйственных и торговых объектов, земли, жилого фонда и т. п. Необходимо на деле оградить интересы граждан России, обеспечив им абсолютные преимущества при проведении экономических реформ в России. Земля ни в коем случае не должна отдаваться в частную собственность, а только в безвозмездное пользование без права купли-продажи, но с правом наследования и исключительно гражданам России.

Ни идея советского патриотизма, ни родственная ей евразийская идея не способны поднять русский народ на борьбу за возрождение России. Такой идеей может быть лишь идея

русского патриотизма, не раз в тяжкие годины спасавшая государство. Иными словами, жизнеспособна только этническая, национальная идея, основывающаяся на общем происхождении, вере, традициях, обычаях, языке и культуре. Евразийская идея, в сущности, столь же бесплодна, как и обанкротившаяся идея советская, поскольку и та и другая — безнациональны, космополитичны. Еще менее способна поднять народ на борьбу идея безнациональной (а на самом деле — узконациональной, сионизированной) демократии. В наших условиях она выгодна лишь инородческим мафиозным кланам, паразитирующим на теле русского народа. Идею же российского патриотизма можно рассматривать в качестве жизнеспособной лишь в том случае, если она будет основываться на согласии, компромиссе между этническими патриотизмами коренных народов России, на их общем убеждении в необходимости сохранения ее целостности. Но роль русского патриотизма здесь решающая.

Необходимо всячески способствовать распространению идеи славянского единства — единства русских, украинцев и белорусов. Именно государственный союз этих трех республик — России, Украины и Белоруссии плюс районы Южной Сибири и Урала, незаконно переданные Казахстану, отвечал бы интересам их народов. Рано или поздно идея такого единого, преимущественно славянского государства пробьет себе дорогу.

В перспективе перед нами стоит задача воссоздания Русского государства. Оно должно строиться на основе территориального административного деления. Это в интересах всех народов России, которые могут развивать свою культуру в рамках культурной автономии. Нынешняя же структура деления России на области, национальные республики и автономии — бесперспективна, поскольку противоречит интересам подавляющего числа жителей России. Более того, такая система несет в себе потенциальную угрозу распада государства. Упразднение нынешней национально-территориальной системы — насущная необходимость. В этой связи недопустимо, не в интересах русского народа воссоздание немецкой республики в Поволжье — потенциального плацдарма для германской экспансии на русской земле. Ссылки на незаконность ликвидации такой республики в годы германского нашествия — беспочвенны, поскольку незаконным было само ее создание на русской земле большевистским режимом, как и незаконны все внутренние границы между республиками внутри страны, как незаконно само деление России на эти республики. Немцы должны помнить, что когда в XVIII веке им дали приют на русской земле и возможность ее обрабатывать, то речи о создании независимого немецкого государства на территории России не шло и не могло идти. Кстати, почему Германия не создаст на своей территории республики или «земли» для потомков русских эмигрантов и перемещенных лиц? Можно было бы создать на территории Германии республики («земли») для проживающих там турок и для коренного народа — лужицких сербов, которые поселились на немецкой земле еще до того, как она стала немецкой. Однако немцы знают, чем это может кончиться...

Для того чтобы управление нашим государством стало эффективным, отвечало интересам народа, осуществлять его должны сами русские и представители других коренных народов России. Но это возможно лишь при наличии единой массовой политической организации, отстаивающей русские национальные интересы и руководствующейся идеей русского патриотизма.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ИГО

СТРОКИ ИЗ ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЕТОПИСИ РОССИИ *

Растерянность, контрнаступление коммунистической оппозиции и равнодушие Запада негативно сказываются на ходе экономических реформ в России. Реформаторы во главе с исполняющим обязанности премьер-министра Егором Гайдаром достигли значительных успехов: правительство приступило к реализации радикальной программы приватизации, освободило цены, сделало экономику открытой и осуществило глубокие реформы в области законодательства..

У Ельцина и его правительства еще есть возможность отвести свою страну от края пропасти. В этот решающий момент Запад может им помочь. Очевидно, что необходима бо́льшая финансовая поддержка, техническое содействие и облегчение долгового бремени. Руководители государств мира, в особенности новый президент США, и соседи России должны осознать всю важность этой задачи.

Д. САКС и Д. ЛИПТОН, экономические советники. Равнодушие Запада и коммунистическое контрнаступление таят опасность катастрофы. — «Финансовые известия». — «Известия», 5 ноября 1992 г.

«Земля — народу!» — вопят телевизионщики. Какому народу? Ведь новые миллионеры, выкормленные с помощью западных, — тоже народ, хотя этот народ не собирается ни косить, ни пахать. Этот народ землей будет спекулировать, то есть покупать,

* Начало см. в № 11—12, 1992, № 1, 1993.

перепродавать и брать в залог. Есть и такой народ, который будет строить на нашей земле очистные сооружения для зарубежной промышленности либо саму промышленность вроде астраханского химпроизводства. А мы-то — простаки! — гадаем, почему так активно потчуют нас кредитами и валютными займами, лукаво называя все это западной помощью.

Помощь? С помощью этой «помощи» земля, которую с таким трудом собирал еще московский князь Иван Калита, достанется международному скупщику — достанется вместе с водой и рудой, вместе с газом и нефтью, вместе с лесами, цветами и птичьими гнездами. А мы, потомки воинов Святослава и Александра Невского, будем вкалывать на этой уже не своей земле, на чужого дядю вкалывать, да еще и проценты платить за долги, которые набрали Горбачев и Гайдар.

Вот чего добиваются наши зарубежные доброхоты и наши доморощенные симплициусы!..

Василий БЕЛОВ. Обман. — «День», 1992, № 46.

У меня сложилось впечатление, что ваучеризация оказалась скороспелой и непродуманной, не имеющей никакого логического конца. Когда я смотрю на указы, которые дают на подпись Президенту, то создается впечатление, что их авторы сначала делают шаг, а потом начинают размышлять, верно они поступили или нет. Нынешнюю ситуацию с ваучерами можно сравнить с лабиринтом: выходов много, но какой из них ведет к истине, не знает никто.

Виталий КЛЮЧНИКОВ, зам. председателя Фонда федерального имущества. Крах ваучеризации. — «Российская газета», 12 ноября 1992 г.

Уже сейчас каждый желающий может принести свой приватизационный чек прямо в редакцию «Огонька».

Не так страшен ваучер («Огонек-инвест» будет думать за вас). — «Огонек», 1992, № 42—43.

— Сейчас Невский напоминает что-то «не наше» — кругом вывески на иностранных языках, яркие витрины, красивые товары. Что это дает городу и его жителям?

— Деньги. Да и товары. Обилие и СП, и иностранных магазинов, и ресторанов — это неплохо. Важно все перевести на «рублевые отношения». Одну из площадей мы назвали Австрийской. И австрийцы взяли на себя обязательство полностью ее преобразовать, создать там своеобразный уголок Вены. Там будут венские афишные тумбы, венские телефоны-автоматы, урны, указатели, светофоры и т. п. Будет создана совместная аптека, венская кофейня, магазин одежды и Дом мод. На Новый год они обещают привезти елку, украсить ее, устроить для детей района празднование Рождества так, как это делается в Австрии...

Из беседы Л. Новиковой с мэром Санкт-Петербурга А. Собчаком («Все-таки не думаю, что мы страна абсурда». — «Аргументы и факты», 1992, № 43—44).

Наши власти, пребывая целиком на услужении Запада, выполняют лишь строго отведенную роль. Эти господа с налепленными русскими именами и фамилиями не имеют ничего общего с Родиной. Она не была их Родиной и не будет...

Юрий ВЛАСОВ. Кровососы. — «День», 1992, № 43.

Чрезмерная прозападная ориентация радикальных демократов порождает у них заниженную оценку отечественного потенциала развития. Реформа в настоящее время чужда традиционному духовному складу россиян...

Дальнейший спад производства, проигранная битва за урожай, волна банкротств, массовая безработица, духовная опустошенность людей ведут к предельно допустимому уровню социальной напряженности. Одновременный паралич власти и производства не перенесет любое, даже очень терпеливое общество. Единственный потенциально позитивный для массового сознания россиян этап реформ — приватизация — вряд ли изменит ситуацию в лучшую сторону. Малая стоимость приватизационного чека, не подкрепленная правом частного землевладения, поспешность выбора модели приватизации, непродуманность механизма ее осуществления, недопустимо сильное влияние криминально-коррумпированных кругов на ситуацию в экономической сфере вряд ли направят процесс приватизации в конструктивное русло.

Таким образом, скоротечные радикальные преобразования всего общественного строя не оправдали себя... Возможности правительства радикальных демократов исчерпаны. Оно не сумело использовать исторический шанс проведения конструктивных реформ эволюционного типа. Оно несет ответственность за углубление кризиса в обществе и не имеет морального права оставаться далее у власти.

Геннадий ОСИПОВ, директор ИСПИ РАН, академик. Скоротечные преобразования себя не оправдали. — «Российская газета», 12 ноября 1992 г.

По нашим оценкам, в 2000 году экономика России будет (с учетом сценариев сохранения интеграции и дезинтеграции РФ) выглядеть так:

производство зерна — 60—80 миллионов тонн в единой РФ, не менее — при распаде России (вариант фермеризации) против 105 миллионов тонн в РСФСР 1989 года;

производство мяса — соответственно 4—6 и 3—5 миллионов тонн против 10 в 1989 году;

продажа предметов потребления — 45—55 и 35—40 процентов от уровня 1989 года;

тяжелая и добывающая промышленность — 30—40 и 20—30 процентов в дезинтегрированной РФ;

нефть — 200—300 и соответственно 150—250 миллионов тонн против 552 в 1989 году;

электроэнергия — 600—700 миллиардов киловатт-часов, или 400—500 против 1077;

сталь — 30—50 миллионов тонн в единой России или 20—

30 в рассыпавшейся против 93 миллионов тонн в РСФСР 1989 года.

Россия, возможно, и не превратится в картофельное поле, но в случае «успешной» реализации программ МВФ с ней как континентальной экономической силой будет покончено.

Александр АНИСИМОВ. Куда придем? — «День», 1992, № 46.

Уже не один месяц длится время горя и тоски, мучительных переживаний. Думалось, со временем все пройдет, уймется чувство горькой обиды и волнений. Нестерпимо ноет старческое сердце, не спится ночами. Нет, не только пустые прилавки в магазинах, не вопиющее безвластие и хаос в стране бередят наши души, вызывая тяжкие переживания и безысходную тоску. Эту боль изнурительную вызвал развал Союза.

Мы не забыли, как Б. Н. Ельцин и другие президенты вместе с М. С. Горбачевым, выйдя из зала очередного заседания в Ново-Огареве, заверяли: «Союз будет!» Но, как выяснилось, это был очередной обман.

...Можно выдержать самые тяжелые кризисы, перенести страшный голод, что многие из нас не однажды испытали лично. И выдержали. Но пережить развал государства невозможно. Да какого государства! Именно СССР вывел человечество в космос... Не кто другой, а наша армия и наш народ спасли мир от чумы фашизма. Наша великая Родина с древнейших времен была надежным гарантом сохранения планеты Земля. В годы монгольского нашествия Россия, приняв на себя главный удар Золотой Орды, не позволила оккупировать Запад. В годы завоеваний Наполеона, слывшего непобедимым, Россия остановила французские полчища и не дала покорить Восток...

Словно по иронии судьбы, на нашу державу обрушилась очередная попытка уничтожить ее. И вопиющий парадокс этой попытки в том, что она совершена не внешними силами. Распад СССР произошел не в результате агрессии, а стал делом рук своих лидеров.

К. БАБОРОДИН, Н. ШАРЕНКОВ, Л. ЕМЕЛЬЯНОВ и другие — всего 50 подписей. Отечество, которого нет?.. — «Ветеран», 1992, № 39—40.

В выступлениях Б. Н. Ельцина перед Верховным Советом 6 октября прозвучала мысль о необходимости сохранения научного потенциала России. Однако как достичь этого при удручающем состоянии финансирования нашей науки, ничего сказано не было. Наша цель — сильное Российское государство, сильное передовыми технологиями, подчеркнул Президент. Как соотносятся эти слова с уменьшением ассигнований на разработки новых технологий, с сокращением штатов в научно-исследовательских институтах, о чем свидетельствует вынужденное постановление президиума РАН от 22 сентября? Чтобы выполнить Указ Президента об увеличении зарплаты в госбюджетных учреждениях в 1,5 раза, придется уволить из НИИ почти треть сотрудников. И это помощь науке?

Ученым хотелось бы услышать о конкретных действиях правительства, направленных на преодоление окончательного развала науки, на создание условий для развития фундаментальных исследований, научных направлений и школ...

Парадоксально, но состояние российской науки больше заботит Запад, где ставят задачу ее интеграции в Европейское сообщество, создания специального фонда, выделения субсидий нашим ученым. Научный потенциал России — достояние всего человечества.

Александр ШАХОВ, доктор биологических наук, профессор. Закон сохранения невежества. — «Российская газета», 12 ноября 1992 г.

Указ Президента «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого раздражающего действия» разрешает всем гражданам России в целях усиления защиты жизни, здоровья и собственности иметь аэрозольные упаковки (газовые баллончики), а при разрешении милиции — и газовый пистолет.

Отныне решение сложнейшей проблемы защиты граждан, с которой явно не справляется государство, передано в руки самих граждан.

Андрей ШАРАПОВ. Постреляем. Потом прослезимся. — «Российская газета», 12 ноября 1992 г.

Когда смотришь телеинформацию о вывозе за рубеж уникальных ценностей и слушаешь истеричные комментарии к ней, то возникает недоумение, почему слова не подкреплены показом. В выставочном зале на Крымской набережной экспонированы реквизированные таможней произведения искусства. На выставке много икон, реликвий материальной культуры, несколько графических работ и только две картины: А. Саврасова и Б. Григорьева. В связи с этим возникают вопросы. Среди них: украдены ли эти вещи из музеев, или они — чья-то личная собственность? Почему весьма часто банальную икону возводят в ранг национальной ценности? Чем руководствовались мэтры правопорядка, когда определялц ценностные критерии произведений?

В. МАНИН, доктор искусствоведения. — «Культура», 17 октября 1992 г.

На территории России находится 1143 музея, где хранится почти 27 миллионов памятников культуры. Более чем в трех тысячах церковных приходов размещены сотни тысяч уникальных произведений древнерусской живописи и прикладного искусства. Сегодня все это находится под прицелом «антикварной» мафии.

В прошлом году ущерб от краж произведений искусства и культурных ценностей составил 13 миллионов долларов (сумма возросла в сравнении с 1990 годом в 17 (!) раз). Но и эта цифра не отражает истинного положения вещей.

...Недавно в Москве разоблачена преступная группа, в состав которой входили руководители служб центральных архивных учреждений страны. Ими были похищены письма Екатерины Второй, уникальные документы следственной комиссии по делу де-

кабристов, документы и письма семьи М. Кутузова и многие другие материалы, часть которых уже была приготовлена для отправки контрабандой за границу.

...Согласно данным оперативников, в Западной Европе действует около 40 группировок из числа бывших граждан СССР. Все они используют оставшиеся в России связи и знакомства для скупки и нелегального вывоза антиквариата.

По сведениям Национального бюро Интерпола, из России вывезено 80 процентов (!) икон, созданных до 1917 года. На Западе открыто более ста магазинов, где иконная мафия открыто торгует незаконно приобретенными предметами культуры. Такие магазины есть в Германии, Израиле, Италии, США, Англии, Франции.

Между тем бюджетных средств не хватает не только на расширение и сохранение музеев и экспозиций, но даже на охрану чудом уцелевшего культурного достояния... Затягивается принятие важнейших для нас законов и актов, без которых борьба не может быть результативной. Гибнет, исчезает культура предков.

Н. СЕРГЕЕВ. «Искусствовед» с обрезом. — «Советская Россия», 30 июля 1992 г.

...Речь... о том месте, которое журналы занимают на культурно-политической карте дня.

Поначалу все сводилось к антитезе: демократы — «патриоты» (патриотов принципиально беру в кавычки, а демократов — нет). Потом рисунок усложнился, и о «Новом мире» стали поговаривать как об интеллигентном варианте «Нашего современника». Думаю, это выражение все же неточно. «Молодая гвардия» и «Наш современник» сегодня представляют не столько «русскую идею», сколько не имеющий ни культурно-исторических, ни народных корней национал-большевизм вкупе с милитаристской идеологией. А собственно духовный спор-диалог идет между журнальной партией Солженицына («Новый мир») и журнальной партией Сахарова («Знамя»).

Вл. НОВИКОВ. Промежуточный финиш.— «Знамя», 1992, № 9, с. 225.

Теперь у каждой газетно-журнальной «партии» (например, национал-большевистской или радикально-демократической) свой электорат, свой круг подписчиков. Точек соприкосновения между ними практически нет: два мира, две культуры, как ехидно заметил бы Владимир Ильич, и читатель — при отчаянном дефиците свободного времени и свободных денег — вынужден выбирать не между «плохой» «Молодой гвардией» и «хорошей» «Дружбой народов», а между прогрессивной «Дружбой народов» и столь же прогрессивной «Невою», подписываться не либо на «Советскую Россию» — либо на «Московские новости», а или на «Московские новости» — или «Независимую газету».

С. ЧУПРИНИН. Первенцы свободы. — «Знамя», 1992, № 5, с. 209.

«Я пришла не на один день, и не на год, и не на два. Я пришла надолго», — сказала Б. А. Куркова, которую президент Ельцин назначил председателем Федеральной телерадиовещательной службы «Россия».

...В сентябре прошлого года... мэр Собчак представил тележурналистам нового начальника — Виктора Югина. В отличие от своего предшественника Юрия Петрова Югин пришел на ТВ не из горкома партии, а из российского парламента, где в качестве депутата-демократа возглавлял Комитет по гласности. Однако и после назначения Югина столичные и местные власти не нашли успокоения. Их выводило из себя политическое вещание, довольно откровенно окрашенное в цвета право-левой оппозиции. А рядовому зрителю явно не хватало занятных передач.

У новой руководительницы ФТС будут примерно те же заботы, что и у ее предшественников. И, как они, Куркова, быстро может попасть под огонь со всех сторон. Зависимость от центральных властей вряд ли прибавит славы, но, может быть, это могло бы стать рычагом для реформирования одичалого петербургского телевидения.

С. ШЕЛИН. Белла Куркова выходит на линию огня. — «Московские новости», 1992, № 44.

В последнем номере газеты «День» опубликован некролог на кончину многолетнего председателя Антисионистского комитета советской общественности генерала Д. А. Драгунского.

Спешим расстроить патриотов: Давид Абрамович не являлся столь пламенным ненавистником собственного народа, как им бы хотелось.

Участник арабо-израильских войн Эфраим Севела рассказывал, как во время первого визита в Союз их делегации устроили встречу с Антисионистским комитетом. После протокольных речей за упокой мирового еврейства спикер Драгунский отловил гостей в коридоре и шепотом спросил: «Ну что, даете арабам перцу?» — «Даем, Давид Абрамович!» — признались те. «Молодцы!» — одобрил генерал и убежал.

Помянем же и мы усопшего добрым словом.

«Как один генерал сто мужиков обманул». — «Московский комсомолец», 1992, № 208.

...И стыдно, и смешно наблюдать, как национал-патриоты вздымают над своими неразмысляющими головами портреты императора в количествах, едва ли не превосходящих изображения Л. И. Брежнева в золотую для него пору забивания «козла» и стяжания бесчисленных орденов. Но ведь и Христа пытаются притянуть сейчас под политические знамена; и как некогда, но только без жребия, тянут к себе Его одежды...

Может быть — отрезвеем?

Александр НЕЖНЫЙ. — «Огонек», 1992, № 42—43.

Думается, никто из видевших по ТВ речь российского президента в британском парламенте не смог перепутать аудитории, к которой она была обращена. Адресовалась она не столько Западу, сколько всем россиянам.

Это, кстати, мгновенно разглядело большинство британских газет, заявивших, что речь обращена не столько к английским за-

кабристов, документы и письма семьи М. Кутузова и многие другие материалы, часть которых уже была приготовлена для отправки контрабандой за границу.

...Согласно данным оперативников, в Западной Европе действует около 40 группировок из числа бывших граждан СССР. Все они используют оставшиеся в России связи и знакомства для скупки и нелегального вывоза антиквариата.

По сведениям Национального бюро Интерпола, из России вывезено 80 процентов (!) икон, созданных до 1917 года. На Западе открыто более ста магазинов, где иконная мафия открыто торгует незаконно приобретенными предметами культуры. Такие магазины есть в Германии, Израиле, Италии, США, Англии, Франции.

Между тем бюджетных средств не хватает не только на расширение и сохранение музеев и экспозиций, но даже на охрану чудом уцелевшего культурного достояния... Затягивается принятие важнейших для нас законов и актов, без которых борьба не может быть результативной. Гибнет, исчезает культура предков.

Н. СЕРГЕЕВ. «Искусствовед» с обрезом. — «Советская Россия», 30 июля 1992 г.

...Речь... о том месте, которое журналы занимают на культурно-политической карте дня.

Поначалу все сводилось к антитезе: демократы — «патриоты» (патриотов принципиально беру в кавычки, а демократов — нет). Потом рисунок усложнился, и о «Новом мире» стали поговаривать как об интеллигентном варианте «Нашего современника». Думаю, это выражение все же неточно. «Молодая гвардия» и «Наш современник» сегодня представляют не столько «русскую идею», сколько не имеющий ни культурно-исторических, ни народных корней национал-большевизм вкупе с милитаристской идеологией. А собственно духовный спор-диалог идет между журнальной партией Солженицына («Новый мир») и журнальной партией Сахарова («Знамя»).

Вл. НОВИКОВ. Промежуточный финиш.— «Знамя». 1992. № 9. с. 225.

Теперь у каждой газетно-журнальной «партии» (например, национал-большевистской или радикально-демократической) свой электорат, свой круг подписчиков. Точек соприкосновения между ними практически нет: два мира, две культуры, как ехидно заметил бы Владимир Ильич, и читатель — при отчаянном дефиците свободного времени и свободных денег — вынужден выбирать не между «плохой» «Молодой гвардией» и «хорошей» «Дружбой народов», а между прогрессивной «Дружбой народов» и столь же прогрессивной «Невою», подписываться не либо на «Советскую Россию» — либо на «Московские новости», а или на «Московские новости» — или «Независимую газету».

С. ЧУПРИНИН. Первенцы свободы. — «Знамя», 1992, № 5, с. 209.

«Я пришла не на один день, и не на год, и не на два. Я пришла надолго», — сказала Б. А. Куркова, которую президент Ельцин назначил председателем Федеральной телерадиовещательной службы «Россия».

...В сентябре прошлого года... мэр Собчак представил тележурналистам нового начальника — Виктора Югина. В отличие от своего предшественника Юрия Петрова Югин пришел на ТВ не из горкома партии, а из российского парламента, где в качестве депутата-демократа возглавлял Комитет по гласности. Однако и после назначения Югина столичные и местные власти не нашли успокоения. Их выводило из себя политическое вещание, довольно откровенно окрашенное в цвета право-левой оппозиции. А рядовому зрителю явно не хватало занятных передач.

У новой руководительницы ФТС будут примерно те же заботы, что и у ее предшественников. И, как они, Куркова, быстро может попасть под огонь со всех сторон. Зависимость от центральных властей вряд ли прибавит славы, но, может быть, это могло бы стать рычагом для реформирования одичалого петербургского телевидения.

С. ШЕЛИН. Белла Куркова выходит на линию огня. — «Московские новости», 1992, № 44.

В последнем номере газеты «День» опубликован некролог на кончину многолетнего председателя Антисионистского комитета советской общественности генерала Д. А. Драгунского.

Спешим расстроить патриотов: Давид Абрамович не являлся столь пламенным ненавистником собственного народа, как им бы хотелось.

Участник арабо-израильских войн Эфраим Севела рассказывал, как во время первого визита в Союз их делегации устроили встречу с Антисионистским комитетом. После протокольных речей за упокой мирового еврейства спикер Драгунский отловил гостей в коридоре и шепотом спросил: «Ну что, даете арабам перцу?» — «Даем, Давид Абрамович!» — признались те. «Молодцы!» — одобрил генерал и убежал.

Помянем же и мы усопшего добрым словом.

«Как один генерал сто мужиков обманул». — «Московский комсомолец», 1992, № 208.

...И стыдно, и смешно наблюдать, как национал-патриоты вздымают над своими неразмысляющими головами портреты императора в количествах, едва ли не превосходящих изображения Л. И. Брежнева в золотую для него пору забивания «козла» и стяжания бесчисленных орденов. Но ведь и Христа пытаются притянуть сейчас под политические знамена; и как некогда, но только без жребия, тянут к себе Его одежды...

Может быть — отрезвеем?

Александр НЕЖНЫЙ. — «Огонек», 1992, № 42—43.

Думается, никто из видевших по ТВ речь российского президента в британском парламенте не смог перепутать аудитории, к которой она была обращена. Адресовалась она не столько Западу, сколько всем россиянам.

Это, кстати, мгновенно разглядело большинство британских газет, заявивших, что речь обращена не столько к английским за-

конодателям, сколько к политическим оппонентам российского правительства.

Именно поэтому она содержала недвусмысленную угрозу всем тем, кто недоволен катастрофическим положением дел у нас дома, кто не согласен с центральным тезисом нынешней власти. А он, как известно, состоит в том, что идущее ныне разрушение России есть величайшее благо в истории мировой цивилизации.

Ельцин заявил перед отъездом за рубеж, что никого не оставляет вместо себя (видимо, просто никто больше не сможет управлять Россией так, как он). На сей раз слово свое он держит: выступление в Вестминстерском дворце вполне можно считать заявлением о вероятном введении чрезвычайного положения в России. Оно, если хотите, кулак, показанный России из-за Ла-Манша российским же президентом.

Агрессивность тона, и слов, и самой фигуры президента вполне соответствует именно такому прочтению. Держался Ельцин весьма импозантно, выдерживал все паузы в ожидании аплодисментов (и наконец их дождался).

Стилистическая речь сделана весьма профессионально, ибо написана была, похоже, теми же людьми, что сочиняли его спич в американском конгрессе прошлым летом. И концептуально поэтому напоминала ее полностью: гневные обличения в адрес системы, которая «десятилетиями корежила и терзала нашу бедную страну», системы, сутью которой были «ложь и насилие, двуличная и агрессивная политика в отношении других стран, духовный и физический террор против своего собственного народа».

Каждый раз не покидает чувство страшной неловкости, когда приходится слышать подобное из уст человека, вклад которого в становление, по его словам, «самого кровавого, безжалостного режима в многовековой истории России» неизмеримо превосходит вклад десятков миллионов россиян, в том числе и членов запрещенной КПСС.

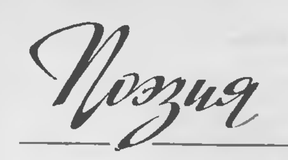
...Словом, проклятия системе, может, были бы уместны для марсианина, но не в устах же человека, который сделал в рамках этой системы головокружительную карьеру, дойдя до самых «преступных вершин»...

Можно, конечно, читать долгие проповеди о моральной стороне ельцинского выступления. Но время сегодня в России не моральное, сугубо рациональное, поэтому стоит взглянуть на речь и под этим углом зрения.

Ельцин прощупал в парламенте возможную реакцию Запада на введение чрезвычайного положения. В этом, пожалуй, главный смысл его выступления перед британскими законодателями. Чем большими «недочеловеками» изобразишь «реваншистские силы» противников реформ в России, тем скорее Запад проглотит планируемое идеологами нового режима наступление на хрупкую демократию в нашей стране.

В остальном итоги визита на удивление скромны. Целый ряд подписанных между Россией и Англией соглашений, отмечает «Нью-Йорк таймс», «в большинстве своем имеют скорее символическое, чем практическое значение».

Виктор ЛИННИК. Ельцин показывает России кулак. Пока из-за Ла-Манша. — «Правда», 1992, № 165.



Валентин СУХОВСКИЙ

УСТОИ

1

Запущено отчее поле...
Что ж я-то в чаду городском,
Где крик человеческой боли
Не слышен в потоке людском?
— Постой, погоди-ка немного! —
Дрожит человеческий крик.
Меня захватила дорога.
Мне некогда глянуть на лик.
Душа — милосердье державы,
И совесть — основа во всем!
Какую мы память оставим,
Во имя чего мы живем?!
Как часто витийствуют хамы,
Калеча младенческий слух.
Уже реставрируем храмы,
Пора реставрировать дух!
Тогда с очистительной силой
Свое возрожденье начнем,
Когда мы на родине милой
До каждого сердца дойдем.
Грешно жить по чьей-нибудь моде,
Тяжел подражания гнет.
Все черпают силы в народе...
А кто их народу вернет?!

2

Вот ветер играет половой —
Отмершей сухой шелухой.
Поблекшее чуждое слово
Вот так же носимо толпой.
Рябит мишура бестолково.
И лоск закордонных одежд
На людях блеснет, как полова...
А души пусты у невежд.
Где не было чистой основы —

Там — подлость, порок, суета...
Пора реставрировать совесть!
В устоях души — красота...

3

А гунны промчались, как ветер:
Ни памяти нет, ни следа.
Славян сохранила на свете
Великая сила труда,
Любовь вековая к землице,
К снопам золотым на гумне.
Приснились крестьянские лица,
И страшно грядущее мне,
Коль больше не высятся гумна
В деревне дворцами труда,
И только проносятся гунны
Без памяти, без следа...

Москва

Андрей БАГИНСКИЙ

ТРЕХСТИШИЯ

* * *

Слово упало камнем.
С места его не сдвинешь
Потоками болтовни.

* * *

Ты из осколков правды
Складывал небылицы —
Верили люди.

* * *

Ты на вершине — подумай:
Ошибка чревата лавиной,
Не меньше, чем ты, беспощадной.

* * *

Ты отвернулся при встрече,
Значит, ударишь в спину
Взглядом недобрым.

* * *

Много ли можно увидеть,
Если смотреть друг на друга
В прорезь прицела?

* * *

Злобу прикрыл улыбкой,
Зависть — рукопожатьем,
Но куда же ты спрячешь глаза?

* * *

Слышишь, как безутешно
Плачет в траве одуванчик, —
Ветром детей унесло...

* * *

Годы меняют характер:
Юность не терпит ошибок,
Старость — прощает...

* * *

Пытаюсь утешить ребенка,
Чтобы меня не обидеть,
Он улыбнулся сквозь слезы.

г. Краснодар

Сергей ХОМУТОВ

ПОДНИМАЙСЯ С КОЛЕН

* * *

Все просто, как январский снег,
Все просто, как сентябрьский дождик,
Чего ж ты стоешь, человек,
В объятьях дьявольских и Божьих?

А и нужны, судьбу верша,
Всего лишь два доступных блага:
Для жизни — чистая душа,
Для смерти — чистая рубаха.

противоестественно, а погибнуть в нем — это в порядке вещей, это почти неизбежно. Каждый из нас, кто был там, мог бы сказать: Сталинград — это моя судьба. И вз слагаемого миллионов судеб зримо предстанет судьба победителей и побежденных, судьба живых и мертвых, больше мертвых, чем живых.

Я намерен рассказать о судьбе в основном одной лишь роты, подумавши: а вдруг она, эта рота, окажется очень похожей на десятки, сотни других рот, как случается нередко, когда из «одного, частного вроде бы, сознательно ограниченного для удобства изображения действительного факта неожиданно вырастает нечто общее, типичное в определенных исторических обстоятельствах.

Я затруднился обозначить и жанр своего рассказа, начатого более тридцати лет назад, то надолго прерываемого, то возобновляемого, то вновь останавливаемого, и опять же надолго, а вот теперь в который уж раз возвращаюсь к нему с надеждою довести его до конца. Причины такой творческой аритмии, конечно же, были — и весьма серьезные. Едва я приступил к своему повествованию, вдруг оказалось, что такого города, как Сталинград, уже нет, а есть Волгоград, соответственно не было и Сталинградской битвы, в коей ты имел горькое счастье участвовать, а была Волгоградская битва, каковой в самом-то деле не было, но тебя уверяют, что она была и что главное сражение второй мировой войны было вовсе не на Волге, а под Новороссийском, на Малой земле. Словом, все смешалось, но не в доме Облонских, а в нашем советском царстве-государстве. Исторические события толковались, всходя из узкоэгоистических, по большей части карьеристских соображений тех, кто на этот час волею капризного случая оказался на самом верхнем этаже власти. А цензура, вечная и верная их служанка, бдительно следила, чтобы не было ни малейшего отклонения от «официальных установок». Ври автор сколько угодно, лишь бы твое вранье соответствовало этим самым «установкам» и нравилось властям предержащим. Ну, и врали. И наворотили столько, что через дикие заросли неслыханных размеров лжи продраться к истине было почти невозможно. Ну а что же делать тому, кто не хочет или не умеет лгать? Остается одно: отложить начатое и молчать, что, собственно, я и делал в течение этих трех десятков лет.

Но и молчать до бесконечности нельзя, когда затеянная работа не дает покоя, когда она представляется тебе чрезвычайно важной. Перечитал бездну воспоминаний участников, перелопатил не меньшее количество исследований военных историков, как наших, так и немецких, сделал из них множество выписок, но под конец решил, что все это писалось людьми, так или иначе оглядывающимися с осторожностью ежели и не на цензуру, то уж непременно на сильных мира сего, от которых в немалой степени зависит судьба твоей рукописи, а с нею и твое личное благополучие или неблагополучие. Ну, скажите, добрые люди, мои будущие читатели, можно ли вполне довериться таким источникам?..

Вот почему и решил я рассказывать только о том, чему был сам свидетель, и о тех, кого знал хорошо по службе в одной воинской части, по совместным боям в междуречье Дона и Волги летом 42-го и зимой 43-го, при этом соблюдая железную установку: ничего не придумывать, не досочинять. А если и сочинять, то лишь исходя из характера описываемого события или действительного лица. Сочинять так, чтобы ни это лицо, ни те, кто с ним соприкасался, не усомнились в подлинности поступка или сказанных им слов.

Ну а сюжет?

Тут можно было бы сослаться на «Василия Теркина», где более чем авторитетно утверждается: «На войне сюжета нету». В документальной, автобиографической вещи ему вроде бы и делать-то нечего. Но все-таки должен же быть какой-то стержень, который держал бы в некоем повиновении, нанизывал на себя эпизоды, организовывая материал? Ничего не поделаешь: роль эту обязан взять на себя сам рассказчик со всеми вытекающими из этого для него последствиями.

АБГАНЕРОВО

1

До поры до времени никто из нас, оказавшихся августовским летом сорок второго между Доном и Волгой, как между тяжким огненным молотом и наковальней, — никто не знал, не ведал, что слово «Абганерово» будет включено в наши души и навсегда, до последнего часу останется там у тех немногих, кому неким чудом удалось выжить.

Двумя неделями раньше сформированная в казахстанских степях 29-я стрелковая дивизия, новенькая, с иголочки, свеженькая, укомплектованная по штатному расписанию, предназначенная было для обороны Москвы на дальних подступах к ней и временно расквартированная под станцией Волово Тульской области, неожиданно, в одну июльскую ночь и в одно утро, была погружена в эшелоны и с бешеной скоростью устремилась куда-то на юго-восток. Немного смущенные одной из последних сводок Совинформбюро, где с непостижимой для тех военных дней откровенностью была названа чудовищная цифра (помнится, в 70 тысяч) попавших в окружение и пропавших без вести наших бойцов, зная о 12 тысячах, составляющих численность полнокровной дивизии, каждый из нас, погрузившихся в спешном порядке в эшелоны, делил в уме те семьдесят тысяч на эти двенадцать и умолкал в угрюмом изумлении от этой жестокой арифметики. Умолкал, смутно догадываясь, что именно последним сводкам с Юго-Западного, а теперь уж, кажется, Юго-Восточного фронта дивизия (а оказалось, не одна дивизия, а целая вновь сформированная армия, которой суждено будет стать 64-й, напарницей 62-й, о которой теперь говорят и пишут с непременным эпитетом «легендарная») обязана тем, что ее в полсуток поставили на рельсы и помчали к безвестным пока что боевым рубежам.

Но мы были, повторяю, свеженькими, обутыми и одетыми с иголочки, хорошо накормленные, отлично, как нам каза-

лось, обученные военному делу, уверенные в себе до заносчивости, весь путь до Сталинграда пролетели с песнями. Нашего боевого духа не отпугнула даже ночная бомбежка на короткой остановке на станции Грязи. Днем, на таких же коротких остановках, выбегали из вагонов для быстротечного общения с гражданскими людьми, в основном женщинами, стариками и мальчишками, вышедшими сюда, чтобы поглазеть на мчавшиеся через их станции эшелоны и хоть таким образом увериться, что силы наши неисчислимы, что «враг будет разбит и победа будет за нами».

Ночью, кажется, на станции Поворино, нас опять бомбили, но ни один вагон не пострадал, и веселое путешествие эшелонов продолжалось. Буйство бездумной веселости, продиктованной неукротимой верой и в дело свое, и в силы свои, вдруг застопорилось, как бы наткнувшись на что-то неожиданное и пугающее. Это случилось сразу же за Сталинградом, за Бекетовкой, когда навстречу нам выполз странный поезд с изрешеченными вагонами, наполненными тем не менее до отказа по большей части тяжело раненными, кое-как перевязанными грязными бинтами и просто тряпками из порванного на клочки нижнего белья. Белые от соли гимнастерки и брюки были также порваны, из-под них выглядывали голые, в струпьях засохшей крови коленки и локти. Военные люди — рядовые и командиры — облепили со всех сторон и сам паровоз, с одышкой тащивший остатки, а точнее бы сказать, рваные куски разгромленных врагом недалеко отсюда (это было ясно!) частей и соединений, недавно еще таких же вот свеженьких, полнокровных и веривших в несокрушимость свою.

Два эшелона встретились и теперь глядели друг на друга: один с испуганным недоумением (наш) и другой как бы с горькой, мефистофельской ухмылкой, как бы говоря: «Ну, ну, давайте, давайте! Посмотрим, что у вас получится!»

От полустанка Жутово, где нашему 106-му приказано выгрузиться, оставшийся сорокакилометровый путь до берегов Дона совершили походным порядком. На всем этом пути встречались нам группами и по одиночке изнуренные до последней степени военные люди: красноармейцы, сержанты, старшины, лейтенанты, капитаны, майоры и даже полковники — все вместе. То, что это были военные, определить можно было разве лишь по пилоткам, фуражкам со звездами, да по кирзовым и яловым голенищам сапог, да по влачившимся вслед за многими рваным обмоткам.

Удивительным было и то, что большинство из этих как бы раздавленных каким-то невидимым грузом людей не расставалось со своим оружием: у командиров из запыленных кобур виднелись рукоятки наганов и пистолетов; у рядовых и сержантов из-за спин торчали стволы карабинов и винтовок даже с примкнутыми трехгранными и плоскими (СВТ) штыками; некоторые не расстались и с касками, правда, не надевали их на голову, а несли на шее, как боевые лошади несут торбы в походе. У многих сохранились противогазные сумки — без самих противогазов: какой же дурак будет переть этот ненужный груз по знойным степям в сорокаградусную жару?! Ни у кого, однако, не было ни пулеметов, ни противотанковых ружей, ни минометов (даже ротных, пятидесятимиллиметровых), ни артиллерийских орудий (даже «сорокапяток», которые часто перекатывались их расчетами вручную). Позже выяснилось, что такое оружие отбиралось у выдохшихся в неравных схватках с врагом и отходивших, — отбиралось свежими подразделениями, выдвигавшимися к Дону, чтобы задержать неприятеля. Этими свежими оказались две какие-то морские бригады, которым отведен был рубеж обороны на добрую сотню километров по изгибистым берегам Дона.

Ни окопов, ни ходов сообщения никто не приготовил морским пехотинцам. Они успели вырыть для себя колодезеобразные норы по пояс и торчали теперь в них, как большие, невиданной черной окраски сурки, выложив по краям этих нор противотанковые и обыкновенные («лимонки») гранаты, зажав между ног карабины и автоматы, а в потрескавшихся от внутреннего и внешнего зноя губах давно потухшие цигарки.

Как тогда, так и позднее я не мог понять, да не понимаю и теперь, почему никому не пришло в голову переодеть этих сверхотважных людей в защитного цвета одежду? Вопрос этот особенно остро обжигал сердце, когда уже зимою на окраинах Сталинграда над белым до ослепительности полем подымались в атаку моряки в своих черных шинелях и шапках, тоже черных, становясь идеальными мишенями для немецких пулеметов и автоматов; до горчайших слез, до удушья в горле было обидно видеть, как все белое пространство, над которым подымались моряки, в несколько минут усеивалось черными точками убитых и раненых, которых и убрать-то днем никто бы не смог. Приходилось слышать, что, снявши бушлат и надевши обыкновенную зеленую гимнастерку, моряки уже перестанут быть моряками, вместе с формою морскою они утратят и отвагу, и силу, как сказочный Черномор, лишившийся своей бороды... Не знаю, так ли это, но знаю по не единожды видимому мною самим: дорого же платили морские бригады, сделавшись пехотою и отказавшись от всего, что делает пехотинца менее уязвимым на поле боя. Серенькая шинелишка и зеленая, вылинявшая к тому же на солнце гимнастерка куда как менее заметны, скажем, летом на этой вот серо-рыжей, выжженной, опаленной горячим дыханием небесного светила донской и сталинградской равнине.

2

Поротно, побатальонно полк выходил к Дону и спешно занимал оборонительный рубеж по его восточному берегу с задачей не дать врагу переправиться через реку. Полковая минометная рота расположилась в большом саду, за хуторами Верхний и Нижний Яблочные. Сад с трех сторон охватывался глубокой канавой, насыпь которой давно заросла терновником. Лучшего места, казалось, и придумать нельзя для огневых позиций минометных расчетов. В какой-то час расширили лишь канаву в местах, где должны были стоять наши «трубы», то есть 82-миллиметровые минометы. Тут же должен признаться, что был огорчен, попавши в роту, а не в батарею 120-миллиметровок. В последнем случае я бы назывался комиссаром, а теперь — политрук. Как бы там ни говорили, а комиссар есть комиссар: звучит революционнее и солиднее!

Сразу же позади нашей роты разместился со своей батареей 76-миллиметровых пушек младший политрук Иван Ахтырко, мой ровесник, в одном со мною звании, но он — комиссар! Не потому ли не вынимает изо рта обкуренную до черноты и обсмоленную губами трубку? Не в подражание ли комиссару 25-й Чапаевской?.. Поздней осенью 1941 года, когда наше Харьковское артиллерийское училище вывели из боев и отправили в город Чирчик, под самый аж Ташкент, успевшие подружиться на фронте, мы, то есть Иван и я, сговорившись, написали заявления с просьбой вновь направить нас в действующую армию. На первые наши просьбы был получен отказ Политуправления Туркестанского военного округа, и только с третьего захода, с третьей попытки удалось попасть во вновь формирующуюся где-то в далеком и продуваемом всеми лютыми сибирскими ветрами Акмолинске дивизию. Иван получил назначение в артиллерийскую батарею, я — в минометную роту. Он стал комиссаром, а я — политруком. Впрочем, по должности-то я оказался на ступеньку выше своего друга: рота моя была полковой, а это значит, что по табели о рангах она приравнивалась к батальону. При случае я напоминал Ивану об этом, а он снисходительно улыбался.

Не знаю почему, может быть, догадывались, что мне это понравится, все в роте нередко величали меня комиссаром. И щеголеватый ее командир с его безупречной выправкой лейтенант Виляев, и его заместитель, превеселый лейтенант Сережа Гайдук, и командиры взводов Усман Хальфин, Дмитрий Зотов и Миша Лобанов, самый молодой не только среди нас, офицеров, но и среди сержантов и красноармейцев, и сержант Николай Гужавин. Слышать такое от Гайдука, Зотова и Гужавина особенно лестно: все трое уже побывали в боях, а Гужавин еще — и в госпитале после ранения.

В наш полк они попали из маршевой роты. Правда, в голосе и словах озорного Гайдука можно было различить легкую иронию. «А что думает комиссар?» — спрашивал он иногда, обращаясь ко мне, и щурился, большой рот его при этом растягивался в стороны и делался еще больше. Но я не замечал, а вернее бы сказать, не хотел замечать его хохлацкой «усмишки».

Итак, рота заняла огневой рубеж, изготовилась к бою. За Доном, прямо перед нами, было тихо. Погромыхивало же где-то правее и левее нас. В первый же день под вечер ко мне наведались сразу четыре младших политрука, с которыми подружился еще в Акмолинске, при формировании нашего полка. Это — помянутый выше Ваня Ахтырко, политруки стрелковых рот Сергей Алексеев, мой, значит, однофамилец, Василий Зебницкий и политрук пулеметной роты Николай Соколов, высокий смуглолицый красавец хохол. Были среди нас «женатики» — это Василий Зебницкий и Ваня Ахтырко. По пути из Ташкента в Акмолинск Ваня так часто показывал мне фотографии жены и крохотной дочери, так горевал о них, оставшихся под немецкими оккупантами, что мне стало понятным его нетерпение поскорее вновь отправиться на фронт. Зебницкий ничего не рассказывал о своей семье, но время от времени впадал в тихую угрюмость и украдкой вздыхал.

Утром немецкие самолеты безбоязненно пролетали над нами чуть ли не на бреющем: зениток в дивизии, кажется, тогда не было совсем. Пулеметных же очередей и одиноких винтовочных выстрелов «мессершмитты» и «юнкерсы» не боялись. Порою мы видели нахально улыбающуюся рожу гитлеровского аса. В этих случаях Сережа Гайдук, пустив вслед врагу хорошенькую матерщину, показывал еще и туго скрученный кулак, шепча сквозь зубы: «Погодь, гад, сымем мы тебя когда-нибудь с небес!»

Конец второго дня и вся следующая ночь прошли у нас спокойно. Лишь там, за Доном, одна за другой взмывали в черное, беззвездное небо немецкие ракеты да тянулись с западного на восточный берег длинные, кривые строчки трассирующих пуль. Несколько настораживало то, что немецкие ракеты взлетали справа и слева вроде бы уже на нашей стороне. Но это могло показаться: река тут прихотливо, затейливо петляет, так что правый берег мог оказаться левее левого и наоборот. А утром, когда жаркое степное солнце поднялось достаточно высоко, неожиданно был получен приказ: отходить! Лейтенант Виляев, то есть наш ротный, пожимал в удивлении плечами, глядел на меня, на своего заместителя Гайдука, и в расширившихся в страхе глазах его был немой вопрос: «Что это?.. Не ошибка ли?.. Отходить средь бела дня?.. По этой ровной пустыне, по степи?..» Прибежал на огневые минометчиков и Ваня Ахтырко. Запыхав-

* * *

Поколенье мое,
Неужели
Ты уже по колени в земле?..
Где он, свет сквозь небесные щели,
Восходящее «завтра» во мгле?

Поднимайся последнею волей
Через боль, через тяжесть и тьму,
Над недолею, ставшею долей,
Что прилипла к житью твоему.

Не надейся на Божье веленье,
Ты в себе и свобода, и плен.
Поколенье мое, поколенье,
Поскорей поднимайся с колен.

* * *

Не то чтоб жили слишком праздно,
Но глупо, словно вне земли,
И потому-то несуразно
Года минувшие прошли.

Да, этот пашет, этот пишет,
Но жалок будет каждый труд,
Коль нас и предки не услышат,
Коль нас потомки не поймут.

* * *

За плечи закинув пустые котомки,
С надеждой скупой,
Куда вы, куда вы пойдете, потомки,
Какою тропой?

Отпущены вроде былые постромки
Для мыслей и слов...
Куда вы зайдете, слепые потомки
Незрячих отцов?..

г. Рыбинск

Художник С. Трофимов

Михаил АЛЕКСЕЕВ

МОЙ СТАЛИНГРАД

РОМАН

ОТ РЕДАКЦИИ:
Писатель Михаил Алексеев завершает работу над романом «Мой Сталинград», первую часть которого мы предлагаем вашему вниманию.

ОТ АВТОРА

«Мой Сталинград» — это действительно мой, а не чей-то там Сталинград. В сталинградском побоище участвовали миллионы солдат. И в судьбе каждого, взятого отдельно, Сталинград 42-го и 43-го отразился по-своему. Он, этот отдельно взятый, мог быть участником великой битвы всего лишь один час или даже одну минуту, но этот час и эта минута стоили целой жизни, потому что из Сталинградского сражения выйти живым — это почти

шийся, взмокший, раскрасневшийся, он с ходу выкрикнул:

— Приказ на отход получили?..

— Получили, комиссар, получили! — ответил за всех Гайдук, правая рука его при этом невольно пощупала затылок. — И новый рубеж нам указан: хутор Чиков на Аксае.

— Ну, и мы туда же. Значит, вместе... — И он побежал на батарею.

3

Минометчики быстро свернулись. Лотки и ящики с минами были уложены на повозки, а сами минометы с их лафетами, опорными плитами, трубами быстро оказались на спинах бойцов. Только в одном взводе у лейтенанта Усмана Хальфина были передки для минометов — последнее изобретение каких-то умных наших оружейников. Тут достаточно одного человека, ну, может, двух, чтобы, ухватившись за ручки, легко катить вслед за собой это наипростейшее, но в высшей степени неприятное для вражеской пехоты оружие. Хальфин, этот невозмутимый казанский татарин, со своим взводом находился в некоем отдалении, правее остальных взводов, и командир роты послал туда связного с распоряжением, чтобы и Хальфин поскорее снимался и выходил в степь, на главную дорогу, на которой, видно было, вытягивались остальные подразделения полка.

Сразу же за хутором Верхний Яблочный дорога подымалась на высокую пологую гору, за которой начиналась бесконечная ровная степь, рыжая и от пожухлых прежде времени трав в засушливое, знойное лето, и от медленно оседающей бурой пыли, поднятой тысячами ног и колес. Кто-то крикнул в колонне: «Рама!» — задравши голову и указывая на двухвостого змия, выплывшего откуда-то из-за Дона и распростершего свои крылья над отходившими нашими полками, не сделавшими, по сути, ни единого выстрела по противнику.

«Рама» бросила на колонну свои «штатные», обязательные четыре бомбы, не причинившие, однако, нам никакого вреда, и медленно удалилась.

— Теперь жди «музыкантов»! — вновь прокричал тот же боец, видать, успевший уже понюхать пороху и хорошо знавший, что к чему на фронтовых путях-дорогах, в том числе повадки распроклятой «рамы».

Ждать пришлось недолго. Около ста пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87», прозванных нами «музыкантами» за то, что, устремляясь в пике, они включали устрашающие, издающие душераздирающие звуки сирены, — около ста, значит, немецких бомбовозов под прикрытием десятка «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» появились над

колоннами, когда дивизия целиком покинула занимаемые ею рубежи по берегу реки и оказалась на равнине, растянувшись на ней более чем на полтора десятка километров. И вот тут началось!..

В жарком безоблачном небе «юнкерсы» в одну минуту построили великанских размеров колесо, похожее на те, какие бывают в городских парках, только во много раз увеличенные в размере. И колесо это начало свое огненное вращение. Бомбы, сотни бомб сыпались под крутым углом на повозки, на орудия, на автомашины. После первых же взрывов и пулеметных очередей множество лошадей с развороченными животами уже билось в упряжках; уцелевшие кони, обезумев, уносились в степь с передками пушек, с повозками. Командиры и красноармейцы разбегались в стороны, некоторые искали убежища в кюветах, большинство же убегало в высокий сухой бурьян.

Отбомбившись и отстрелявшись, немецкие самолеты спокойно улетели. Бойцы вновь выходили на дорогу, погружали раненых на уцелевшие телеги и машины, убитых присыпали горячей землей там, где их настигли пули или осколки бомб, и продолжали движение. Душу при этом терзала горчайшая мысль: свежая, полнокровная наша дивизия, еще не вступив в бой, понесла огромные потери.

Через час немцы повторили налет.

В момент бомбометания, когда «юнкерсы», сбавив скорость, как бы зависли в воздухе, орудия батареи лейтенанта Савченко сделали залп. Снаряды попали в цель: два «юнкерса», таща за собой черный шлейф, один за другим грохнулись неподалеку. Восторженные крики бойцов огласили дымящуюся степь.

4

К месту сосредоточения, к хутору Генераловскому, вышли к полудню, и там «считать мы стали раны, товарищей считать». Мучились мы и от горькой мысли: зачем же нас, изготовившихся к бою, с восточного берега Дона в спешке, средь бела дня отвели на западный?.. Не знали мы, командиры среднего и младшего звена, а также и рядовые красноармейцы о том, что немцы уже заняли Котельниково, обходя нас, продвигались вдоль железной дороги к Сталинграду, севернее они тоже форсировали Дон и теперь угрожали отрезать все наши соединения, оборонявшиеся в излучине реки.

Выкупались в чистой степной речке Аксай, взбодрились немного, рассчитывая хотя бы на короткий отдых после тяжелого перехода. Но тут из штаба полка прибежал запыхавшийся связной, комиссар майор Горшков срочно созывал всех политработников части.

Горшкову было не более тридцати, но под бременем ответственности за судьбу двух с половиной тысяч воинов он выглядел старше своих лет. Когда все собрались в большом колхозном саду на окраине Генераловского, он медленно окинул нас нахмуренным взглядом, расстегнул планшетку и вынул бумагу.

То был знаменитый приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина за номером 227. Может быть, единственный за всю войну документ, автор которого плюнул на все цензурные соображения и выплеснул в его жестокие строки правду о трагически складывавшейся, да уже и сложившейся обстановке на фронте. Грозная, смертельно опасная обстановка на юге продиктовала необходимость сказать о ней, что называется, открытым текстом.

В том же саду, в овражках, в балках — всюду, где можно было укрыться, мы, политруки рот и комиссары батарей, вернувшись от Горшкова, тотчас же зачитали этот приказ.

Гортань сковывала обжигающая сухость. Глаза заливал пот. Собственный голос мне казался чужим:

«...враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину...»

Я читал и видел, что слова приказа словно придавили бойцов. Сперва они переглядывались, как бы не верили своим ушам, спрашивали глазами друг друга: «Что же это?... Как же это?..» А потом застыли как окаменелые, да я и сам уж не мог оторвать своих глаз от бумаги, чтобы посмотреть в их лица, будто провинился перед ними. А слова тяжело падали и падали на них, норовя попасть непременно в сердце:

«...надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем

возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог».

Чем дальше, тем страшнее.

Легко ли было слышать про то, что советские люди, для которых армия всегда была любимицей, теперь возненавидели ее за бесконечные отступления, что земля наша, хоть и велика, но не безгранична, что...

«Стоять насмерть! Ни шагу назад!» — вот что колотилось в мозгу и сердце каждого, вот что обжигало, сушило глотку, заслоняло дыхание. И это уже были не слова, а осознанная, каждою клеткой нервов впитанная необходимость совершить нечто большее, чем в твоих силах, чтобы отвратить смертельную опасность, нависшую над страной, над ее и нашей судьбой.

Под вечер, перед тем как выйти к новому рубежу обороны, в район хутора Чиков на том же Аксае, всем без исключения (в том числе и нам, минометчикам, командирам и рядовым) выдали по две противотанковые гранаты.

Переход к Чикову был совершен ночью, без потерь (опять подумалось: почему бы не сделать того же самого при первом переходе?).

Ох, сколько же раз в последующем будет задан самому себе и другим вопрос: «Почему?» Чаще, однако ж, он будет задан самому себе и отнюдь не вслух.

5

Наутро — бой. Для минометчиков он был первым. И, к счастью, очень удачным. Оборудовав за ночь огневые позиции на западном крутом берегу реки, мы смогли открыть огонь сразу же, как только впереди, в полутора километрах, показались неприятельские цепи. Было странно, непонятно и до слез обидно, что они высыпали там, где мы были еще вчера, где мы были там всегда, были вечно, и это была наша степь, родная земля, на тысячу лет своя! Кто же им позволил врубиться так глубоко и нагло хозяйничать там, где хозяевами были опять-таки только мы и никто другой? Они шли в полный рост, почти вразвалку. И не сразу даже залегли, когда среди них начали рваться наши мины. Падали лишь те, коих сразили осколки. Видя такое, повеселевшие заряжающие выкрикивали: «Выстрел! Выстрел!»

Гулко ахали орудия Николая Савченко и Ивана Ахтырко. Шепелявя, снаряды проносились над головами минометчиков

и рвались там же, где и наши мины. Солдат противника (то были румыны) уже не было видно: укрылись за обратным скатом пологой горы, оставив на поле десятка три убитых и раненых.

В полдень комиссар полка Горшков вновь вызывал политработников, но уже для того, чтобы передать бойцам и командирам благодарность за успешный переход на новый боевой рубеж и первый бой на этом рубеже: враг действительно тут нигде не мог продвинуться хотя бы на сотню метров. Моя радость была усилена еще и тем, что на рассвете объявился со своим взводом лейтенант Усман Хальфин. Оказалось, что там, на Дону, его задержал сам командир полка майор Чхиквадзе, чтобы минометчики вместе с пехотинцами прикрывали отход остальных подразделений. По возвращении Хальфин успел даже оборудовать свои огневые позиции и принять участие в первом нашем бою на Аксае.

В самом великолепном расположении духа мы, то есть я и младший политрук, он же комиссар артиллерийской батареи Иван Ахтырко, шли по дороге в сторону хутора Чикова из штаба полка, располагавшегося в глубокой балке в двух-трех километрах восточнее этого хутора. Где-то высоко в небе, не видимый нами, гудел немецкий истребитель. Я предложил своему другу: «Может, укроемся в кювете?» Не вынимая своей трубки изо рта, Иван процедил: «Это еще зачем? Что он, дурак, чтобы пикировать на нас двоих?..» Мне хоть и было стыдно перед отважным товарищем, но на всякий случай решил свалиться в кювет. «Береженого, Ваня, и Бог бережет!» — крикнул уже из укрытия. Он что-то послал по моему адресу насмешливое, но я не расслышал его слов, ибо они были погашены пулеметной очередью сверху и нарастающим воем пикирующего истребителя. По-видимому, Ивану показалось, что самолет удалился (его и вправду уже не было видно), но он лишь сделал заход со стороны солнца. В последний миг я успел заметить косую сверкающую строчку пуль, летящую книзу.

Иван лежал на дороге, рассеченный наискосок этой свинцовой строчкой. Комиссарская трубка все еще была зажата плотно стиснутыми, побелевшими сухими губами. Гимнастерка быстро намокала кровью там, где прошлись пули. До артиллерийской батареи я нес Ивана на руках. В своей роте появился весь окровавленный, страшно испугав минометчиков. А тремя днями позже сам чуть было не отправился вслед за Иваном Ахтырко...

Лейтенанту Виляеву вздумалось отвести минометную роту с западного на восточный берег Аксая. Река, мол, хоть и узковата, но все-таки она представляла собой какую-никакую, но водную преграду, которую преодолеть труднее, начни противник тут свое новое наступление. Не учел наш ротный стратег одного: восточный берег был отлогим, а западный

крутым, откуда, приблизившись вплотную, противник мог обстреливать нас как хотел и из чего хотел.

Так оно в общем и случилось. На следующее утро на нас посыпались кирпичного цвета мины, выпускаемые из 49-миллиметровых минометов, подтянутых немцами, как и следовало ожидать, на расстояние не более ста метров от наших огневых позиций. Но это еще полбеды: навстречу немецким полетели наши мины, калибром покрупнее — у нас ведь были 82-миллиметровки. Так что вражеским пришлось скоренько угомониться. Но мы не знали, что по береговой линии успели расположиться немецкие снайперы. В одну из ночей самый отчаянный из них выполз на кромку берега и затаился там. Он, конечно, видел перемещения моих минометчиков, продолжавших работы на огневых в открытую, даже не пригибаясь, — видел, но не стрелял. Чуть позже выяснилось, что он поджидал другой цели. Первой его жертвой мог оказаться как раз я, возвращавшийся среди бела дня из штаба полка в свою роту. Одна пуля просвистела где-то у самого виска, другая — срезала камышинку над моей головой, когда я успел упасть. Лежал минуты две не шелохнувшись. До укрытия оставалось шагов пятнадцать. И, как только поднялся, чтобы сделать эти шаги, раздался третий выстрел, пуля задела лишь мочку левого уха. Я вновь упал, раза два-три перевернулся, раскинул руки и ноги, симулируя убитого. Лежал так уже не две минуты, а не менее десяти. Теперь-то немец совершенно был уверен в том, что со мною покончено, и, может быть, даже отвлекся на что-то другое. Этого было достаточно, чтобы я двумя зигзагообразными скачками добежал до свежевырытого окопа и плюхнулся в него. Отдышавшись, заорал что было мочи:

— Всем укрыться! Не высовываться! На том берегу снайперы!

6

Наша рота шла вместе со штабом полка. До рассвета полк должен был занять исходные позиции, те самые, откуда батальоны двинутся на станцию Абганерово, чтобы выбить оттуда немцев.

20 августа в 5 часов утра наши начали артподготовку. Степь перед Абганеровом содрогнулась от грохота. До этого я слышал о «катюшах», но никогда не видел их в действии и вообще не знал, как они выглядят: еще долго на войне это грозное оружие было окружено ореолом таинственности. И в ту ночь, по дороге к Абганерову, нас обгоняла колонна больших грузовиков, у которых вместо кузовов было что-то неясное, плотно прикрытое толстым и несокрушимо плотным брезентом, заглянуть под который было невозможно, хотя и

очень хотелось. Мы, разумеется, догадывались, что там скрывается. Позже, когда я наконец увидел, что же это такое, то даже был малость разочарован: самые что ни на есть обыкновенные рельсы, соединенные между собою и поставленные под углом сразу же за кабиной грузовика марки ЗИС-5.

И вот теперь я увидел «катюш» в деле. Было такое впечатление, будто несколько степных китов выплыли из мрака, выстроившись в ряд, взметнули в небо огненные фонтаны. Когда эти чудища перестали шипеть и скрежетать, степь огласилась восторженными криками наших минометчиков:

— «Катька»! «Катюша»! Давай, милая! Дави, жги гадов!..

Потом не менее страшное зрелище поразило нас: на добрый километр в ширину, над всем совхозом Юркина, что под Абганеровом, заплясали огненные смерчи.

Это рвались термитные снаряды «катюш». Вероятно, точнее было бы назвать их минами. В тот же день мы узнали, что у этих самых легендарных «катюш» есть свое имя, родственное и льстившее нам: гвардейские минометы. Наивные, мы думали, что там, где рвались выпущенные ими громовержские снаряды и где все пространство окипулось огнем, а затем почернело, обуглилось, не останется ни одной живой души. То, что мы, минометчики, укрывшиеся в балке и находившиеся пока что в резерве у командира полка, так подумали, — это еще ничего. Хуже, что так же, видать, думали и пехотинцы. Они сближались с противником не короткими, как полагалось, перебежками, а в полный рост, стараясь как можно быстрее достигнуть вражеского рубежа. И, верно, в горьком удивлении падали, сраженные кинжальным, яростным огнем немцев. Повсюду был слышен сплошной лай автоматического оружия. Над нашими позициями тотчас же повисла «рама» — уже знакомый нам двухфюзеляжный «Фокке-Вульф-189». «Рама» сделала несколько кругов, сбросив четыре бомбы, улетела. Через несколько минут (где ж был их аэродром? Неужто совсем рядом?) около двадцати немецких пикировщиков появились над нашими передовыми батальонами. Они пикировали почти до самой земли, бросали сразу по десятку бомб и взмывали вверх, чтобы вновь и вновь, включив сирену, пикировать на советских бойцов.

За поселком совхоза Юркина что-то два раза противно скрипнуло, прогрохотало, утробно проскрежетало, точно два огромных листа ржавого железа потерлись друг о друга, и в боевых порядках залегшей наконец нашей пехоты стали рваться мины страшной разрушительной силы. Это заговорил еще неведомый нам немецкий шестиствольный миномет, или «дурила», как назвали его позже красноармейцы: судя по всему, немцы изобрели его в противовес нашей «катюше».

Майор Чхиквадзе стоял на возвышении, по грудь в наспех вырытом окопе, и только на короткое время отрывался от

бинокля, чтобы сделать новое распоряжение. Рядом с ним были телефоны.

— Рыков? — спрашивал майор командира первого батальона. — Докладывай обстановку... Что?.. Залегли?.. Что, что? Фриц огнем поливает? А ты что, думал, он тебя одеколоном будет поливать?.. Подымай бойцов!.. В контратаку?.. Отбили?.. Так! Даю тебе еще минометчиков...

Непрекращающийся ливень огня, бесконечная бомбежка с воздуха понудили наши роты залечь прямо на открытой местности, где не было ни кустика, ни бугорка. И в это время поднялись о н и. О, как же их много! И как могли о н и, похоже, чуть ли не все до единого, уцелеть под адовым «катюшиным» огнем?.. И почему не последовало новых залпов, когда немцы поднялись в полный рост и, в свою очередь, оказались прекрасной мишенью?.. Высунулся из укрытия и посмотрел на то место, где только что стояли гвардейские минометы, но «катюш» там уже не было, их, что называется, и след простыл. И убрались они вовремя: перелетая через нас, немецкие снаряды падали и рвались как раз там, откуда посылали свои огнехвостые, длинноющие мино-снаряды «катюши». Я не знал в ту пору, что это была их обычная манера поведения или, сказать по военному, тактика — дать залп и моментально смываться, чтобы через каких-нибудь пятьдесят минут самим не оказаться под губительным вражеским огнем, — с осени сорок первого немцы вели настоящую охоту за «сталинскими органами», как окрестили они наше сравнительно недавно введенное в бой реактивное оружие. Было обидно, что «катюши» исчезли, как бы растворившись в степи, в то время, когда они были бы очень нужны. Теперь нашим пехотинцам и пулеметчикам пришлось вести огонь одним. Огонь этот оказался неожиданно очень плотным. Наткнувшись на него, немцы теперь сами залегли.

Наша полковая минометная рота получила приказ выйти на поддержку первому батальону (недолго же она находилась в резерве!). Предстояло преодолеть полосу массированного минометно-артиллерийского огня, которую создал противник, стремясь не допустить к нашим пехотным подразделениям подкрепления и повозки с боеприпасами.

Решили двигаться порасчетно, из балки в балку, открытые места преодолевать бегом с минометами.

Первый расчет начал движение. Как только прогрохотали разрывы, бойцы побежали вперед, не дожидаясь, когда рассеется дым. Этот маневр удался.

Через двадцать минут расчеты благополучно достигли намеченных позиций, где минометчикам суждено было в течение десяти дней и ночей вести самый, может быть, жестокий бой.

Вскоре рота уже вела огонь. Но как она его вела?

Огневые позиции минометчиков (исключая разве что 50-мил-

лиметровые, ротные, минометы), как правило, располагались в малых, больших ли укрытиях, здесь же, между Доном и Волгой, в оврагах и овражках, то есть в балках, как их тут называют, которых в донской степи великое множество. Вот в одной из таких балок и расположились расчеты нашей минометной роты. Но противника-то отсюда не увидишь, а по нему надобно вести прицельный огонь. Кто же и как же им должен управлять, этим огнем? Разумеется, командир роты. Для этого его наблюдательный и командный пункт, НП, находится наверху, за балкой, метрах в пятидесяти или того больше от огневых позиций минометчиков, чаще всего в боевых порядках пехотинцев и пулеметчиков. Даже в полной тишине на таком расстоянии голоса командира, указывающего прицел, расчетам не услышать. А отделения связи, хотя бы из двух бойцов-телефонистов и соответственно двух аппаратов, штатным расписанием минометной роты не предусмотрено. Нелепость такого положения вещей стала для нас очевидной еще на Аксае, у хутора Чикова, когда пришлось вести огонь по румынам. Уже тогда от наблюдательного пункта до огневых мы выстраивали цепочку бойцов, которые, получив команду от ротного, передавали ее на огневые расчетам. В горячке боя, в грохоте разрывов команда эта перевиралась, доходила до минометчиков нередко искаженной, и мины летели не туда, куда бы им следовало лететь. Командир видел это, хватался за голову и проклинал Генеральный штаб, в дремучих недрах коего, в каком-то там отделе, некие «светлые» головы денно и нощно корпели над штатным расписанием различных родов войск.

7

Все три стрелковых полка нашей дивизии уже были введены в бой, волна за волною пехотинцы подымались в атаку и падали под огнем, который на военном языке называется кинжальным. Тут бы и дóлжно прибавить: наши бойцы то и дело переходили в штыковую. Но таковой не было, поскольку в ней не было и никакой необходимости: огонь с той и с этой стороны был так плотен, что сквозь него совершенно нельзя сблизиться для рукопашной. К тому же пулеметы, винтовки, карабины, автоматы и гранаты исполняли свое кровавое дело вернее любого штыка, плоского ли, как у немцев, трехгранного ли, как у нас. Пробравшись по-пластунски к наблюдательному пункту, на небольшой бугорок, откуда управлял огнем своих минометов Усман Хальфин, я взял у него бинокль и оглядел пространство, над которым шла непрерывная пальба, и ужаснулся: черное, выжженное «катюшами» и немецкими шестиствольными поле было сплошь усеяно телами. И не разобрать — чьих было больше, наших или немецких. Часом раньше видел, как по балке, где находились огневые позиции минометной роты, бесконечной, непрерывной вереницей тянулись раненые. Некоторые из них наспех перевязаны, видимо, самими страдальцами, воспользовавшимися наконец индивидуальными пакетами. Грязь и кровь, перемешавшись, сделали эти повязки темно-бурыми, такими же были и лица пехотинцев, только что вырвавшихся из ада кромешного и еще не вполне поверивших в свое спасение. Большую же часть, бежавшую и ковыляющую теперь по балке, не успели даже перевязать, кровь еще не запеклась, а струилась по сумрачным, озлобленно-ожесточенным, чаще же отрешенным ото всего лицам.

В тот час в голове невольно мелькнуло: «А где ж убитые? Неужто оставлены там, на опаленном, черном поле?» А теперь собственными глазами увидел: там и есть. Вернувшись от Хальфина (он стал моим заместителем, а мне же пришлось взять на себя обязанности раненого командира роты, оставаясь по-прежнему ее политруком), я заглянул в блиндаж, оборудованный по соседству с моим. В нем находились еще два политрука, два моих друга: Николай Соколов и Василий Зебницкий. Они только что приползли в свое убежище, воспользовавшись коротким затишьем на поле боя. И обоих трудно было узнать: добротной выправки, веселого, уверенного в себе Соколова как не бывало; Зебницкий же выглядел совершенно убитым: от его роты, перед боем насчитывавшей 150 человек, теперь осталось едва ли десятка полтора; каких-нибудь полчаса назад он, поднявшись во весь рост и неуклюже размахивая револьвером, кричал что-то, пытался поднять в очередную атаку этот жалкий остаток, но его либо никто не слышал в грохоте разрывов мин и снарядов, в трескотне пулеметной, либо делал вид, что не слышит; так или иначе, никто не поднялся и не закричал вслед за ним «ура». И Зебницкому ничего не оставалось, как тоже упасть и прижаться дрожащим в горячем ознобе телом к земле.

Забившись в самый темный угол сотрясающейся от близких бомбовых разрывов землянки, Василий скорчился там и смотрел оттуда на меня чужими, озлобленно-ожесточенными глазами, точно такими же, какими глядели на нас, находящихся под защитою довольно глубокой балки, раненые пехотинцы. На мой вопрос, что с ним, почему молчит, Зебницкий как-то криво, нехорошо улыбнулся и почти одним рывком выскочил из блиндажа.

— Куда это он? — вырвалось у меня.

Соколов с тяжким придыханием ответил:

— Известно — куда. Подымать в атаку. Такова уж доля политрука стрелковой роты. Мне, пулеметчику, и то немножечко лучше. Я не подымался первым и не кричал: «Вперед! За мной!..» А он, Василий, за один лишь неполный день пять раз подымался, наорался до хрипоты. Потому, видно,

и сидел молча, как сыч. Так что ты на него не обижайся. Закурить не осталось ли?..

— Да я же не курю.

— А-а-а. А я забыл. Извини.

— Как твоя пулеметная?

— Осталось три отделения...

— Что, что?! Три, значит, пулемета? — Во рту у меня тотчас же запеклось.

— Три «максима». Правда, еще два ручных, «дегтярят».

— И все?

— Все, Михаил, все... Ну, брат, мне пора. Пойду. А ты скажи своим, чтобы поточнее кидали свои игрушки. Давеча одна мина разорвалась в двух метрах от нашего станкача.

— Может, немецкая?

— Нет, нет, дорогой. Твоя!

— Не может быть! — вырвалось у меня, но я почувствовал, что весь окинулся жаром, понял, что Соколов говорил правду, а я отпираюсь зря: вот чем оборачивается живая цепочка, по которой Усман Хальфин передавал команды нашим минометным расчетам.

Вернувшись к себе и убедившись, что от только что отбомбившейся новой волны немецких «юнкерсов» и «фоккеров» никто не пострадал, я вновь стал смотреть на дно балки, по которой продолжалось скорбное, похожее на похоронное, движение. Теперь оно было двусторонним. Навстречу изувеченным людям шли здоровые, в новых зеленых касках, с новыми противогазами, с винтовками и карабинами за плечами, но почти с такими же нахмуренными, пасмурными лицами, сумрачно-молчаливые, те, что через какой-нибудь час или даже менее того присоединятся (и только самые счастливые из них) к окропленной свежей кровью колонне. Впереди быстро-быстро двигавшейся стрелковой роты я увидел еще одного дружка, младшего политрука Сергея Алексеева, своего однофамильца. Он увидел меня и на ходу прокричал:

— Вот... веду, Михаил, очередную порцию пушечного мяса! — и захохотал как сумасшедший: — Ха-ха-ха! Прощай, друг!

Сердце мое сжалось. Под ложечкой захолодело. «Что он говорит?!. Да как же он может такое... вслух... перед своими бойцами?.. Это... это же преступление!.. За это... за это...»

Я не довел своей мысли до конца... что там полагалось «за это». И злость, и ужас, и жалость к юному политруку и к тем, кто шел сейчас за ним, и невозможность как-то переубедить, отпугнуть от него страшное предчувствие — все это смешалось, свернулось в один ком и заслонило дыхание.

Ну а что же с первым батальоном капитана Рыкова, на поддержку и прикрытие которого была в спешном порядке отправлена наша полковая минометная рота? Ему так и не

удалось достичь даже окраины совхозного поселка Юркина. Метрах в трехстах от этого поселка и в двух километрах от станции Абганерово создалось кровавое противостояние. Попеременно подымались в атаку то наши, то немецкие роты, но ни тем, ни другим не удавалось продвинуться хотя бы на полсотню метров: плотная, не видимая глазу стена огня сперва останавливала, затем принуждала падать на землю.

8

Каждый день начинался и проходил, казалось, по одному строго выдерживавшемуся расписанию, вроде бы согласованному между воюющими сторонами.

Начинали немцы. Вместе с восходом солнца, ровно в 5.00, появлялась хорошо знакомая нам «рама». Она выплывала медленно, важно, даже как-то вальяжно. Подсвеченная снизу первыми солнечными лучами, особенно яркими в степи, эта летучая баба-яга выглядела совсем добродушной, безобидной. Ее непринужденное, свободное плавание в солнечной купели как бы говорило нам: чего же, зачем же бояться меня, видите, какая я добрая, я и прилетела-то лишь для того, чтобы поздравить вас с добрым утром; покружусь вот немного над вами, ну, сброшу две парочки бомб, разве что для утренней побудки, да и улечу с Богом. Оно и вправду: сама-то по себе «рама» была не страшна для нас, ее обязательные четыре стокилограммовые бомбы, сброшенные где попало, не приносили урона ни нашей «живой силе», ни боевой технике. Но ведь она, ведьма, была разведчицей, корректировщицей огня дальнобойных немецких орудий. Она сообщала сведения для эскадрилий пикирующих бомбардировщиков и истребителей, в особенности до тошноты опостылевших нам «Юнкерсов-87», не убирающиеся шасси которых напоминали когтистые лапы гигантских пернатых хищников. Немецкие пилоты позволили себе гнать свои ревущие и отвратительно воющие аппараты чуть ли не до самой земли; мы, случалось, даже видели их нахальные рожи, их рты, осклабившиеся в торжествующе-издевательской ухмылке; до чего же муторно и горько было от сознания своей беспомощности и беззащитности, от очевидности того, что наши винтовочные выстрелы не только не приносили врагу вреда, но делали его еще наглее и нахальнее. Мы знали, что по названному выше «расписанию» пикировщики сделают над нами пять заходов, по-немецки точно рассчитав количество боеприпасов, и улетят все-таки не прежде, чем совершат на нас еще одну атаку, названную нами самими «психической», то есть пока не сбросят свои продырявленные железные бочки и по-змеиному изогнутые рельсы, наводящие смертельный ужас на тех, кто услышал их визг и вой впервые. Но, видно, не зря говорится: человек ко всему привы-

кает. Сравнительно быстро привыкли и мы к такого рода шумовому сопровождению немецких бомбардировок. Боялись, конечно. Но не этих свистящих бочек и рельсов, а бомб, тех в первую очередь, которые нацеливались на огневые позиции, — их почти невозможно было замаскировать на склоне балки, где не было ни единого кустика; не было у нас и маскировочных сеток — полынь и бурьян в несколько часов высыхали и, ставши из белесых и бурых огненно-рыжими, не маскировали, а скорее выдавали наше месторасположение. Можно было самим-то нам попрятаться в маленьких окопах и блиндажах, вырытых немного в сторонке от огневых позиций, но мы не могли этого сделать, потому как знали, что одновременно с воздушной атакой начнется наземная. И, чтобы отбить немцев, артиллеристы и минометчики должны вести интенсивный огонь, в котором наша пехота испытывала в таких случаях крайнюю нужду. Может быть, это к лучшему для минометчиков: занятые у своих «труб», оглушаемые близкими взрывами бомб и истошными криками заряжающих «выстрел! выстрел!», они как бы забывали о грозящей им опасности. А погибнуть минометчики могли не только от бомб, но и от собственной оплошности: увлеченный горячкой боя, заряжающий мог не услышать собственного голоса, отмечающего момент опускания мины в ствол, и сунуть туда другую, не дав вылететь первой. Встретившись в трубе и разорвавшись там, они разнесут ее на мелкие куски, поранив или убив наводчика и заряжающего, — это произошло уже в одной из соседних с нашей батальонных минометных рот.

Когда волны атакующих и контратакующих откатывались, как бы возвращаясь в свои берега, для нас, минометчиков, наступала желанная передышка. Раскаленные почти докрасна минометные трубы немного остывали; расчеты подправляли обвалившиеся стенки окопов и блиндажей, глотали из фляжек теплую воду. Старшина нашей роты, участник первой мировой войны, Кузьмич, знал верный способ, позволявший без воды утолять жажду и солнцепек. Всем нам, рядовым и командирам, этот неунывающий хлопотун выдавал по ломтю черного хлеба, густо посоленного крупной солью, и приказывал есть. После чего пить долго не хотелось. Худенький, ловкий, он пробирался к нам по извилистым балкам. Сгибаясь до самой земли, таща на себе тяжеленнейший термос с кашей или со щами, Кузьмич протискивался в просторный блиндаж, сбрасывал свою ношу и тут же падал на землю, чтобы немного отдышаться. Потом видя, как повеселевшие минометчики уплетают еду, Кузьмич щурился в самом добром расположении духа и покуривал. Но даже махорочный дымок не мог пригасить другой запашок, как бы постоянно живший в этом человеке. Как-то я спросил: «Кузьмич, а совершенно трезвым, не выпивши, ты когда-нибудь бываешь?» Кузьмич самую малость подумал и ответил: «Как вам сказать, товарищ политрук?.. От первой германской до второй германской разика два тверезый был. Теперь-то уж не помню, когда это было...» Блиндаж дрогнул от нашего хохота, а Кузьмич даже не улыбнулся, лишь глаза его чуток посветлели и увлажнились.

9

23 августа для нас, вцепившихся в раскаленную, окаменевшую землю Абганерова, было, пожалуй, самым тихим. Поутру не наведалась к нам «рама», «фоккеры» и «юнкерсы», к которым, как это ни странно, мы тоже привыкли, не появлялись, не бомбили и не поливали нас огнем из своих крупнокалиберных пулеметов. На передовой сохранялось противостояние на прежней линии: ни та, ни другая стороны не поднимались ни в атаку, ни в контратаку: можно было подумать, что они заключили на этот день перемирие; изредка лишь артиллеристы лениво перебрасывались снарядами, и то как бы для того лишь, чтобы предупредить противника: смотри, мол, мы находимся на месте, не вздумай подняться...

К полудню в небе появились немецкие бомбардировщики. Шли они, как на параде, когда хотят продемонстрировать свою мощь: за «Юнкерсами-87» плыли «Юнкерсы-88», и последними медленно наползали самые тяжелые — «Хейнкели-III». Мы, конечно, догадывались, куда они летели. Удерживая свои рубежи еще на дальних подступах к Сталинграду, не позволяя себе отойти от них хотя бы на сотню метров, мы не знали, что левое крыло немецкой 6-й армии уже вышло к Волге у северных окраин города, что Сталинград уже корчится в адском огне от сброшенных на него десятков тысяч фугасных и зажигательных бомб.

Воспользовавшись нежданным затишьем, я в небольшом окопчике, вырытом на гребне балки, пристроив тетрадочный листок на планшете, писал письмо своей землячке; оно было, как все мои письма с фронта, конечно же, бодрое, конечно же, победительно-воинственное. И не потому только, что даже в самый тяжкий час несокрушимо верил в конечную нашу победу, но еще и потому, что во всех нас, воюющих, к тому времени успел поселиться собственный, как бы мы теперь сказали, внутренний цензор, который был чрезвычайно бдительным: он очень хорошо знал, что можно писать с передовых рубежей войны, а чего нельзя; не приведи Бог, чтобы военная цензура выудила из твоего письма хотя бы самую ничтожную пораженческую нотку! А мне все-таки очень хотелось, чтобы подружка моя поняла, как же нам тут нелегко. Размышляя об этом, я вдруг увидел кудрявенький белобрысый подынок, тихонько колеблемый легким ветерком, который беспечно прогуливался по степи, не боясь ни

пуль, ни снарядов. Крохотный, едва заметный в серо-буром разнотравье, стебелек этот тем не менее весьма ощутимо давал о себе знать, источая и распространяя вокруг себя острый запах полыни. Вот его-то я и сорвал, озаренный внезапно пришедшей в мою голову находкой: вложу-ка горькую ветку в письмо, и умница землячка все поймет как надо.

Наша 29-я стрелковая дивизия, которую немцы успели уже окрестить «дикой сибирской», стояла действительно насмерть, как и предписывалось грозным приказом, прочитанным нами под хутором Генераловским. А противостояла ей тоже 29-я, но только уже немецкая мотострелковая. Цифру 29 мне придется поставить тут и в третий раз, потому что она совпала с десятым и последним днем нашего «пребывания» в кровавой купели под совхозом Юркина у Абганерова. Впрочем, я-то не знал, что он последний, этот день, когда, дождавшись сумерек, отправился проведать, по обыкновению, своих товарищей — Николая Соколова и Василия Зебницкого. Но первый из них уже сам бежал мне навстречу. Едва не сбив меня с ног, Николай закричал:

— Ты получил приказ?

— Какой?

— Неужели не получил?

— Связь с Чхиквадзе прервана. А что? Что там?!

— Через час снимаемся. Моя пулеметная рота уже оставила передовую. Сейчас спускается сюда. Рота Зебницкого — тоже... У него осталось человек десять. Это от ста-то пятидесяти... Так что... так что давайте и вы с Хальфиным, а то как есть попадете к немцам в лапы. Снимайте свои трубы!

— Ты с ума сошел! Я ж не получил приказа!

— И не получишь!

— Как это?

— А вот так!.. Сам же говоришь, связь с Чхиквадзе прервана. А знаешь — почему? Командный пункт полка захвачен немцами!

Во рту у меня мгновенно все спеклось.

— Не может быть... — еле выговорил я.

— Очень даже может быть. А вот наш комбат еще успел получить приказ об отходе, — сказав это, Соколов подошел ко мне вплотную и, горячо дыхнув в мое ухо, торопливо зашептал: — Не только наш полк — вся дивизия окружена. Говорят, подвел левый сосед. Вот так...

Теперь только с трагической ясностью стали проступать для меня события прошедшего дня.

С самого раннего утра была запущена в действие гигантская карусель немецких пикировщиков всех, кажется, систем. Через короткое время к «юнкерсам» и «фоккерам» подключились румынские кургузые бипланы. Они мельтешили в воздухе, как большие назойливые мухи, и гул их моторов удивительно напоминал гудение мушиного сонмища под

потолком деревенской избы. Оказалось, что и эти допотопные крылатые уродцы тоже умеют пикировать под довольно острым углом и сбрасывать небольшие бомбы. Ревущая и воющая карусель прокручивалась, однако, не над нашим передним краем, как обыкновенно, а позади нас, то есть как раз там, где должны были находиться штабы и тылы полков и дивизий. До нас докатывался лишь грохот бомбовых разрывов и приглушенный расстоянием рокот крупнокалиберных пулеметов и скорострельных автоматических пушек, установленных на вражеских пикировщиках. Пыль, смешавшись с дымом, повисла густым бурым облаком над огромным пространством. Через какое-то время это облако и рев авиационных моторов стали быстро смещаться на восток, и за нашей спиной вдруг все стихло. В этот час Усман Хальфин попросил меня подняться к нему на НП. Против своего обыкновения, теперь он был сильно взволнован. Передавая мне свой бинокль, сказал:

— Посмотри вон туда...

Я посмотрел, и сердце испуганно заколотилось от увиденного: бесконечно длинная колонна крытых брезентом тупорылых грузовиков, выползая из-за кромки дрожащего в мареве горизонта, в открытую, никого и ничего не боясь, во весь дух катилась по степи с запада на восток, вздымая кирпично-рыжие, под цвет прокаленной земли, тучи не успевавшей оседать пыли.

— Может, это наши? — вырвалось у меня скорее просто так, как бы по инерции, когда человек и сам не верит в возможность того, о чем подумалось и чего бы очень хотелось.

— Какое там наши! — И Хальфин взял из моих рук бинокль.

Но и без бинокля колонна грузовиков, перебиваемых приземистыми бронетранспортерами, была хорошо видна с нашего наблюдательного пункта. Мы, конечно, понимали, что увиденное ничего хорошего нам не обещает, но еще не знали, что под вечер оно обернется такой ужасной новостью.

— Окружены!

Много страшных слов можно услышать на войне, но страшнее этого, пожалуй, и не бывает. Произнесенное кем-то в критический час боя, оно способно в одну минуту сделать то, чего не сделает самое грозное оружие, — посеять панику, которая сейчас же превратит строго организованное войско в обезумевшую толпу. Не потому ли и не сообщили нам заблаговременно о том, что мы окружены. Тем не менее слово это вырвалось из-под контроля как бы само собой и пошло гулять по переднему краю, как гуляет в ночи огненная «галка» при большом пожаре, перелетая с одной крыши на другую до тех пор, пока не охватит пламенем все селение. Передавалось нехорошее это слово в основном шепотом и тут, под Абганеровом; занозою, верблюжьей колючкой, ко-

торой была так богата донская земля, впивалась в мозг и душу солдат, но вот что удивительно: оно не произвело на них того действия, каковое могло бы произвести в сорок первом году, но не в середине сорок второго. Никто не оставил ни своего окопа, ни впопыхах выдолбленной малой саперной лопатой ямки или норы. Все оставались на своих местах, пока не пришло распоряжение на отход на «новые рубежи обороны». Заметьте: «отход на новые рубежи», а не на «выход из окружения». Страшное слово по-прежнему пытались держать в узде.

10

Дождавшись полной темноты, где-то в одиннадцатом часу ночи, ездовые нашей минометной роты под командою старшины подали повозки вместе с походною кухней. Сделали это так тихо, что мы узнали об их появлении лишь по храпу лошадей да сдерживаемому покашливанию «старичков» (так минометчики меж собой называли повозочных). Не слышно было даже привычного, обязательного вроде бы тележного скрипа (колесные оси были обильно смазаны дегтем загодя). Почти в полной тишине были погружены лотки и запасные ящики с минами. Необходимые команды отдавались вполголоса. Люди двигались, но все делалось как бы на ощупь. Даже лошади как бы догадывались о значении момента, не отфыркивались громко, стояли действительно как вкопанные, только меняя положение тел, легонько переступали с ноги на ногу; они и возившиеся возле них люди на миг выхватывались из черного мрака ночи ракетами и трассирующими пулями, которые в равные промежутки времени взмывали вверх со стороны Абганерова и рвали на части гигантское черное полотно южного неба; в такие моменты минометчики инстинктивно пригибались, прекращали движения, а лошади сторожко вспрядывали ушами и подымали свои большие тяжелые головы. Менее чем через полчаса с момента выхода на новый рубеж не было видно ни одной лошади: в невероятно малый срок для них откопали достаточно глубокие укрытия. А вместо маскировочных сетей ездовые развесили старые рыбацкие сети, бредни и невода, предусмотрительно подобранные ими на Дону в прибрежных хуторах.

Более всего на свете мы боялись одного: как бы немцы не обнаружили нашего ухода с первых же минут его начала, когда все бойцы и огневые средства окажутся в походном порядке и не смогут противостоять неприятельским атакам. Но, судя по тому, как развивались события, немцы и не думали преследовать и атаковать нас: для этого, как выяснилось к рассвету, у них решительно не было никакой необходимости, поскольку они приготовили нам нечто более неприятное. Думать же о том, что снятие с переднего края

одновременно нескольких дивизий окажется для противника незамеченным, было бы в высшей степени наивным. И все-таки нам очень хотелось, чтобы все было именно так. Но — увы...

Часам к одиннадцати почти все подразделения 106-го стрелкового полка спустились в балку. Весь полк, прикрывшись сгустившейся темнотой, выстроился в единую колонну. Стрелковые роты вышли в ее голову, за ними должны были двигаться пулеметчики, пэтээровцы, артиллеристы, связисты, минометчики ротного и батальонного подчинения. Наша полковая минометная рота оказалась посредине колонны, поскольку ее огневые позиции находились как раз на стыке двух стрелковых полков — 106-го и 129-го.

Артиллерийский полк, занимавший позиции в километре за нами, очевидно, отходил (вернее бы сказать, выходил) по параллельному маршруту, если вообще можно говорить о каких-то параллелях в этих бесконечно извивающихся, то и дело перекрещивающихся, больших и малых, глубоких оврагах и мелких овражках, именуемых тут не иначе как балками и балочками.

Ровно в полночь, по чьей-то команде началось движение. Колонна, похожая на медленно текущую почти бесшумную реку, потекла по балке, точно повторяя все ее повороты влево-вправо, все ее извивы, неукоснительно подчиняясь ее капризам, своенравному ее характеру; от нее мы требовали только одного — чтобы вела она нас на восток, где грезилось спасение. Сравнение живого человеческого потока с рекой окажется более чем оправданным, если вспомнить, что устремлялся он, этот поток, в конечном счете к Волге. До этой ночи никто еще не сказал, что за Волгой для нас земли нет, то есть не произнес тех слов, которые, в общем-то, едва ли и могли быть произнесены в условиях, когда всем нам было не до звучных, красивых и многозначительных лозунгов, ибо речь могла идти лишь об одном — как вырваться из гигантского капкана и остаться не просто живыми, а сохранить еще возможность сопротивления вражескому нашествию. Тем не менее лозунг родился, но не там, где решалось «быть или не быть», не среди непосредственно воюющих, а где-то в ближних, скорее же всего в дальних тылах, где не льется кровь, где поспокойнее и где только и можно сочинять и красивые лозунги и придумывать бесстыдно фальшивых героев, вроде картинно-лубочного Фомы Смыслова с его приторным, псевдонародным «заветным словом», поучения которого в окопах никто, конечно, не читал, даже мы, политруки рот, стыдились знакомить с ними своих солдат. Но зато автор мог утешить себя мыслью, что тоже занят делом, что тоже воюет, хотя ему в самый бы раз вспомнить о мухе, которая «пахала», уютно устроившись на воловьем роге. Имея в виду сочинителя, из-под пера которого

родился вышеназванный Фома, кто-то из его пишущих собратьев тогда же пустил по миру ехиднейшие строчки:

Поэты наши ищут бури.
Стремясь к газете фронтовой.
А он, мятежный, сидит в ПУРе *,
Как будто в ПУРе есть покой.

Хлесткое это четверостишье я услышал впервые спустя много лет, уже после войны. А отчаянно боевой, архипатриотический клич «За Волгой для нас земли нет» поскакал по газетам, боевым листкам в те же самые дни, когда чуть ли не ежедневно выходил со своими косноязычными, тошнотворными афоризмами Фома Смыслов, — одно это уже могло бы указать на то, где явился он на свет Божий и откуда начал свое путешествие, хотя, чтобы, очевидно, придать ему веса, называлось даже какое-то конкретное лицо из защитников Сталинграда, бросившее якобы этот боевой призыв в самый критический, кульминационный момент сражения. В сорок первом, мол, для нас за Москвой не было земли, а теперь вот нет ее за Волгой. Авторский плагиат налицо. Для нас куда были ближе такие строчки:

Ты лежишь яичком, мальчишка
Двадцати неполных лет.
Вот тебе сейчас и крышка,
Вот тебя уже и нет.
Ты лежишь,
...заслонясь от смерти черной
только собственной спиной, —

тут была правда, пускай полынно-горькая, но цепилась она потрясенной душой как глоток ключевой, родниковой воды.

Волга же, которую русский человек называл не иначе как с присовокуплением слова «матушка», жила в нас и без лозунгов, стучалась в душу, когда сумрачно молчаливая колонна, вытянувшаяся на несколько километров (после огромных потерь в людях дивизия была по-прежнему боеспособной), все убыстряя и убыстряя шаг, двигалась по переходящим одна в другую балкам в последней августовской ночи тысяча девятьсот сорок второго года. Там, на берегах великой реки, виделся нам рубеж, где враг должен быть остановлен. Иначе — что же? Иначе...

* Имеется в виду Главное политическое управление, Главпур, или просто — ПУР. (Здесь и далее прим. авт.)

11

Свою роту мы вели с Усманом Хальфиным вдвоем, так, чтобы она, насколько это возможно, была полностью под нашим наблюдением. Взводы с одной повозкой для каждого из них шли в порядке номеров: первый, второй, третий.

Шли не по прямой, разумеется. Направление давали балки, а в большей степени немцы, выпускавшие ракеты в равные промежутки времени всю ночь на протяжении всего нашего пути. Взлетали слева — колонна резко поворачивала вправо, переходя на другую балку, лишь бы она вела нас на восток. Взлетали вперед — мы притормаживали и искали другой путь.

Часто немцы выпускали свои ракеты так близко, что мы слышали их характерный сухой треск, похожий на шипение кобры, прямо над своими головами. И на то короткое время, пока они висели, плавились в аспидно-черном, как надгробная плита, небе, в балке, по которой мы шли, делалось так ослепительно светло и так страшно, так неуютно, что хотелось спрятаться от самого себя. Кто-то в такой момент падал на землю, кто-то бежал в сторону, где было потемнее, кто-то останавливался и застывал на месте, скованный ужасом, кто-то прижимался поплотнее к рядом идущему, как прижимается ребенок к своему отцу в минуту опасности; кто-то снимал с плеча винтовку, кто-то хватался за висевшую на ремне противотанковую гранату — каждый в отдельности и все вместе напряженно ожидали одного — вражеского нападения, которое, по логике вещей, должно же было в любую минуту начаться. Но ракеты, витиевато расписавшись на темном полотне небес, угасали, сгорев до конца, или падали на землю, окропляя ее своими горячими брызгами, — и теперь уже в балке воцарялась жуткая темень, каковую принято называть кромешной. На какую-то минуту нельзя было увидеть идущего рядом с тобой. Но наше движение тотчас возобновлялось, ускоряясь все крепнущей, все усиливающейся надеждой на скорый выход из окружения. Поближе к рассвету мы уже готовы были поверить, что самое страшное позади, что вот-вот мы встретимся и соединимся с теми, кто должен был выйти нам навстречу, как еще совсем недавно выходили мы сами на смену тем, кто с запекшейся кровью на рваных гимнастерках уходил от Дона все к той же Волге, куда стремились сейчас и мы. Вот-вот это должно произойти. Так думалось, а еще больше — этого хотелось. Этого — единственного!..

— Побыстрей, побыстрей, ребята! Не отставать! Скоро выйдем! — подбадривали мы себя и бойцов, радуясь тому, что покамест шли все в той же колонне, соблюдавшей, как бы ни было трудно, прежний порядок, но шли украдкой, поворовски озираясь, потому что шли по земле, которая была

нашей, но как бы уже и не нашей. Замечалось, что время от времени кто-нибудь из солдат, покинув свое место, отходил в сторонку для того вроде бы, чтобы поправить что-то на своих ногах, а на самом деле — для того, чтобы убедиться, находится ли на месте политрук роты, идет ли он позади по-прежнему; убедившись и успокоившись, быстро догоняет свой расчет и шагает уже бодрее. А твое сердце больно сжимается от мысли, что идущие впереди тебя люди не в малой степени связывают с тобой надежду на свое спасение, — и это в то время, когда сам-то ты понимаешь, как ничтожно малы твои возможности для этого, но в отличие от твоих подчиненных тебе-то самому и вовсе не на кого положиться: ни впереди, ни позади (ты уже знаешь об этом) нету твоих непосредственных начальников, нету ни командира, ни комиссара полка, от которых можно было бы получить ежели не прямую помощь, то хотя бы какие-то команды, какие-то распоряжения. Где-то впереди находится комбат капитан Рыков, но твоя рота не в его подчинении, она осталась вроде бы в одиночестве, сама по себе. Идущий впереди Усман Хальфин старается лишь не упустить из виду пехотинцев и прежде всего хорошо знакомого ему политрука Василия Зебницкого, который так же, как и я, занял место позади своей жиденькой после страшных потерь стрелковой роты. Перед глазами Усмана то и дело вспыхивали па миг все от тех же немецких ракет каски пехотинцев, — и это радовало нашего умного и невозмутимого казанского татарина.

Вся дивизия была в походе. Кто ею сейчас командует и командует ли вообще кто-нибудь, если действительно командный пункт Колобутина * с его комендантским взводом и всей ячейкой управления захвачен немцами?

На четвертом часу движения почувствовалась усталость. Земля, словно магнит, притягивала к себе; в обычном походе полагался бы привал, но в нашем положении его ни в коем случае нельзя было делать. Это понимали все, в том числе и те, кто окончательно выбился из сил и держался в колонне только с помощью товарища, поддерживающего бедолагу под руку, — это у пехотинцев. У нас, минометчиков, было по-другому. Наши бойцы удерживали в себе силы тем, что посменно взбирались на повозки и давали немного отойти, отдохнуть ногам, сделавшимся в какую-то минуту свинцовыми. А в расчетах, где минометы катились на собственных колесах, поступали еще проще: наводчики, заряжающие, подносчики мин посменно усаживались на импровизированную эту тележку и везли друг дружку, лишний раз убеждаясь в мудрости тех, кто придумал простейшее приспособление, которое, кажется, давно напрашивалось, но

* Командир 29-й стрелковой дивизии.

явилось на свет Божий только вот теперь, хотя сами-то минометы изобретены давным-давно и были применяемы как грозное оружие во многих прошлых войнах, — вот уж истинно: «Век воюй — век учись». Однако не скоро еще опорная плита, похожая на неподъемную чугунную круглую дверь, каковой закрывается люк городского водопровода, как и ствол, напоминающий большую самоварную трубу, и неуклюжая двунога-лафет покинут солдатские спины и плечи: 82-миллиметровые минометы прежнего образца останутся доминирующими до конца войны во всех стрелковых дивизиях; сами же минометчики долго еще будут заменять вьючных животных при смене огневых позиций, когда опорная плита упирается не в землю, а в согбенную, просоленную потом спину солдата. Переносом такого миномета с одного места на другое занят весь его расчет, то есть три-четыре бойца, а на колесах с ним легко справляется один. К сожалению, на всю нашу роту было дадено всего лишь два усовершенствованных миномета и достались они двум Николаям — сержанту Николаю Фокину и младшему сержанту Николаю Светличному, расчеты которых более других преуспели в боях на Аксае, у хутора Чикова, когда взвод Усмана Хальфина был оставлен для прикрытия уходившего от Дона нашего 106-го стрелкового полка. Новые минометы были отданы мною Хальфину в качестве поощрения, а он с тою же целью передал их двум из трех Николаев в его взводе, которые командовали соответственно первым и вторым расчетами. Третьим Николаем был заряжающий красноармеец Сараев, но он пока что для всех в роте оставался Колей. Ровесник Жамбуршина, с виду он казался еще моложе — потому, может быть, что щеки его почти постоянно горели легким девичьим румянцем, а на верхней, по-детски припухшей губе, на скулах и на подбородке, опять же по-девичьи округлом, хоть и объявился реденький белесый пушок, но он решительно не годился ни для усов, ни для бороды, если бы Сараеву и вздумалось обзавестись ими. «Безопасная» бритва, правда, у Коли была, но она предусмотрительно спряталась где-то в недрах его вещевого мешка и ни разу не извлекалась оттуда за полной ненадобностью. Коля собирался было подарить ее своему дружку — наводчику Ванюшке Давискиба, у которого после первых же боев неожиданно объявилась густая поросль черных до синевы цыганских волос, и тот выскабливал их с ожесточением, то и дело раня себя своею уже действительно опасной бритвой. Но Сараев не успел исполнить свое воистину благородное намерение: помешала немецкая бомба, отправившая Ваню туда, где не нужны теперь ни бритва, ни все другое, без чего не обойтись живому человеку. Забыл, конечно, про свою «безопасную» и Коля Сараев: реальная и притом очень грозная опасность висела над всеми, и была она рядом.

12

Между тем серая живая река, сделавшаяся чуть-чуть видимой, продолжала течь по руслу неизвестно какой уж по счету балки (все они тут похожи одна на другую, как сестры-близнецы). Уже появились отстающие из стрелковых рот; они начали терять силы прежде минометчиков еще и потому, что за весь длинный день перед этой ночью не получали еды; вероятно, их батальонные кухни были захвачены или отрезаны от находившихся на передовой пехотинцев. Тех, что не могли уже двигаться даже с помощью товарищей, сердобольный Кузьмич подбирал на свои «резервные», как он говорил, повозки, сбрасывая с них все лишнее, которое в иных условиях никогда бы не показалось для него лишним: пришлось с болью душевной расстаться, например, с мешками, где хранились старые шинели, прибереrаемые старшиной к зиме; были сброшены и несколько слитков соли, облизанных лошадьми и сделавшихся от этого похожими на каменные валуны, ювелирно обработанные быстро текущей водой где-нибудь на горных реках.

Каждого пожилого бойца Кузьмич называл кумом. «Откудова, Кузьмич, у тебя столько кумовьев? — спросил как-то удивленный Гужавин. — Ты что, крестил, что ли, с ними всех подряд?» — «Оно так и есть! — гордо отвечал Кузьмич. — Я всему свету кум. В нашем селе кажный второй мужик — мой кум. — И начинал перечислять: — Кум Андрей, кум Иван, ну, Иванов-то наберется с добрый десяток. Опять же кум Митрофан, кум Кузьма, кум Савелий, кум Калистрат, кума Анна, кума Марья, кума Авдотья...»

Гужавин в этом месте перебивал «всесветного кума»: «Вижу, и кумушек у тебя, старик, предостаточно. Небось грешил с ними?» — «А как же! — моментально признавался Кузьмич, подкрутив кончики усов. — Какая же это кума, коль под кумом не была!» — Кузьмич, пряча в тех же плотных рыжих усах усмешку, замолкал, давая солдатам вволю нахохотаться. Всех нас поражала вот эта удивительная способность старшины в непостижимо малое время сходиться с людьми, которых он видел впервые. Это и помогло ему обзавестись многими нужными предметами, с которыми приходилось сейчас распрощаться. Мешки со старыми шинелями, окаменевшую соль, хоть и с немалым сожалением, Кузьмич спихнул с повозки все же без долгих колебаний. Но вот с тремя мешками муки, прихваченными им на покинутой ветряной мельнице у какого-то казачьего хутора, он расставался, как, очевидно, расстается душа с телом: это ведь из нее ротный повар Зельма изготовлял галушки, когда видел, что суп из перловой крупы, прозванной воюющим народом шрапнелью, надоел минометчикам до тошноты, до отвращения, и требовалось хоть изредка перебивать его чем-то другим, — в данном случае горячими галушками, сдобренными душистым подсолнечным маслом и не менее душистым укропцем, коим наш старшина обзавелся, когда вместе с хитрющим Зельмой промышлял на оставленных хозяевами великолепных огородах Придонья, где заодно с укропом можно было разжиться и огурцами, и помидорами. Заглядывали они, конечно, и на бахчу, где вроде бы специально для них успели созреть арбузы и солнечного цвета дыни, которых никак уж не получишь ни на полковом складе, ни в ДОПе *. Обозревая огородные и бахчевые богатства, оставленные без всякого присмотра, Кузьмич сокрушенно вздыхал, заглядывал иной раз в шалаш, не хоронится ли там хозяин, но и в шалаше никого не было, даже сторожевой собаки, которую обычно оставляли, когда сам сторож уходил на время в станицу или на хутор.

«Ну, бог с ней, с мукой этой, — рассуждал сейчас про себя со вздохом Кузьмич, утешаясь мыслью: — Живы останемся, раздобуду где ни то. А этих горемышных надобно спасать. Не то попадут к немцам, а там...» — тут его размышления резко обрывались, натолкнувшись на то, что должно было последовать за этим самым «там». Подтолкнув довольно чувствительно пристроившегося за его спиной Зельму, приказал вполголоса: «Слезь-ка да подсоби вон энтому. Сам-то он уж не взберется на повозку. Вконец выбился из сил, сердешный. Ищо и охромел». «Ногу, небось, потер, не перемотал портянки, а старшина недоглядел», — подумал Кузьмич с обычным для него осуждением всех ротных старшин, сплошь, как он полагал, нерадивых.

13

С востока наплывал нежеланный рассвет. Нежеланный потому, что нам хотелось до восхода солнца не только выйти из окружения, но как можно дальше оторваться от противника. Но солнце и земля жили по своим законам. Им не было никакого дела до нас.

С какого-то места — мы и не заметили, с какого именно, — пологую, все расширяющуюся балку рассек надвое узкий, но довольно глубокий овраг, разделивший надвое и нашу колонну. Теперь она текла двумя ручьями по правой и левой сторонам оврага. Усман Хальфин, находившийся во главе нашей минометной роты, вел ее правой стороной. Однако овраг был недлинный, оборвался там, где заканчивалась и сама балка, готовая выправиться в ровную, уныло-однообразную, бесконечную степь. Сама же колонна, вернее, теперь уже несколько колонн, больших и малых, отделившихся от основной, были уже довольно ясно различимы

* Дивизионный обменный пункт.

чуть ли не па всем их протяжении. В одном месте, как раз там, где обрывался овраг, мы увидели странное скопление пехотинцев с еще более странным поведением. Сбрасывая с себя противогазы и вытряхивая их из сумок, отталкивая друг друга, они набрасывались на что-то белое, разбросанное вокруг нескольких перевернутых вверх колесами разбитых повозок, торопливо хватали куски этого белого, наполняя ими опорожненные противогазные сумки. Многие освобождались от без толку обременявших, увеличивающихся в тяжести по мере движения противогазов еще до подхода к этому месту, пользуясь темнотой, бросали их незаметно на землю, немного в сторону, а иной раз прямо под ноги (на одном из них я сам где-то споткнулся, спотыкались и другие, сопровождая свое падение сдерживаемой матерщиной). А чем-то белым, расхватываемым сейчас голодными пехотинцами, оказался сахар-рафинад — след разбомбленного тут продовольственного обоза из дивизионного обменного пункта, ДОПа, который, похоже, накануне пытались отвести подальше в тыл, да не успели. За веревернутыми повозками и валявшимися прямо в упряжках убитыми лошадьми, по обе стороны оврага, виднелись разбитые грузовики, ЗИМы и полуторные «газики» с растерзанными какими-то мешками, возле которых тоже толпилась пехота. Оттуда можно было уже услышать: «Сухари, ребята!» Ухо нашего старшины мгновенно уловило этот возглас, и он начал было подворачивать свою повозку к растерзанному грузовику, но я предупредил его намерение сердитым окриком: «Не сметь!» — и сделал это потому, что видел: у раскиданного по земле провианта уже начиналась драка. Какой-то молоденький младший лейтенант пытался отогнать бойцов, вернуть их в колонну, но его, кажется, никто не слушал, — солдаты, после того, как отчаявшийся остепенить их юный командир отошел прочь, сами, добровольно, стали быстро убегать от повозок и грузовиков. Потому ли они так поступили, что вспомнили об ответственности, о наказании, которое могло бы последовать за непослушание, или потому, что все съестное было уже расхватано, скорее же всего отрезвил невольных мародеров уже хорошо знакомый им, необыкновенной густоты, слитный, давивший на душу гул немецких бомбовозов. Отовсюду слышалось: «Во-о-оздух!!!»

Впереди на гребне холма неожиданно проступили в рассветной мути справа и слева от нас домики. Что бы они значили, откуда они? Эх, подумать бы кому следует об этом чуток раньше, когда еще можно было что-то предпринять, резко отвернуть в сторону, направить колонну по другой балке или рассеять ее по множеству других и двигаться отдельными группами... Но теперь уже поздно, «домики» неведомых «хуторов» там и сям вдруг зашевелились, сбросили с себя «крыши», маскировочные сети и пятнистые покрывала, взревели, окутались дымом и пылью и острыми клиньями, ромбами, с двух сторон устремились на колонну. Это были немецкие танки.

Командующий 4-й танковой армии немецкий генерал Гот, вырвавшись далеко в тылы нескольких наших стрелковых дивизий еще днем 29 августа, все великолепно рассчитал. Зная заранее, по какой балке будет пытаться выйти из окружения особенно насолившая ему под Абганеровом, у совхоза Юркина, наша 29-я, он расположил по обеим сторонам этой балки свои корпуса, оставил для нас единственный проход и преспокойно стал ждать. У него было достаточно времени, чтобы замаскировать танки под домики степных хуторков.

Нападение, которое мы ожидали с часу на час во время всего ночного похода, совершилось тогда, когда и должно было, по логике вещей, совершиться, и там, где его, по той же логике, и до́лжно было ожидать, — на рассвете, в самом конце балки, куда колонна подойдет изнуренная многочасовым переходом, когда она отсюда, сверху, будет видна как на ладони, когда легко будет определить, где ее основные силы, когда (и это самое главное) у нее не останется ни сил, ни времени, чтобы принять боевой порядок, развернуться, привести в действие огневые средства, хоть как-то окопаться и оказать противнику достойное сопротивление. Грозная там, под Абганеровом, где ее невозможно было хоть на десяток метров сдвинуть с места, сибирская эта дивизия была теперь почти беспомощной, бери ее чуть ли не голыми руками. А тут не голые руки — десятки, сотни бомбардировщиков обрушивали на нее лавину раскаленного металла, а двинувшиеся на полных скоростях вниз по склонам танковые армады уже приближались.

Впереди, там, где находились стрелковые роты, теперь беспорядочно рассыпавшиеся по всей балке, творилось ужасное: многие пехотинцы были расстреляны в упор из танковых пулеметов и раздавлены гусеницами. Оглянувшись, я не увидел за собой наших повозок. Раздумывать, куда бы они могли подеваться, было некогда. Основная масса немецких танков главный свой удар наносила по нашим передовым подразделениям, чтобы, очевидно, отрезать путь для идущих вслед за ними, с которыми можно расправиться во вторую очередь. Теперь уж не могу сказать с полной определенностью, понял ли я в том аду замысел немцев, или сработал инстинкт сохранения жизни (скорее всего последнее), но я решил резко повернуть вправо и повести роту наискосок вверх, туда, где только что промчались вражеские танки и теперь терзали нашу дивизию внизу, далеко впереди, там, где наносили бомбовые удары «юнкерсы» и поливали свинцовым огнем своих пулеметов «фоккеры». Я скомандовал, чтобы вся минометная рота остановилась к

изменила направление, двинулась вслед за мною резко вправо и вверх, но не все услышали эту команду: большая часть минометчиков продолжала идти за Усманом Хальфиным, да уже не шла она, а что-то пыталась еще сделать, впопыхах устанавливая минометы, те, что были на собственных колесах (остальные, разобранные, остались в повозках), но это уже было бессмысленно: стрелять из минометов по танкам — дело безнадежное, а немецкой пехоты, которая должна была бы двигаться вслед за танками, что-то не видать.

— Хальфин! Усман!!. Сюда, сюда поворачивай, за мной! — Я кричал изо всех сил, но и сам не слышал своего голоса (может быть, я уже охрип, потому что орал, надрываясь, непрерывно). И все-таки кто-то услышал. Рядом со мной оказались сержант Гужавин, десятка два других минометчиков, большая же часть была там, где находились Хальфин, Дмитрий Зотов и другие. А Коля Сараев, красная наша девушка, как мы все его называли за девичий румянец на его лице, ухватился даже за мою гимнастерку, горячо, задыхаясь, повторяя: «Я с вами... я с вами... я с вами, товарищ политрук!»

Мы уже поднялись достаточно высоко, удивившись тому, что нас никто не преследует. Отсюда, сверху, хорошо было видно, как немецкие танки давили наших бойцов, видели мы и танкистов, которые, высунувшись из люков, размахивали руками — рукава их были засучены до локтей, что подчеркивало уверенность врага в собственной неуязвимости и делало его особенно нахальным. И все-таки уже несколько танков горело, а потом, на наших же глазах, загорелись еще три. Но к грохоте разрывающихся бомб, в трескотне пулеметов и автоматов мы не могли различить голоса наших пушек. Потом-то мы узнали, что на тот момент во всей дивизии оказалась одна батарея, которая не растерялась и приняла бой с вражескими танками. То была батарея младшего лейтенанта Николая Савченко. Это о ней много лет спустя в одном из военно-исторических документов будет сказано, что неравный бой этой батареи длился около восьми часов, что в течение дня артиллеристы Николая Савченко подбили и сожгли 12 танков, легковую машину, сбили «юнкерс» (помнится, мы страшно удивились, видя падающий бомбовоз и не видя ни наших самолетов-истребителей, ни наших зениток). «Да, — подчеркивается в помянутом документе, — это была единственная в дивизии батарея, полностью сохранившая материальную часть». Е д и н с т в е н н а я! — подчеркнем и мы. А входила эта батарея в 77-й артиллерийский полк, где она была, конечно же, не единственной. А что же с теми, остальными батареями, где находились, что делали, когда захлебывалась в крови матушка-пехота в безвестной степной балке, ставшей и братской могилой, и началом длинной, горчайшей дороги в плен для десятков и сотен наших однополчан?.. Может, и они разделили более чем печальную участь большинства стрелковых батальонов и рот? Я этого не знаю. Я придерживаюсь неукоснительно своей установки — рассказывать лишь о том, что видел и пережил сам, что видели и пережили командиры и бойцы моей минометной роты. О судьбе же остальных из нашей 29-й я мог лишь догадываться.

14

Слава Богу, и Усман увидел нас, и он присоединился к нашей группе. Но, увы, лишь с горсткой минометчиков, среди которых, к общей нашей великой радости, оказались сержант Николай Фокин и ефрейтор Николай Светличный, командиры расчетов, вместе со своими минометами, но без мин (у них было по одному лотку, которые были выпущены по немцам там, внизу). Фокин на целую голову был ниже Светличного, но зато в два раза шире в плечах и на столько же мощнее. Это был, пожалуй, самый спокойный, очень заботливый и хозяйственный человек среди минометчиков, более всех ценимый старшиной роты, нашим мудрым Кузьмичом. Физическая мощь Фокина, видимо, определяла и его характер — спокойный, невозмутимый, добродушный; никогда и ни на что не жалующийся, он решительно не обращал внимания на подтрунивания над ним его сослуживцев, а подтрунивали над его хозяйственностью прежде всего и, конечно, исключительной бережливостью. «Ты, Коля, у нас, как Плюшкин, у тебя летошнего снегу не выпросишь! — говорил ему его взводный командир — грамотей и книгочей Дима Зотов (с Гоголем он не расставался и на фронте, носил «Мертвые души» в вещевом мешке). — Ну, скажи, пожалуйста, Коля, за каким хреном тебе понадобились двадцать коробков спичек, когда хватило бы и одного? К тому же я видел у тебя еще и пять штук кресал?.. Ну, зачем, спрашиваю? Ты что, станицу, что ли, казачью спалить собирался, а? Или для Берлина припас?..» — «Для Берлина», — буркнул Фокин. Николай Светличный — прямая противоположность Фокину. Общими у них были разве что имена. Физически слабоватый, длинный, как колодезный журавель, Светличный всегда на что-то или на кого-то обижался и по этой причине был большей частью сумрачен и нелюдим, а вот минометчики из его расчета любили своего командира, и, видно, за то, что он был чрезвычайно справедлив и в заботливости о своих подчиненных не уступал ни Фокину, ни Кузьмичу. И сейчас не оставил бойцов на верную погибель там, на дне балки, а вывел их к нам, где хоть какая-нибудь, пусть хрупкая, но грезилась надежда на спасение: по сравнению с основными силами дивизии наша группа была ничтожно мала; может, немцы и не заметят ее, да и стоит ли

их танкам гпаться за тремя десятками людей, когда есть пожива куда богаче?! — так нам думалось, и так пам хотелось, чтобы противник думал так, а не иначе.

Однако ж надеждам нашим не суждено было сбыться. Кто-то из нас первым увидел немецкую танкетку, отделившуюся от общей массы немецких танков, орудующих там, на дне пологой балки, и устремившуюся явно за нами. Мы прибавили шагу, но состязаться с машиной, разумеется, не могли, к тому же сердце начинало бешено колотиться, дыхание сбивалось, расстояние между жизнью и смертью быстро сокращалось. Танкетка была уже не далее чем в ста метрах от нас. Рука моя снова, как еще там, во время ночного похода, коснулась кармана, где покоился новенький партийный билет, а потом ощупала кобуру с пистолетом и противотанковые гранаты, полученные еще там, у хутора Генераловского, где зачитывался грозный приказ Верховного. Теперь эти гранаты стали такими тяжеленными, оттягивали ремень до бедер, до крови натерли кожу под гимнастеркой, но вот, кажется, наступило время распрощаться с ними, пустить их в дело...

Николай Сараев, который все время жался ко мне, не отходя ни на шаг, вдруг исчез. В последнюю минуту увидели его почти у самого танка, до которого оставалось не больше сорока шагов. Не скрою, худая мысль на мгновение промелькнула в голове: «Не в плен ли?» Страшная эта мысль могла бы и не прийти, ежели б я не видел, что немалое число наших бойцов, среди коих были, конечно, и минометчики, не расставшиеся с основной массой своих однополчан, — немалое их число подымало руки. Так, может, и Коля Сараев? Из танкового люка высунулся немец с засученными, как у головореза, рукавами:

— Рус, сдавайсь... капут!..

Танкетка двигалась, а Сараев пятился перед ней назад.

— Ма-а-мааа!!! — услышали мы голос юноши.

От этого ли раздирающего душу крика, от уверенности ли, что русский солдат собирается сдаться в плен, немцы остановили танкетку. Тот, что высунулся из люка, повторил:

— Рус зольдат, сдавайсь!..

И тут случилось то, во что ни немец, ни мы не могли поверить: Николай, наш Коля, «красная девица», наш застенчивый молчун, в одну секунду отстегнул противотанковую гранату и после исторгнутого, видимо, так же непроизвольно, как за минуту до этого, слова «мама», срывавшегося с наших уст всегда в минуты смертельной опасности, метнул ее в танкетку не целясь. Огромной силы взрыв бросил меня, Усмана Хальфина, сержанта Гужавина, Фокина и Светличного, да и еще нескольких минометчиков, находящихся ближе к танкетке, бросил нас на землю. Когда же дым рассеялся, мы увидели неподвижную танкетку: из ее люка вниз головой висел долговязый немец с засученными выше локтей рукавами. Перед танкеткой, в двух-трех метрах от нее, лежал Сараев.

— Товарищ политрук! Товарищ лейтенант! — услышали мы вдруг голос сержанта Фокина. — Вы идите, а мой расчет будет прикрывать вас. Во-о-он уже еще одна танкетка показалась!.. — И он скомандовал: — Связать несколько гранат!

Мы быстро двинулись дальше, а что произошло после нашего ухода, узнали от Николая Светличного, не пожелавшего оставить своего товарища одного с его расчетом. Когда танкетка уже приблизилась едва ли не вплотную, Фокин скомандовал еще раз: «Ложись!» — и сам побежал к танкетке. Немецкий танкист выстрелил в Фокина, но раненый Николай, а может быть, уже убитый, был так близко, что упал прямо под гусеницу продолжавшей движение танкетки...

Николай Светличный, без гимнастерки, в одних шароварах, изможденный, напрягая последние силы, которых у него всегда было маловато, катя за собой миномет, догнал нас уже в трех километрах от того места, где погибли два других Николая — Сараев и Фокин.

Соединившись с нами, Светличный упал прямо на наши руки и минуты две, показавшиеся нам нестерпимо долгими, висел на них. А мы просили, умоляли его:

— Коля, милый... вставай!.. Нельзя задерживаться... погибнем все. Ну, вставай, дорогой!.. Еще немножечко — и мы выйдем к своим!

Наверстывая упущенные минуты, мы теперь не шли, а бежали туда, где не слышалось пальбы, где, стало быть, нету немцев, — туда, где, то выпрямляясь, то опять кокетливо извиваясь, повиливая, прячась в камышах от выпивающего ее солнца, пробивалась к большой реке речушка Червленная, западный берег коей назван рубежом, на который дивизия должна была выйти и занять оборону. Мы узнали об этом в ночном нашем походе от капитана Рыкова, успевшего получить соответствующий приказ от старшего командования и передавшего его суть по колонне полка. Но где она, эта Червленная, далеко ли отсюда, мы не знали, да, пожалуй, и не думали о ней вовсе: не до нее было. Отойдя от роковой балки еще километров пять, мы укрылись в какой-то небольшой котловине — тут наши глаза стали ощупывать друг друга, будто узнавая и не узнавая. Никто ничего не говорил, а на лице каждого можно было прочесть: «Неужели вышли, спаслись?»

Находились мы в той котловине не больше пяти минут.

— Пошли, пошли, ребята! — Это уже торопил не я, а Усман Хальфин; смуглое от природы, широкоскулое лицо его было теперь черным — о том позаботилось солнце, которое, едва выбравшись из-за горизонта, со всем усердием

принялось за свое дело, в какой-нибудь час накалило воздух так, что он опалял не только лицо, руки, но, казалось, обжигал гортань, подобно кипятку. Язык сделался сухим и шершавым, с трудом ворочавшимся, то и дело прилипавшим к нёбу. Однако мысль о том, что мы, кажется, действительно были близки к спасению, поддерживала нас, на языке откуда-то вновь объявлялись капельки влаги (кажется, они попадали в рот с наших же лиц, по которым грязными ручейками скатывался обильный пот). Впереди простиралась теперь уже совершенно ровная рыжая степь с ее рано пожухлыми, высохшими травами, — лишь низкорослый полынок выглядывал из бурьяна, высовывал свою живую, не поддающуюся жестоким солнечным лучам белую, кудрявую головку; хотели мы того или не хотели, но неистребимый, упрямый, единственный в своем роде его запашок настойчиво вторгался в ноздри. С каждой минутой надежда на спасение крепла; мы стали уже протирать заливавшиеся потом глаза и оглядывать пространство далёко вправо, влево, ну, а главное — впереди. Кто-то вдруг (кажется, Гужавин, его голос) вдруг заорал:

— Лиса! Братцы, лиса!

Мы заулюлюкали, загикали, хохоча и хлопая в ладони, как это всегда бывает с людьми, когда в поле их зрения попадает зверь, лиса там или заяц, и когда в отношении этого зверя у людей нет недобрых намерений.

Подстегнутая и этими криками и разорвавшимся поблизости, прилетевшим откуда-то издалека снарядом, лиса наддала, а вскоре и вовсе скрылась в бурьянах.

Снаряд отрезвил и нас, и мы, подобно лисе, наддали. Мы с Хальфиным задержались только у полевой дороги, проделанной прямо по целине прошедшей тут недавно колонной грузовиков. Задержались, чтобы по следам их резины определить, чьи это грузовики. Отпечатки оказались в елочку: ни у наших «зисов», ни «газов» такого рисунка на шинах не было. Вот это-то и повергло меня и моего заместителя в смятение: значит, немцы были уже и здесь, и не только были, но продвинулись далеко к востоку и находились где-то впереди, там, куда мы направлялись сейчас, где и виделось нам спасение. Мы не сообщили своим бойцам о нашем страшном открытии, чтобы не перепугать еще и их, но они сами внезапно остановились, увидев в нескольких сотнях метров перед собой танки, пылящие прямо нам навстречу. Увидели и мы. И поняли, что вот это уже — конец. Минометчики сгрудились вокруг нас с Хальфиным, видимо, ждали каких-то распоряжений, команд. Но что тут можно было сделать? Разве убежишь от танков в голой степи? К тому же страшное, непостижимое равнодушие обвалилось на нас, то самое, которое охватывает человека, примирившегося с неизбежной смертью. А смерть — вот она, рядом. В жуткий этот миг

востроглазый Гужавин что-то там разглядел и заорал на всю степь:

— Братцы!.. На-а-аши! Наши танки-то!.. На них звезды!.. Наши!.. Ура-а-а-а!!!

15

Будь мы в ином положении, то легко и раньше определили бы, что перед нами свои, но не вражеские танки: у немцев в ту пору не было таких ни по величине, ни по форме; к нам — теперь уже вплотную — подошли тридцатьчетверки, а чуть позади, приотстав малость или просто прикрывая устремившихся вперед, наползали два непомерно громадных КВ *. Резко притормозив и окутавшись налетевшей ими же поднятой плотной тучей пыли, танки на какую-то минуту как бы вовсе исчезли из наших глаз. Вслед за тем рыжее раскаленное солнцем густое пыльное облако налетело и на нас, и, поскольку в степи было совершенно безветренно, мы и танкисты какое-то время были невидимы друг другу. Однако сквозь завесу прорвался к нам небольшого роста человек в черном комбинезоне и танкистском шлеме. Он что-то кричал нам, но мы не могли его слышать, — кинулись на него, мяли по очереди, а из глаз наших текли молчаливые слезы безмерной радости.

— Где... где немцы?! — кричал танкист, вырываясь из объятий.

Облако, успевшее набить наши глотки, ноздри и уши горячей пылью, поредело, и сквозь муть мы сейчас видели перед собой не одного, а нескольких танкистов, выскочивших из люков. Увидели и сами танки, их было не менее десяти. Фырча приглушенными моторами, словно кони, разгоряченные бешеной скачкой, машины стояли в нетерпеливом ожидании, готовые в любую минуту сорваться с мест.

— Откуда вы?.. Где немцы-то? — кричал все тот же, кто первым подскочил к нам (очевидно, командир отряда). — Да вы что, оглохли?.. Я кого спрашиваю?! Какого же вы х... молчите? — и концовка фразы, оснащенная энергичным, хорошо знакомым, а сейчас даже очень необходимым словом, быстро вернула нас к действительности. Первым опамятовался Усман Хальфин, за ним — я, потом Гужавин; перебивая друг друга и размахивая руками, мы показывали туда, куда направлялась основная часть нашей дивизии, та, что увлекла за собой и главные силы немецких танковых корпусов.

— Много вы видели танков-то? — в последнюю минуту спросил командир отряда.

— Тьма-тьмущая!

Танковый командир безнадежно махнул рукой, выругался

* «Клим Ворошилов» — сверхтяжелый танк.

еще ядренее, подбежал к своей машине и, как сурок в своей норе, укрылся под тяжеленной крышкой люка. Сделал он это с непостижимой быстротой. Одновременно с ним сделали то же самое и остальные танкисты. Грозные махины, взревев, помчались... Помчались все-таки туда, куда, хоть и не очень толково, указывали им мы.

Выйдя из нового, еще более густого и удушливого облака (поскольку пыль перемешалась с дымом, коим фыркнули выхлопные трубы танков), выйдя из этой вонючей завесы, поставленной перед нами двинувшимися на юго-запад машинами, мы все разом рухнули на траву, будто кто-то невидимый ударил по нашим ногам. Лежали навзничь.

«Сколько же нас осталось?» — Привстав, я начал считать. Пересчитав, ужаснулся: бо́льшая половина из тех, что вышли с нами вместе из-под Абганерова, находилась теперь где-то там, где враг пустил в дело свои главные ударные силы. Что с ними? Что с Димой Зотовым, с его взводом, в котором был один из самых лучших заряжающих в роте Степан Романов? Где Кузьмич? Где Зельма? Где они? Удалось ли хоть кому-нибудь вырваться, остаться в живых?.. И, потом, что все это значит? Почему на родной земле, в этой до слез дорогой, до последнего полынка знакомой, извечно н а ш е й, возлюбленной твоему сердцу степи явившиеся невесть откуда пришельцы устроили охоту за нами, гоняют и расстреливают нас, как зайцев? Кто их звал, впустил сюда, этих свирепых, одетых в броню охотников? Ведь совсем недалеко отсюда и мое село, с его речкой Баландой, с Вишневым омутом на ней, с дедушкиным садом против этого омута; с лесом, где не отыщется ни одной тропинки, по которой не хаживали бы мои босые ноги; с Ближним, Средним и Дальним переездами через неглубокий овраг, проделанный вешними шальными водами с восточной стороны леса; Большими и Малыми лугами, превращающимися в озера все от тех же вешних вод, куда прилетает неисчислимое множество разнопородных утиных семейств, где кружится с жалобным, покалывающим твое сердце криком стая чибисов; с полями, где теперь заканчивается жатва и остаются разве что одни дозревающие подсолнухи с их опущенными чуть ли не до самой земли тяжелыми плоскими головами, — на многих из них сейчас отдыхают насытившиеся ленивые грачи; с кочетиной трехкратной перекличкой во всех дворах; со звонкими ударами теплых молочных струй о дно подойника в утреннюю и вечернюю пору; с бабьей веселой перебранкой у выгона, где собирается скот, чтобы под пастушьим кнутом отправиться на пастбище... О, сколько этих «подробностей» жгуче и сладко коснулось сердца и выдавило слезу в подсохших было глазах! Неужто и т а м назавтра будут о н и, э т и?.. Точно сильная пружина вскинула меня вверх, поставила на ноги: зачем же мы остановились, задержались тут? Мы ведь не дошли до Червленной? И где она, эта Червленная? Может, и там уже немцы, а наши танкисты, с которыми мы встретились, промчались левее их?.. Куда нам теперь?

Я начал тормошить минометчиков:

— Вставайте, ребята! Нельзя нам задерживаться!

Не только кричал на своих подчиненных, но и подталкивал носком сапога.

Вскоре мы подняли на ноги всех минометчиков. Через какую-то сотню метров я почувствовал, что с такою подошвой мне далеко не уйти, и, присев, безжалостно отодрал ее вместе с каблуком. Скоро, однако, убедился, что и в таком виде много не прошагаешь: без подошвы и без каблука в сапоге одна нога сделалась вдруг как бы короче, — я стал припадать на нее, то есть натурально охромел. Быстро сообразил, что нужно немедленно удалить подошву и каблук и у другого сапога, что и сделал одним энергичным рывком. Почувствовав «необыкновенную легкость» в ногах, я даже пожалел, что подошвы мои не догадались отвалиться раньше. Теперь я топал, по сути, в одних голенищах. Мои измученные до последней степени (небольшой привал лишь чуток, самую малость убавил свинцовой тяжести и боли во всем теле) товарищи, увидев меня в таком виде, расхохотались. В глазах их, однако ж, не было никакой веселости. Чтобы как-то подбодрить их, я уже и сам подтрунивал над собой, уверяя заодно, что чувствую себя превосходно. Оно и правда — чувствовал, но, к сожалению, недолго, до тех пор лишь, пока не измочалились картонные подклейки вместе с портянками; сейчас ступни оказались «наруже» и весьма скоро окровянились от разных колючек и жесткого крошева прокаленной солнцем земли. Сделалось очень больно, ступни горели, но остановиться было нельзя. Видя мои страдания, Хальфин и Гужавин попытались было поддержать меня под руки, но я отказался от их помощи. И, кажется, не столько потому, что бравировал, не хотел выказать своей слабости, а потому, что совершенно неожиданно почуял, что боль в ногах прошла, что нигде не дерет и не горит. Притерпелся. А может, боль отошла потому, что порезанные и исколотые места забились пылью, замуровались, остановив кровотечение. Вспомнил вдруг, как когда-то, в детстве, сбив палец, я присыпал ранку землей или золой, и она быстро прикрывалась корочкой, засыхала и заживала. Как бы там ни было, но я уже позабыл о том, что ноги мои поранены, и, обогнав всех, все ускорял и ускорял шаг, подстегивая моих спутников. Само собой получалось, что увлекаю их личным примером, как и положено комиссару.

А что ожидало нас впереди, никто не знал. Никто не знал, а думали о том все...

Окончание следует

Стихи молодых

Денис КОРОТАЕВ

СВЕТ И ТОК

* * *

Если сбылось — везение.
Если стряслось — природа.
Кто там кричит — спасение?
Кто там кричит — свобода?

В пачках бумаг мелованных
Мысли темно, как в клети.
Рамками солнца скованы
Наши мечты о свете.

Каждый поступок выстрадан.
Души увязли в тризне.
Нормами века стиснуты
Наши мечты о жизни.

Сбившись с маршрута, сызнова
К старой бредем дороге.
Силой безверья вызваны
Наши мечты о Боге.

Нам ли бранить потерянно
То, что не в нашей власти?
Мерою слез измерены
Наши мечты о счастье.

* * *

Прожигатели надежд,
Лжеоракулы,
Вы что ныне, что допрежь —
Одинаковы:

Свято слово в серый туф
Превращаете

И меня на свой триумф
Приглашаете.

Что ж, сегодня вы — царьки,
Повелители.
Вам ли ведать, как горьки
Думы зрителя!

Что за тягостная честь —
Быть участником
Ваших оргий, ваших месс,
Ваших праздников!

Примитив ментальных гамм
Лживо чествовать,
Вашим мыслям и словам
Соответствовать.

Будет день — рукой махну
На последствия.
Кто-то бросит: «Ай да ну!
Гордый, бестия!»

Я с дороги не сверну,
В бурю выстою.
Кто сказал — пойду ко дну?
Черта лысого!

Вам подскажут короли
Электронные —
Чаще тонут корабли
Многотонные.

Ну а я уж как-нибудь —
Чай, не маленький —
Соберусь в далекий путь
Да на ялике.

Будет свыше мне дана
Власть законная —
Свежий ветер да волна
Крутосклонная.

Будет море за кормой
В пляске корчиться,
Будет песня — и другой
Не захочется!

* * *

Походный марш играет горн.
На перепутье ветер свищет.
Ведется поиск новых форм
Любви к родному пепелищу.

По странной прихоти судьбы
Нам суждено до дней предельных
Одним — сколачивать гробы,
Другим — любить их безраздельно...

* * *

В своей стране я словно иностранец.

С. Есенин

Вам чужды рампа и софиты,
Дворцы из льда.
Вас ненавидят люди свиты
И господа.

Судьбой и славою забыты,
От звезд вдали,
О вы, безвестные пииты
Моей земли!

Вы знали радужность мира́жей
И строгость пут.
На вас не раз ложилась тяжесть
Великих смут.

Сгорали сонные химеры
Сухих бумаг,
И оставались сила веры
И высь ума.

Не верьте пошлым сказкам ближних,
Что ваш редут
В хмельном, напыщенном Париже.
Там вас не ждут.

Ваш путь неведомою силой
Закован в клеть.
Ваш жребий — бедствовать с Россией
И умереть.

Уйти героем с поля сечи
Без лишних фраз.
Сыграть с фортуною в чет-нечет
В последний раз.

Как знать, быть может, ваши муки,
Ваш горький путь
Оценят правнуки и внуки
Когда-нибудь.

И лягут мраморные плиты
На бархат трав.
И кто-то выкрикнет: «Убиты!..» —
И будет прав.

14 ЯНВАРЯ

Косматых лет угрюмая эскадра
Медлительна, и жизнь, за часом час,
Меняется как фильм от кадра к кадру —
Штрихами, незаметными для глаз.

Все те же слякоть, брань и кривотолки,
Все те же толпы нищих и калек.
Засохшие юродивые елки
Повержены и выброшены в снег.

В трамвае толчея, и в мыслях хаос.
Обычный день... Лишь — гость издалека —
С пустых витрин смеется Санта-Клаус
Над сломленной гордыней двойника.

* * *

Мне непонятна ностальгия
Грошовых строк...
Я — проводник; мои стихии —
Не свет, а ток.

Я обречен служить, быть может,
Десятки лет,
А человечеству дороже
Не ток, а свет.

А человечество стареет,
Но что мне срок?..
Я — проводник, меня согреет
Не свет, а ток.

Мой посох в Лете не оставит
Заметный след.
Я — проводник, меня прославит
Не ток, а свет.

Но от пожизненной короны
Хранит Господь,
И снова сонмы электронов
Пронзают плоть.

Один порядок ими правит.
Лишь он — мой бог.
Я — проводник, меня расплавит
Не свет, а ток.

Москва

Валерий БАРАБАШОВ

ВЫСШАЯ МЕРА*

Роман

Звонил Вадим:

— Тимур! Здравствуйте! Узнаете?.. Да, это я. У меня сердце чувствовало, что мы с вами еще и лично познакомимся. Хорошо, что я телефон тогда записал... Тимур, надо бы повидаться. Нам сейчас нужен специалист... Ну, я ведь говорил тогда, что при заводе совместное предприятие организовано, оно небольшое, мы электроникой занимаемся... Да-да, та, что идет к прессам. Спрос на продукцию большой, качество отличное, на мировом уровне... Ну да, мы же с американскими фирмачами дело имеем. Они у нас на заводе, можно сказать, свои люди теперь. Вложили в наше «эспэ» валюту, советами помогают, дисциплинку держат... Ну, за такие деньги, конечно, наши парни стараются... Ладно, Тимур, это все не телефонные разговоры, давайте встретимся, потолкуем, я вас с интересным человеком познакомлю, с Робертом... Да, кстати, Тимур: вы, надо полагать, военный?

— А как вы догадались? — удивился Асланов.

— Ну, это не сложно, — засмеялся на том конце провода Вадим. — Во-первых, вы сами мне в прошлый раз намекнули, что работаете в закрытом учреждении, во-вторых, когда я позвонил, трубку взял какой-то человек и четко сказал: «Майор Калинников слушает». Так что...

— А, понятно. Ну хорошо, Вадим. Давайте встретимся, после шести. Куда мне подъехать?

— Мы вас с Робертом будем ждать в сквере, у памятника. Договорились?.. Хорошо, до встречи!

На свое рабочее место Асланов вернулся в хорошем расположении духа. Звонок Вадима поднял ему настроение. Как-никак наклевывалась, кажется, шабашка, за которую, надо думать, ему хорошо заплатят. Придется, правда, использовать выходные, да бог с ними, с выходными. Надо заработать. И сбросить с себя наконец груз долгов.

* Продолжение. Начало в № 1, 1993 г.

...Вадим и Роберт ждали Асланова, как и обещали, в сквере, перед зданием управления железной дороги. Узнали они друг друга легко — Асланов был в форме. Они поднялись ему навстречу, подали руки. Вадим оказался неказистым, малорослым молодым человеком в больших прямоугольных очках, в синих полинявших джинсах, в вельветовой куртке, в кроссовках. Он глянул на Асланова из-за толстых стекол очков вполне дружелюбно и с интересом, улыбнулся располагающе. Потом повернулся к своему спутнику, седому и высокому человеку лет пятидесяти, с улыбкой рассматривающего Асланова, представил его:

— Познакомьтесь, Тимур. Это Роберт Кингсли.

— Вы... иностранец? — уточнил Асланов.

— Да! Я из Штатов, — охотно отозвался Кингсли. — Вадим должен вам говорить, что мы имеем здесь, в вашем городе, совместный фирма, или как у вас принято сказать... совместный предприятий.

— Я не успел, Роберт, — вставил Вадим. — Да по телефону не все и скажешь.

— Ну ладно, это не есть большой ошибка! — захохотал Кингсли. — Ее можно исправлять. Мы, бизнесмены, на такие мелочи не обижаемся.

На Кингсли были белые тонкие брюки, схваченные в поясе затейливым кожаным ремешком с бляшками и заклепками, и синяя, из плотной ткани, рубашка со стоячим воротничком, из-под которого торчал нарядный платок.

— Может, пройдемся? — предложил Вадим.

— Я ваш гость, господа. Если честно сказать, город я плохо знать. — Роберт развел руками. — Но мне нравится ваш набережная, там красиво.

Кингсли взял со скамейки черную просторную сумку на длинном ремне, накинул его на плечо, и они зашагали в сторону набережной. Вадим рассказывал Асланову о планах их совместного с американцами предприятия: завод разрабатывает сейчас новый мощный пресс для одной из африканских стран, заказчик солидный, денежный, но требует современную продукцию мирового уровня. Нужны специалисты на временную работу, оплата — аккордная, в долларах, расходы берет на себя американская сторона. Вадим посмотрел при этих словах на Кингсли, и Роберт охотно кивнул — да-да, именно так.

— Короче, Тимур, нужно разработать один электрон-

ный узел. Где и как вы будете его делать и даже с кем — нас это не волнует. Конкретные параметры и габариты мы вам скажем, если согласитесь.

— Ну, а примерно не можете сейчас наметить? — попросил Асланов. — Хотелось бы все же представить, что от меня требуется.

— Пожалуйста!

Вадим выхватил из заднего кармана джинсов потрепанную записную книжку, щелкнул авторучкой. Все трое склонились над листком бумаги, который быстро покрылся маленьким чертежом и размерами деталей.

— Понятно, понятно, — говорил Асланов. — Голову поломать придется, но сделать можно. А сколько у меня времени, Вадим?

— Месяца два с половиной, три, старик, — прикинул тот. — Опытный образец пресса будет готов, как мне сказали, к осени, в сентябре. Вот и нашу бы электронику к этому сроку сделать.

Разговор их прервал зычный, усиленный громкоговорителем голос, донесшийся от причала, у которого стоял белый прогулочный теплоход:

— Граждане! Через десять минут от нашего причала отходит теплоход «Белый Голубь», на котором вы можете совершить небольшое путешествие по водохранилищу. Путешествие это займет примерно полтора часа. Цена билета всего три рубля сорок копеек. На теплоходе есть буфет, настольные игры, свежие газеты и журналы. Приглашаем вас!..

— О-о!.. Это любопытно, — обрадованно сказал Кингсли. — Такой большой степной город и есть свой водохранилище, море! Я хотел бы прокатиться по этому морю. Приглашаю вас, молодые люди! Я хотел бы иметь компанию!

Вадим глянул на наручные часы, покачал головой.

— Я не смогу, Роберт. Обещал жене быть не позже семи. У нас там небольшое семейное мероприятие. Может, вы, Тимур? Составите гостю компанию, а? Я бы с вами с удовольствием. Тем более, буфет на теплоходе есть. Пива бы... Вы спешите?

— Да нет, — ответил Асланов. — Не спешу. Полтора часа у меня есть. Ну а что касается дел...

— Что касается дел, Тимур, давайте так: я вам завтра же позвоню, встретимся у меня на заводе, можно и в субботу или после вашей службы, как вам удобнее. Покажу вам чертежи, посмотрим на месте макет пресса. В общем, Роберт вам детали скажет. Дело стоящее, Тимур, и интересное. К тому же денежное.

Они попрощались с Вадимом, тот быстро пошел к троллейбусной остановке, а Кингсли с Аслановым двинулись к причалу. По зыбкому, качающемуся трапу вошли на борт теплохода, уселись на верхней палубе, поглядывая на немногочисленных пассажиров-попутчиков.

Через несколько минут теплоход, забурлив винтами, отвалил от причала, заскользил по мелким серым волнам водохранилища.

— Может, нам искать другое место? — проговорил Кингсли. — Так громко говорить этот усилитель, я больше ничего не слышать.

— Идемте на корму, — согласился Асланов. — Тут в самом деле ни черта не слыхать.

Они спустились по короткой лесенке в буфет, взяли несколько бутылок пива, бутерброды и вышли на корму, где стояла удобная скамеечка.

Асланов, сняв фуражку и положив ее сбоку от себя, раскупорил бутылки, подал одну из них американцу.

— Пиво такой теплый, невкусный... — Кингсли отхлебнул из горлышка, поморщился и швырнул бутылку за борт. — У меня есть кое-что, как у вас говорят, посущественней, — и он выхватил из распахнутой сумки плоскую бутылку коньяка. Свинтил пробку-стаканчик, налил в него янтарной жидкости. Поднес Асланову.

— Пейте, Тимур. За наше знакомство. Коньяк из Штатов.

— Да?! — не поверил Асланов. — Гм, интересно. Ну, за ваше здоровье, мистер Кингсли.

— Вы можете наливать еще, Тимур, — Кингсли пододвинул Асланову бутылку. — Сколько хотеть.

— Да ладно, давайте покурим, что ли, — Асланов зашарил по карманам. Настороженность в его душе не исчезла, он стал вдруг понимать, что и знакомство с американцем, и эта поездка на теплоходе, и упоминание его фамилии не случайны.

Они закурили, внимательно глядя друг на друга.

— Конечно, я понимать, что вы можете очень хорошо сделать к нашему прессу электронику, — заговорил Кингсли, откинувшись к спинке ребристой скамьи. — И вы хорошо за эту работу получить. Но я собираться вам, Тимур, предложить еще одну хороший работа.

— Что за работа?
— Я сначала хотел советоваться с вами, а потом — с Вадимом.
Кингсли помолчал.
— Понимаете, Тимур, в мире бизнеса ценится любое дело, которое приносит прибыль. Я есть бизнесмен, хочу делать любая работа, которая мне выгодна. Я о вашем деле знать больше, чем Вадим.
— Вот как?! Откуда же? — оторопел Асланов.
— Ну... может, я немного преувеличивать, вы не надо пугаться, — Кингсли добродушно похлопал Асланова по погону, снял очки, и Асланов наконец рассмотрел глаза американца: они были холодными, стального какого-то, железно-серого цвета.
— Так вот, — продолжал Кингсли, — наше совместный с Вадимом предприятий объединять очень хороший специалист. Но фирма хочет расширять диапазон. Хочет привлечь работу офицеров вашего института.
Асланов засмеялся.
— Как это? У нас в основном секретные разработки, мы работаем на армию. За это дело по одному месту нам с вами дадут.
Засмеялся и Кингсли. Погрозил у самого носа Асланова длинным белым пальцем.
— Предпринимательство, Тимур, есть хитрость. Я могу говорить с вами откровенно?.. Очень хорошо. Я заниматься международный бизнес. Россия, Америка, Аргентина, Мексика... Везде есть филиалы нашей фирма. Мой шеф очень большой предприниматель. Очень! Он говорит мне: Роберт, везде надо искать талантливый люди, брать себе их на службу. Бизнес — интернациональный, он делать сам себя. Вы меня понимать, Тимур?
— Не совсем.
— О, хорошо, я буду сейчас объяснять. Но сначала будем выпить.
Выпили. Шумел и пенился бурун, горласто ссорились чайки, недовольно колыхалось растревоженное ходом теплохода водохранилище. С верхней палубы неслось по водной округе разудалое: «...Я рыжий, рыжий, рыжий, а теперь седо-о-ой...»
— Так вот, господин майор, — продолжал Кингсли, — вы с Вадимом можете начать новое дело, а я буду вам помогать.
— Что за дело?

— Ваш институт разрабатывать новый аппаратура для обнаружения наших самолетов...
— Вы хотите сказать...
— Да, я хотел сказать, что в Америке известно о работе вашего института. И вот у нас есть идея: Вадим официально обращается в ваш институт с предложением помогать...
— Ну, вы эту хреновину бросьте. — Асланов замахал руками. — Нашли дураков. Кто это вам разрешит заниматься закрытой темой? К тому же... — Асланов хотел сказать, что работы по «Стелсу» идут полным ходом, что существует уже самолет-аналог, что немало сделано и по радиолокационному его обнаружению, но спохватился. Черт возьми! Он соображает, с кем говорит?!
Асланов вмиг протрезвел, глаза его растерянно забегали по корме теплохода. Как бы отсюда смыться. уйти от опасного этого разговора, выскользнуть из ловушки, в которую заманили его этот сводник Вадим и хитрющий, с ласковыми манерами американец.
Асланов надел фуражку и сказал веско, стараясь держаться как можно достойнее:
— Мистер Кингсли, вы меня извините... За коньяк, конечно, спасибо, а что касается работы института... Не имею права. Я — военный человек. Присягу давал. Вы не по адресу обратились.
— По адресу, по адресу, — усмехнулся Кингсли и вытащил из кармана своей объемистой сумки вдвое сложенный листок, подал его Асланову.
Это был текст его телефонного обращения в американское посольство. Слово в слово.
— Вы... вы где это взяли? — спросил он дрогнувшим голосом. — Я... я не понимаю.
Кингсли спокойно отобрал у него листок, медленно и выразительно порвал его на мелкие кусочки, бросил за борт. Ветер подхватил белые клочки, разметал их, как снежинки, в кипящем буруне.
— Не переживайте, господин майор, — сказал Кингсли. — Об этой записке никто не будет узнавать. Вам привет от шефа.
Асланов дернулся.
— Послушайте, Кингсли, или как вас там... В записке, что вы сунули мне под нос, указана моя фамилия. Я действительно Асланов, научный сотрудник военного

нии. Но... это провокация! И как только вернемся в город, я вынужден обратиться...

— Не надо спешить, господин майор, — ровно прервал его Кингсли. — И нервничать не надо. Я вам ничего плохого делать не собирался. Вы сами делать выбор.

Асланов налил себе коньяку, выпил и отрывисто, покорно спросил:

— Зачем вам надо было выходить на меня через Вадима? Я его не видел никогда. Я же дал свои координаты.

— Вадим нам помог. Он кое-что узнал о вас. К тому же через него — безопасней. Я — бизнесмен, живу открыто, нас познакомил Вадим. И эта идея со «Стелсом»... Группа инженеров могла бы помогать ваш институт. Легально. Патриотически настроенные инженеры, они переживают за дело. Можно просить и деньги, честно работать. Почему не поддержать?

— Чепуха все это, — резко сказал Асланов. — Вы нас совсем за дураков принимаете? Кто это разрешит?

— Мы создавать инициативная группа по борьбе со «Стелс», — упрямо повторил Кингсли. — Вернее, создавать будет Вадим. Это их право. И желание...

«Ну, желать всего можно, — думал Асланов. — Только проку от вашей затеи все равно никакого не будет. Контрразведка все это схватит с первых же шагов. Как тут ни прячься за патриотические лозунги. Другое дело, что Кингсли нужно прикрытие...»

Асланов, хлебнувший уже достаточно много, плохо соображал, какую именно игру затеяла американская сторона, он думал больше о себе.

«А если это и не американец вовсе, а какой-нибудь хорошо играющий свою роль чекист?.. — тягостно размышлял он. — Какой-нибудь эстонец или латыш, говорящий с акцентом? Где доказательства?»

— Мистер, — пьяненько сказал Асланов, решив проверить Роберта Кингсли. — Катился бы ты отсюда. И чего шантажируешь, чего бумажки какие-то под нос тычешь? В Москве, конечно, я был и по улицам, разумеется, ходил, но ни в какие посольства не звонил.

Кингсли поболтал остатки коньяка в бутылке, завинтил крышку-стаканчик, сунул бутылку в сумку. Оглянувшись, — нет ли кого в узеньком коридорчике теплохода, соединяющего палубу с кормой? — вытащил тугую, обернутую полиэтиленом пачку, положил перед Аслановым:

— Это деньги, майор. Десять тысяч. Аванс за работу.

Асланов не притронулся к деньгам, и Кингсли спокойно накрыл их его фуражкой.

— И вот еще фотоаппарат, — на фуражку лег вполне безобидный на вид брелок для ключей. — Он очень прост в обращении, вы есть грамотный человек, разобраться просто. — И добавил вполне приказным тоном: — Уберите все это с глаз, майор. Люди ходят...

Асланов подчинился. Брелок сунул в кармашек форменной рубашки, а деньги рассовал по карманам брюк.

— Вы же сами нам обращаться, — урезонил его Кингсли. — Шеф дает вам поручений и аванс. Мы есть порядочный люди, можешь не сомневаться, майор. Не надо капризничай и нас подозревайт. Шеф платить ценный работа.

— Еще бы! — вскипятился Асланов. — Ваш «Стелс» ловим — это, может, и не десять тысяч стоит.

— Это аванс, майор. Вы выполняйт задание шефа, он больше платить.

— Вы разведчик, Кингсли?

— О, нет. Нет. Я — бизнесмен. Меня просить шеф передать деньги и аппарат, и я сделал. Риск — да, но весь бизнес риск. Я буду ездить ваш город, мы будем встречаться иногда. Вы выполнять наш заданий, мы платить хороший сумма. Вам будет открыт счет в Америке, со временем вы, майор, стать богатый человек.

— А, когда это будет! — отмахнулся Асланов и нервно закурил.

— Будет, будет! — успокаивал его Кингсли.

Теплоход в это время разворачивался уже у плотины. Водохранилище здесь кончалось, за плотиной текла узкая и мелкая река, тянулись ухоженные зеленые поля. Далеко на горизонте синел лес.

— В жизни надо ориентироваться на сильного, господин майор, — дымя сигаретой, говорил Кингсли. — А сильный — прежде всего есть богатый человек. Миром править доллар, Америка, вы это понимать? У нас — мировой правительство, лучший умы, цвет всех континентов. Вы, русские, есть талантливый нация, но вас портить коммунисты. Вы привыкли работать на какой-то аморфной идею, всеобщий равенство. Зачем, господин майор? Зачем вам, ученому, как вы, русские, говорить... парень с головой! да! работать на другого. За другого парня?! Ха-ха-ха... Это есть глупость, господин майор.

«Давай-давай, повоспитывай, — легонько усмехался Асланов, поглаживая усы. — Почитай мне, мистер, техминимум по основам капитализма. Как будто я сам не знаю. Это теперь ни к чему. Хотя «политработу» они, видно, запланировали, шеф поручил. Щупает меня. Да чего уже щупать, сам пришел. А «пентагон» им наш, конечно, нужен. Клюнули все ж таки, справочки обо мне навели, Кингсли этого прислали...»

Асланов делал вид, что внимательно слушает Кингсли, кивал американцу, поддакивал.

— Жаль, что ваш Горбачев так боится отказываться от социализма. Он должен быть решительный руководитель. Его поддержать во всем нашем мире.

— А наши могут скинуть, — вставил Асланов. — Я имею в виду военных. Там, наверху, мужики крутые сидят, один маршал Ахромеев чего стоит. Стена!

— Стена! Ха-ха-ха... Берлинский стена была из бетона, а потом разобрали на сувенир. У меня тоже есть кусочек берлинской стена, Асланофф. Очень памятный сувенир!..

— Да хрен с ней, с этой стеной, — отмахнулся Асланов. — Немцы теперь нашего Горбачева на руках будут носить. Может, и нам полегче будет жить. Сколько мы денег в Восточную Германию вбухали. Это же ужас!

— Вот, правильно, господин майор. А спросить: зачем? Западных немцев пугать, нас, Штаты, пугать, господина Манфреда Вернера держать постоянный напряжений. Большой, очень большой расходы для всего мира делать. Коммунистической идеологий пугать. А человеку надо жить так, как ему хотеть, работать на того, кто больше платить. По справедливости. Весь Запад так жить. Мораль здесь не нужно говорить — бизнес!

— Есть еще патриотические чувства, Роберт, присяга, наконец. Вы, американцы, насколько я знаю, очень патриотичные люди, — слабо возразил Асланов. Разговор ему этот был неинтересен, он лишь вяло поддерживал его. Зачем воду в ступе толочь — все ясно...

— Мы есть патриоты Америки, да! — живо подхватил Кингсли. — Потому что мы есть патриоты хорошей жизнь, демократический государства, свободы, понимайт меня, Асланофф?.. О'кей! Вы сделать выбор, господин майор, наш шеф приветствует это. Надо работать теперь на Америка, и Америка будет хорошо благодарить вас, Асланофф.

— Интересно, как же зовут этого «шефа»?

— О, не надо спешить, господин майор! Следующий раз я буду привозить вам письмо от шефа, там все узнаешь. Можно назвать его «Майкл»... Ха-ха-ха... Вас тоже не будут теперь называть Асланофф, просто «Дорогой друг»...

— А ты чего бутылку-то убрал? — неожиданно спросил Асланов. — Не допили ведь.

— О-о, я просто так ее прибирать с глаз, люди ходить здесь, — сказал Кингсли, вынимая коньяк из сумки. — Давай, господин майор, наливать! Пить до дна!

— Вот именно, — мрачно поддержал его Асланов. — Чего уж теперь. — Помолчав, добавил: — Вот вы, американцы, столько лет вопили: мол, Советский Союз, русские коммунисты стремятся к мировому господству... А сами-то! Во все щели лезете, всеми правдами и неправдами...

Тонкая улыбка скользнула по губам Кингсли.

— А вы есть вялая нация, Асланофф. Равнодушная. Как можно триста лет терпеть татаро-монгольских ханов? Семьдесят с лишним лет коммунисты-ханы, а? Вы не знать, как пахнет настоящий свобода! Свобода бизнеса! Свобода слова! Свобода мысли! Свобода собственности! — воскликнул Кингсли. — Союз ваш все равно развалиться. Мировой правительство будет сидеть Америка, господин майор. Надо это понимать. И вы правильно делайт, что уже теперь работать на Америка.

— Но-но! Роберт, поосторожней. Могу и обидеться.

— Ты не будешь обижаться, Асланофф, — ровно парировал Кингсли. — Ты есть наполовину русский. Биография ваша знаем.

— Хм, и это уже знаете?

— Да, вот еще что, господин майор, я совсем забыть, — резко переменил тему разговора Кингсли. — Шеф просил узнать вас... как это главные направления работы ваш институт. Понимайт меня?

— Понимаю, — упавшим голосом отвечал Асланов.

— Шеф просить вас готовить информаций к следующей нашей встрече. Вы можете мне звонить Москва, когда будете. Телефон... — И он внятно назвал ряд цифр.

По левому борту показались белые дома города, дуга ажурного, на мощных быках моста, медленно проплыл торчащий из воды постамент с парусником-символом. Потом разом стемнело.

Они вышли на знакомом уже причале. Маленькая команда теплохода — капитан в белой фуражке с «крабом», моторист да матрос — с интересом поглядывала на своих пассажиров: понравилась ли прогулка? Массовик-организатор, кругленький, в летней шляпе мужичок, даже спросил об этом, и Кингсли похлопал его по плечу:

— О'кей, товарищ! Все хорошо. Тэнжью!..

— О, видал! Иностранцев сегодня катали! — удовлетворенно сказал массовик-организатор капитану, который смотрел в открытое настежь окно рубки, и тот важно покивал: а чего, дескать, пусть и иностранцы катаются, отдыхают в нашем городе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Элен. Катрин и Дашуня коротали вечерок в квартире Рябоконей. Николай Семенович тоже был дома, сидел у себя в комнате, работал, и молодые женщины старались не мешать ему, беседовали негромко. В комнате приглушенно распевал песни магнитофон.

Подруги говорили о разном. потом Дашуня спросила Элен:

— Ну как у тебя с тем красавцем майором, с которым ты зимой в Доме офицеров познакомилась?

— Встретились несколько раз. Восьмого марта он цветы подарил. Кстати, завтра у нас с Тимуром свидание...

При слове «Тимур» Катрин вздрогнула, опустила глаза и нервно затеребила поясок летнего своего платья. На благодушном ее лице появилась тревожная тень.

«Тимур? А что, если Тимур — одно и то же лицо?! Какой ужас! — засновали в ее голове беспокойные мысли. — Встречается, оказывается. с Элен, а она, Катрин, беременна от него уже четвертый месяц!..» Но тот Тимур, что приходил к ней из кооператива, не военный, он никогда не говорил ей. что служит в армии, он научный сотрудник одного из вузов. А она не имела права расспрашивать, знала. что анонимность отцовства — это одно из условий кооператива Михаила Михайловича. Так что какие в данном случае могут быть претензии к Тимуру, даже если он тот самый. Михаил Михайлович предупреждал, что никаких эксцессов потом не должно быть, и она, как и другие женщины. приняла это условие. Главное — ребенок от здорового и красивого мужчины.

Катрин заметно побледнела. Она попыталась встать, но

ноги не держали ее, и она снова опустилась в кресло.

— Катерина! Что с тобой? — всполошилась Дашуня и подскочила к ней, стала обмахивать первым попавшимся под руку журналом.

— Катя! Тебе плохо? Ты такая бледная... — встревожилась и Элен. Она вышла на кухню, вернулась со стаканом холодной воды, подала Катрин. Та отпила несколько глотков, слабо и виновато улыбнулась.

— Вы простите, девочки. напугала я вас... Я здорова, но я просто, я... беременная.

— Ах, вот что! — всплеснула руками Дашуня. — А чего ж молчишь? Давно?

— Четвертый месяц.

— Ты что... вышла замуж? А мы ничего не знаем.

— Понимаете, девочки... — Катрин облизала пересохшие губы и, помолчав, продолжала: — Тридцать через год уже, а я ребенка хочу, мама с ума сходит, внука нянчить собралась, а его все нет и нет... В общем, решилась я, девочки. Гуляла с одним... Замуж не позвал, а я и не навязывалась.

— А ты вот родишь, а потом сходи к нему. Мол, ребенок у тебя растет... Как его зовут-то?

— Зовуткой зовут, Даша. Чего ты такая настырная — все тебе расскажи да имя назови... Может, и скажу когда-нибудь.

— Девочки, чай будем пить? — предложила Элен.

— Давайте попьем, — согласилась Дашуня. — Хотя бы лучше в такую духоту мороженого. А что, Катерина?

— Мне бы лучше кисленького, — жалобно протянула та, и Дашуня с Элен весело рассмеялись.

После чаепития Элен сказала отцу, что пойдет провожать подруг и немного потом погуляет.

— Хорошо, доча, хорошо, — разрешил Николай Семенович, — иди, а посуду я сам помою... Это мне как разрядка будет, а то три часа уже за столом, не разгибаясь, за бумагами сижу. Лена, пожалуйста, не позже одиннадцати. Хоть и в центре живем, а все одно — шпаны полно, не дай бог...

— Ладно, папа, буду в одиннадцать, — пообещала Элен.

Она проводила Дашуню и Катрин до остановки троллейбуса и. едва троллейбус ушел, перебежала на другую сторону улицы и поехала на Юго-Запад. к Асланову.

Он встретил ее радушно.

— Ты как раз к ужину, — сказал он, пропуская Элен в комнату. — Картошку я уже почистил, сейчас жарить будем.

Он прижал ее к себе и поцеловал.

Она села на диван, огляделась. Не прибрано, пыльно. Спросила у Асланова тряпку, стала протирать стулья, телевизор, книжные полки. Потом взялась за веник.

— Пыли у тебя — жуть! — корила она его за бесхозяйственность. — Ты бы хоть раз в месяц полы мыл.

Элен привела комнату в порядок, и скоро они сели ужинать — в чистоте и уюте. Асланов поставил на стол бутылку вина.

— Мне не надо, Тимур. — Элен ладонью накрыла фужер.

— Почему? — удивился он. — Это же сухое, некрепкое. Кстати, по знакомству достал. Это такой дефицит теперь.

— Ему... нельзя. — сказала Элен радостным, но напрягшимся все же голосом. — Ребеночку нашему. Маленькому Тимурчику.

Асланов, изменившись в лице, отставил бутылку — слепо тыкал ею между тарелок, едва не опрокинул. Смотрел на Элен молча, в черных его глазах жила целая буря чувств.

— Ребенок?! У тебя? Наш?

— Ага, Тимур, наш! — Она засмеялась счастливо. — Три месяца уже скоро. А через полгода рожу тебе сыночка. Вот такусенького — маленького, хорошенького, — Элен раздвинула ладони, по размерам у нее получился котенок, не больше.

— Лапушка! Леночка!

Асланов пересел к ней на диван, обнял, затормошил.

— Может быть, ты ошиблась? — В голосе его звучала надежда.

— Нет, Тимур, не ошиблась! — говорила Элен радостно, и глаза ее торжествующе блестели. — Я у врача была. И вот пришла обрадовать тебя, Тимур!

— Обрадовала... Конечно, обрадовала! — Он не находил себе места. Вскочил, забегал по комнате в поисках сигарет, потом долго искал зажигалку. Нашел, закурил, сел напротив Элен, глядя на нее как-то по-новому, она не знала еще такого его взгляда — испытующе-растерянного.

— Ты правда рад, Тимур? Скажи честно. Это так важно для меня. Я хочу, чтобы у нас все было хорошо. Ты же говорил, что любишь меня.

— Успокойся, Лена! — Он взял ее руку. — Все так и есть. Ты самая хорошая женщина на свете. Я очень люблю тебя... Но... так неожиданно все! Такое известие.

— Я и сама не ожидала, Тимур. Честное слово! Я ведь береглась, ты же знаешь. А потом, когда я поняла, сходила к врачу... Ну, я ждала момента, чтобы сказать тебе. Да вот еще папе хочу сегодня сказать. Что бы со мной ни случилось. У меня от него тайн нет.

— Это хорошо... Это так и должно быть, — невнятно бормотал Асланов, нервными движениями руки заталкивая полусгоревшую сигарету в пепельницу. — Что ж. Давай скажем Николаю Семеновичу. Что мы любим друг друга и хотим пожениться.

— Тимур! Родной мой! — Элен потянулась к нему через стол, провела ладонью по колючей, зачерневшей уже щеке, голос ее был невыразимо нежен и ласков. — Я так люблю тебя!

— И я, Лена. Я очень тебя люблю. Но... ты же знаешь, что у меня двое ребят, алименты... Это будет мешать, а?

Она обошла стол, села к нему на колени, обняла. Стала целовать — в нос, губы, усы, глаза.

— Ничего не говори, глупый! Не надо. Главное, что мы любим друг друга. У нас будет ребенок, и мы будем оба любить его. И папа будет очень рад, вот увидишь! Он хороший, Тимур. Строгий, но справедливый, добрый. Вы с ним подружитесь. Я помогу вам обоим.

— Ладно, Лена, рискну еще раз, — откровенно сказал Асланов. — Делаю тебе официальное предложение. Будь моей женой.

— Я согласна, Тимур! Я хочу, чтобы ты был единственным и любимым. А я буду тебе верной и ласковой женой. Ты ведь меня еще мало знаешь!..

Через час Асланов проводил Элен до подъезда ее дома, и она, велев ему подождать, поднялась на свой этаж, с порога объявила отцу:

— Папа, я вышла замуж!

Рябоконь, встретивший ее в прихожей, в изумлении открыл рот.

— Как?! Когда?!

— Сегодня, папа, сейчас. Тимур сделал мне предложение, и я приняла его.

— Асланов?! Предложение?! Но... ты же говорила, что вы почти не встречаетесь, что...

— Папа, я говорила тебе не всю правду. Я сама не была тогда ни в чем уверенной. А теперь... Папочка! Дорогой ты мой! Разреши нам пожениться, а? Я знаю, ты настороженно относишься к нему, он был женат, у него дети и все такое прочее. Но я так люблю его, я без него теперь не могу.

— Теперь! Почему теперь? — недоуменно развел руками Рябоконь.

— Ну... — Элен смутилась. — Я потом тебе все скажу, позже. А сейчас... Может, позовем его? Он там, внизу, у подъезда.

— Вот как?! И он что же... бывал здесь, у нас?

— Был, папа. Когда ты ездил в командировку. В Верхотурье. помнишь?

— А-а... Понятно. — Рябоконь помрачнел. — Значит, ты обманывала меня, дочь. Жаль. Ну да ладно. Что ж, зови его, поговорим.

...Рябоконь выпроводил дочь в кухню и сказал Асланову:

— Вы знаете, Тимур Асланович, я человек прямой и говорю всегда то, что думаю. Так вот, новость о вашей связи меня не обрадовала. Наоборот.

— Это не связь, товарищ полковник...

— Дома вы можете называть меня по имени-отчеству.

— Благодарю. Николай Семенович, это не связь. поймите! Мы с Леной любим друг друга, и прежде чем сделать такой ответственный шаг, я очень серьезно и много думал. Вы прекрасно знаете, что у меня дважды не получилась семья, и я знаю, как вы к этому относитесь. К тому же мы служим в одном институте, и я ваш подчиненный. Да я тысячу раз все обдумал, Николай Семенович. поверьте мне на слово!

— Допустим. Что вы намерены делать дальше?

— Я прошу вашего благословения, Николай Семенович. Я не могу перешагнуть через ваше... ну, как бы это точнее сказать. отрицательное отношение. Мы с Леной все равно поженимся. но мне хочется, чтобы вы... чтобы у всех у нас были добрые отношения.

Рябоконь, опустив голову, барабанил пальцами по столу.

— Я хотел для дочери совсем иного мужа, Асланов, — помолчав. сказал он. — Не обижайтесь. Я вас достаточно хорошо знаю, у вас много положительных качеств, но для роли моего зятя вы. мне кажется, совершенно не подходите. Лена в вас ошиблась.

— Николай Семенович, я понимаю. что словами ничего не сумею доказать. Мы действительно давно и хорошо знаем друг друга. и переменить ваше ко мне отношение очень сложно. Но вы судите обо мне по службе, а что касается других моих качеств... Мне. разумеется. трудно говорить о себе в превосходной степени. но я буду доказывать и докажу одно: я люблю вашу дочь! И мы будем с нею счастливы. Вот увидите! А вы будете рады за нее.

— Дай бог. Дай бог! — повторил Рябоконь. и лицо его несколько смягчилось. — Поймите. Асланов, мою, может быть, излишнюю суровость: Лена у меня одна-единственная. Это моя жизнь, мои надежды. мой отцовский долг — уберечь ее от непродуманного шага. помочь ей разобраться в людях. Так все хрупко сейчас в нашем мире. ненадежно. Мы с вами военные люди, лучше других. наверное. чувствуем. ощущаем ту призрачность, грань, которая разделяет покой от вооруженных конфронтаций. Да что там говорить! Льется кровь в Нагорном Карабахе, в Осетии. неспокойно в Молдове и на Украине... Союз наш трещит по швам. никто не знает, что будет с нами, военными. да и со всем народом завтра...

Незаметно для самих себя они перешли на обсуждение политического момента в стране, и Рябоконь с удовольствием слушал своего подчиненного: Асланов смело судил о довольно запутанных политических делах в нашей стране и за рубежом. И совсем покорил сердце полковника, когда с возмущением заговорил о дискредитации армии, о том, что армия при всех сложностях политических преобразований должна играть решающую стабилизирующую роль. В этом залог покоя народа, успешного преодоления экономических трудностей... Асланов словно бы подслушал мысли самого Рябоконя.

— Больно читать и слушать то, что говорят и пишут о нас с вами. Николай Семенович! — трагическим голосом закончил Асланов. — Мы. военные, этого не заслужили. Если и держится еще на чем-то наше государство — так это на армии, на ее стойкости, верности Присяге. Все

остальные структуры давно уже не работают. Все разрушено.

— Да, Тимур Асланович, ломать не строить. Коммунистические идеи опошлены, извращены рядом руководителей страны, начиная со Сталина. Убедить народ в обратном на фоне всеобщей разрухи невозможно. Демократия в голодной стране — это анархия, неуправляемость, непредсказуемость ситуации. Грустно на все это смотреть. Просто оторопь берет. Власть переходит и, видимо, перейдет окончательно к вновь народившейся советской буржуазии, сколотившей свои миллионы прежде всего на спекуляции...

— Да, да, Николай Семенович, — кивал Асланов, и глаза его были полны согласия. — Именно так. И кому мы с вами будем в таком случае служить? Кому служим теперь? Ведь Родины в старом понимании этого слова уже нет.

— Нет, Тимур Асланович, Россия, наша Родина была, есть и будет. Ей мы служим, нашему Отечеству. А насчет политического строя... Да, в этом вы правы. Страны будущего коммунизма, к сожалению, уже нет.

«И не надо. И хорошо, что уже нет», — чуть не ляпнул Асланов, но вовремя придержал язык. Агитировать Рябоконя за другой политический строй он вовсе не собирался. Время все расставит на свои места. Сейчас важно уладить вопрос о женитьбе. Хорошо бы полковник сказал свое железное, твердое «нет». Все бы образовалось само собой.

Рябоконь, однако, вел себя по-другому. Он заметно повеселел, настороженность с его лица почти исчезла. Он совсем не ожидал найти в Асланове единомышленника. Вот, оказывается, как умно и справедливо мыслит майор. А на службе в основном помалкивает, на собраниях отсиживается в укромных уголках, на дальних стульях. Впрочем, правильно делает. Решают не майоры. Но сам-то он, Рябоконь, много раз на тех собраниях выступал? То-то и оно. Вот и катится колесо само по себе. А ведь назревает что-то в самом воздухе, назревает. В Москве ходят самые противоречивые слухи о военном перевороте, и тогда и полковнику Рябоконю, и майору Асланову, и всем офицерам института придется сделать выбор...

— Ладно, хватит о политике, Тимур Асланович. Давайте чаю попьем. Я сейчас Лене скажу.

Рябоконь отправился на кухню, где тихонько гремела посудой его ненаглядная дочь, а Асланов быстро подошел к столу, пригляделся к бумагам. Увидел знакомые по институту схемы — полковник брал, оказывается, работу на дом, что запрещалось, даже наказывалось. Сердце его дрогнуло — перефотографировать схемы в домашних условиях будет гораздо легче, если повезет, конечно. Но всегда ли полковник берет работу на дом? Или это случайность? Надо будет потихоньку выведать у Елены. А главное — добиться окончательно расположения Рябоконя, войти в круг его домашних забот — они же делают с ним одну и ту же работу! Все будет естественно, Рябоконь должен ему во всем доверять... А с Кингсли, с американцами он скоро порвет. Подзаработает деньжат и порвет. Всю жизнь вкалывать на них он не собирается. Раза два-три выполнит их поручения, получит заработанное и — гуд бай, Америка! Тэнжью!..

Влетела в комнату счастливая Элен, повисла на шее Асланова.

— Тимур! Мне папа сказал!.. Ой, даже не верится. Я так переживала! Но мы все же не будем его торопить, ладно? Пусть он же неделю-другую походит, подумает. Потом все будет нормально, Тимур. Я его знаю. Он добрый, хороший!..

Скоро все трое сидели за накрытым столом в гостиной. Рябоконь с Аслановым пили водку, размягченно уже и совсем по-родственному поглядывали друг на друга. Где-то к полуночи у Асланова вроде бы случайно сорвалось с языка:

— Вы не переживайте за Лену, отец. Я ее на руках носить буду, я ее больше жизни люблю.

«Отец»! Ишь, дипломат, — растроганно думал Рябоконь. — И вполне естественно это у него получается, не притворяется. Как будто сто лет со мной за этим столом сидит. Ну ладно, дочь, смотри сама, тебе с ним жить. Кобелек он, конечно, еще тот, это ясно, но теперь отбегался, пусть только попробует...»

Свадьбу назначили на осень, на конец сентября. К тому времени Тимур и Елена должны будут зарегистрироваться в загсе.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В тот день Дашуня, находясь в центре города, решила позвонить своей приятельнице и пригласить ее в кино.

Она зашла в телефонную будку и хотела снять трубку, но опустила руку, увидев совсем рядом, у колонн музыкального театра майора Асланова, разговаривающего с женщиной. Дашуня сразу же узнала ее. Майор лихо отплясывал с ней ламбаду в Доме офицеров. Это была Раиса Петровна. Интересно, чего это они тут делают?

Дашуня вмиг нацепила на нос темные очки, стала к «объекту наблюдения» вполоборота, делая вид, что пытается набрать номер. Позавчера Элен сказала, что выходит замуж за Тимура Асланова, что они уже и заявления в загс подали. А этот майор прогуливается с инструкторшей. Конечно, ничего особенного тут нет: вечернее время, офицер встретил знакомую женщину. И все же, все же... Вон как напряженно говорят, хмурятся, жестикулируют. Интересно, о чем же их беседа?

Раиса Петровна в сером костюмчике, с красиво уложенными волосами, с вздымающейся от волнения грудью выглядела вполне эффектно. Асланову она говорила что-то гневное, резкое, а он стоял, понурив голову, и скорее всего оправдывался: пытался взять ее за руку, успокоить, терялся от того, что прохожие поглядывали в их сторону.

— Интересно-о, — продолжая наблюдение, сказала Дашуня. — Чего это они?

Житейский опыт подсказал ей, что тут что-то не так, просто знакомые люди на таких тонах не разговаривают... Сценка у колонн театра тем временем приняла неожиданный оборот: Раиса Петровна сказала майору что-то резкое и вдруг... залепила ему пощечину! Потом, повернувшись на высоких каблуках, быстро пошла прочь, стук ее каблуков был слышен даже Дашуне. Асланов, воровато оглянувшись — кто видел его позор? — поплелся за нею. Дашуня — следом.

— Очень интересно! — снова вслух подумала она, больше всего заботясь теперь о том, чтобы майор не обнаружил «хвоста».

Асланов догнал Раису Петровну и на ходу стал ей что-то объяснять. Лица майора Дашуня не видела, но, казалось, что у него даже спина была виноватая. Он оправдывался перед Раисой Петровной, а та не хотела его слушать.

Они вошли в автобус одиннадцатого маршрута. Мышкой шмыгнула в салон и Дашуня и устроилась позади них на сиденье.

— Раечка, но тебя же не было дома...

Только и услышала Дашуня голос майора, а потом шум движения заглушил голоса Асланова и его спутницы.

«Хм! Раечка! — размышляла Дашуня. — Вон он как ее!..» Впрочем, помнится, майор и Элен тоже ласково называл и к ней, Дашуне, также нежно обращался... Но все же его и эту инструкторшу связывало что-то особое.

На остановке «Дворец машиностроителей» Асланов и Раиса Петровна вышли. Выпрыгнула за ними следом и Дашуня. За мебельным магазином парочка свернула за угол, Дашуня едва не потеряла их из виду, пришлось малость припустить рысцой. Раису Петровну и Асланова она увидела во дворе большого девятиэтажного дома. Они стояли и уже разговаривали спокойно. Потом женщина ушла, а майор, выкурив в тревожном раздумье сигарету, вернулся к остановке автобуса.

Дашуня вошла в подъезд дома, где скрылась Раиса Петровна и в списке жильцов, укрепленном на стене, нашла инициалы «Р. П.» и стоявшую рядом фамилию — ЗЕЛИНСКАЯ. Теперь осталось убедиться, что в сто двадцать третьей квартире живет именно Раиса Петровна, а не какая-нибудь Римма Павловна Зелинская. Дашуня поднялась в лифте на четвертый этаж, позвонила.

— Сейчас, Тимур! Минуточку! — послышался из-за двери голос, и у Дашуни екнуло сердце: вот так-то, милая, Элен. Тимур-то твой бывал, оказывается, здесь, и, видимо, не раз.

Дверь распахнулась. Раиса Петровна, успевшая уже переодеться, запахивая на груди халат, строго спросила Дашуню:

— Вам кого, девушка?

— Мне... Валерия Борисовича. Он дома?

— Здесь такой не живет. Вы, наверное, ошиблись.

— Извините ради бога! Я, видно, подъезд спутала.

— Вполне возможно! — Дверь снова захлопнулась.

«Говорить или не говорить Элен? — спрашивала себя Дашуня. — Такое известие для нее.. Да-а... Неужели ее Тимур хаживал к этой старушенции? Да, хаживал, конечно, что тут неясного! Вон какую пощечину она ему врезала».

* * *

Договорившись с Раисой Петровной о том, что вернется к ней, но только попозже, часам к десяти, Асланов

отправился домой — за коньяком и подарком. Зелинскую он встретил сегодня случайно, буквально столкнулся с нею у музыкального театра. Встречаться с ней, как прежде, у него теперь не было времени, всю его жизнь заняла теперь Элен. Вечерами ждала его после службы возле института или просила зайти к ней на работу, назначала свидания и в других местах, допоздна не отпускала его.

Недавно они побывали в магазине для новобрачных, подыскивая Асланову костюм, а Элен — платье. У Рябоконей Асланов бывал теперь каждую неделю. Так что попасть к Раисе Петровне, попрощаться с нею, поговорить по-человечески у него просто не было времени. И вот эта неожиданная встреча у театра, острый разговор, пощечина...

Он дал себе слово, что посидит у нее с часок. И уйдет навсегда. Можно было, конечно, и сегодня к Раисе не ходить, ответить ей на хамское поведение грубостью. Но ведь она всегда хорошо относилась к нему, халат, тапочки ему купила, деньги дает и вообще встречает как мужа. Обострять с ней отношения, конечно, ни к чему. Надо поговорить с ней, убедить ее, успокоить. Главное — поблагодарить. Не хлопать дверью, вести себя по-джентльменски.

Раиса погорюет-погорюет да и забудет о нем, выкинет из головы мысль о замужестве. Какая она, к черту, жена, на столько лет старше! Поигрались, потешились — хватит. Надо ему прибиваться к берегу. Хотя с Элен тоже все как-то быстро получилось: не успел те два хомута сбросить, вот он уже новый. Погулять бы еще на свободе. Ну да что теперь поделаешь — с Рябоконем шутки плохи, тут не поиграешься — Элен беременна.

Приехав домой, Асланов переоделся в гражданское, взял припасенный коньяк и большую коробку с расписным электросамоваром, коробочку с дамскими часами, поймал такси и к десяти вечера, как обещал, был у Раисы Петровны.

Она встретила его спокойно, без улыбок и обычных коридорных объятий, молча пропустила в прихожую. Он протянул ей коробку, сказал с чувством:

— Вот, Раечка, тебе. За сочувствие и заботу. От души.

— А любовь уже не в счет? — спросила она. — Только забота?

— Любовь — само собой. Но согласись: дарить подарки за любовь? Как-то не звучит, а? Ты не находишь?

Раиса Петровна дернула плечом, раскрыла коробку. Лицо ее озарилось радостью.

— Ой, Тимурчик! Самовар-то какой, гляди! Я столько лет о нем мечтала. И где ты его только добыл?!

— Где добыл, там уж нет, — с загадочным выражением лица сказал он, не распространяясь, конечно, о том, что, получив от американцев гонорар, отправился на толкучку и, не торгуясь, купил этот самовар, потому что помнил: Раиса не раз говорила, что хотела бы иметь расписной электрический самовар.

Примерила она и часы, они ей были впору и очень понравились. Вертела руку так и сяк, любовалась. Потом подошла, обняла Асланова, прижалась к нему всем телом. Повинилась:

— Ты прости свою Раечку, Тимурчик. Ладно? Не сдержалась я, заподозрила тебя. Думала, бросил ты меня, на какую-нибудь соплюшку променял.

— Чего об этом вспоминать! — великодушно ответил он, невольно потирая щеку — до сих пор кожа помнила тяжелую ладонь Раисы.

— Знаешь, мне так обидно стало, — говорила она, расхаживая по комнате, ища, куда бы поставить самовар. — Мы ведь с тобой давно уже муж и жена, верно? Я так привыкла к тебе, полюбила. А ты, кобелек, с блондиночкой разгуливаешь. Я видела тебя с ней однажды. Впрочем, нет, дважды. Думаю: так-так, ко мне, значит, спать ходит, а в кино другую водит. Вот и получил.

— Видела? С блондинкой?! А-а, так это совершенно случайно, Раечка. У меня билет лишний был, вот я и... А тебе звонил-звонил...

— Девицу ту я помню, Тимурчик, — ровно продолжала Раиса Петровна. — Ты с ней на танцах у меня отплясывал. Значит, не порвал с ней знакомство, встречаешься.

— Раечка! Дорогая! Да честное партийное слово тебе даю, что случайно встретил ее возле кинотеатра!

— Ну, партийное слово мало сегодня стоит, точнее сказать — ничего не стоит, — поморщилась Раиса Петровна. — Потому ты им и швыряешься. Не жалко, цены не имеет. Ну да ладно, Тимурчик, чего ты? Я понимаю: прощаться пришел, надоела я тебе. Так? Старая, злая, пощечину залепила, опозорила. А ругаться ты со мной

не хочешь. И, может, совесть еще на донышке осталась.

— Рая! Ну зачем ты так?! Что говоришь-то? Думай!

— А я думаю, Тимурчик. Месяца уже полтора. С тех пор, как видела тебя последний раз. Думаю: чего ему надо, чего нос воротит? Говорит, что любит, живот мне весь искусал, а жениться не хочет. А я так не хочу, Тимурчик.

Раиса Петровна заплакала — беззвучно, отвернувшись к окну, а Асланов стал успокаивать ее, гладить по плечам. Она довольно быстро успокоилась.

— Ладно, Тимурчик, давай прощаться. Погуляем в последний раз — да и горшок об горшок. Кто дальше. Ты коньяк принес, у меня водка есть, закусить найдется. Помогай, майор, хозяйке стол накрыть!

Настроение Раисы Петровны с этой минуты резко изменилось. Она стала смеяться, рассказала какой-то забавный случай, происшедший в их Доме офицеров, но он не вник в смысл, ничего не понял — глаза у Асланова были отсутствующими.

Они сели за стол, на этот раз не в кухне, а в комнате, парадно — перед телевизором, и Раиса Петровна грустно, как мать при прощании с сыном (завтра на службу в дальний гарнизон), смотрела на своего возлюбленного; пила рюмку за рюмкой, не закусывая. В глазах ее стояли слезы, она не скрывала их и не вытирала, и они мелкими прозрачными бусинками катились и катились по ее постаревшим вдруг щекам.

— Рая! Раечка! — укоризненно говорил Асланов, вызывая ее из печальных мыслей, но она отмахивалась:

— Не надо, Тимурчик. Не любишь ты меня.

— Да кто тебе сказал?! Но я уже был дважды женат, у меня не получается семейная жизнь. Я несносный, с ужасным характером человек! Ты выгонишь меня через месяц. Я только в любовники гожусь.

Она молчала, слушала его рассеянно, и он утих, завяз в словесной своей кашице. Да и что еще говорить? К чему? Врать он устал, а рубить правду-матку, по-солдафонски... Нет, женщина эта, конечно же, не заслужила ничего плохого. Она была добра и ласкова с ним, помогала в трудную пору. Ничего к ней, кроме чувства благодарности, он сейчас не испытывал.

— Ты пей, Тимурчик, пей, — пьяно уже просила она. — Что ж ты меня одну спаиваешь?

— Нет, что ты! Я тоже пью. Смотри, бутылка уже пустая.

— Я ведь говорила, у меня водка есть. Возьми там, в холодильнике.

Он послушался, принес водку, снова разлил по рюмкам.

— Неужели ты сегодня вот так и уйдешь? Бросишь меня одну? — Губы Раисы Петровны дрожали... — В такой час, Тимурчик?

Асланов стиснул зубы, желваки заходили по его скулам. «Да какое мне дело, что тебе плохо! — хотелось ему трахнуть кулаком по столу. — Подумаешь, трагедия — любовник бросил. Найди другого, постарше или помоложе, майора или полковника. Может, и на генерала повезет, сейчас генералы молодые. Но меня оставь в покое, хватит. Я сыт по горло твоими жалобами, капризами, подозрительностью. Я устал от всего этого! Какое мне дело до твоей неустроенной жизни?! Она и у мени неустроенная!»

Но, произнеся эту бурную внутреннюю тираду обидных, конечно, для Раисы Петровны слов, Асланов притянул женщину к себе и, как девочке, вытер глаза, нос.

— Успокойся. Я останусь.

Ему и в самом деле не захотелось ехать домой — далеко, на другой конец города.

Раиса Петровна перестала плакать, вздохнула легко и радостно, действительно, как та маленькая девочка, которую незаслуженно обидели или наказали, а теперь простили. Она стала убирать со стола, смеясь, подшучивая над собой, — руки что-то плохо слушались, а ноги подавно. Вот что значит плохо закусывать!

Честно, в поте лица потрудившийся в постели Асланов скоро заснул, а Раиса Петровна, отодвинувшись к стене, машинально гладила рукою ковер, размышляла о неудавшейся своей семейной жизни. Замужем она была, за офицером, но пути их разошлись, детей они не завели, вспоминать о том далеком браке было нечего. Где теперь ее бывший муж и чем занимается, Раиса Петровна понятия не имела — расстались они пятнадцать лет назад, в Перми. После развода она разменяла квартиру, переехала сюда, в Город-на-Дону, устроилась в Дом офицеров по специальности, работой дорожила, была очень ею довольна. Но жила одна.

Появление Асланова восприняла всерьез — ничего, что он моложе ее, в жизни всякое бывает. Тоже разведен, тоже неприкаянно плывет по морю жизни, хиреет без женских рук. Она это поняла еще в первое их знакомство, и мысль об уходе за красавцем майором не давала ей спокойно спать. Уж она-то создала бы ему райскую жизнь, он бы у нее чистенький и наглаженный всегда ходил, в свеженьких рубашках, в новеньких носочках! Как сыр бы в масле катался. Они бы квартиру поменяли, зажили бы припеваючи.

А он не захотел. Ишь, хвостом завертел перед той блондиночкой... Элен, кажется, ее зовут. Да, молода, мордашка смазливая. Но молодость, если на то пошло, не главное достоинство в женщине. Да, важное для мужчины, но не главное. Опыт, образование, манеры, плохая или хорошая хозяйка... все разве перечислишь. А ведь это у нее все есть! Как он не разглядел?

Раиса Петровна с неприязнью покосилась на мирно посапывающего Асланова, поправила на нем одеяло, поднялась. Накинула на плечи халат, ушла в кухню. Сидела там, не зажигая света, курила. Разглядывала в отсвете уличного фонаря стройные свои молодые ноги — что ему еще надо, что? Говорила же ему, что не чувствует возраста, что в душе она молода, что... А! Как объяснишь, что работала всю жизнь в Домах культуры, в гарнизонных офицерских клубах, то есть с утра всегда была дома. А это значит спала, сколько хотела, а вечером — и работа, и отдых. Приятное с полезным. И питалась всегда хорошо, на еду денег никогда не жалела — это здоровье. Организм ее совсем не износился, и женой Асланову она была бы отличной! Она бы дала ему новое, гуманитарное образование, он ведь только в своих железках разбирается, а в музеях не бывает, картин не видел, искусства не знает. В кино, правда, бегает, но что кино? Вышел — забыл...

Раисе Петровне показалось, что Асланов что-то сказал. Она поднялась, приоткрыла дверь в спальню, спросила негромко:

— Ты меня звал, Тимур?

Она подумала, что он проснулся, захотел пить, но вставать лень. А он бормотал что-то во сне, не слышал ее. Усмехнувшись, Раиса Петровна хотела уже было снова закрыть дверь (сама она решила спать на диване в другой комнате), но вдруг отчетливо услышала свое имя:

— ...А я и говорю Раисе: ну, чего ты? На что надеешься? — живо рассказывал Асланов какому-то своему ночному собеседнику. — Старая калоша, а туда же... Куда рак с клешней... Ха-ха-ха...

«Так-так, — скрипнула Раиса Петровна зубами. — Как говорится, что у трезвого на уме... Послушаем еще».

Сон пропал окончательно. Она села в кресло в углу комнаты, слушала.

Наверное, Асланову кто-то возражал. Он засмеялся, дернул ногой, сбрасывая жаркое одеяло, произнес еще несколько невразумительных фраз, потом заговорил вполне различимо:

— Майкл, ты меня не торопи. Я ведь сказал: Рябоконь берет работу на дом... фотографировать просто... Конечно, не положено, он это знает. И нагорит полковнику, если... Да и по заднице дадут. Да пусть Роберт возражает, что с того?! Был бы результат. И деньги хорошие... Ха-ха-ха... Мне много нужно денег, Майкл... Кингсли! Придумает же псевдоним... Кинг-Конг... Да и Перрой... К-хм!

Асланов закашлялся, заворочался в постели, а Раиса Петровна тенью скользнула на свой диван, затихла там, боясь скрипнуть. Бог ты мой, что она слышала?! Это пьяный бред или... А что, если правда?!

Несколько минут она размышляла, потом потихоньку, крадучись, будто была не у себя дома, подошла к столу, пошарила по нему рукой. На клочке бумаги, вырванном из записной книжки (в ней она держала номера телефонов), при свете уличного фонаря записала большими печатными буквами:

МАЙКЛ, РОБЕРТ,
ПЕРРОЙ, КИНГСЛИ,
ФОТОГРАФИРОВАТЬ. ЧТО? ДЕНЬГИ!!
СТАРАЯ КАЛОША.

Сунув записку себе в сумочку, Раиса Петровна снова с предосторожностями легла да так и пролежала до самого рассвета, не сомкнув глаз, слушая, как шепчутся, шуршат под окнами листья высоченных пирамидальных тополей.

Что все-таки означают эти имена? Про «старую калошу» она как-то и забыла.

...Раиса подняла Асланова рано, в шесть. Сказала весело, будто ничего не случилось:

— Тимурчик, вставай, пора. Пока душ примешь, пока позавтракаешь.

Он открыл глаза, потянулся. Хорошо, черт возьми, выспался! В голове, правда, шумок, но это ничего, это пройдет. Он прогуляется перед службой, время есть. Раиса — баба заботливая, знает, что к чему.

Асланов притянул Раису Петровну к себе, запустил было руку ей за пазуху — так соблазнительно колыхались в разрезе халата груди, — но она отстранилась.

— Вставай, вставай, голубок. Купайся, завтракай.

Она ушла в кухню, а он вскочил, крутнулся — аж кости затрещали! Хорошо!

Свежий и бодрый, пахнущий одеколоном, выбритый (Раиса Петровна купила для него и электрическую бритву), он через полчаса сидел за столом, пил горячий свежезаваренный чай, блаженствовал. Кажется, все идет о'кей! Она, судя по ее лицу, не спала, обдумала все, смирилась. Значит, отпустит его с миром. Да и чего, в самом деле, нервы друг другу трепать? Зачем? Погуляли, потешились — все! Он благодарен ей за ласки и заботу, она, может быть, его вспомнит добрым словом. А нет — так и не надо. Сейчас он допьет чай, поцелует Раису на прощание, прижмет покрепче к сердцу и — прощай, моя ненаглядная партнерша по ламбаде!

Раиса Петровна молчала, водила пальцем по кранику самовара, поглядывала на Асланова. Спросила вдруг:

— А где же ты денег взял на такие дорогие подарки, Тимур? И часы золотые, и самовар вон расписной. Дорого все это стоит.

— Заработал, Раечка, заработал. Где еще можно взять деньги? А потом — для милой женщины чего не добудешь?!

— Для милой? А почему ты в таком случае не хочешь на мне жениться?

Он натянуто улыбнулся. Сделал вид, что чай очень уж горячий, дул в чашку, раздумывал. Сказал спокойно:

— Раечка, мы с тобой говорили на эту тему. Давай расстанемся друзьями, а? Разве ты не понимаешь...

— Понимаю. Я — старая калоша, у тебя есть молодая блондинка. У тебя теперь такие деньги есть, много денег, — она голосом выделила эти слова. — Я тебе теперь не нужна.

Асланов насторожился.

— Да какие деньги, Раечка! Занял, если уж честно, купил тебе подарки. Ну, хотелось купить, понимаешь? Чтоб у тебя память осталась, что ты... Может, не надо, Рая?

— Почему не надо, Тимурчик? — Она усмехнулась. — Надо. Ты же любишь меня, говорил не раз. Я тебя люблю. Зачем нам расставаться? Мы и так живем уже полгода, даже больше, с декабря прошлого года. Давай зарегистрируем наш брак, обменяем квартиры. И не будешь ты рваться, бредить по ночам. Ты ведь и во сне все хлопочешь о том, как выкрутиться, где поменять шило на мыло, заказами всякими себя охомутал. Про фотоаппарат говорил. Про Майкла и Роберта. Что ты им наобещал?

— Кому?! — У Асланова выпала из рук чашка, разбилась, чай залил брюки и форменную рубашку. Лицо его исказилось. Откуда ей известны эти имена? И вдруг понял — проболтался во сне! По привычке бормотал...

Асланова трясло. Нервными, злыми движениями он отряхивал с себя осколки чашки и брызги чая: как теперь идти на службу? А главное — что делать?

— Ну что нервничаешь, Тимурчик? — заботливо, но с плохо скрытым ехидством спросила Раиса Петровна, подавая ему полотенце. Потом и сама стала вытирать брюки, промокать рубашку. Она стояла рядом с ним, доверчиво наклонившись, и он снова видел под халатом ее болтающиеся груди, а перед самыми глазами — тонкую, с бьющейся голубой жилкой шею. И руки, дрожащие, перепуганные его руки, сами потянулись к этой нежной белой шее. Одна минута — и нет больше Раисы Зелинской, не будет больше для него угрозы: ведь, кроме нее, никто ничего не знает! Ах ты, стерва старая!

Раиса Петровна глянула на него, в ужасе отшатнулась.

— Что ты, Тимурчик? Что ты? У тебя такое лицо!.. И вообще, что я такого сказала? Ведь ты же сам о них... во сне...

Асланов выскочил из кухни; метался по комнате, пиная все, что попадало под ноги: домашние тапочки, брошенный «свой» халат, низенький мягкий стульчик у трельяжа...

«Попался, идиот, попался, — ругал он себя. — Не надо было оставаться. А теперь что? Что делать?! Если она где-то проболтается? Она знает имена американцев, знает про фотоаппарат. А еще что он рассказал во сне?!»

Асланов плюхнулся в кресло, закрыл глаза. Думал на-

пряженно, быстро заставлял себя сообразить, как действовать дальше.

Спокойно, Тимур! Спокойно. Еще не все потеряно. Она, надо думать, вряд ли поняла, что к чему. И пока, конечно же, никуда еще не сообщала. Но ведь она может сообразить и начнет шантажировать. Ладно, ей надо подыграть. Ведь никто не знает, что он у нее. Он пришел поздно вечером, соседи его не видели, он, во всяком случае, ни с кем ни в подъезде, ни на лестничной площадке не встретился. Раису хватятся через день-два, это большой срок, за это время он сумеет взять себя в руки, обеспечит себе алиби, у него будет железное алиби! Главное — не оставить сейчас никаких следов, все сделать быстро, без шума. Вперед!

Вздрагивая всем телом, Асланов шагнул в кухню. Раиса Петровна подняла на него измученные, заплаканные глаза.

— Прости, Тимурчик, прости! Я не хотела, я... Ты говорил во сне, и я...

— Я понял. — Он сел против нее. — Мало ли чего я скажу во сне. Читаешь на ночь или думаешь, а потом это приснится... — Он прятал от нее свои сумасшедшие, дикие глаза, которые могли бы выдать его. Она поймет, закричит как резаная, станет бить стекла, рваться из квартиры. Она не должна видеть его глаза...

Она упала головой на кухонный стол, плечи Раисы Петровны вздрагивали, и голубая жилка на шее билась совсем рядом с его руками. Взять бы и задушить. Но в следующее мгновение он понял, что не сделает этого, не хватит у него решимости и сил... Убить Раису!.. Нет-нет, надо сделать что-то еще, придумать, не здесь, и не так, и, может быть, не самому. И надо ее обхитрить... Думай, Асланов, думай!

— Послушай, Рая, — заговорил он вкрадчиво и тронул ее за плечо. — Давай поговорим серьезно. То, что я тебе скажу... насчет денег... Ты, конечно, глупости ночью слушала. Какие-то фотоаппараты, имена... Чушь! Бред собачий! Над тобой посмеются, да и все. А я тебе никогда «здравствуй» не скажу. А насчет женитьбы... Да, ты мне нравишься, я готов был создать с тобой семью. Но я... понимаешь, теперь я сам себе противен. Я заработал деньги в одном кооперативе. Женщинам помогал. Беременными их делал. Поняла?

— Ты-ы?.. — Раиса Петровна подняла на Асланова изумленные глаза. Смотрела на него недоверчиво, даже с интересом, и вдруг расхохоталась.

— Ладно врать-то, Тимур. Зачем грязь на себя льешь?

— Да не вру я, не вру! Ты можешь это легко проверить. Есть такой кооператив, «ПОМОЖЕМ ЖЕНЩИНЕ» называется, я ходил туда... помогал. Ну а мне платили. И подарки тебе я на эти деньги купил.

В лице Раисы Петровны не дрогнул ни один мускул. Она вытерла глаза, высморкалась, махнула рукой.

— Не надо, Тимурчик. Кооператив, может, такой и есть, но ты и придумать это горазд. Как это ты себе представляешь? Приду я туда и буду выспрашивать: а правда, что мой любовник работает у вас? Так, что ли? Что ты из меня дурочку делаешь? Или лучше сказать, что ты мой муж?

— Муж? — повторил он машинально.

— Ну да, а как иначе спрашивать?! Какие у меня основания? Не хахаль же. Со мной в таком случае и разговаривать никто не захочет. Ладно, Тимурчик, пошутил, и хватит. Сними-ка брюки и рубашку, я сейчас замою да выглажу, время еще есть, успеешь на службу. А за подарки спасибо говорила и говорю. Купил — значит, помнил обо мне, значит, любишь. Раздевайся.

Озадаченный таким поворотом дела, Асланов подчинился Раисе Петровне. Сидел на кухне в одних трусах, думал, а она возилась в ванной — журчала вода.

Черт с ней, пусть стирает. Как он действительно пошел бы в институт? В мокрой рубашке и в мокрых брюках. Ха-ха! С «мокрого» дела в мокрой одежде. Такого и нарочно не придумаешь. Идиот. А ведь чуть-чуть не вцепился Раисе в горло.

И все же: как быть? Она знает, он у нее на крючке. И это очень опасно.

Раиса Петровна между тем появилась на кухне.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала она, встряхивая рубашку. — Сейчас проглажу, и пойдешь. А потом я как-нибудь выстираю твою форму. Затаскал ты ее!.. У тебя есть в чем походить?

— Есть, — буркнул он. — Я могу и сам постирать.

— Можешь и сам, — не стала спорить Раиса Петровна. — Только у меня это лучше получится.

Вскоре наглаженный, пахнущий еще утюгом, Асланов снова собирался на службу. Раиса Петровна провожала его, по-матерински заботливо щеткой смахнула с его ки-

теля и погон невидимые пылинки. Когда он вышел на лестничную площадку, сказала спокойно, с мягкой улыбкой:

— Тимурчик! Я думаю, сегодня давай подадим заявления. Загс тут от меня недалеко, удобно...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

У себя в лаборатории Асланов сидел как на иголках. Что делать? Что?! Вляпался. С Раисой шутки плохи, ей ничего не стоит капнуть на него, один звонок и...

Асланов вышел в коридор, встал у окна, закурил, растерянно, невидяще глядя на знакомый пейзаж: искрящееся под солнцем водохранилище, движущиеся коробочки автобусов и троллейбусов на мосту. Кругом жизнь шла своим чередом, а у него вот забуксовала. И посоветоваться не с кем. Впрочем, и не надо, он и не будет ни с кем советоваться: никто не должен подозревать, что у него неприятности, что над ним нависла беда. Теперь в институте все знают, что они с дочкой Рябоконя подали заявления в загс, что в конце сентября назначена свадьба и майор Калинников поздравил Асланова, одобрил его решение. Правильно, мол, Тимур, хватит холостяком жить, за Рябоконем будешь как за каменной стеной. Диссертацию напишешь, защитишься, глядишь, со временем и сам начальником отдела будешь или начлабом. Перспективы, конечно, есть, чего там. Если бы не эта вчерашняя встреча с Раисой, если бы он, придурок, не остался ночевать. Поленился, видите ли, ночью добираться домой. Они же с Раисой практически уже простились. Ну, поплакала бы, погоревала да и забыла о нем. А теперь — шиш! — вцепилась в него обеими руками, не оторвешь. Даже про кооператив не поверила. А ведь он надеялся, что после этого она его презирать станет, выгонит. Ах, черт, как же глупо с этой ночевкой получилось! Пожалел бабу. Сама-то Раиса, разумеется, ничего не докажет, но она знает имена, она может дать информацию чекистам, контрразведчикам из управления КГБ и тогда...

Ужас леденил душу Асланова, а глаза застилали невольные слезы обиды. Ведь так хорошо шли у него дела — и деньги появились, и с женитьбой определилось. Он бы женился на Элен, каких-то три-четыре месяца повозился бы еще с американцами, еще бы деньжат заработал и — вольный казак, вольная птица! Поправил бы свое материальное положение, машину бы купил и — хватит.

Жадность никого еще до добра не доводила. Вовремя остановиться — умный и нужный шаг. Это надо понимать.

— Чего в одиночестве дымишь? — дружески спросил из-за спины майор Калинников, доставая пачку сигарет. — Дай-ка огня, Тимур. Спички где-то посеял.

Он повертел поданную ему зажигалку. Спросил с любопытством:

— Оригинальная вещица. Где купил?

— Да в Москве. Помнишь, в командировку ездил? Ну вот. В каком-то киоске попалась... у Павелецкого вокзала.

— Понятно. У кооператоров, конечно, у бизнесменов наших.

— А то у кого же. у спекулянтов. Пятнадцать рублей отдал.

— Ну-ну. А ей цена — трояк. От силы пятерка.

«Ты вот что, майор, — отчетливо вдруг вспомнил Асланов. — Если кто обидит — скажи. У нас разговор короткий...»

Асланов невольно, сам того не ожидая, вздрогнул, и Калинников заметил это.

— Ты нездоров, что ли, Тимур? Бледный какой-то ходишь.

— Да, что-то есть, — намеренно бодро отвечал Асланов. — Может, на солнце перегрелся, может, пивка холодного хлебнул, в горле дерет. К-хм!

— Чаю горячего попей, прогрейся. — Калинников заговорщицки толкнул Асланова плечом, подмигнул. — К дочке Рябоконя подкатись, она теперь твоя невеста — мол, подлечи, а?.. Ладно, пошли, вон как раз начальник наш идет.

Асланов вернулся к своему столу, сел за бумаги.

«Кто обидит — скажи», — повторял он раз за разом короткую эту фразу, и она казалась ему спасительной соломинкой. — Чем черт не шутит, может, Жорик как-нибудь и выручит его».

Едва дождавшись окончания рабочего дня, Асланов помчался в ресторан «Славянский», к Лиде. Он хорошо, разумеется, представлял себе эту встречу — она скорее всего и говорить с ним не захочет, но тем не менее выхода у него не было — местожительства Жорика он не знал.

Лида действительно встретила его холодным взглядом и, когда он сел за один из ее столов, сказала:

— Этот стол не обслуживается, товарищ военный! — и даже поставила перед его глазами табличку: «СЛУЖЕБНЫЙ».

Он виновато глянул на официантку, произнес заискивающе:

— Прости, Лида.

— Что прощать-то, что? — Она презрительно смотрела на него. — Ты мне не муж, я тебе не жена... Ты бы не ходил сюда, майор, а? Очень прошу! На нервы действуешь. Я привыкла с порядочными людьми дела иметь.

— Я больше не приду, Лида, обещаю. Но... просьба у меня небольшая есть.

И все же Асланов не решился сразу просить ее о помощи. Вытащил пятидесятирублевую бумажку, сказал:

— Принеси, пожалуйста, коньяку. И чего-нибудь легкого закусить. Сдачи не надо.

Она внимательно глянула на него, ушла. А скоро вернулась с тонким фужером и двумя шоколадными конфетками на блюдце.

Асланов выпил, посидел некоторое время, поглядывая на полупустой еще ресторан, на музыкантов, которые лишь собирались играть, а пока возились с радиоаппаратурой, отлаживали ее.

Официантка забрала у него опустевший фужер.

— Лида, мне надо Жорика повидать. — Асланов взял женщину за руку.

Она высвободила ее, фыркнула:

— Может, Ирку? Соскучился уже? Смотри, он узнает, несдобровать тебе, майор!

— Да что ты, какую Ирку! Я же сказал — Жорика. Долг надо отдать. Помнишь, он тогда...

— Ничего я не помню и помнить не желаю! — отрезала официантка. — Это ваши проблемы. Вы и разбирайтесь.

— Но мне, правда, надо его увидеть, Лида! Он говорил, что в какой-то мастерской работает, ремонтирует колеса, что ли?

— Там и ищи, где сказал. Меня это не интересует. Колеса он ремонтирует, да. На какой-то конечной остановке автобуса, то ли шестнадцатого, то ли двадцать шестого маршрута.

Подхватив поднос, Лида ушла, дав тем самым понять, что разговор закончен. Асланов был доволен и этой информацией: надо будет расспросить автолюбителей, они помогут.

...Ему повезло, на конечной остановке автобуса шестнадцатого маршрута какой-то выпивший гражданин охотно рассказал и даже показал, где ремонтируют шины.

— Тебе кто там нужен, майор?

— Валентин... Фамилию не знаю.

— А, Валентин! Там он, там! Сейчас его видел. Вон туда иди, видишь гаражи? А перед воротами вагончик, голубой такой. На нем старая покрышка висит. Увидишь, мимо не пройдешь.

Асланов пошел по узкой асфальтовой полосе вниз, под уклон, к бывшей городской свалке, где теперь разместилось великое множество кооперативных гаражей.

Вагончик прилепился к высокой кирпичной стене, зазывал автолюбителей броской самодельной рекламой:

«РЕМОНТИРУЕМ ШИНЫ!
БЫСТРО И КАЧЕСТВЕННО!»

Здесь же стояли несколько машин, часть из них поддомкраченные, «разутые». В дверях вагончика толпились автолюбители.

Асланов, извинившись, протиснулся вперед, сразу же увидел Валета, позвал его. Тот обернулся; лицо Валета осталось бесстрастным, неподвижным, хотя он и сказал приветливые слова:

— А, майор!.. Рад видеть. Ну что: колеса купил?

— Нет, пока не купил. Поговорить бы надо.

— Щас. Заклею вот.

Валет, одетый в грязные штаны и клетчатую безрукавку, сунул камеру, какую держал в руках, под пресс, бросил напарнику:

— Я скоро, Володь. Армии чего-то помочь надо.

Напарник кивнул — иди, мол.

Пожав друг другу руки, Асланов с Валетом отошли в сторону, к разбитому и брошенному кузову «Москвича», сели на бетонный замасленный блок.

— А ты говорил, и Зина тут, — начал Асланов.

— Тут. — Валет закурил, а Асланов с невольным интересом смотрел на его голые по локоть руки. Они сплошь были в искусной татуировке. На одной выколота решет-

ка, подпись под ней гласила: «СВОЛОЧЬНАЯ НАША ЖИЗНЬ». На другой — нарисована могила, березка над ней с крестом и тоже подпись: «КОНЕЦ ОДИН». С внутренней стороны той же руки поглядывала на Асланова грудастая, с чешуйчатым рыбьим хвостом русалка, изо рта у нее сыпались буквы: «НЕ ЗАБУДУ МАТЬ РОДНУЮ». Ну и якорьки, как водится, солнце с лучами.

— Зину я за бутылкой послал, — продолжал Валет, внимательно глянув на Асланова. — Башка со вчерашнего трещит.

При хорошем дневном свете Асланов наконец хорошенько рассмотрел своего знакомца. Самое примечательное в его лице было постоянное, прочное выражение брезгливости, отвращения, когда он смотрел или разговаривал с людьми. «Все вы гады, — говорили его глубоко запавшие маленькие глаза. — И я каждого вижу насквозь. Вы только притворяетесь культурными и воспитанными, а каждый готов сделать пакость другому. Человечья порода такая».

Жорик бросил окурок, смачно сплюнул.

— Ну, чего стряслось, майор?

— Да стряслось... — Асланов вздохнул, глянул по сторонам: нет ли кого поблизости? Но они сидели на довольно приличном расстоянии и от ворот, и от вагончика, никто их слышать не мог. За спиной начинался пустырь, поросший бурьяном и чахлым, пыльным кустарником, а перед глазами тянулась длинная и высокая стена трехэтажных гаражей.

— Ты говорил, Жора, мол, обидят — приходи. Помнишь?

Сердце бешено работало в груди Асланова, а руки так и прыгали на коленях. Асланов сунул их в карманы брюк и выжидательно смотрел на Валета.

— Да, было дело, — подтвердил тот. Лицо Валета попрежнему оставалось равнодушным, бесстрастным, и Асланов терялся: что говорить дальше? Ведь говорить надо так, чтобы тебе поверили, чтобы захотели помочь.

Он решил идти напрямую — с такими, как Валет, надо говорить конкретно, без намеков.

— Как у тебя с деньгами, Валентин? Нужны?

— Башли всегда нужны, майор, — хмыкнул Валет. — «Жигуль» вон мой сгнил уже... Да ты не крути. Пришел — говори. Кто обижает? Начальство? Или бабу кто отбил? Ты побыстрей соображай, у меня камера под прессом.

— Да дело, понимаешь, такое, что на ходу нельзя. Может, встретимся в другом месте, поговорим? Можно и у меня дома, выпить и закусить найдется. Можем и в кабак сходить.

— Можем и сходить. — Валет сообразил, что майор попал в неприятную историю. — Если сговоримся. Но в общих чертах ты скажи сейчас. Может, я и откажусь. Прижало, значит?

— Прижало, Валентин. Человек один паскудный жизнь портит. Невмоготу стало. Потому и пришел.

— Чего — бока ему намять?

— Да лучше б совсем... Пропал бы, что ли... — Асланов судорожно сглотнул комок в горле.

— Ф-ь-ю-у-у-у... — присвистнул Валет. — Заявочка, ничего себе!

Он с интересом глянул на Асланова, закурил новую сигарету, молчал. Спросил наконец:

— Что за человек? И за что ты его приговорил?

— Человека покажу, если договоримся. Ты меня за дурака не принимай. А за что... Заслужил он. Можно не объяснять? Пока?

— Нет. Нельзя! — резко ответил Валет. — Может, ты, майор, с президентом счеты сводишь. Мало ли! Армия решила убрать его, ищут придурка, урку-смертника...

— Да какой президент?! Что ты говоришь?! — Асланов замахал руками. — Баба всего-навсего. Но такая, что...

— Баба?! Гм. Это уже теплее. Наша, городская?

— Наша, городская.

— Так-так, майор. Погулял, значит? — Валет одобрительно засмеялся, крутнул головой. — Лихой ты мужик, нечего сказать!

— Тут не в гульбе дело, Валентин.

Асланов лихорадочно раздумывал, как изложить свою просьбу, чтобы это выглядело убедительно, правдоподобно, чтобы, выслушав его, Валет сказал: да, этот человек заслуживает самой жестокой кары! Но ведь не скажешь про американцев этому урке! Еще неизвестно, как он прореагирует на это. Нужно что-нибудь бытовое, подлое, маленькое, доступное пониманию Валета. Но что же придумать?

— Я хорошо тебе заплачу, Валентин! — выпалил Асланов. — Сколько скажешь, договоримся.

— Ну... Я могу и миллион запросить, майор, смотря какое дело предстоит. Судя по всему мокруха... Слушай, а ты не того... Не с перепоя?

— Да с какого перепоя!? За горло баба взяла, вся жизнь под откос может пойти. Ну, ходил я к ней, было дело, другую встретил, жениться собрался, а эта...

— Откупился бы от нее, майор. Бабы деньги любят, украшения. Ты что — маленький? Убить за такое человека... Хм!

— Да деньги взяла, а теперь ментовкой грозит, паскуда. А я ей и украшения купил, между прочим, у одного человека. А тот квартиру в Краснодаре брал, соображаешь? Ему же крышка. И мне.

— М-да, история с географией. Брешешь ты, наверное, майор. За такое баб не убивают. Сказал бы лучше прямо — как да что. А то крутишь, выдумываешь. Я ведь понимаю. Кто она есть?

— Да я и так тебе почти все сказал. Валентин. Имя назову — и хана мне, на крючке у тебя буду.

— Сам ко мне пришел, сам нас одной веревочкой связать хочешь, — хмыкнул Валет.

— Правильно, сам пришел. Потому и доверяю, потому что только ты выручишь... — Голос Асланова дрожал. И Валет заметил это. Может, правда, майор не врет? Попал человек в историю?! Погнался, видно, за дешевизной, купил у корешка украшения, а тут баба еще вяжется, шантажирует...

— Где украшения покупал? — все же уточнил он.

— Возле ювелирного. Вижу, стоит человек, на меня смотрит. Я сразу понял: что-то продает, покупатель нужен. Подошел, потолковали. Он, конечно, бусы не стал показывать, если, говорит, нужно, майор, то принесу.

— Жемчуг?

— Да. Крупный такой, загляденье. Я купил, им и от бабы хотел отделаться, а она...

— А откуда знаешь, что в Краснодаре квартиру этот человек брал? — резко перебил Валет.

— Он сам сказал, что из Краснодара приехал, что в деньгах нуждается... Это ожерелье, или бусы, черт бы их побрал, он мне за пятьсот рублей отдал, а им цена — тысячи! Я так и решил, что...

— Может, и так, а может, и не так... Хрен вас, образованных, разберешь, — подумал вслух Валет. — Что ж, раз пришел — значит, прижало, понимаю. Голову в петлю суешь, мне открылся. И меня в капкан пихаешь...

Валет задумчиво жевал толстые свои губы. Затем встал. Встал и Асланов, просительно заглядывал Валету в хмурые глаза.

— Валентин, разговор должен остаться между нами. Понял?

— Своих мы не продаем, майор.

— Понял. Спасибо. — У Асланова отлегло от сердца.

— Ты где живешь-то, майор?

Асланов назвал адрес.

— Ладно. Часа через три будем. Потолкуем. С Зиной приедем. Выпить, говоришь, есть?

— Да, конечно.

— Ладушки. Жди.

Валет с Зиной вошли к Асланову часов в одиннадцать вечера. Оба уже были навеселе. По-хозяйски развалились в креслах перед работающим телевизором, закурили. Зина выставил на журнальный столик недопитую бутылку водки.

— Закусить найдется? — спросил он.

— Конечно, мужики. И выпить кое-что получше есть.

Асланов быстро накрыл стол: выставил две бутылки коньяка, рыбные консервы, красиво нарезанную копченую колбасу, сало.

— Там еще картошка варится, — сказал он, садясь к столу. — Минут через пять будет готова.

Выпили без тостов, с банальным «Ну, давай!». И ели потом молчком, не глядя друг на друга.

— Слышь, мужики, анекдот новый... — сказал Зина, торопливо прожевывая пищу. — Приходит, значит, покупатель в продовольственный магазин и видит ценник: «МЯСО СОБАЧЬЕ. ВТОРОЙ СОРТ». Ну, он и говорит продавщице: «Сделай мне, уважаемая, два кило». Она ему взвесила, он сказал «спасибо» и ушел. А через полчаса прибегает с криком: «Ты чего мне дала? Какие-то щепки в мясе, гвозди! Есть невозможно!» А продавщица в ответ: «Мясо-то второго сорта». — «Это что значит?» — «А то, что собаку рубили вместе с будкой... Понял?»

Зина залился тоненьким детским смехом. Валет захмылялся и сказал:

— Давай еще чего-нибудь.

Зина рассказал еще один скабрезный, с обилием матерных слов анекдот, потом выжидательно затих, поглядывая на Валета.

— Ты вот что, майор, — помолчав, твердым голосом начал Валет. — Я с ребятами потолковал. Зина вот посоветовал... Короче, не наше дело, за что ты приговорил того человека. Ты нам платишь, мы делаем работу. Но тебе это дорого будет стоить.

— Сколько? — Кадык у Асланова дернулся.

— Тридцать кусков.

— Тридцать... тысяч?!

— Ага, тридцать. Дорого — найди других дураков. Но на мокруху, знаешь, не каждый пойдет. На вышку может потянуть. Аванс дашь вперед. Мы последим за этим человеком, подумаем, как его... по-тихому убрать. Сам же говорил: был человек и — пропал. Без вести. Только так. Сработать надо чисто.

— Да, конечно... Какие следы? Что ты! — бормотал Асланов, оглушенный названной цифрой. Где он возьмет такие деньги?! Кингсли обещал.

Валет не торопил Асланова, ждал. Деньги, конечно, большие, но пусть майор сам думает, где их раздобыть.

— Согласен, — наконец выдавил Асланов. — Только сейчас у меня всей суммы денег нет. Аванс дам, шесть тысяч устроит?

— Годится. Давай. — Валет протянул руку. Асланов встал, приподнял телевизор, вытащил из-под него завернутый в целлофан пакет. Подал Валету. Тот развернул пакет, подержал пачки в руках.

— Ишь, где запрятал. Не сразу сообразишь. Ну вот что, майор. Мы с тобой теперь одной веревочкой повязаны. Случись что... Ты меня знаешь.

— Валентин, мне голова тоже дорога. Сам понимаешь: пойти на такое... Выхода больше нет. Вот я...

— Понимаю, — кивнул Валет. — Давай-ка еще выпьем да по домам. Пора.

Асланов разлил по рюмкам остатки водки. За окном чернела тихая августовская ночь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Два дня спустя Асланов позвонил Раисе Петровне на работу и бодро, весело сказал:

— Раечка, паспорт у тебя с собой?

— Да, — ответила она.

— Отлично! Сегодня подадим заявления. Давай встретимся в восемнадцать пятнадцать у Дома офицеров. Я закажу такси, подъеду.

Она помолчала.

— Тимур, ты... Ты твердо решил? Ты хорошо подумал? Я ведь не...

— Я хорошо подумал, Раечка. И понял, что нам нужно пожениться. Ты права во всем. И мне надоело болтаться между небом и землей. Хватит! Причаливаю к берегу.

— Хорошо... Тимурчик, я тогда отпрошусь у Руженова, скажу, что мы с тобой...

— Нет, про «нас с тобой» пока никому не говори. Потом объявим, когда зарегистрируемся. Преподнесешь как сюрприз своим. И я тоже. Ахнут в институте. Тут меня на одной секретарше хотят женить. Ха-ха-ха...

Засмеялась и Раиса Петровна.

— Тимурчик, дорогой мой! Так все неожиданно. У меня и ноги, кажется, отнялись... Ну хорошо: в шесть пятнадцать я буду...

— В восемнадцать пятнадцать, — поправил он.

— Да-да, в восемнадцать пятнадцать. Жду тебя. И целую.

— И я тебя.

Повесив трубку телефона-автомата, Асланов зашагал в институт. На душе у него было тревожно. Раиса, конечно, помолчит эти три месяца, пока заявления будут лежать в загсе. До регистрации же с Еленой Рябоконь осталось менее шести недель. И что он станет делать через эти шесть недель, если Валет не выполнит обещания?

...В восемнадцать пятнадцать Асланов подъехал на такси к гарнизонному Дому офицеров. Сидел он на заднем сиденье, в глубине машины, пряча лицо.

Раиса Петровна не заставила себя долго ждать. Выпорхнула из-за массивных черных колонн Дома офицеров, сияющая и торжественная, с цветами в руках. Села в машину рядом с Аслановым, наполнив салон ароматом дорогих духов. Асланов чмокнул ее в подставленную щеку.

— Сердце-то как бьется, Тимурчик! — шептала счастливая Раиса Петровна. Она потянула руку Асланова к

своей груди, и он охотно потрогал ее грудь, задержал руку дольше, чем того требовалось, и она шутливо шлепнула его по пальцам.

— И у меня тоже сердце прыгает, — мрачно сказал он. — От страха.

Раиса Петровна тихо засмеялась.

— Тоже мне офицер! Подумаешь, с женщиной в загс съездить. Да еще в третий раз!

— На Голгофу, на новую семейную Голгофу ты меня везешь, а не в загс! — сказал он трагическим голосом и театрально закатил глаза. — А вдруг снова не получится? Что тогда?

— Получится, у нас получится, — настойчиво и горячо шептала Раиса Петровна. — Вот увидишь! Я все сделаю, чтобы тебе хорошо жилось, Тимурчик. Как котик на солнышке у меня жить будешь. Только хорошенько ласкай свою Раечку, понял?

Он хмыкнул, не ответил.

— А не получится если... — она прерывисто вздохнула, — что ж, отпущу тебя на все четыре стороны. Женись на своей блондинке.

— Да оставь ты ее, ради Бога! — сказал он раздраженно. — Что она тебе далась? Подумаешь, танцевал когда-то. Скоро уж год, как я ее не видел, а ты все вспоминаешь. Если такая ревнивая... как жить будем? Что же мне, и поговорить ни с кем нельзя?!

Вожделенно представив, что скоро она не будет спать одна на шикарной своей мягкой тахте, Раиса Петровна нашла пальцы Асланова, крепко сжала их.

— После загса мы вернемся домой... ко мне? — спросила она.

— Нет. Я тебя отвезу, а сам поеду в гаражи, обещал соседу по квартире катушку зажигания посмотреть.

— А когда же? Завтра?

— Нет, и не завтра. Я в командировку еду, мне нужно подготовиться, посидеть с документацией. Вернусь из Москвы — увидимся. Я позвоню.

Обнял приунывшую Раису Петровну, улыбнулся.

— Жди. Ты теперь невеста, а удел невест — ждать.

«Ладно, голубок, подожду, — думала та. — Мне бы только колечко на твой палец надеть, а там бы ты никуда не делся. Шелковым у меня станешь, по ниточке будешь ходить. Какие еще гаражи в такой день? Отчего такие частые командировки?!»

Ничего, потерпит, подождет. Три месяца не такой уж и большой срок. Больше ждала.

В загсе им повезло: народу в этот поздний час в коридоре учреждения было мало, и через десять минут они сидели уже перед молодой сотрудницей конторы, которая, не поднимая на них глаз, просмотрела заявления, что-то подчеркнула, поправила и лишь уточнила:

— Фамилии свои оставлять будете?

— Да, свои, — подтвердил Асланов.

— Жених так хочет, — эхом отозвалась и Раиса Петровна, выдавив обиженную улыбку. Ей-то, конечно, хотелось быть Аслановой. Да бог с ней, с этой фамилией. Останется Зелинской. Хотя это и не ее девичья — фамилия от мужа осталась.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Фирменный поезд «Донские зори» прибыл в столицу ранним дождливым утром. Асланов, стоя в узком коридоре купейного вагона, смотрел через плачущие окна на проплывающие хмурые дома, на низкие рыхлые тучи, цепляющиеся за их крыши, думал, что ему положительно не везет с погодой в Москве — то жара, то слякоть А он, как назло, не взял зонтика, не захотел — лишний вес. Впрочем, погода заботила его все же меньше: радио в вагоне, едва забрезжил рассвет, объявило, что в стране введено чрезвычайное положение, что президент Горбачев тяжело болен и СССР руководит теперь некий Государственный Комитет по Чрезвычайному положению, сокращенно ГКЧП.

Известие это в один миг подняло на ноги все взрослое население вагона, надо думать, и всего поезда, разве только дети досматривали свои сладкие утренние сны.

Тревога и растерянность были на лицах попутчиков Асланова. Радио работало на полную громкость: передавались постановления ГКЧП.

— Да что это? Ведь ничего о болезни президента не сообщалось! — тревожно спрашивали друг друга пассажиры.

— Да какая там болезнь! — воскликнул мужчина средних лет, спавший напротив Асланова, на верхней полке. — Скинули нашего Михаил Сергеича, вот и все дела. Давно ведь собирались. Военные это устроили, кто ж еще!

Асланов вышел на перрон вокзала: обходя лужи, торопливо зашагал к станции метро. На ходу ловил обрывки разговоров, не мог понять, что же происходит в стране.

— Видать, снова нам при коммунистах жить. Как считаешь?

Не ответив носильщику, Асланов пошел дальше.

«Что же это? Что? — тревожно спрашивал он самого себя. — Если в самом деле армия вознамерилась навести порядок в стране, значит, это военный переворот. Выходит, н а ш и взяли власть...»

Асланов не знал, как воспринимать происходящее: радоваться или горевать?

За высоким бетонным забором он увидел знакомое желтое здание и с облегчением зашагал к нему, стряхивая с лица и козырька фуражки капли дождя. Выписав пропуск, постоял немного в подъезде, размышляя о том, как теперь вести себя. Осуждать или приветствовать переворот?

...Внимательно осмотрев привезенные Аслановым бумаги, подполковник Шестопалов положил их в сейф и спросил:

— Ну, как там у вас жизнь?

— Служили, о завтрашнем дне думали. А теперь не знаю, что будет. Непонятное что-то в стране творится.

— Что тут непонятного, майор? Союз развалился, экономика рухнула, армию заплевали. Мы, видите ли, военно-промышленный комплекс! А разве не мы создали военную и промышленную мощь государства?

— Мне с вами трудно спорить, товарищ подполковник, — мямлил Асланов. — Цифрами я не располагаю, но помню, хотя и читал кое-что из дискуссии маршала Ахромеева с академиком Арбатовым.

— О, Арбатов! Нашел кого читать! — Шестопалов скривил губы. — Армия, вообще, военно-промышленный комплекс для Арбатова и ему подобных — кость в горле! Такие уж мы для него захребетники, такие тупеядцы!..

— Насколько я понял академика, он ведет речь о разумной достаточности численности и вооружения армии, — несмело вставил Асланов.

— Разумная достаточность! Уничтожение ракет, сокращение армии, разрушение нашего, хребтом и горбом созданного хозяйства! — едко возразил Шестопалов. — Как русский человек я обязан сохранить то, что создано руками моего деда и отца. Должен! Конечно, вооружения нужно сокращать, но не надо вилять хвостом перед Западом по каждому поводу!

— Товарищ подполковник, я, в общем-то, согласен с вами, — осторожно заметил Асланов. — Но, согласитесь, годы перестройки дали нам и кое-что положительное — свободу мышления, свободу публикаций...

— ...разнузданность нравов, преступность, разгул спекуляции, охаивание партии, армии, — прервал его Шестопалов. — Левацкие все это разговоры, майор. Я их уже слышал. И жаль, что вы, младшие офицеры, не понимаете, что демократия наша — сплошная демагогия. Свобода болтовни! И хорошо, что наконец нашлись в высшем руководстве страны люди, которые намерены прекратить этот бордель. — Шестопалов взглянул на репродуктор, из которого лилась классическая музыка.

— Ладно, майор, это большая политика, а нам надо станции делать, — неожиданно озорно улыбнулся Шестопалов, и строгое его лицо преобразилось. — Думай сам, ты взрослый человек. Но скажу тебе откровенно: задурили вам головы левацкие эти трубадуры, задурили. Я тоже читаю кое-что, с социальными опросами знаком, знаю настроения в армии. Не все думают одинаково. Особенно молодежь. У молодых офицеров сейчас сплошные претензии — дай то, дай это. Хорошие оклады, хорошие квартиры, машины, дачи... чего еще?

Асланов пожал плечами, промолчал.

— Психология потребителей, а не созидателей, — продолжал Шестопалов. — Вон, по радио и по телевизору только и слышишь об этом — сплошное нытье. Бабы, а не офицеры! А я четырнадцать лет, например, в Забайкалье отгрохал, в степи, в комнатушках с печным отоплением, с привозной водой... И Родину за это не проклинаю. Потому что знаю, верю: все наладится. Если не болтать, а работать будем. Ну, да теперь, надеюсь, все образуется, — и подполковник снова взглянул на репродуктор.

— Товарищ подполковник, в прежнюю документацию внесены некоторые изменения. Полковник Рябоконь просил, чтобы ваши конструкторы учли это, — сменил разговор Асланов.

— Надолго приехал? — спросил Шестопалов.

— На четыре дня. Можно и пятницу прихватить, если дело потребует.

— Ну хорошо, думаю, мы успеем.

Попрощавшись с Шестопаловым, Асланов спустился в метро. Он вышел на станции «Библиотека имени Ленина», поднялся на поверхность и зашел в «Военторг».

Окинув удивленным взглядом оскорбительно пустые прилавки некогда богатого универмага, он повернул к выходу.

Он шел по Калининскому проспекту, прячась от дождя под козырьки зданий и навесы, искал глазами будку телефона-автомата. Телефонов, конечно, попадалось на его пути немало, но ему нужна была такая будка, которая стояла бы в стороне, из которой он мог бы совершенно безопасно поговорить. Такую будку он отыскал за углом массивного серого здания. Плотно затворив дверь, набрал номер, который ему дал Кингсли.

Трубка на ломаном русском языке ответила, что Роберт заболел, у него случился легкий сердечный приступ и врач порекомендовал ему дня два побыть дома. Что ему передать? Кто звонит?

Асланов повесил трубку — никаких посредников, разумеется, быть в их деле не должно, только личные контакты. Что же делать? Микропленка, спрятанная в спичечный коробок, тяжелым грузом давила душу. Коробок лежал во внутреннем кармане кителя, Асланов ежесекундно помнил о нем, время от времени привычным уже движением левой руки трогал едва заметный бугорок под тканью: на месте ли? Бугорок этот мешал, казалось, что он выпирал очень уж подозрительно, привлекал к себе внимание, хотя на самом деле это было не так. От микропленки нужно как можно быстрее избавиться — за тем он и в Москву приехал. Но Кингсли не было на месте, совсем не вовремя он захворал. А ведь договорились. Асланов позвонил перед поездкой, сказал условную фразу: «Кооператив заключил удачный договор, трубы можно поставить в будущем квартале». Это означало, что ему, Асланову, удалось сфотографировать то, что требовалось. Перрой коротко ответил: «Трубы мы не заказывали, вы ошиблись номером». Пароль был точным, но кому от этого легче? Ходить с микропленкой в кармане по Москве, в которой черт знает что происходит... Ночевать в гостинице, вздрагивать от каждого шороха?!

Надо было что-то придумать. Держать пленку при себе было опасно. Взбудораженная нахлынувшими танками толпа на Калининском проспекте понесла Асланова, как щепку, к подземному переходу у Дома книги. Он бессильно сопротивлялся стихийному людскому потоку, вовсе не желая втягиваться в уличные конфликты между экипажами боевых машин и гражданскими лицами. Тем более что военных ругали, призывали одуматься, спрашивали: неужели они, дети, будут стрелять в своих матерей?

Асланов повернул назад, к Красной площади, и скоро был на Манеже, но и там давно уже шел митинг. Над площадью разносился усиленный мощными динамиками мужской голос. Асланов из-за дальности расстояния слышал лишь отдельные фразы, из которых следовало, что человек у микрофона не поддерживал ГКЧП, призывал защитить Белый дом России и президента Ельцина. Люди у микрофона менялись, большинство из них были депутатами Верховного Совета РСФСР, они горячо звали мокнущий под дождем народ на Краснопресненскую набережную строить баррикады.

«Черт возьми, это ведь рядом с американским посольством, — встревожился Асланов. — Как же я туда попаду, если Кингсли назначит мне свидание где-нибудь поблизости...» Но он тут же понял, что Роберт этого не сделает — американец осторожный и предусмотрительный человек. Он и в спокойное-то время не подошел бы к Асланову в Девятинском переулке, а теперь уж и подавно. Теперь им нужно встретиться где-нибудь подальше от людного места.

На Манеже температура многотысячного митинга поднималась с каждой минутой. Депутатов-ораторов внимательно слушали не только митингующие, но и солдаты на танках и бронетранспортерах, оцепивших площадь. Потом возбужденные люди двинулись на площадь Восстания, на Краснопресненскую набережную. Пошел и Асланов, сам не зная зачем. Но, дошагав до метро «Калининская», вспомнил, что еще не устроен в гостиницу, промок под дождем, проголодался.

«К Белому дому еще успею сходить, — прикинул он. — Может, завтра. Заварушка эта, видно, надолго. А митингами в Москве кого теперь удивишь?»

...Часа через полтора в уютном холле гостиницы он вместе с другими обитателями смотрел по телевизору пресс-

конференцию «советского руководства». Телевизор стоял в холле этажа, смотреть его сошлись все, кто был в этот вечерний час у себя в номерах, — просторный, с красным толстым ковром на полу холл был забит до отказа. Асланов находился в задних рядах безмолвствующих телезрителей и ждал, что и кто скажет. Кругом стояли и сидели в основном старшие офицеры.

Пресс-конференция закончилась, вице-президент заверил, что Горбачев его лучший друг, вот поправится и снова будет вместе с ними. А пока у руля страны будет он, Янаев.

Военный гостиничный народ не стал обсуждать увиденное — офицеры и генералы молчком, с задумчивыми, встревоженными лицами разошлись по своим номерам.

На Краснопресненскую набережную Асланов направился вечером следующего дня. Вся набережная была запружена народом, автомобилями. Со всех сторон, из дворов и подворотен, откуда-то из глубины сквера позади Белого дома парни и девушки тащили все, что можно было использовать для строительства баррикады — трубы, железные лестницы, кирпичи, вентиляционные соединения, батареи парового отопления (где-то поблизости ломали дом), бревна, садовые скамейки, арматуру...

Асланов шел вдоль высокого кирпичного забора американского посольства, мимо деловитых, с решительными лицами москвичей. С серого вечернего неба сыпался дождь.

У памятника рабочим-дружинникам, превращенного в баррикаду, Асланов остановился.

— Ну что вы стоите, товарищ офицер? — напустилась на него молодая, с растрепанными мокрыми волосами женщина. — Идемте со мной, поможете.

Переложив в левую руку свой черный глянцевый от дождя «дипломат», он двинулся следом за женщиной.

— Судьба России решается, эти фашисты вот-вот на нас танки двинут, а вы стоите...

— Да я... собственно... не москвич, я...

— Я тоже не москвичка, — перебила его женщина. — К сестре приехала, надо было детей врачу показать. А как узнала, что готовится, оставила детей... Меня Ларисой зовут, а вас?

Асланов назвал имя.

Они пришли к Москве-реке, к мосту, спустились по гранитным ступеням лестницы вниз и очутились во дворе какого-то открытого гаража, где вовсю кипела работа: защитники Белого дома брали все, что можно было использовать на баррикадах, все, что можно было поднять и унести туда, наверх, — трубы, бортовые доски грузовика, куски швеллеров, оградительные решетки, доски, диски колес, покрышки...

— Ты не с танков, майор? — соучастливо спросил Асланова парень, предлагая помочь тащить жестяной ящик.

— Да ну, с каких танков! — ответил Асланов. — Я связист, в командировке в Москве. А тут вон что творится.

— Ну и отлично! — обрадовался парень. — Давай помогай. Армия все равно на нашу сторону перейдет. Если они начнут нас давить... Нет, представить себе этого не могу. Если мы не дрогнем — штурма не будет. Как думаешь?

— Да черт их знает, — искренне отвечал Асланов. — Язов меня в свои планы не посвящал.

Они благополучно дотащили ящик до перекрестка, до того самого, где Асланов два месяца назад мысленно «останавливал» американские машины. Теперь этот перекресток быстро загромождался железным хламом, а исхоженный им вдоль и поперек Большой Девятинский переулок был сплошь загорожен машинами посольства.

«А ведь американцы помогают москвичам, — сообразил Асланов. — Бронетранспортеры здесь уже не пройдут».

Окончание следует

Наши публикации

Предлагаем вашему вниманию малоизвестные стихи замечательного русского поэта Константина Бальмонта. Не переиздававшиеся в советское время, эти произведения взяты из сборников «Белый зодчий» (1914) и «Ясень. Видение дерева» (1916).

Константин БАЛЬМОНТ

БЕЛЫЙ ЗОДЧИЙ

ПОД ЗНАКОМ СВАСТИКИ

Капля неведенья в море незнания,
Искра мгновенная в хлещущей мгле,
Ты, маловерное чадо терзания.
Ты, беспримерная вспышка во зле.

Все твое деланье в тающем времени.
Все твои сны и верхи Пирамид
Лишь прорастание малого семени,
Факел твой пляшущий быстро горит.

Вспыхнут Рамзесами, иль Ахиллесами,
Меткозахватными, яркие дни.
Тотчас задернется праздник завесами.
Сгрудятся гномики, тушат огни.

Все созидания Эллина гордого,
Первого воина нашего я,
Суть лишь вскипания мрамора твердого,
Камень, возжаждавший быть как струя.

Струи кончаются. Струи свежительны,
Все же не вечно им можно сверкать.
Только страдания в цепкости длительны,
В том поручится вам каждая мать.

Расчетвертованность. Свастика вечная.
Крест во вращении — где же НАШ Дом?
Где же есть вечное? Скучно конечное.
Жизнь наша в полночи, с Южным Крестом.

* * *

БЕЛЫЙ ПУТЬ

Уходит Солнце с Запада к Востоку
Через двенадцать Солнечных Домов.
Верь зримому, хоть мнимому, намеку,
Верь золотой и высшей из Основ.

Двенадцать звездосолнечных чертогов,
Чрез Южный Крест, туда, где Скорпион,
Двенадцать озвездившихся порогов,
И Арго держит путь на Орион.

На Арго реет веером сиянье —
И угольная дышит чернота,
Вознесшая высокий знак Страданья,
Как Змий под стягом Южного Креста.

САГА

I

Черту змеиной единя чертой,
Течет ручей, чья чудотворна влага.
В нем боги пьют. В нем мудрость и отвага.
Огонь, венчанный с свежею водой.

Напиток вдохновенный и святой,
Из недр земли исторгнутая брага.
На берегу сидит и грезит Сага,
Пьет с Одином из чаши золотой.

Ручей втекает в пенистое Море.
Туда плывет, весь вырезной, дракон,
Корабль — костер, в лазоревом просторе.
Там мертвый Бальдер. Умер, умер он.
И волны вторят в долгом разговоре —
Бог Солнца, Бальдер, будет возрожден.

II

Она сидит, задумавшись глубоко,
Сестра богинь, чей дар священный — речь.
С ней рядом Один. Опершись на меч,
Вперяет в даль единственное око.

Дремотна Сага. Все решенья Рока
Ей ведомы. Исход и ход всех сеч.
Весь обиход людей, разлук и встреч,
Все бережет она в размерах срока.

Из пряжи снов немую нить продлив,
Завянет в страшном узелок из дремы.
Сплетет из слов высокие хоромы.

Взирает Один строг и молчалив.
И вдруг с плаща в рассказ уронит громы,
Чтоб был конец и грозен и красив.

* * *

ХОДЯЩАЯ СИЛА

Мне снилось, в разрыве пожарищ небесных
Две огненных, бьющих друг друга лозы,
И мчался Перун на громах полновесных,
Живая ходящая сила грозы.

Откуда идет он? Уходит куда он?
Не знаю, но теплое лето за ним.
И точно заря он, и точно звезда он, —
Одет он рассветом и днем огневым.

Движенье ль он мысли иль страсти Сварога,
Тех синих, тех звездных широт и высот?
Не знаю, но знаю, что ярый — от Бога
И сердце ликует, когда он идет.

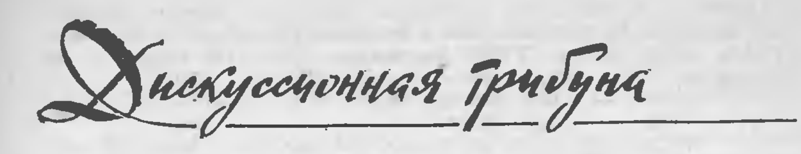
* * *

Страна, которая молчит, вся в белом — белом,
Как новобрачная, одетая в покров, —
Что будет тронут им, любующимся, смелым,
Несущим солнечность горячих лепестков.

Страна, которая всех дольше знает зиму,
И гулкую тюрьму сцепляющего льда, —
Где нет конца огням и тающему дыму,
Где долгий разговор ведет с звездой звезда.

Страна, которая за празднествами Мая,
Чуть лето глянет ей, спешит сказать: «Я сплю», —
Страна великая, несчастная, родная,
Которую, как мать, жалею и люблю.

Составление Сергея Жаркова



ЗАГОВОР «ДЕМОКРАТОВ» ОБРЕЧЕН

(Из писем в редакцию)

ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ XX ВЕКА

Количество жертв репрессий советской власти уже стало расхожей картой в бесстыжей политической игре противников русского народа. Накачивалась такая цифра, чтобы внушить «хомо советикусу», что никакой Освободительной войны 1941—1945 годов не было, а просто один динозавр загрыз другого. Эмигранты всех волн, советологи (Д. Далин, Б. Николаевский, Т. Клифф, П. Джувилер), признаваясь, что достоверных данных у них нет, уверяли тем не менее, что в лагерях с 1937 года томилось от 8 до 16 млн. человек, а Р. Конквест и С. Коэн размахнулись аж на 20 миллионов. И пошла гулять цифра, сражая наповал людские сердца, и пошло как на аукционе: кто больше?

А. Солженицын, кажется, всех перещеголял: «Пострадало от них (НКВД) миллионов людей куда больше, чем от фашистов, да ведь не пленных... а своих... соотечественников... кто это объяснит?» («Архипелаг Гулаг», т. 1.)

Но вот объяснение на уровне простейшего здравого смысла.

Всего в СССР перед войной (в 1940 г.) проживало 194,1 млн. человек, из них 93,2 млн. — мужского пола. А взрослых мужчин старше 15 лет (детей в лагеря не отправляли) было 56,5 млн. И если от фашистов у нас «пострадало» убитыми 21—22 млн. человек, а от НКВД — «куда больше», то есть примерно 30 млн., то получится, что в лагерях сидело и было убито более половины всех взрослых мужчин! А меньшую половину убили фашисты и осталось 0,0 взрослых мужчин и 13 млн. детей, рожденных в годы войны неизвестно от кого. Ну, писатели часто не в ладах с математикой, но и цифра в 20 млн. лагерных сидельцев, выдвинутая советологами Р. Конквестом и С. Коэном — немногим лучше. 20 млн. — это более трети всех взрослых мужчин. В этом случае еще до войны страна была бы обескровлена. Ай да ученые головушки, а еще заграничные!

А вот объяснение официальное.

Точные цифры появились, но так поздно, что угнездившаяся в мозгах цифра 20 млн. невинно убиенных — сделала свое дело. В «Военно-историческом журнале» № 7 за 1991 год в статье

А. Дугина и А. Малыгина приведены следующие данные: количество заключенных (политических и уголовных) в лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД (ранее ОГПУ). На январь 1930—1936 годов — от 179 тыс. до 1 млн. 296 тыс. чел.

1937 г. — 1 млн. 196 тыс. чел.
1938 г. — 1 млн. 882 тыс. чел.
1933—1943 гг. — от 1 млн. 484 тыс. до 1 млн. 672 тыс.
1944—1947 гг. — от 1 млн. 180 тыс. до 1 млн. 722 тыс.
1948—1953 гг. — от 2 млн. 200 тыс. до 2 млн. 561 тыс.

Итак, с 1937 по 1952 год число единовременно заключенных не превышало 2 млн. (до 1947 г.), а далее — 2 млн. 560 тыс. человек. Это очень много, однако не 9, и не 12, и не 20 млн. человек.

Нас при этом интересуют не уголовники (их везде предостаточно), а политические заключенные, коих было от 1/4 до 1/8 общего числа осужденных.

Количество политзаключенных в лагерях:

на январь 1934—1937 гг. — от 135 до 105 тыс.
на январь 1938 г. — 185 тыс.
— » — 1939 г. — 454 тыс.
— » — 1940—1943 гг. — от 445 до 345 тыс.
— » — 1944—1947 гг. — от 269 до 428 тыс.
— » — 1948—1953 гг. — от 416 до 465 тыс.

То есть одновременно в лагерях (по колониям нет данных, но там было куда легче) сидело не более 500 тысяч политзаключенных, что меньше одиозных цифр 8—20 млн. в 16—40 раз!

А всего с 30-х годов по начало 50-х через ИТЛ прошло 2,1—2,3 млн., а с учетом колоний — 3,2—3,5 млн. политзаключенных. Сравните эти цифры, а также примерную цифру погибших 2 млн. с цифрой 20 млн., гуляющей как ветер по планете, но неизвестно даже к чему отнесенной (только к политическим или вкупе с уголовниками, к общему количеству или единовременно сидящим, к живым и мертвым или только к последним), и подивитесь как легкости, с которой Советскую Россию топят в крови, так и доверчивости иных патриотов.

Так же сильно преувеличено и число раскулаченных.

А. Солженицын пишет о выселении «кулаков»: «Был поток 29—30-х годов с добрую Обь, протолкнувший в тундру и тайгу миллионов пятнадцать мужиков (а как бы и не поболе)». Ну и все — рады стараться, растиражировали.

А если «помене» — не устроит? Если «помене» на 14 миллионов? В том же № 7 ВИЖ (1991) приведено число раскулаченных в 1929 и начале 1930 года. Всего на 6 мая 1930 года (самая большая волна) было «раскулачено» и сослано на Север, Урал, в Сибирь, Казахстан и пр. — 102 тыс. крестьянских семей, или 521 тыс. человек. Позднее это число было доведено до 630 тыс. человек, но при всех допущениях — не более 1 млн. человек. «Так мы и поверили, — скажут любители астрономических цифр, — долго ли подделать?»

Но доклады предназначались лично Сталину, подписывали их министр МВД С. Круглов и начальник опергруппы ОГПУ Пузицкий. Подлинность их легко проверить. Мы же проверим все вышесказанное хоть и грубым, но очень надежным методом: по переписям и исчислениям населения СССР в 20—30-е годы.

Проверка уровня репрессий по переписям и исчислениям населения СССР
(см. «Сборник статистических материалов. 1990», М. 1991; «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г.», М. 1962—1963 и проч.)

Годы	Количество населения (млн.)	Среднегодичный прирост населения СССР
Осень 1917 г. (в границах 1926 г.)	147,6	убыль 12,7 млн. За вычетом 2 млн. эмиграции — 10,7 млн.
Начало 1922 г.	134,9	
17 дек. 1926 г. (переп.)	147,0	12,1 : 5 = 2,4 млн.
Начало 1930 г.	156,4	9,4 : 3 = 3,1 млн.
— » — 1933 г.	165,7	9,3 : 3 = 3,1 млн.
1937 г. (переп.)	162,0	убыль 3,7 млн.
— » — 1939 г. (переп.)	170,5	8,5 : 2 = 4,25 млн.
С сент. 1939 г.	190,7	(присоединение западн. областей Белоруссии и Украины)

Из таблицы видно, что в спокойное время среднегодичный прирост населения составлял 3,1 млн. человек. Таблица подтверждает данные архива ГУЛАГа: число жертв как раскулачивания (1930 г.), так и 1937—1938 годов особо значительным не было, ибо не отразилось на нормальном (в 1930—1932 гг.) и даже на высоком (4,25 млн. в 1937—1938 гг.) годовом приросте населения.

Потери гражданской войны (подсчет демографов Ю. Полякова и В. Дробижева в сб. «Историки спорят», М., 1989) составляют 12,7 млн. человек. За вычетом 2 млн. эмиграции получаем 10,7 млн. погибшими.

Но вот данные переписи прямо-таки кричат как о голоде 1922 года (потеря 3 млн. человек), так и особенно об ужасной непостижимой трагедии: спровоцированном голоде 1933 года и его последствиях (низкой рождаемости).

«Самые тяжкие человеческие потери в 30-х годах пришлись на 1933 год», — пишет Вадим Кожинов (в статье «Правда и истина») и отмечает, что «интеллигентов» гибель десятков тысяч «своих» в 1937—1938 годах волнует несравненно больше, чем гибель от голода в 1933 году миллионов серых мужиков.

Не случайно репрессии 1937 года последовали сразу же за переписью в январе 1937 года. Сталин, конечно, знал о голоде, но, видимо, не представлял его размаха и последствий. Как! Накануне войны получить вместо ожидаемого прироста в 10 млн. — убыль свыше 3 млн., то есть променять на куль муки жизнь будущего солдата! И виновные были найдены: главный удар пришелся по правительству и по ведомству Ягоды, чьи отряды не пускали умирающих крестьян спасаться в города.

Теперь можно подсчитать число погибших в годы революции и в 20—50-х годах (за исключением войны).

Жертвы Гражданской войны: 12,7—2= 10,7 млн.
— » — голода 1922 г. 3 млн.

Гибель офицеров, священников, инакомыслящих в 20-е годы	0,3 млн.
Гибель «раскулаченных» от лишений	0,3 млн.
Гибель от голода 1932 г. (Казахстан) и 1933 г.	6 млн.
Расстрелы и гибель в лагерях политзаключенных	2 млн.
Всего	22,3 млн.

Как, скажет читатель, а вот ученые головушки насчитали же 66 млн. человек! То же пишет Солженицын: «Профессор Курганов косвенным путем подсчитал, что с 1917-го по 1959-й только от внутренней войны советского режима против своего народа... у нас погибло вместе с нашей гражданской войной 66 млн. человек». Прибавляя к этому 44 млн. человек, погибших в войну, Солженицын заключает: «Всего мы потеряли от социалистического строя 110 млн. человек!»

Поразительно: как можно причислять к «потерям от социалистического строя» жертвы войны, развязанной фашистами? Не дивно ли, людей убили немцы, а отнесено на русский счет? А как быть с жертвами фашистской оккупации Европы — тоже свалить их на чехов, французов, поляков, сербов и проч.?

О «неродившихся» скажем вкратце: их нельзя прибавлять к реально жившим людям. Нигде в мировой практике этого не делается, так что нам нечего вешать на нашу и без того согбенную выю лишний груз потврь и обвинений. А главное: эти злополучные «нерожденные» не годятся для обличения тоталитаризма, ибо более всего их «не рождается» в самых что ни на есть демократических странах. Так, женщины прекрасной Франции за последние 130 лет «недодали» Европе около 70 млн. французов.

За последние 30 лвт естественный прирост русского населения упал в 3—4 раза, до 5 человек на тысячу, в то время как при Сталине был равен 17 чел. на тысячу. «Неродившиеся» могли бы прокричать из своего небытия, что они всецело за тиранов, за Сталина и Гитлера, которые все-таки в чаянии будущих солдат укрепляли семьи, запрещали аборты, в то время как в наши «свободные» времена, когда матери вольны вырезать младенца из своего чрева, им, младенцам, прорваться на свет Божий нелегко.

Рассчитаем теперь, сколько погибло советских людей в войну 1941—1945 годов.

По расчету Б. Соколова («Вопросы истории», 1988, № 9), всего в Отечественную войну погибло 21,3 млн. советских людей. Из них: 11 млн. от ран и на поле боя, 3,3 млн. военнопленных погибло в немецких лагерях, 7 млн. мирных жителей в оккупации.

Самый ходовой расчет (примененный и Кургановым): население СССР осенью 1940 г. составляло 194,1 млн. человек, к июню 1941 г. — 195,6 млн. (у Курганова — 197 млн.); к началу 1946 г. осталось 167 млн. Прибавляем к числу 195,6 млн. число 13,5 млн. реально рожденных детей в 1941—1945 гг. (данные — в переписи 1959 г.), а не гипотетических 15,4, как у Курганова, и вычитаем то, что осталось после войны: 195,6+13,5—167=42,1 млн. (у Курганова — 44 млн.). И все это Курганов считает «военными потерями». Но как можно, учитывая рождаемость, не приметить ее непременной спутницы — смертности? Что это — вопиющая демографическая ошибка или кое-что похуже? Другие демографы вообще «не заметили» этой пары, полагая, видимо, что рождаемость — смертность взаимно погашаются.

Но как раз в тяжелые войны смертность всегда превышает рождаемость, и все-таки к потерям военного времени эту естественную смертность (пусть увеличенную) никак не отнесешь, ибо она непременное условие и мирной жизни (где также случаются глады и эпидемии).

В расчет принимаем число умерших в 1940 г. — 3,52 млн., умножаем на 4 (годы войны) и увеличиваем на 30% (голод, болезни, стрессы): 3,52×4×1,3=18,3 млн. умерших своей смертью. Вычитаем также советских эмигрантов. Это та часть молодых «восточных рабочих», угнанных на Запад, которые там завели семьи и остались. А также политэмигранты и сотрудничавшие с немцами: 42,1—18,3—3=20,8 млн. убитых на войне.

Есть довольно точный метод В. Кожинова с использованием переписи 1959 г., где показано распределение населения по возрасту в 1959, 1939 и (с помощью поправок) в 1940 годах. В. Кожинов выделяет из всего населения мужчин призывного возраста и старше, на которых пали почти все потери войны.

В 1940 г. население СССР было равно 194,1 млн., из них 136 млн. в возрасте от 13 лет и старше (это те, кто мог воевать, хотя бы в конце войны). Мужчин в этой группе было 64 млн., женщин больше на 7,8 млн. (наследие гражданской войны). В 1959 г. этих мужчин (уже возраста 32 лет и старше) осталось 31,3 млн. Какова судьба остальных? В 1946—1958 годы из-за широкого применения антибиотиков резко снизилась смертность, и все-таки бывшие фронтовики умирали чаще других, их смертность была не ниже 14 чел. на тысячу, что составляет 7,3 млн. умерших за период 1946—1958 годов.

Следовательно, к началу 1946 г. мужчин призывного возраста было: 31,3+7,3=38,6 млн. Из 64 млн. мужчин (13 лет и старше в 1940 г.) вычитаем то, что осталось от этого же контингента в начале 1946 года: 64—38,6=25,4 млн. убитых и умерших своей смертью. Последних было 6 млн. 25,4—6=19,4 млн. мужчин, убитых в войну. Прибавляем 2 млн. женщин и детей, убитых в оккупации: 19,4+2=21,4 млн. убитых в войне.

По переписи 1959 года людей в возрасте 32 лет и старше оставалось В3,6 млн. Из них женщин 52,3 млн., мужчин 31,3 млн., то есть женщин больше мужчин на 21 млн. человек. Это наследие в основном военных лет, но также и революции. Так в 1939 году разница в численности между мужчинами и женщинами составляла 7,87 млн. Но поскольку в 1959 году участников революции стало вдвое меньше, чем в 1939 году, значит, и разница между полами сократилась до 3,9 млн.:

21—3,9=17,1 млн.

Эта разница в численности жвнщин и мужчин сформирована войной 1941—1945 гг., когда почти все погибшие были мужчинами старше 17 лет; они гибли на фронте, в лагерях, в партизанских отрядах. В 1946 году эта разница была еще больше — на 2,5 млн., то есть погибших мужчин было 17,1+2,5=19,6 млн. Прибавляем убитых женщин и детей, получаем:

19,6+2=21,6 млн. убитых на войне.

Итак, 4 расчета дают сходные цифры наших убитых в войну 1941—1945 гг.: 21,3; 20,8; 21,4; 21,6 млн. Цифра же 44 млн. — вполне от лукавого и основана на сокрытии естественной смертности (будь в 1941—1945 гг. мир, все равно бы умерло от 14 до

18 млн. человек), на играх с «нерожденными младенцами», на пренебрежении к эмиграции и пр.

Увы! Спекуляции павшими на этом не кончаются. «Демократы» с непонятным упоением обсасывают тот «факт», что на одного убитого немца приходится до 8—10 русских и проч. И сие не только от злополучной цифры 44 млн.

Рассмотрим одну удивительную вещь: почти половина наших убитых (10,3 из 21 млн. по Б. Соколову) приходится на безоружных людей: пленных, замученных немцами (3,3 млн.) и убитых мирных жителей (7 млн.). Для сравнения: из 7 млн. пленных немцев, сдавшихся нам и американцам, погибло не более 700 тыс. А мирных жителей на оккупированной нами территории погибло 800 тыс. (1,1 млн. жертв американских бомбардировок — не учитываем). Итого: русских безоружных людей убито 10,3 млн., а немецких безоружных людей погибло 1,5 млн. Вот вам и соотношение 10,3 : 1,5=7 раз. Оно отлично характеризует, во сколько раз Гитлер кровавее Сталина. Это — количество.

А качество? Бабьи Яры, сожжение женщин и детей, сумки из человечьей кожи? Так что можно сравнивать только воинские потери, опуская убийство безоружных людей.

И пусть наших солдат убито вдвое-втрое против немецких (русских 11 млн. по Б. Соколову или 6 млн. по Е. Рыбкину, немцев — 3 млн.), но не вдесятеро же! Притом и тут я подозреваю спекуляцию, на сей раз немецкую. Сомнительно, чтобы немцы потеряли на Восточном фронте всего 3 млн. убитыми (в то время как одна Сталинградская битва стоила им 1,5 млн. убитых и раненых), это не истощило бы Германию настолько, чтобы в 1945 году посылать в бой 16-летних мальчишек.

Еще раз взываю к здравому смыслу русских людей! Проверьте: перед войной было всего 64 млн. мужчин 13 лет и старше (подростки «дозрели» к 1944 г.). Если бы лагерников было 20 млн., а убитых на войне 44 млн. (а это на 90% взрослые мужчины), то все мужчины были бы начисто уничтожены, в то время как перепись 1959 года выявила 31,3 млн. мужчин фронтового возраста, а в 1946 году их было 39 млн. Не верьте адским цифрам 66—44 миллиона — они от лукавого, их назначение — вызвать всеобщую ненависть к «империи зла» и третью мировую войну. Вспомните, так же кровавили и старую Россию.

Н. СЕРОВА,
г. Н. Новгород

РУССКАЯ ИДЕЯ И РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Каждый народ подвергается испытаниям своей Истории: одни народы не выдерживают ударов судьбы и тогда прекращают свое существование, другие преодолевают их и идут к новым испытаниям, чтобы вновь и вновь доказывать Природе право на пребывание на этой планете. Особая ответственность ложится на те поколения, которые волею судьбы оказываются в фазе потрясений. Их ошибки ставят точку в Истории народа: обрывается будущая цепь поколений.

Формы испытаний, которым время подвергает народы, достаточно многообразны, но все они сводятся к трем основным: верности своей земле, верности государственности как организующей составляющей народа и верности народному духу (религии, заветам предков, нравам и обычаям, культуре, истории, отношению к природе и др.). Эти три формы испытаний касаются материальной, волевой и духовной основ существования любого этноса. Докажем эту закономерность на известных фактах истории. Во времена правления киевского князя Святослава в низовьях реки Итиль — Волги существовало огромное государство — Хазарский каганат. Хазары, досаждавшие нашим предкам своими разорительными набегами, подвергались испытанию на преданность своей земле и, как известно, не выдержали его: витязи барса Святослава навечно расправились со злейшими врагами Древней Руси — хазары закончили свою книгу Истории.

Подобному испытанию подвергались эллины: не выдержав воинственного натиска полчищ азиатов, они исчезли с земли Эллады. На смену эллинам шли предки ныне проживающих там греков, так не похожих на белокурых представителей блистательной цивилизации.

Или другой пример. Более двух с половиной тысяч лет тому назад испытанию на преданность своей земле подверглись иудеи, после чего они в течение многих веков были вынуждены скитаться по белому свету. Лишь в середине нашего столетия им удалось вернуться на землю обетованную — уникальный в истории случай. Американские индейцы, не выдержав натиска «бледнолицых», сейчас в резервациях дописывают последние страницы в своей Истории.

Не избежал испытаний на преданность своей земле и русский народ: более тысячи лет он был вынужден доказывать право на существование всем своим воинственным соседям, а в последней войне и всему миру. Нужно отметить, что ни один из народов, кроме хазар и печенегов, с которыми приходилось воевать русским, не исчез из истории, это говорит об оборонительном характере войн России.

Второй форме испытаний — преданности своей национальной государственности — русский народ подвергался дважды. Первое испытание, известное в Истории как Смутное время, было достойно им выдержано. Царствующий род Рюриковичей с последним отпрыском прославленного рода — царем Федором Иоанновичем впал в династический кризис. В державе, потерявшей волевую стойкость, начался распад и хаос, во многом напоминавший наше постперестроечное время: взлет цен, воровской промысел, набеги соседей, недород, череда самозванцев и временщиков, бунты и т. д.

В 1612 году нижегородский люд во главе со своим земским старостой — великим гражданином России Козьмой Мининым — и потомком Рюриковичей — князем Пожарским, объединившись во второе ополчение, доказал свою преданность национальной государственности, в результате чего уже в следующем году стало возможным соборное избрание на русский престол Михаила Романова. За выдержанное испытание судьба предоставила России триста лет вдохновенного созидания, в течение которых держава из захудалого московского царства превратилась в блистательную Российскую империю, раскинувшую свои орлиные крылья на трех материках — от Европы до Америки.

Второму подобному испытанию русский народ подвергался в марте 1917 года. Столичная чернь в лице радикально-либеральной интеллигенции, в предшествующие сто лет расшатывавшая основы

государственности державы, с ликованием встретила отречение от престола самодержца Российской империи Николая II, отвергла порожденную нашей российской действительностью историческую форму государственности, предпочтя ей чуждую заморскую демократию.

В результате этого массового безумства зажиревшей прослойки общества народы России последовательно получили демократическое Временное правительство с его политическим, экономическим и государственным кризисом, беспорядками и хаосом жизни, незаконный захват власти большевиками-сионистами, красный террор и гражданскую войну с миллионными жертвами, разруху и упадок хозяйственной деятельности, искусственно организованный голод в Малороссии, Поволжье и на Урале, раскулачивание и расказачивание, репрессивный аппарат ВЧК — ОГПУ — НКВД, вторую мировую войну. С приходом в Политбюро Майкла Горбачева и с разгулом перестройки и вакханалии демократии «нового Временного правительства» виток исторического пути замкнулся. Создается такое впечатление, что Бог, жалея Россию, проведя ее народы через все круги большевистско-демократического ада, снова подвергает уже новое поколение очередному испытанию на преданность национальной идее — Русской идее; испытанию, которого не выдержали деды-прадеды по обе стороны бело-красной границы; как бы вновь предоставляет возможность выправить положение.

В зависимости от результатов этого испытания возможны два исхода: либо, игнорируя 70-летний исторический опыт и повторяя ошибки ликующей публики 1917 года, мы снова пойдем по пути демократического ада, в конце которого возможна утрата признаков русскости нации (какой народ выдержит еще один виток геноцида?), либо, вспомнив национальную мудрость нижегородцев и соборную мудрость русских в 1613 году, мы снова получим сотни лет духовного развития, созидательного обустройства России и процветания ее народов.

Запас духовности в нас, накопленный в самодержавной России, иссякает: силы Зла в обществе превысили критическую отметку — начался процесс распада и разрыва социальных связей. На первых порах он коснулся верхних эшелонов власти, затем — регионов страны, народов и племен. Дальше это разложение пойдет в нижние уровни организации общества: города, предприятия, трудовые коллективы и, возможно, коснется ячейки общества — семьи. Остановить процесс распада, стабилизировать общество и разваливающуюся экономику не смогут ни идея коммунизма, ни демократия с ее капитализмом: нужна корневая, объединяющая, национальная идея, точнее говоря, русская идея — как становой хребет Российской государственности.

Процесс выздоровления общества будет решаться не призывом с высоких трибун, а на уровне каждого человека: если он, человек, преодолеет духовный кризис, поймет источник всех бед, очистит душу от тьмы, то породит обратную светоносную восстанавливающую волну, которая, наложившись с миллионами ей подобных, хлынет к верхним организационным структурам общества. Будут восстановлены все утраченные связи, произойдет объединение общества на новых духовных основах, после чего станет возможным решение любых жизненных задач. Лишь после этого появится благополучие в жизни. В свете сказанного призывы демократов смело шагнуть в капитализм, где якобы нас ждет изобилие и благополучие, представляются лживыми: нельзя перейти вброд реку, не замочив ноги. Капитализм — это тоже определенная форма духовной организации общества, определенная культура производства и потребления, столетиями создаваемая нациями. Механическая трансформация социалистического общества в капиталистическое, проводимая демократами, эта очередная социальная утопия, граничащая с политическим авантюризмом, может привести только к катастрофе. Природа, безусловно, примет меры против этой катастрофы, что чисто внешне может выразиться в растянутом во времени переходном периоде — своеобразном демпфере общественного и личного сознания. Надо наконец всем понять, что в нашем мире не бытие определяет сознание, а дух творит бытие — об этом говорит история. Демократические периоды в условиях российской действительности и в 1917 году, и в наше время приводили только к одному: хаосу, голоду и крови.

В начале века Д. И. Менделеев подсчитал, что к 1950 году в России будут проживать 350 млн. русских, сейчас их проживает в бывшем СССР 143 млн. Разность в цифрах характеризует цену, которую заплатил русский народ за ликование столичной интеллигенции по поводу «демократического» пути развития. Еще одно такое ликование, и русскому народу нечем будет платить. А то, что расплата уже началась, видно из превышения смертности над рождаемостью, по росту числа самоубийств граждан по причине отсутствия средств к существованию в «демократической» России, по голодным обморокам студентов.

«Демократическая» печать за годы перестроя выработала у обывателя условный рефлекс на политические понятия: «демократ» — положительные эмоции, «партократ» — отрицательные, «шовинист» — кто-то из русских, «еврей» — страдалец, «сионист» — лучше не связываться и тому подобное.

И вот с такими эмоциональными представлениями о политических реалиях народ, не занимавшийся политикой с 1922 года, но успевший некритически начитаться демократической макулатуры, пошел на выборы, чтобы выразить волю тех, в чьих руках находятся средства массового оболванивания.

Так что же означает это завораживающее массы слово — «демократия»? Это власть народа или же власть «избранников» народа, то есть власть меньшинства над большинством?!

Если это власть народа, а в урезанной России этот народ состоит на 83% из русских, то как русский народ мог допустить, что в открытую глумятся над его историей, его религией — Православием, наносят национальное оскорбление, устраивая иудейский шабаш в священном для каждого русского месте — Кремле, поносят имена великих людей России, шельмуют русских писателей, посмевших заявить о проблемах русской нации (вспомним травлю Валентина Распутина и Василия Белова), грабят казну, раздают исконно русские земли, арестовывают и физически уничтожают патриотов России, убивают русских в ближнем зарубежье, внушают комплекс национальной неполноценности и разглагольствуют о том, что русских давно уже нет, а есть потомки татаро-монголов? Как народ, власть имущий, мог допустить геноцид над собой, позволил распоряжаться своими природными богатствами международным проходимцам, сдать в рабство 20 млн. своих соплеменников и бросить их на произвол судьбы окраинным мазепам?! Какой еще народ мог позволить кавказским и еврейским варягам распоря-

жаться судьбой Курильских островов? Эти примеры странного проявления «власти народа» можно было бы продолжить, но и этого достаточно для недоумения: или народ — не народ, или власть не его, не принадлежащая ему, а прихваченная другим каким-либо народом — «малым народом», который руководствуется в своей политике совсем иными интересами, не имеющими ничего общего с национальными интересами русских.

Вспомним основные вехи нашего пути по дороге «перестройки» от «застойного социализма» к «капиталистическому благополучию».

1987 год: смелые и раскованные статьи в московской прессе с критикой в адрес КПСС и административно-командной системы; назойливое, из номера в номер, требование главного редактора «Огонька» В. Коротича дать народу еще больше колбасы, в отсутствии которой он истерично обвиняет И. В. Сталина. Генсек и по совместительству Президент обещает всех и вся перестроить и просит потерпеть пару лет, после чего «у нас будет не хуже, чем у них». Народ ликует: каждому обещан «мерседес» и отпуск на Гавайях. Изобретается «новое политическое мышление» — идеологическое прикрытие откровенного предательства генсека, раздаются призывы оставить свой дом и снять комнату в общеевропейском, забыть свои национальные интересы и отдать предпочтение «общечеловеческим», пресловутый плюрализм открывает возможность наряду с критикой партийных функционеров расшатывать основы государственной власти, космополитические мальчики из «Взгляда» на чем свет костят лидера российских коммунистов, а вместе с ним и «государство — империю зла». Егору Лигачеву, последовательно отстаивавшему государственный порядок, достается за принципы, с которыми не может расстаться современный лидер большевиков Нина Андреева. Демократы с улицы, в большинстве своем грассирующие на звук «р», набивают руку на организации митингов в защиту сексуальных меньшинств, а предприятия перестают выполнять государственные планы. Открыты шлюзы по перекачиванию безналичных денег в наличные — ускоренно создается «средний класс». Комсомол, задрав штаны, бросился в легкий бизнес, а создав начальный капитал — самораспустился; не убран богатейший урожай, начинается стремительное падение курса рубля — он становится деревянным, а Горбачев — Горби. Пресса и телевидение выплескивают на обывателя-демократа ушаты лжи, не давая ему опомниться. Стартует большая кампания по развалу вооруженных сил, уменьшается число боевых ракет и растет число удельных армий, разгораются национальные конфликты на окраинах СССР. Требования прибалтов признать незаконность их вхождения в СССР и законность их расширенных советских границ, суверенитет РСФСР, мышиная возня Майкла с Борисом, последний съезд КПСС, талоны и купоны, покушение на А. Невзорова — автора фильма «Наши», Новоогаревский сговор, ГКЧП, Матросская тишина, КПСС «ушли». Белодомовские «демократы» три месяца неистово выясняют, кто где был в ночь на 19 августа 1991 года, во времена августовского спектакля, и за свои сыгранные роли требуют у Президента России званий героев. Однако он присваивает их трем алкашам, случайно попавшим или специально брошенным под гусеницы уходящих танков. Похороны последних «героев СССР» с трансляцией панихиды на двух языках, один из которых — еврейский. А дальше... приватизация (точнее — экспроприация), капитализация, оккупация. Дикторы радио «России» разом разучились

говорить на эталонном русском языке, звук «р» им явно не по зубам. Еженедельное повышение цен, разгон ветеранов войны 23 февраля и 22 июля 1992 года поповским ОМОНом, дележ армии и флота... — вот кратко план перестройки, который заранее был известен Горбачеву.

Нужно отметить историческую уникальность личности Горбачева не только для России, но и всей планетной цивилизации: по сути, он — Иуда наших дней, нигде, ни в какие времена, ни у одного народа не было правителя, который бы так разорил и развалил «свою» страну, как это сделал бывший генсек с Советским Союзом. Феномен его еще долго будет объектом изучения историков, служб безопасности и политологов, но уже и сейчас ясно, что в России за все время ее существования не было предателей такого ранга: то, что оказалось не под силу ее тысячелетним врагам, бывший функционер КПСС (или ЦРУ?) сделал за несколько лет. Не сработали институты защиты государства: пресловутое КГБ, напичканное функционерами от комсомола, вместо того, чтобы охранять конституционный строй государства, бдительно оберегало его злейшего врага.

Вот что писал Ю. Катасонов по поводу нашей перестройки: «Многим может показаться, что катастрофическое развитие событий в нашей стране объясняется временными внутренними причинами, и далеко не всем известно, что разыгрывается сценарий, разработанный центрами мондиализма. Экономика Запада приблизилась к своему зениту, и для ее поддержания потребовались ресурсы России. Взять эти богатства «в лоб» у страны, обладающей мощным оборонным потенциалом, Запад не решился бы, поэтому и был разработан сценарий разложения страны изнутри с учетом накопившихся ошибок коммунистического этапа развития, духовной деградации, национального нигилизма русского народа». По сути, этот сценарий основан на старом принципе Юлия Цезаря — «разделяй и властвуй».

Для претворения этих планов в жизнь нужны были проводники-исполнители, коими и стали известные всем архитекторы, прорабы, каменщики и цепные псы перестройки. Все они, по-видимому, обогатившись, в ближайшее время, подобно главному глашатаю от колбасы — Коротичу, переберутся в американские ранчо писать мемуары о том, как они завалили «глиняного колосса».

Русский народ может пока лишь утешиться тем, что среди этих разрушителей не было ни одного русского.

На совести служб безопасности навечно останется и тот факт, что в течение многих лет эта пятая колонна успешно подбиралась к высшим узловым звеньям власти. Для прикрытия своих коварных планов перестройщики вытащили на свет божий «новое политическое мышление» и «общечеловеческие ценности».

По существу, продолжает Ю. Катасонов, «новое политическое мышление» осуществило замену одной наднациональной идеологии — интернационализма — другой, еще более наднациональной, — космополитизмом, или общечеловеческими ценностями. Если интернационализм лишил русский народ в 1917 году своей государственности, то идеология космополитизма означает утрату национальной независимости, а проще говоря, готовит сдачу русского народа в рабство другому народу — проводнику идей мондиализма, главной задачей которого является создание общемиро-

вого порядка с единым Мировым правительством во главе с «малым народом».

Пока у власти будут находиться антинародные силы, процесс разрушения России будет продолжаться: сколько бы мы ни работали, нас всегда будут держать за горло дефицитом, дороговизной, нищетой, голодом. Сильные мы никому не нужны — нужны жалкие и пришибленные, лишенные национального духа и памяти, чтобы проще можно было изымать бесхозные богатства нашей страны.

Митрополит Виталий, глава Русской Православной Церкви за границей, писал по этому поводу: «...Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем сейчас стоит Россия. Это почище Наполеона и Гитлера».

Возрождение России возможно только на основе объединяющей общенациональной идеи — Русской Идеи, и с призывом к народу объединиться на этой платформе должно обратиться народное, национальное правительство и национальный лидер.

Призывы «демократов» войти в капитализм показали, что в условиях российской действительности подавляющая часть общества своеобразно поняла рыночную экономику: нужно купить в одном месте и продать в другом подороже.

Уместно напомнить, что в самодержавной России 90 процентов трудоспособного населения производило, и лишь 3—4 процента занималось распределением произведенного. Для того чтобы общество существовало, оно должно производить, иначе его ждет деградация, что сейчас нам и демонстрирует действительность. Страна и народ, утратившие культуру капиталистического способа производства, не могут вернуться к нему за 500 дней, для этого потребуется как минимум труд одного поколения — своеобразный переходный период возвращения на круги своя, период параллельного существования и капиталистического, и социалистического способов производства. Те же, кто к осени обещают нам улучшение жизни, попросту лгут: будет еще хуже.

Народы России остались у разбитого корыта: правительство занято капитализацией, завалов горбачевской перестройки — на десятки лет, пресса ликует по поводу западных подачек в виде гороховой похлебки, доставленной транспортной авиацией ВВС США, и умалчивает, что обратными рейсами на этих самолетах улетает русское золото. Народ безмолвствует, мужественно перенося на себе очередные социальные эксперименты голодом, нищетой и космическими ценами. Народ по старой привычке ждет барина, который все рассудит, и ни во что не верит — это ли не признак духовной болезни. Расплачивается Россия за увлечение демократией.

Мы живем во времена великих потрясений, о которых предупреждал последний русский Председатель Совета Министров П. А. Столыпин, настолько мощных, что от позиции каждого из нас сейчас будет зависеть будущее России: пойдем ли мы трудной дорогой национального Возрождения России или же мы выберем путь духовного и национального вырождения, который приведет нас к состоянию африканских племен, обменивающих уран на гороховую похлебку, полотна великих мастеров на блестящие стекляшки в виде магнитофонов.

Что мы предпочтем: «демократию» ли с перспективой превращения в третьестепенную страну и полной утратой свободы, в конце которой маячит точка в истории русской нации, или же мы воспользуемся национальным историческим опытом и вспомним, как в труднейшие времена нашей истории великая национальная идея соборности — Русская Идея, идея преобладания духовных начал, идея Правды, Добра и Справедливости, не раз выручала наших предков от исчезновения в истории. Выберем ли мы путь поодиночке выбираться из болота, в которое завело нас баловство в демократию, или же поймем, что, только объединившись на основе национальной идеи, мы сможем сообща со всеми народами России выйти из этого кризиса.

Второй путь не обещает нам скорой сытной жизни, потребуется труд как минимум одного поколения, чтобы расчистить завалы «коммунистическо-демократических» экспериментов над обществом, но, пройдя этот путь, мы сохраним свободу, национальную независимость, духовно обогатимся и станем во сто крат сильнее, чем прежде. Не крючкотворство юридических законов должно управлять нашей жизнью, а законы совести. Только на этом пути мы сможем выполнить свой исторический долг перед нашими предками и потомками, сохранить миру величие России.

Свой выбор каждый должен будет сделать самостоятельно, от каждого потребуется напряженная работа ума и души, и лишь когда каждый осознает остроту ответственности перед создавшимся историческим моментом, ответственности за судьбу русской нации, которую возлагают на него Бог и История, каждый русский, не утративший чувства национальной принадлежности, сможет сделать свой верный выбор.

Цена этому выбору огромная: либо утрата свободы, национального духа и длительный процесс исчезновения русского этноса — легкий и безвольный путь во Тьму, либо Возрождение России — тяжкий путь к Свету.

Возможно, что, предпочтя легкий путь, и «Россия», и «русский народ» останутся в истории, но заселять Россию и говорить по-русски будут уже нерусские — мы исчезнем с лица земли, подобно эллинам.

Народ, не способный защитить свою землю, — теряет Родину!

Народ, не способный отстоять свою государственность, — теряет свободу!

Народ, не способный нести дух своей нации, — исчезает в Истории!

Люди русские, у нас нет выбора!

А. ВАСИЛЬЕВ,
г. Оренбург

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ!

Пока «теневая» экономика могла существовать лишь в союзе с партократией, она ее терпела. Но это не могло продолжаться вечно. Поэтому возникла новая идея — все «сегодняшние беды» и дефициты были объявлены «закономерным итогом» 70-летнего социалистического эксперимента. Кампания против компартии достигла такой мощи, что многие рядовые коммунисты и в самом деле почувствовали свою «вину», «прозрели» и стали выходить из ее рядов.

Эффектно и «вовремя» вышел из партии и Борис Ельцин.

«Демократизация», открывшая широкую дорогу предпринимательству и рынку, позволила и многим бывшим партийцам называться «демократами». Хотя до самого конца, до «странного» августовского путча, до последовавшего за ним запрета на компартию, многие из командно-административного аппарата крепко держались за свои партбилеты. (Заметим в скобках: нынешние волны реабилитационных настроений, идейной реставрации КПСС, монархии, даже ГКЧП — естественная реакция миллионов людей на политику ведущих к полному развалу и страны и экономики «демократов».) Однако победа «демократии» в августе ознаменовалась не только крахом КПСС; на деле она оказалась «полной и окончательной» (так им по крайней мере кажется) победой буржуазии. Стремительный, «обвальный» после «путча» процесс захвата новоявленными демократами (бывшими партократами) всех ключевых «распределительных» позиций в экономике позволил разным фирмам, биржам, банкам взять под свой полный контроль уже и производство и сбыт и диктовать свои цены, оставив государственным структурам роль стороннего наблюдателя. Причем все эти новые формации делали и делают по сей день свой бизнес, ничего не производя и по-прежнему распределяя и перераспределяя, то есть уже перепродавая, и наживая при этом «дикие» деньги.

А средства массовой информации — лихие демгазетчики — с удовольствием и почтением печатали, показывали на телеэкране молодцов-удальцов, которые в этих своих «фирмах» и «биржах» за полгода успевали сделаться миллионерами.

Одним из последних шагов, предпринятых, видимо, из самых благородных побуждений: помочь народу пережить этот трудный «переходный период», — было обращение за помощью к иностранным государствам... Не от себя же «отрывать», бедного. Президенты, мэры, фирмачи, министры, их помощники, советники и прочая, прочая валом валили за рубеж: выпрашивать кредиты и гуманитарную помощь.

Кредиты, понятное дело, вещь дорогостоящая, она еще ляжет на плечи народа — налогоплательщика, а «помощь» эту непонятно как и почему во многих случаях можно видеть (лишь видеть — а не иметь) в тех самых кооперативных киосках — малых предприятиях с ограниченной ответственностью.

Ну а самый последний шаг в сторону разрушения экономики государственно-промышленных и прочих связей был сделан Егором Гайдаром. Подскочившие на «объявленной либерализации» (вместо запланированных «им» в 3—4 раза) в 15—60 раз цены на продукты и промтовары, на сырье, комбайны и сеялки, запчасти и комбикорма настолько опередили покупательскую способность рубля, что заглядывать вперед — на месяц, на три, на год — было просто страшно.

Бартер — такой же дикий, как и наш новоявленный капитализм, — проник, кажется, во все сферы.

Купоны, талоны, своя валюта, которыми пытаются защитить себя новоявленные независимые государства, таможенная политика также не работают: в пустыне, как известно, ни за какие деньги воды не купишь — она дороже. Она — жизнь!

Жизнь! Вот единственная мера всех вещей. Жизнь человека, жизнь семьи, детей. Жизнь страны.

Пенсионеры уже раздергали со сберкнижек свою «смертную» тысчонку — на хлеб и молоко; и, видимо, даже обещанный коэффициент на сбережения их уже не коснется — не успеет...

Трудно ведь поверить, что ради жизни, ради «выживания» льется и льется кровь в разных горячих точках бывшего Союза. Что ради нее человек воюет с человеком. С соседом, с братом. В кого он стреляет? За что? Кто и как внушил людям, что эта земля, этот дом, этот кусок хлеба стоят того, чтобы убивать друг друга? Земли хватит всем! Тому, у кого нет дома, помоги, как это всегда было — и на Кавказе и на Руси, — построить дом! Хлеб — но кто же не поделится хлебом с соседом?! Так в чем же тут дело? Кто поставляет, покупает и продает для них оружие? На какие деньги? На чьи деньги? Кому это все выгодно? Кто наживается на этой войне?..

Жажда легкой наживы, диких денег — любой ценой — только она слепит глаза, делает людей жестокими и равнодушными, лишает их права называться людьми. Нажив бешеные капиталы, разные СП спешат (ради снижения налогов!) заняться благотворительностью. Открывают от своих щедрот на несколько десятков пенсионеров бесплатные столовки с вегетарианскими супчиками и серыми котлетками, а сами — для представительства! — покупают на аукционах «мерседесы». И это все в то время, когда 90 процентов населения (ограбленного ими) оказалось за чертой бедности. Они превращают в металлолом нужные нашей промышленности изделия из цветных металлов и как лом продают их за рубеж. Иные, как, например, Артем Тарасов, разбогатев здесь на сомнительных операциях и скрывшись на Запад, открывает там «тихую» посредническую фирму для снабжения голодающих России продовольствием, а телевидение повествует о нем как об исправившемся «благодетеле».

Они — эти капитализирующие нас «идеологи» — разрушают, делят и колхозное имущество: кому трактор, кому буренка, не учитывая (или учитывая?!), что крестьянину негде и нечем ее кормить, и он вынужден пустить ее под нож — и вновь становится «ничем». Что он на эти деньги купит сегодня?

Однако нас всех обещают сделать «такими» богатыми — владельцами, совладельцами, собственниками. Но приватизация проводится так, что все лакомые куски на наших глазах расхватывают все те же «знакомые» лица. А на самое простое — на приватизируемое жилье — уже в четвертый, кажется, раз меняются правила и величина «пошлины» за оформление, да к тому же неясно до сих пор, какой будет налог на него. Не превысит ли он стоимость квартплаты? Когда все это будет решено и «согласовано» — ни Попов, ни Собчак, ни прочие градоправители «не располагают информацией». Но — призывают приватизировать!

Мы все так стремительно перестраиваемся, что многие из нас уже вышли из строя социалистического, но в капиталистический не попали — оказались не у дел, стали безработными. Рынок труда в голодной, с остановившимися от развала экономики заводами и домнами, рынок, на котором никто ничего не покупает, а все только норовят продать, — это ли не абсурд? Но и это ли не закономерный итог всей перестройки?

Мы уже наконец поняли, что «капиталистический рай», о котором столько прекрасных слов сказали «демократы», — это рай витрин. А рынок и «коммерциализация всей страны» хороши только для

рыночников и коммерсантов, которые ради сохранения уровня цен готовы продать «и отца, и мать родную, да и всю свою страну». Мы также поняли, что нам с ними не по пути, но мы все еще ждем, что власти, держащие нас в надежде на улучшение — вот-вот, сейчас, завтра, через год — потерпите! — вспомнят наконец о том, что искусство управлять — не в умении сдерживать, тормозить, разрушать, но в стремлении созидать, помогать, заинтересовывать.

Но не слишком ли долго мы ждем?

В. КОНОНОВ,
Москва

ДОЛГО ЛИ РУССКИЙ НАРОД БУДЕТ МИРИТЬСЯ С ГРАБЕЖОМ!

Среди многочисленных читателей нашего журнала немало тех, кому пришлось покинуть Родину в 1920-е годы и позже. Но они по-прежнему с Россией, с ее трагедиями и надеждами. Ныне происходящее в нашей стране не может не беспокоить русских в ближнем и дальнем зарубежье, не может не волновать истинных россиян, где бы они ни жили. Об этом свидетельствуют многие письма в адрес «Молодой гвардии» от зарубежных читателей журнала, тех, кто вопреки «расцвету» русофобии в политике и пропаганде транснационалов-космополитов верит в возрождение Отчизны, сопричастен к ее прошлому, настоящему и будущему.

Письма наших зарубежных соотечественников далеки от эйфории по поводу беспредела, в который повергли страну прорабы и наследники перестроя под «рыночно-демократическими» лозунгами. Эти письма зовут нас к прозрению, осознанию свирепствующего ГЕНОЦИДА русской нации, к пониманию последствий, к которым может привести (если уже не привела) апатия миллионов россиян. И публикуемое ниже письмо от нашего читателя из Канады наверняка поможет многим понять то, что ныне происходит в России и других республиках расчлененного, предательски разрушенного Советского Союза.

Уважаемая редакция!

Получил 1—2, 3—4, 5—6-й номера журнала «Молодая гвардия». Прошу и меня записать в Гвардейцы. Хоть один и не воин за пределами Отечества, но с пером можно наступать на целый кагал.

Разъединение Великороссии, Малороссии и Белороссии, подобно разделению Троицы, есть ненормальное, преступное явление. Ведь на Троице стоит христианство. Раздели триединый братский союз Великороссов, Малороссов и Белороссов — и потеряется все то, что создавалось веками! Космополиты — неприятели Троицы со своим «социалистическим интернационализмом» как раз и взялись за уничтожение национального и духовного союза: превратить этот союз в ничто, чтобы это ничто навеки уничтожило наши народы. Русские, украинцы, белорусы, — проснитесь! Разве не видите, что вас загоняют в капиталистическое ярмо, управляемое заморскими мудрецами?

У советских людей высокий уровень образования, но он однобокий. В результате люди смотрят на проблемы через призму литературных рассказов. Современный капитализм — это не царский капитализм. И западные дельцы, как шекспировские герои с острым ножом за спиной, мило встречают, но горько провожают. И пока наши мужики научатся их методам, останутся без порток.

Да, нас много, но толку мало. Арабов тоже много, а толку никакого нет, потому что у них продажная интеллигенция, как и в России. Дореволюционная российская интеллигенция продала страну «интернационалистам» за чашку чечевицы, а большевистская интеллигенция продала страну социалистическому интернационалу за улыбки. Вот и результат. Все, что было кровью завоевано, Горбачев отдал врагам. Теперь возникает важный вопрос: какую интеллигенцию должны создавать наши народы?

В настоящее время университеты России заполнены масонами, сионистами и прочими агентами ЦРУ. Я встречал их здесь, в Канаде. Они приезжают сюда за инструкциями.

Если Горбачев с компанией развалил Союз ССР, то Ельцин взялся за развал всего, что осталось. Под видом реорганизации армии он фактически ее разрушает, исполняя желание заморских мудрецов. Западу он выдал все государственные секреты, а западные корпорации получают бесплатно в России концессии крупных месторождений нефти, металлов, золота, алмазов и других ресурсов.

Под видом «цивилизованного рынка» и приватизации Ельцин со своими министрами-хамелеонами грабят народ. Надо быть слепым, чтобы не видеть, что происходит!

Ведь все раньше принадлежало государству. Все население работало за зарплату. Ни у кого не было капитала. А если у кого и появлялось более десяти тысяч рублей в сберкассе, он обязан был отчитаться перед Госконтролем. Откуда же появились миллионеры, которые теперь покупают фабрики и заводы? Ссылаться на то, что, мол, коммерсанты законным путем создали капитал с началом перестройки — это детские сказки. Капитал не так быстро создается.

Ограбление народа подтверждается также методами приватизации. Используется поэтапный метод приватизации то в одном, то е другом секторе народного хозяйства. Но что это значит? Думают ли интеллигенты, чем закончится вся эта авантюра? Куда смотрят специалисты-экономисты, юристы, политологи? Ведь это их обязанность разобраться в подробностях вышеуказанных мероприятий и объяснить народу, чтоб он мог со знанием дела выразить свое мнение (?).

Поэтапный метод приватизации позволяет обеспечить максимальный грабеж народа, поэтому его и используют. Это делается так: скажем, в обувной промышленности из 30 фабрик страны выбирается 5—10 фабрик с новейшим оборудованием. Эти фабрики продаются, вроде бы по завышенным ценам, тем, кто в состоянии заплатить. Фактически же они продаются «своим», а завышенная цена по стоимости современного рубля — пустяк. На следующем этапе «выбросят» остальные 20 таких фабрик по заниженной цене, а то и по бесплатным купонам. Но кому нужны такие фабрики со старым, изношенным оборудованием? Ну, даже если они и перейдут в руки пайщиков, то пайщики скоро обанкротятся, потому что их фабрикам не выдержать конкуренции с современными, уже «проданными» предприятиями.

«Демократическая» пресса расхваливает правительство Ельцина за добродушие, потому что он объявил выдачу купонов (до десяти тысяч рублей). Во-первых, эти тысячи составляют всего каких-то

100—200 рублей доперестроечного периода, а во-вторых — за купоны продадут такое промышленное старье, которое вскоре выбросится на свалки. Вот вам и добродетель...

Одно непонятно: почему народ мирится с таким грабежом? В начале приватизации Бурбулис заявил, что все будет продаваться, а не отдаваться. Удивительно, почему наследники должны выкупать то, что им досталось по наследству? Во всем мире наследники становятся хозяевами, получив наследство бесплатно. Таков закон собственности.

Чтобы честно и демократически приватизировать социалистическую собственность, необходимо использовать следующий метод (это единственный и только верный метод): если народ на референдуме высказался за приватизацию, тогда в самый подходящий час объявляется по радио (скажем, в 13 часов дня, когда рабочие только что закончили свой обед) о начале приватизации. Только тогда рабочие коллективы каждого предприятия сразу смогут забрать активы и материальные ценности в свои руки, не давая возможности администраторам пустить их налево. По декрету, все промышленные и сельскохозяйственные предприятия — колхозы, совхозы и т. п. — переходят в собственность рабочих коллективов, которые становятся пайщиками и сами избирают администраторов. Мелкие предприятия полностью переходят в руки пайщиков, акции же крупных предприятий на 51 процент остаются государственными, а 49 процентов — передаются рабочим коллективам. Необходимо только, чтобы правительство служило своему народу. Но Горбачев, Ельцин, Кравчук и прочие патриотами не являются.

Наблюдая за ходом событий в СССР, шаг за шагом выявляется картина предательства, начатого «верхами» правительства. Не успев стать главой государства, Ельцин помчался на переговоры к заморским мудрецам. После визита в США он заехал в Канаду, где подписал договор с премьер-министром Малруни (3 февраля 1992 г.).

В статье газеты «The Globe and Mail» Дж. Шаллот, бывший корреспондент в СССР, пишет, что «под давлением туземцев» (речь идет об эскимосах) Ельцин и Малруни «вынуждены дать им больше политических прав». Это пыль в глаза! Какое давление может быть от эскимосов, когда их население на Чукотском полуострове всего около 1200 человек, а на всем Канадском Севере — 45 тысяч человек? Причем эти люди разбросаны по всему Северу. У них нет крупных поселков, нет влиятельных представителей в парламенте и нет сильных организаций.

Этот договор не что иное, как запланированный обман, чтобы отторгнуть от России Чукотский полуостров и лишить Россию Берингова пролива — стратегического судоходного пути. Эта затея подтверждается радиопередачей из города Ванкувера двумя неделями позже. По радио Си-би-эс в программе «Вики Габро шоу», передаваемой с 14 до 16 часов дня, выступала представительница эскимосов Роземари Куптана. Под шумок смеха она оповестила, что конечная цель этого договора — создание мощной федерации эскимосов, управляемой из канадского Центра. А Канада является марионеткой США и членом НАТО. Вот куда ведут концы этого договора!

В 1987 году я был на Родине, в Ростове-на-Дону. Находясь там, я заметил, что перестройка двигается в противоположном направлении. Вернувшись, написал статью в «The Globe and Mail». Это

была последняя моя статья, которую согласились напечатать. Все последующие статьи редакции канадских газет игнорировали. Я нередко писал статьи на разные темы. Но, начиная с 1988 года, тон и содержание в канадских газетах меняются. Не допускается ни одна статья в защиту СССР или православия! Зато нагнетается антисоветская, антирусская пропаганда. Было заметно, что создавался всемирный заговор против славянских народов вообще и против Советского Союза в особенности. Этот заговор распространялся также и на Югославию, которую заговорщики решили развалить и из осколков создать новую Австрийскую империю. О «югославском аспекте» заговора (в том числе из публикаций канадской прессы) у меня достаточно материалов.

Тот факт, что против СССР был создан всемирный заговор, подтверждается и полным молчанием мировой прессы о тех деятелях, которые секретно руководили развалом СССР. Всем известно, что после важного мирового события журналисты, корреспонденты и прочие знатоки наперебой спешат издавать свои книги и заметки. А тут — тишина. В чем же дело? Разве не интересно знать о подробностях событий, которые потрясли мир? Разве не интересно узнать, кто играл решающую роль в этих событиях?

Но почему-то никто не спешит. Это красноречивое молчание как раз и подтверждает существование сказанного заговора, руководимого секретным «мозговым» центром.

Специалисты не пишут книги на данную тему потому, что существуют силы, которые не позволяют выпуск книг, разоблачающих действующих лиц. Ведь существует еще и Китай, над развалом которого трудятся те же самые стратеги.

С начала перестройки я поверил в искренность горбачевской затеи, но вскоре заметил, что его действия не совпадают с его словами. Послал ему в Кремль краткое предложение о приватизации промышленности и сельского хозяйства. Но он не ответил. Через полгода в Канаду прибыли советский адмирал и два генерала на переговоры с представителями Канады и США. Один из них, генерал-лейтенант Райр Георгиевич Симонян, председатель Московского комитета ветеранов войны, остановился на три дня у меня на квартире. Из его разговоров я понял, что, кроме договора о визитах кораблей, они говорили и о чем-то другом. Причем визит этих генералов держался в секрете. Поэтому их и поселили на частных квартирах. Сообщения же в газетах появились через неделю после отъезда визитеров. Используя этот случай, я послал с генералом второе предложение Горбачеву, которое вроде бы было передано в Комитет по экономической реформе. Ответа оттуда тоже не пришло. Потом я послал подробную статью в журнал «Новое время», я его выписываю на английском вот уже 25 лет. Оттуда ответили: статья интересная, пишите еще. Скоро напечатаем. Ложь! Ничего они не напечатали.

В Советском Союзе я изучал политэкономию, право, товароведение, бухгалтерию и т. п. В Канаде, где я живу уже 42 года, изучал коммерческое, бухгалтерское и налоговое дело. Был управляющим гостиницей, имел свой ресторан и продуктовый магазин. Последние 30 лет занимаюсь бухгалтерским и налоговым делом. Поэтому располагаю практическими и теоретическими знаниями.

С первых же внешнеполитических шагов Горбачева я усомнился в честности его намерений.

При первой встрече с Рейганом в Женеве Горбачев наедине

встретился с президентом США. Такая «интимность» вызывает подозрения. Я также обратил внимание на два других «пустяка», но они подчеркивают характер человека. Это покупка костюмов в Англии М. Горбачевым. Почему государственному деятелю захотелось щеголять в модных тряпках? Это подчеркивает, что у него было презрение к отечественному производству. Другой «пустяк»: его жена, Раиса, однажды заявила, «что не хочет появляться публично в одних и тех же платьях». Жены европейских вождей, мол, ежедневно появляются в разных платьях, почему она не должна делать то же самое? Если бы такое заявление было сделано старухой рыбака, то это бы означало просто невежество. Но Раиса Горбачева преподавала в коммунистическом университете, где равенство являлось фундаментом партийной идеологии. Выходит, что Раиса сама не верила в то, что преподавала.

Мой предпринимательский опыт не пригодился пока нашему Отечеству, потому что «вожди» подготовили предательство. Но зато я установил документально истинные намерения Горбачева и его помощников. Пусть это станет хоть частицей разоблачения политического предательства нашего Отечества. И я буду трудиться в этом направлении.

Хотелось бы знать: какой процент украинского населения голосовал 1 декабря 1991 года за раздел с Россией. Канадский премьер-министр Малруни заявил, что 91 процент украинского населения проголосовали «за». Это ложь, потому что Карпатороссы, Крым, Одесская, Херсонская, Николаевская, Харьковская области и весь Донбасс в основном считают себя русскими.

На мой взгляд, Россия идет к катастрофе. Но народ бездействует. Почему бы не организовать кампанию неповиновения властям по примеру движения Махатмы Ганди? Ведь Ганди «выкурил» английских колонизаторов из Индии без выстрелов. Почему таким же образом не «выкурить» нынешних предателей России, Союза с их заморскими советниками? Необходимо начать протесты, наращивая их каждую неделю, до тех пор, пока предатели не кинутся врассыпную. А затем — взять власть, установить центральное политическое и экономическое управление в масштабе всей страны.

Не верьте лживой империалистической пропаганде, особенно американской! Если Китай с Японией создадут торговый блок, то Америка пропала. Торговые Европейский и Азиатский блоки изолируют Америку, и она превратится в сельскохозяйственный континент второстепенного значения. В Америке истощаются природные ресурсы, вот она и стремится овладеть российскими богатствами и в то же время «сплавлять» туда свои залежавшиеся товары.

Проснитесь, товарищи! Я знаю капитализм лучше, чем вы. У меня — около 40 клиентов, гаражи, рестораны, магазины и т. п. И я знаю, к каким махинациям их владельцы вынуждены прибегать, чтобы выжить. Банкротство ежедневно нарастает. Если раньше в Канаде банкротилось 15—20 тысяч предпринимателей в год, то теперь — 60—70 тысяч. Идет процесс обнищания и разорения мелкой буржуазии. Банкротятся и крупные еврейские магнаты. А все те евреи, которые выехали по израильским визам и очутились в Канаде, в большинстве случаев давно обанкротились. Легче было воровать в СССР, чем торговать в Америке. Советский народ не знает об этом, но у меня документы о таких «предпринимателях». Я только удивляюсь: какой мошенник осмеливается сегодня писать, что Россия переходит к «цивилизованному рынку»? Наверное, подобный небезызвестному Федорову, разбогатевшему, ковыряясь в русских глазах.

Я — за социализм, но не за такой, где сапожника заставляют шить костюмы, как партия заставляла своих аппаратчиков управлять предприятиями. А за такой, где власть в руках местного населения, где производители пользуются и распоряжаются плодами своего труда, где местный гений процветает без заморских мудрецов!

С приветом

Леон ВОЛОДИКОВ,
донской казак,
г. Квебек, Канада

ЗВЕЗДА РОТШИЛЬДОВ СНОВА НАД РОССИЕЙ!

Не так давно в альманахе «Кубань» публиковалась книга Дугласа Рида «Спор о Сионе», которая поразила нас описанием организованной мощи еврейского народа, его необычной, античеловеческой истории в сочетании с чудовищной изобретательностью в достижении своих более чем сомнительных эгоистических целей. Обобщившая огромный фактический материал, основательно аргументированная, она все же оставила впечатление какой-то недосказанности, мистической тайны, которую так и не удалось разгадать автору. Например, Д. Рид утверждает, что все три главные революции: английская, французская, русская, — были подготовлены и проведены одной и той же силой. Или что СССР и США управляются талмудистами и что они руководили КПСС. Но что это за тайная сила и каким образом она руководит, можно сказать, всем миром — на этот вопрос в фундаментальном труде Д. Рида вы не найдете ответа.

И вот в журнале «Молодая гвардия» № 3—4 за 1992 год появилась глава из книги И. Ландовского «Красная симфония», которая для тех, кто овладел материалеми книги Рида, звучит как откровение, приподнявшее завесу над мистической тайной последних столетий.

Ландовскому удалось сохранить дословный сверхсекретный протокол допроса следователем НКВД в 1936 году видного коммуниста, приближенного Троцкого, посла во Франции Х. Г. Раковского, осужденного вместе с Бухариным и Рыковым (но в отличие от них помилованного). Оказывается, этот «троцкист» был еще и масоном очень высокой степени посвящения, прекрасно понимал все тайные рычаги управления мировым масонством и формирования глобальной геополитики. Он дал Сталину совет заключить парадоксальный Советско-германский пакт, но самое главное — совершенно в неожиданном свете изобразил коммунизм и марксистское революционное движение, объяснил, какая сила питала все последние революции, невидимо правила коммунистическим миром, масонством, сионизмом.

Почему у К. Маркса капитализм безличный? — задается вопросом Раковский. Ведь начиная с XVIII века над Европой сияла «пятиконечная звезда братьев Ротшильдов» — самых богатых людей мира. Как могучий аналитик умудрился ее не заметить?

Действительно, принцип капиталистической конкуренции, который

не позволяет уживаться двум ростовщикам на одной улице или двум самым богатым банкирам в одном городе, и даже в одной стране, неминуемо приводит к скоплению всех богатств общества в одних руках, в одном банке или банкирском доме. Маркс об этом писал, но почему он умолчал, что такая концентрация должна была происходить вместе с формированием мировой экономики и, следовательно, завершиться еще в XVII—XVIII веках? Почему «вождь мирового пролетариата» не заметил Ротшильдов, богатства которых в те времена поражали воображение людей и были у всех на виду?

Очень просто, объясняет Раковский, именно Ротшильды финансировали иллюминатов, родоначальников коммунистической идеологии, потом — создателей I Интернационала, то есть самого К. Маркса, а потом большевиков и Л. Троцкого!

Кажется невероятным, чтобы партией «могильщиков капитализма и буржуазии» руководил как раз самый главный «капиталист и буржуй». Но в этом-то как раз и заключалась, как объясняет Раковский, гениальность создателей финансового Интернационала: опередив события, они сами создали свою оппозицию, чтобы тайно управлять ею в интересах капитала!

Совершенно неожиданная трактовка дается советской истории, у истоков которой, оказывается, стоял не Ленин, а Троцкий. И совершалась она не ради «освобождения пролетариата от эксплуатации», как нас учили в школе, а ради исполнения приговора над русским царем и замены православного креста, сиявшего над Россией, пятиконечной звездой империи братьев Ротшильдов.

Политическая карьера Троцкого, как объяснил Раковский, началась с удачной женитьбы на Седовой, дальней родственнице Ротшильдов. И сразу же из весьма заурядного политического деятеля и журналиста Троцкий превращается в звезду первой величины. Это к нему тянутся нити убийства в Сараеве, спровоцировавшего первую мировую войну. Это за деньги Ротшильдов были доставлены в запломбированном вагоне в Россию известные революционеры; это за те же средства маленькая партия большевиков в течение лета 1917 года превратилась в крупную и влиятельную партию России; это Троцкий организовал с помощью своих могучих патронов покушение Каплан на Ленина, когда «Мавр сделал свое дело»; это ему по их же указанию переподчинили БУНД, давший Красной Армии контингент политкомиссаров; это именно ради него Ленина в конце концов все же убили, устроив знаменитое «завещание вождя», которое должно было удалить с политического горизонта Сталина и передать всю полноту власти в России Троцкому. И если последний не сумел воспользоваться такой возможностью, то только из-за случайной болезни, которая не ко времени уложила его в постель на несколько месяцев.

Сталин, как можно понять Раковского, был незапланированной и нежелательной фигурой для «правителей мира», и вот теперь, на допросе, подследственный выступает посредником между Сталиным и «ними», корректируя в обоюдных интересах две могучие системы власти и одновременно спасая себе жизнь.

Кто же это «они»? Раковский утверждает, что конкретных имен он не знает. Правители мира не афишируют себя, остаются в тени, обставив себя многими подставными лицами и посредниками. Внешне это обыкновенные, умеренно богатые люди, которые свободно ходят без охраны и знаков отличий. Их власть основана на неограниченном количестве денег, которые находятся в их распоряжении. С помощью денег они правят масонами и прессой, создают популярность нужным им деятелям или развенчивают их, продвигают к власти полезных им правителей или устраивают правительственные перевороты. С помощью тех же денег они могут создать себе любую маскировку, перевоплотиться в коммуниста, националиста, демократа или сиониста, нанять для достижения своих целей целую бригаду экстрасенсов и магов или же внушить народам мысль, что никакого «самого богатого правителя мира» не существует, а что все это «выдумки и фальшивки».

Присоединяя показания Раковского к книге Д. Рида, мы получаем поистине потрясающую картину современной управленческой структуры мира. На вершине финансовой (абсолютной!) власти — прямой наследник старого Ротшильда, чуть ниже — пять прямых наследников-братьев, владеющих, очевидно, через подставных лиц крупнейшими транснациональными корпорациями и банками. Еще ниже — масонская, сионистская и другие международные организации, руководимые ими; Международный валютный фонд, промышленно-финансовые объединения Рокфеллера, Форда, Опенгеймера, Лазара и других миллиардеров, то есть финансовый интернационал. Еще ниже — президенты и премьеры различных стран, министры, коммунистические, демократические, республиканские лидеры, академики, ООН, крупные издатели и т. п.; а в основании этой пирамиды — мелкие бизнесмены, отдельные политические деятели, журналисты, писатели, биржевики, менеджеры, лавочники, лоточники и связанный с ними криминальный мир. И все это скреплено единой идеей, с помощью денег управляется одной волей.

Но, может быть, все это наши фантазии? Давайте с помощью математики и теории вероятности, опираясь на бесспорный факт, что в XVIII веке в Европе появился самый богатый человек мира, который завещал пятерым своим сыновьям пять крупнейших банков, разбросанных по основным городам и странам Европы, рассчитаем, во что это могло вылиться к настоящему времени.

250 прошедших лет — это приблизительно 10 поколений. Если исходить из модели постоянства населения Европы, то прямых наследников братьев Ротшильдов к сегодняшнему дню должно быть 2500—3000 человек. Но население Европы за эти годы увеличилось в несколько раз, значит, и число прямых наследников должно быть большим. Но есть еще и непрямые наследники: шурины, девери и т. п.; есть еще и дальние родственники — родословную братьев Ротшильдов можно проследить, составить подробное генеалогическое древо и поименно пересчитать членов «семьи Ротшильдов», какой она является сегодня. По нашим оценочным расчетам, это в общей сложности 80—100 тысяч человек, занимающих ведущее положение в финансовых, промышленных, государственных, политических, социальных структурах стран Европы, США и «третьего мира». Не будет преувеличением сказать, что в полной власти этой семьи находятся США с первых лет своего образования — ведь недаром же национальный флаг этой страны усыпан пятиконечными звездами!

Без сомнения, семерка наиболее развитых стран — главная вотчина финансового интернационала и «Мирового правительства». Со странами Восточной Европы, и в особенности с Россией, очевидно, сложней. Здесь тоже с помощью денег, наемных убийц,

продажных писак, масонов, фанатичных националистов можно поднять на вершину власти «своего», как это было с Троцким. Но нередко здесь все карты правителей путает сама безличностная «масса русского народа», по требованию которой то была установлена «черта оседлости», то был выплюнут Троцкий и даже — немыслимое кощунство — конфисковывались банки и национализировалась собственность правящей в мире семьи. И так случалось не только в России, но и в соседних с ней странах: Чехословакии, Польше, Румынии, ГДР или Югославии, Болгарии, Венгрии.

Можно лишь догадываться, какую патологическую ненависть питают «владыки мира», как они давно уже и не без оснований сами себя считают, к сопротивляющейся массе русского народа, как желают уничтожить его до корней, заменить покорным, оскопленным, духовно сломленным «быдлом», для которого весь смысл жизни — в радостях утробы и материальных богатствах.

В то же время Россия — это золотое дно, сказочно богатые природные ресурсы, фантастически выгодный рынок сбыта. Щупальца ротшильдовских банков тянулись сюда с екатерининских времен и, обжигаясь о неприязнь русского народа, все же опутывали его. Еще до Октябрьской революции здесь проживала половина всего мирового еврейского населения, и, значит, здесь находилось почти пропорциональное число родственников правящей семьи. Очевидно, они еще до революции имели в России так много власти, что мысль убрать номинальную царскую власть и возвести над страной пятиконечную звезду — масонский знак дома Ротшильдов — казалась вполне осуществимой.

И поначалу все протекало по планам: организованный развал русско-германского фронта, вынужденное отречение царя, подготовка главного коммунистического эшелона власти, возвеличивание Троцкого... Но мешал Ленин, очевидно, посвященный в семейные тайны банкировского дома... Неудача с покушением Каплан еще больше спутала карты: как это так, отравленные пули не сработали. Только через четыре года ротшильдовцам удалось исправить свою «оплошность» и снять с доски эту непредсказуемую для их планов политическую фигуру.

Но хотя ротшильдовская звезда и горела теперь на башнях русского Кремля, а «свои» люди занимали многие высшие посты в партии и Советском государстве, победа «правителей мира» в России не была полной. Это четко проходит через все показания Раковского. Очевидно, особенно ощутимый урон «правителям» нанесли чистки 30-х годов, которые, как мы сегодня доподлинно знаем, проходили не столько по настоянию Сталина, сколько по инициативе рядовых масс русского народа, интуитивно чувствовавших подвох и измену.

Вся история СССР, как мы считаем, — это непрерывная борьба с переменным успехом двух главных сил: правящей в мире семьи, контролировавшей в России многие ключевые должности, и русского народа, который никак не желал слепо следовать по пути, который предначертали для него «правители мира». Здесь было трудно жить человеку с огромным капиталом, которому могли в любой момент задать чисто русский вопрос: откуда ты его взял? И потому ротшильдовцев, тяготеющих к роскоши, в Советской России было, очевидно, не очень много. И если взять за основу соотношение числа советских евреев к общему еврейскому населению мира, то уже получим 15—18 процентов. Это значит, что

сегодня на территории бывшего СССР проживает от 12 до 18 тысяч прямых и дальних родственников и потомков братьев Ротшильдов, знающих подлинный смысл пятиконечной звезды и считающих русскую землю своей завоеванной вотчиной! Очевидно, многие из них, как «дети комиссаров» и «старых коммунистов», занимали в КПСС ведущие должности. И если предположить, что они сегодня, спаянные общей тайной, круговой порукой и занимающие ведущее место в госаппарате, прессе, науке, искусстве, патологически ненавидят и презирают «малоспособное быдло», ничего не понимающее в современной жизни, то это — страшная сила, способная и в самом деле уничтожить русский народ, загнать его остатки в резервации за Уралом.

Часть российской прессы и сегодня продолжает нагнетать обстановку вокруг имени Сталина, приписывая ему тотальный террор против русского народа. Но исследования Д. Рида, Бегуна и опубликованные теперь свидетельские показания Раковского неотвратимо свидетельствуют, что так называемые «сталинские репрессии» были на самом деле ротшильдовскими репрессиями. Это их «тройки» судили невинных людей списками, их люди задавали тон в НКВД, с вожделением управляли концлагерями, наслаждаясь видом погибающих «русских рабов». Это была война «пятиконечной звезды» с обманутым, ограбленным, оболваненным, но так и не покорившимся до конца русским и российским народом!

Ужас ротшильдовского террора в том, что «братьев по крови» никаким образом невозможно отличить от обыкновенных, ни в чем не повинных евреев. Ротшильдовцев можно распознать, пожалуй, лишь по полной бездуховности в сочетании с высочайшей должностью, которую вдруг занимал неизвестно почему достаточно посредственный человек. И еще — по патологической тяге к руководящим должностям и власти; ведь это — их страна, их звезда сияет над ней. И еще: непотопляемость ни при коммунистах, ни при демократах, ни при другой какой власти; презрение к «этой» стране, преклонение перед «цивилизованными» странами, «правовым государством», русофобия, создание особо комфортных условий для зарубежных фирм из числа «своих», поклонение «золотому тельцу».

Ротшильдовские структуры в сегодняшней России вышли из подполья. Поддерживаемые западными собратьями, они чувствуют полную безнаказанность и успешно ведут Россию к вымиранию от нужды, голода и холода, к самоистребительной гражданской войне. Семейные геополитические планы успешно выполняются под восторженное одобрение семейно-государственной прессы, телевидения, науки.

Огромная семья гениальных братьев, владеющая ныне главными богатствами общества, раковой опухолью омертвляет мир. На совести этой фантастически преступной семьи кровь нескольких революций, двух мировых войн, а сегодня — кровь жертв национальных и иных конфликтов в России. Им нет и не может быть прощения, ибо миллионы убиенных ими вопиют... И все же мы, русский народ, не питаем к ним ненависти и по-христиански снова и снова прощаем их согрешения. Мы скорее погибнем с голоду, чем поднимем руку на правящий сегодня «избранный народ». Мы, русские, несмотря на все, не только не допускаем еврейских погромов, но и защищаем «русскоязычных интернационалистов», погибая в национальных конфликтах на окраинах России.

Как ни странно, наверное, это и есть самое «страшное» наше оружие, которое вносит путаницу в действия членов «избранной семьи», оставляя миру шанс на выживание.

Без этого шансов на выживание у мира нет. Экологически грамотных людей, владеющих правдивой статистикой, знающих, как стремительно уменьшается в мире число полноценных, здоровых людей, способных справляться с управлением все более сложной техникой, убеждать в этом не приходится. Сотни миллионов олигофренов, калек от рождения, дебилов, идиотов завтра превратятся в миллиарды. Глобальные катастрофы типа чернобыльской, башкирской, уральской уже сливаются в одну непрерывную катастрофу, разрушающую цивилизацию. Финансовый интернационал неизбежно распадется и разрушится. И все золото мира не спасет отпрысков обессмертившей себя семьи, какое бы высокое положение в обществе они ни занимали, какие бы глубокие убежища себе ни строили.

Геннвдий МОЛОКАНОВ,
г. Краснодар

КТО ТАКИЕ СТАЛИНЦЫ

Вопросы о Сталине и сталинцах задаются сегодня все чаще, вызывают все больший общественный интерес, но почти не находят ясных ответов. Неясность в отношении сталинского движения усугубляется позицией прессы: демократическая печать откровенно клевещет, печать оппозиционная избегает затрагивать эту тему, тем самым помогая ее замалчивать. Мы постараемся ответить на эти вопросы — и если не исчерпывающе, то достаточно полно и честно.

1

За всю историю России именно в сталинские времена мы имели самое сильное государство, самую могучую армию, самое сплоченное общество, самое быстрое развитие, самое справедливое распределение. Все это было сделано на протяжении жизни одного поколения, и все добыто тяжелой, но победоносной борьбой.

Теперь все достигнутое — потеряно, все сделанное — разрушено, все, казалось бы, ушло в прошлое. Но когда нам говорят: Сталин — это история, мы отвечаем: неверно, **Ствлин — это позиция!**

Дело не только в объяснении истории, дело не только в имени Сталина, в том, чтобы воздать ему должное. Следует задуматься, почему так велико значение Сталина **сегодня**, почему почти 40 лет он являлся и является объектом непрерывных и все усиливающихся атак, кто его враги и почему они до сих пор так боятся его?

Наше сегодняшнее положение наглядно показывает, что есть только **два пути** — к социализму или капитализму. **Третьего пути не двно.** Любые попытки найти какой-то «третий путь» — под видом «общенародного», «гуманного», «демократического» — обречены на провал и неизбежно ведут в грязное болото капитализма. А сталинский путь — это реальный пример **единственно првввильного пути.** И в вину Сталину можно поставить не то, что он сделал, а лишь то, что он **не успел** сделать.

Понимание того, что сталинское время — единственный по-настоящему светлый период в нашей истории, зреет в народе. Но с лживых позиций КПСС невозможно ответить ни на вопросы истории, ни на вопросы действительности — потому что именно КПСС привела нас к сегодняшнему итогу. Ведь исторически и по сути своей сталинская ВКП(б) и хрущевско-брежневско-андроповско-горбачевско-ельцинская КПСС — это не одна, это **две рвзные партии.** В конечном счете, здесь и находится ключ к различным подходам. Давайте разберемся, что же произошло в нашей стране.

2

Очевидно, что вся история СССР четко распадается на две части: сталинский и послесталинский периоды. Причем эти две части истории — почти равные по времени, но **разнонапрввленные.** 35 лет движения по социалистическому пути и 35 лет движения вспять к полному капиталистическому финалу. 35 лет власти сталинской ВКП(б) и 35 лет власти КПСС. Сколько шло созидание — столько и разрушение.

Как оценивают этот последний период наследники КПСС? Как период отдельных ошибок, экономических упущений, в крайнем случае — роста ревизионистских тенденций в КПСС. И только. А перестройка, начатая КПСС и завершившаяся ее самоликвидацией, для них — трагическое недоразумение, закончившееся так печально лишь из-за злой воли Горбачева и кучки его приверженцев.

Если вдуматься в такие оценки, нетрудно понять, что это взгляд на вещи людей, проснувшихся только в 1985 году, а до этого не видевших ничего, поскольку жизнь их вполне удовлетворяла. Это взгляд на вещи последних преемников и защитников «брежневского социализма».

Для нынешних комидеологов, пропитанных духом брежневской КПСС, перестройка — лишь случайный поворот, а **не закономерное и неизбежное следствие** этого самого «брежневского социализма», его последняя фаза. Какие же полезные уроки можно извлечь при подобной слепоте?

3

Главным историческим уроком для нас сегодня является 35-летняя история **перерождения.** Перерождение — совсем не случайное явление. О нем многократно предупреждали, с ним постоянно, с самого первого момента организации власти и до конца своих дней боролись Ленин и Сталин. **Перерождение и борьба с перерождением составляют главное содержание классовой борьбы при социализме.** Объяснить корни и причины перерождения, определить пути и средства борьбы с ним — вот что требуется. Без этого мы не продвинемся ни на шаг.

Перерождение имеет не просто надстроенный — идеологический и политический характер, такая позиция является грубым и сознательным извращением. **Процесс перерождения** — это, по существу, **процесс образования клвсса новой буржувзии.** Это означает, что он глубоко связан с базисными, экономическими отношениями. Возможности перерождения заложены в самом характере социа-

лизма как **переходного строя, первой фазы коммунизма.** Не случайно самой глубокой и перспективной задачей социализма, по выражению Ленина, является «создание таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия».

При тех условиях, которые были созданы в сталинскую эпоху в нашей стране, то есть при **полной** ликвидации **старых** эксплуататорских классов, процесс перерождения мог идти только как процесс перерождения интеллигентских и управленческих **верхов общества,** образование класса новой буржуазии могло происходить только за счет этих верхов. Перерождение как новую опасность подразумевал Сталин, говоря об обострении классовой борьбы при социализме. Вспомните, как упорно и широкомасштабно боролся Сталин с перерождением, обуржуазиванием верхов до войны и после!

Ускоренный и почти беспрепятственный процесс перерождения, обуржуазивания верхов, а с ним и процесс изменения социалистического **строя,** начался в нашей стране после смерти Сталина и устранения основного ядра сталинцев.

Начался он (это верно) с изменения идеологической и политической линии, с отказа от принципов классовой борьбы, с изменения **характера власти.** Здесь на помощь были призваны Хрущевым все остатки разбитых буржуазных классов, репрессированные остатки всех мелкобуржуазных оппозиций, все недобитки, которые органически влились в среду, окружающую власть. Но не они определяли процесс, а именно **стоящие у власти.**

Прочную экономическую основу этот процесс получил в брежневские годы. Не раньше и не позже, а именно в тихие годы брежневского «застоя» сформировался класс новой, бюрократической буржуазии — на базе КПСС, на базе Советской власти, на базе государственной собственности. Недаром предупреждал Сталин: Советская власть, колхозы — это только формы. Формы, которые наиболее соответствуют социалистическому содержанию, но могут выражать **любое содержание.**

Кадрами нового класса стали обладатели политической и экономической власти, тогда еще единой, его капиталом — **привилегии,** даваемые властью и положением. Таким образом, экономической базой образования нового класса стало разрушение принципов **социального равенства.** Изменение характера власти и распределения означало коренное изменение строя.

Разрушение последних форм — партии, Советской власти, госсобственности и стало задачей перестройки. Ведь это дело рук не какой-то «посторонней силы» — ее нет в природе, это дело рук самих членов партии, самих деятелей власти, самих управляющих собственностью.

4

35-летняя история перерождения доказывает, что вопрос о форме собственности еще не определяет характера общественного строя, **государственная собственность еще не тождественна** (хотя и наиболее свойственна) **социализму.** То же доказывает и опыт современного капитализма, где государственная собственность занимает весьма значительное, а в некоторых случаях — господствующее положение.

Кроме того, необходимо помнить, что любая форма собственности — не самоцель, а лишь средство **присвоения,** распределения материальных благ. И опыт капитализма, и опыт перерождения убедительно свидетельствует, что государственная собственность (как и частная, и групповая) вполне может обеспечить буржуазное присвоение — тем, кто обладает государственной властью. Именно поэтому государственный характер собственности является в значительной мере формальным признаком, главными же факторами, определяющими существо общественного строя, являются **характер власти и характер присвоения** (распределения материальных благ).

В течение 30 лет «теоретики» хрущевско-брежневской школы, грубо извращая марксизм-ленинизм, умышленно сводили вопрос о характере строя к форме собственности, **сводили реальный социализм к формальному.**

Вдалбливая членам КПСС мысль о том, что «пока существует государственная собственность — социализм незыблем», «если существует государственная собственность — никакой буржуазии быть не может», они ловко уводили людей от анализа реальной власти и реального неравенства, маскировали перерождение, лакировали «брежневский социализм», который по сути своей являлся госкапитализмом.

Отождествление государственной собственности с социализмом и теперь самое распространенное (и опасное) заблуждение, которое целиком разделяют нынешние комтеоретики. Отсюда их позиция защитников «брежневского социализма», непонимание движущих рычагов и причин перерождения, необъяснимость «перестройки».

Перерождение, как сквозной 35-летний процесс, прошло у нас три этапа, которые в общем виде, укрупненно, выглядят так:

Хрущевский этап — изменение характера власти, ликвидация диктатуры пролетариата.

Брежневский этап — изменение характера распределения, принципа социального равенства, формирование класса новой буржуазии на базе государственной собственности и существующей власти.

Горбачевско-ельцинский этап — изменение форм собственности и форм власти, воссоздание классического капитализма и класса буржуазии в полном его объеме и виде.

5

Как определяют преемники КПСС нынешнюю ситуацию? Существующий период хитроумно оценивается ими как «переходный», причем даже без указания — от чего к чему? Существующий враг определяется как «силы реакции», причем без выяснения их классовой природы.

И говорится это не в 1980 году, а сейчас, когда речь идет о многомиллионном буржуазном классе, безраздельно владеющем властью, когда характер строя окончательно определился как классически-буржуазный и вполне ясен даже для неграмотных и незрячих. Отсюда и соответствующая постановка задач, решение которых предлагается сегодня и мыслится... посредством референдума или в крайнем случае — забастовок, в то время как требуется говорить уже о революции».

К чему призывают сегодня самые «радикальные» из них? Вот их тезисы.

«Восстановление господства социалистической собственности»... Типичный постулат хрущевско-брежневской школы, ложно отождествляющей социализм с государственной собственностью. Но ведь государственная собственность — не гарантия от капитализма, а его современная форма.

«Остановить насильственную деколлективизацию деревни»... Но ведь крупное хозяйство на селе — это совсем не гарантия от капитализма, а его современная форма.

«Возрождение Советской власти — это программа партии»... Но и Советская власть — не гарантия от капитализма, коль она позволила к нему вернуться.

А что же гарантия? То, чего нет в этих призывах. Во-первых, власть рабочего класса, диктатура пролетариата — абсолютно неизбежная и необходимая, потому что рабочий класс составляет теперь подавляющее большинство народа. При таких условиях — это прямая власть большинства, самая демократичная власть. А ведь большевики установили диктатуру пролетариата, когда рабочих насчитывалось едва 3 процента — 4,5 миллиона на 150-миллионную Россию.

Во-вторых, социальное равенство. Система распределения без каких-либо привилегий, под жестким и бдительным контролем самих масс по принципу:

организация — сверху, распределение — снизу.

В-третьих, борьба с перерождением по принципу: критика — контроль — чистка — выдвижение снизу, как это было при Сталине.

Кроме программы-максимум, ясной уже сегодня, рабочему классу нужно иметь и программу-минимум для текущих действий, борьбы за конкретные права. Такую программу можно выработать лишь «заводским методом», усилиями самих рабочих. Важно не забывать о главном.

Наши враги имеют четкие классовые ориентиры, проводят последовательную классовую политику. Столь же определенной должна быть и рабочая позиция. Преемники и наследники КПСС такой позиции не имеют, они сами обретаются где-то в «средних слоях». Чего же хорошего может ожидать рабочий класс от таких политиков?

6

Особое внимание следует уделить национальному вопросу, национальным движениям в нашей стране.

Сталинская национальная политика в последние годы включала три основных направления: борьбу с космополитизмом и сионизмом; борьбу с национал-сепаратизмом, развитие национального самосознания и национального патриотизма, в особенности русского патриотизма — ведущей и объединяющей нации.

Они дополнялись курсом на широчайшую поддержку мирового национально-освободительного движения. Коммунисты должны стать ударной бригадой национально-освободительного движения — так ставил вопрос Сталин на XIX съезде ВКП(б) в 1952 г.

Растущая острота национального вопроса, а также главные опасности для нашей страны, нашего лагеря, были угаданы Сталиным еще 40 лет назад абсолютно верно. Только смерть Сталина и поражение сталинцев позволили этим опасностям шаг за шагом разрастись до размеров настоящей катастрофы, финал которой мы видим сегодня в распаде СССР, господстве сионистов в России, в диктате иностранных держав и превращении великой страны в зависимую, раздробленную, полуколониальную территорию.

За годы, прошедшие от Хрущева до Горбачева, наш интернационализм превратился в разновидность космополитизма, в безапелляционное игнорирование национального. Вот почему национальный вопрос так остро встал сегодня в массах. Вот почему так легко удалось использовать народы окраин в интересах национал-сепаратизма.

Разумеется, современный национал-сепаратизм не имеет ничего общего с национально-освободительным движением. Это оборотная сторона того же космополитизма — уже потому, что раздробление страны, отделение от России означает быстрое и полное подчинение этих осколков Западу.

Но наряду с прозападным национал-сепаратизмом буржуазных верхов имеется и здоровое национальное движение масс — правда, пока еще слабое. Причем по мере неизбежного подчинения этих стран Западу народное движение будет укрепляться, расти, освободительный характер этого движения явится совершенно ясно. И тогда оно вновь соединится с русским.

Что касается России, то здесь русское национальное движение, будучи оппозиционным к прозападной и сионистской власти, уже превратилось в освободительное. Правда, существует опасность смычки, соглашения верхов этого движения с нынешней властью. Поэтому наша задача состоит в укреплении этого движения, придании ему подлинной народности и надлежащей твердости.

Во всех случаях наша позиция в национальном вопросе основана на единстве национального и народного, национального и пролетарского. Это особенно показательно в России — опять-таки потому, что рабочий класс составляет здесь абсолютное большинство нации, а значит, только пролетарское движение может быть истинно национальным.

Сейчас речь идет прежде всего о достижении подлинной независимости от иностранного и спаянного с ним космополитического капитала собственных наций, от империализма и действующей по его указке необуржуазной власти. Поэтому подлинно сталинская позиция состоит сегодня в соединении национального и рабочего движения. Истинные сталинцы не те, кто со слезами вспоминает о «славном прошлом», а те, кто твердо и последовательно проводит эту линию.

Вспомним слова Сталина на XIX съезде, его завещание нам, своим потомкам.

«Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представители коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

7

Пустые надежды на близкие перемены к лучшему, на легкое будущее теперь окончательно отпали, рассыпались в прах. Как

оказалось, дело обстоит совсем наоборот. Начинается отлив всех слабых и нестойких. В таких условиях останутся, будут действовать только настоящие борцы.

Возникшие на основе распада КПСС партии — жалкие осколки былой «роскоши». Будучи именно осколками КПСС, они несут в себе остаточную идеологию перерождения и потому не могут быть ни революционными, ни подлинно патриотическими, ни просто самостоятельными.

Они обречены либо на превращение в парламентское охвостье, либо на долгий и мучительный процесс самоизживания — до тех пор, пока окончательно не расстанутся с фальшивыми «ценностями» сгнившей КПСС. Это историческая расплата за отказ от единственно верных сталинских принципов, справедливое возмездие.

Главный минус нашего движения состоит в том, что мы начинаем не с большевизма, а с меньшевизма, даже не с нуля, а с отрицательной величины.

Сегодня у нас нет настоящей партии. На такую роль не может реально претендовать ни одна из существующих. Сегодня, как никогда, нужна новая, революционная партия, построенная на прочном сталинском фундаменте, на рабочей и патриотической основе, с современной новаторской тактикой и стратегией. Как скоро удастся ее создать — покажет будущее.

ЕДИНСТВО — РПС (рабочих-патриотов-сталинцев).
«Дело», рабоче-крестьянская газета, № 2, 1992.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

* * *

Опять на Украине наступил смутный период. Запомнилась сдерживаемая цепями омоновцев беснующаяся толпа, рвущаяся в Киеве на площадь к зданию Верховного Совета в день возобновления его работы. Лозунги, транспаранты, выкрики говорят о буйных вожделениях: долой правительство, распустить Верховный Совет, выйти из СНГ... Что все это значит и кто стоит за этими сумасбродными требованиями? Авторы этих и тому подобных требований хорошо известны — объединение национал-демократов (КНДС), УПА и УНА, республиканская партия, «Рух». Как же следует расценивать сумбурный вал этих требований?

Правые реакционные силы рвутся к власти. Все, что попадается на пути, убрать с дороги. В экономическом провале повинен не кабинет министров, а пагубный экономический курс, принятый демореформаторами. «Шоковая терапия», «либерализация» цен не ликвидировали экономический кризис, а усугубили его. Честные экономисты еще перед отпуском цен предупреждали, что это не может привести к увеличению выпуска продукции, что взлет цен вызовет падение рубля и производителям нет смысла гнаться за обесцененным рублем. Для стихийного регулирования производства на базе рыночной экономики потребуются десятилетия.

«Рух» заявил, что причины усиления спада в промышленности и сельскохозяйственном производстве объясняются «сдерживанием экономических реформ». Но для каждого, объективно мыслящего, пережившего события перестроечного процесса совершенно ясны

причины, действительно приведшие к спаду производства, — это горбачевская «радикальная экономическая реформа», разрушившая кооперационно-договорные связи предприятий, следование ельцинской реформе «рыночной экономики», многократно поднявшей цены, а также «суверенизация» Украины. Ускорение демреформ «по вхождению в рынок», что требует «Рух», может только ускорить катастрофическое падение страны в пропасть деградации промышленности и сельского хозяйства, банкротства денежной системы и голодной анархии. Кредитно-денежная политика с подачи МВФ (Международного валютного фонда), применяемая для ускорения рыночной реформы в России, поставила на грань банкротства множество предприятий и может привести к крушению индустриальной базы России. То же самое при ускорении экономической реформы грозит промпредприятиям Украины, потому что ее руководство ради возможных кредитов добилось вступления в МВФ и связало себя обязанностью выполнять условия этого банка.

Почему западноукраинские националисты при поддержке реакционеров всех мастей требуют выхода Украины из СНГ? Известно, если патриотизм предполагает любовь к Родине, к своему народу, то национализм разжигает ненависть к людям иных национальностей. Ненависть застилает разум. Порвав еще уцелевшие связи с РФ, Украина может лишиться самого главного для нее — нефти. Национал-экстремисты не мыслят, что если сейчас она получает нефть (или нефтепродукты) от РФ за свои поставки (сахар, зерно, масло и пр.), то, порвав с СНГ (то есть с РФ), не имея конвертируемой валюты, ни от Ирана, ни от Канады, ни от других капстран Украина нефти не получит. Этим странам не нужен украинский сахар. А зерна и самой Украине не хватает. Нечем платить Украине капстранам за нефть. А на кредиты долго не проживешь. К тому же кредиты дают не даром.

Надо сказать, что президент Л. М. Кравчук осенью 1992 года подставил подножку своей собственной стране, заявив в Бельгии, что «СНГ — несерьезное, нежизненное сообщество». А в Австрии он сказал, что, состоя в СНГ, Украина якобы «никогда не выйдет из технологического кризиса». Но 90 процентов современных заводов на Украине построено в составе СССР. А обветшание промышленного оборудования произошло уже за годы перестройки, когда Советский Союз утратил возможность нормально развивать свою промышленность и обновлять заводское оборудование. Но не сам ли Кравчук верно служил Горбачеву в деле развала социалистической экономики, социалистической промышленности? В ответ на заявление Кравчука о невыгодности сотрудничества с СНГ премьер РФ Гайдар пригрозил прекращением кредитования Украины. Так как Украина совершенно неплатежеспособное государство.

Печальные времена ждут Украину без нефти из РФ. Никто ее, не имеющую «скв», снабжать нефтью не станет. И не способна она, к сожалению, обеспечить себя синтетическим горючим, как Германия, которая в последний год войны произвела 5 миллионов тонн синтетического моторного топлива, обеспечив свои танки, самолеты, автотранспорт.

Западноукраинским шовинистическим организациям недостаточно, что они безраздельно властвуют в западных областях республики. Они энергично пытаются установить свою власть, завести свои порядки и в русскоязычных областях Украины: Одесской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской, Донецкой и др. Озлоблен-

ные националисты заявляют, что «нахалы-москали понаехали на их Украину», поэтому с ними церемониться нечего. Представители «Руха» — Драч, Скорик с трибуны парламента заявили, что все неукраинцы в Украине — это «понаехавшие». Эти депутаты, видимо, не считают себя необразованными, и им следовало бы знать, что в регионах, административно включенных в состав республики, русские до этого проживали уже веками. Так, если Крымская область была передана из РСФСР в 1954 году, то территория Херсонской губернии (с Одесским уездом), Екатеринославская (Днепропетровская) и Донецкая области были включены в состав УССР в 1924 году. Произведено это было без согласия русских, населяющих эти территории. Теперь же украинские националисты смотрят на русских как на нежелательных пришельцев и нахлебников. Теперь русские в этих областях — «некоренное население».

К сожалению, враждебность к «русскоязычному населению» — основа политики национал-экстремистов. Для них ничего не значит, что и русские и украинцы происходят из единого славянского корня. Что до XIV века жители Киевской Руси и Московской Руси были единым народом и назывались «русичами». В энциклопедии Брокгауза и Ефронв (т. 68, с. 633) об этом сказано: «Украина — так назывались юго-восточные русские земли Речи Посполитой» (то есть земли, отошедшие к Польше). В XIV веке эти русские земли подпали под власть Литвы, а со времени Люблинской унии в 1569 году отошли Польше. Постепенно власть поляков на Левобережной Украине ослабла, что дало ей возможность воссоединиться с Россией в 1654 году. Россия не присоединяла Украину насильно. Переяславская Рада била челом перед русским царем Алексеем Михайловичем о том, чтобы он принял Украину под свою державную руку и защитил от агрессии Польши и татар. История Киевской и Московской Руси свидетельствует о том, что эти территории были населены одним и тем же народом.

Национал-реакционерам нужен свой человек во главе правительства Украины. Который бы запрятал коммунистов и социалистов за решетку, госпредприятия и землю передал бы капиталистам и помещикам, способствовал расцвету тоталитарного национализма.

Г. СИДЛЯРЕВСКИЙ,
г. Одесса

* * *

В 1989 году официально 1 рубль стоил 1,6 доллара. Однако по соотношениям внутренних цен он был дороже (по данным Пентагона) в три раза. На СССР при населении менее 5 процентов мирового приходилось 20—25 процентов мирового промышленного производства. Но с провозглашением Горбачевым «катастройки» произошло введение втрое более низкого коммерческого курса рубля вместо втрое более высокого (в начале абалкинских реформ).

Пересчет в мировых ценах показывает, что безвозмездная перетечка сырья и продукции из России на Украину превышает 150—250 миллиардов долларов. 40 процентов славянского населения Эстонии производит 60 процентов продукции, обеспечивая в 2,25 раза более высокую производительность труда. Производительность труда в Приднестровье с преимущественно славянским населением в 3,5 раза выше, чем в остальной Молдове. Эффективность труда в Днепропетровской области вдвое выше, чем во Львовской, где польское население, по переписи 1939 года, составляет 60 процентов. Таковы экономические показатели, но не то в жизни. На сентябрь 1992 года налог с дохода для Донецкой области составлял 80 процентов доходов, а для Тернопольской области — 0 процентов.

Аналогична игра цен в рыночной и государственной торговле Украины.

Июль 1992 года.

Колбаса шахтерская: Донецк — 65 купонов, Киев — 33 купона.

Масло сливочное: Донецк — 240 купонов «из-под полы», Киев — 200 купонов, Тернополь — 26 купонов в гастрономе.

Сентябрь 1992 года.

Телятина: Донецк — до 500 купонов, Киев — 100—250 купонов, Ровно — 100 купонов.

Сахар: Донецк — 70—200 купонов, Киев — 70—110 купонов, Винница — 9 купонов, Тернополь — 7 купонов.

Налицо польско-руховский геноцид русско-малороссийских районов Украины. Посмотрим, как обстоит дело с экспортом-импортом «незалежной» Украины:

Цемент продается в Саудовскую Аравию по 10 долларов за тонну при цене 116 долларов за тонну. Электроэнергия идет в Польшу по 2 куп/кВт·ч при цене купона 0,003 доллара. Получается, что если Союз продавал по 5,5 цента/кВт·ч, то нынешнее руководство Украины поставляет по 0,3—1 цента/кВт·ч. Вывод такой, что в целом ограбление населения Украины усилилось, а восточной — в особенности.

Заработок массы городского населения — в пределах 3—7 тысяч купонов. Это значит, что жить стало в 50 раз хуже. 50—90 процентов промышленной продукции уходит за границу, но выручки за нее не видно. Антинародная пресса антинародного правительства всячески хулит отечественную продукцию, чтобы оправдать мизерные экспортные цены. Ельцин «покрывает» Кравчука, сначала обменяв 5 миллиардов рублей на 5 миллиардов купонов (то есть простых бумажек), а затем дает кредит в 200 миллиардов рублей. Он понимает, что если Кравчук «полетит» в Киеве, то сразу же с треском сам он полетит в Москве, где его уже разгадали и готовы прогнать вместе с масонской сворой. С переходом поставок сырья и энергоносителей на мировые цены ситуация на Украине ухудшится до предела, ибо нужно ежегодно изыскивать до 300 миллиардов долларов, тогда как Украина способна найти не более 10 миллиардов долларов. Чтобы покупать, нужно производить продукцию мирового уровня, но заводы останавливаются и инженеры увольняются. Назарбаев уже заявил, что без повторного объединения в Союз Запад дограбит нас полностью.

Выгодно ли отделение Прибалтике?

В международной торговле прибалтийские языки не нужны. При переходе на мировые цены Прибалтике лучше не будет. Как только Запад убедится, что отделение завершилось, он поднимет таможенные барьеры, пробить которые будет невозможно. Остается использоввть демарш отделения для нового льготного вступления в Союз, например, при меньшем проценте отчислений в союзный бюджет. Но здесь — палочка о двух концвх, ибо жесткими таможенными пошлинами со стороны России, без которой прибал-

там никуда не деться, они будут разорены до предела. Нынешний же раздел уже привел к десятикратному обнищанию народа, пока еще донашивающего старые штаны.

На Украине при сохранении ситуации назревает повторный раздел по линии границы с Польшей до 1939 года. В противном случае будет гражданская война. Эта война может привести к депортации польских оккупантов, маскирующихся украинцами. Опыт последних двух лет с бандитскими нападениями руховцев-поляков на русских и малороссов показал, что совместное проживание славян и поляков — паннонских гуннов, захвативших полянские земли в VI веке, невозможно, как невозможно и допущение на Киевской Руси польского языка, под каким бы он соусом ни навязывался.

В. КОЛЫЖАНОВ,
г. Киев

* * *

С расцветом российской «демократии» молочные реки бывшей державы зажаты крутыми берегами инфляции, хищений, и молоко стало предметом роскоши. Ведь оно подорожало в 100 раз, а ассортимент молочной продукции в последние годы сократился на 80 процентов. Да разве можно назвать молоком ту белую жидкость, которую мы обнаруживаем, вскрыв пакет, на котором написано: «Молоко, жирность 3,5 процента». Оказывается, из-за нехватки пакетов с надписью «Молоко, жирность 1,5 процента» его наливают в пакеты, где указана жирность 6 процентов. В общем, форменный обман. Но это еще цветочки. Наши молочные продукты содержат более шестидесяти видов тяжелых металлов в недопустимой концентрации и по европейским стандартам не годятся даже на корм скоту. В Подмосковье наши соотечественники уже попробовали сметанки и слегли с дизентерией, под Петербургом съели сырку и отравились, а где-то за Уралом от молока и мяса подхватили сибирскую язву. За такие фокусы с продуктами в «застойные» времена многие начальники лишались теплых кресел, а при Сталине их просто ставили к стенке.

Сейчас же с начальников разных мастей, отвечающих за качество молочной продукции и санитарный надзор, как с гуся вода. А правительство устраивает дикий рынок продуктов, грозящий вспышками эпидемий. При экономическом беспределе проще взвинчивать цены и валить свои грубые просчеты на «последствия сталинизма»...

И если до 1992 года цены на молоко не повышались с 1937 года (!), то с апреля 1992 года они рванули с места в карьер. Я не уверен, что молоко опять не подорожает. Цены на него растут день ото дня, несмотря на клятвенные заверения российского президента стабилизировать их еще в июле этого года. Хотя это, мягко говоря, утопия. Выпустив джинна из бутылки в образе хищных коммерсантов, которые ради наживы готовы продать и мать родную, государственные мужи умывают руки.

Специфика нынешнего беспредела еще и в том, что все указы президента и решения правительства в сфере ценообразования ДИРЕКТИВНО устанавливают уровни повышения цен — как оптовых (заготовительных, закупочных), так и розничных. Вот вам и рынок! У нас не спрос определяет цены, а цены «руководят» спросом. Не случайно Е. Гайдар похвалялся тем, что, дескать, «люди отныне сами регулируют структуру своего спроса и потребления» (?!).

Устанавливая заготовительные цены, правительство отказывается потом от них, а вслед за этим ликвидируются и дотации на молочные и другие продукты, цены на которые субсидируются, кстати, даже в наиболее отсталых странах Африки! Зато разнообразные и высококачественные молочные товары (многие — в упаковках аж «сталинского» периода!) в огромных количествах покупаются-перепродаются биржами и аукционами в 15 городах России (октябрь с. г.). Причем согласно «рыночным директивам» нынешнего правительства именно биржевые цены должны стать «твердыми» госценами (то есть торговыми ценами) на молочные продукты, и не только на эти продукты.

Примечательно и то, что до 80 процентов аукционных продаж молочных товаров в России имеют экспортную направленность: продукты вывозятся за пределы и России, и СНГ. Не случайно газеты Греции, Кипра, Израиля, Турции часто рекламируют российское молоко... Поэтому «наша» торговля лучше сгноит продукты, чем уступит копейку. На фермах выливают молоко в канавы, так как не могут его продать, а горожане не могут его купить, потому-то любая покупка — ощутимая брешь в семейном бюджете.

Для богатых жуликов, на которых нам сейчас советуют равняться, в центре Москвы открылся магазин с импортной молочной продукцией. Здесь — отменный ассортимент, хорошее качество товаров, красивая упаковка, а цены в пересчете долларов на рубли такие: молоко, 1 л, — 140 рублей, йогурт фруктовый, 125 г, — 65 рублей, крем молочный шоколадный, 50 г, — 75 рублей, сыр «Валио», 100 г, — 80 рублей, сливки, 250 г, — 150 рублей и т. д.

Как видим, очень богатые в России не заплачут. Даже если окончательно развалится ее сельское хозяйство. Запад «поможет» им и за доллары «завалит» их молоком и хлебом, не говоря уже о шампанском и трюфелях. А что касается тех, кто производит материальные блага страны, работая на ее заводах и фабриках, убирая хлеб или воспитывая детей, то им остается туже затянуть пояса и ждать очередного повышения цен, после которого молоко станет для многих ни к чему, так как они тихо помрут с голоду. Остальная часть будет «добывать» молоко самостоятельно (может — в канавах и помойках...), получив «приватизационные чеки» и сразу став собственниками. А коль собственники, пусть сами и производят свое частное молоко. Некогда правительству заниматься «молочными» пустяками, когда нужно срочно делить валютную «помощь» Запада, а потом быстро истратить ее на новые «мерседесы», загранпоездки, презервативы и виллы в Австрийских Альпах...

Но еще многим непонятно: почему нынешним правительством создаются невыносимо тяжелые условия для производителей и потребителей молочной (и не только молочной) продукции? Почему молоко, как и мясные, кондитерские изделия и даже хлеб, становится «загрязнителем» рек, озер и морей, закапывается на века, а те, кто руководит этими преступными «мероприятиями» и осуществляет их, исправно получают многотысячную зарплату и дотации на «ведомственное» питание?!

Ф. ДАНИЛОВСКИЙ,
Москва

* * *

Кто сегодня знает, что своим спасением от гибели капитализм обязан использованию им многих социалистических принципов ведения хозяйства? Кому известно, что Рузвельт в 1930-х годах спасал погибающую страну с помощью ГОСУДАРСТВЕННЫХ программ методами ПЛАНОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, взятых из арсеналов социалистической теории и практики? Думаю, что знают об этом сегодня немногие.

Кроме того, важны и злободневны, нуждаются в стабильной пропаганде материалы июньской (1992 г.) Конференции ООН, рассмотревшей проблемы окружающей среды и будущего развития цивилизации. Один из ее важнейших выводов заключается в том, что модель развития, использованная десятком богатых капиталистических стран мира, ИСЧЕРПАЛА СЕБЯ. Спасти мир в рамках существующей капиталистической модели развития НЕВОЗМОЖНО, и неизбежно смещение этой модели в сторону СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ вариантов организации жизни общества во всех странах.

П. КОНОВОДОВ,
г. Волгоград

* * *

Не понимаю роль следствия по делу об убийстве Игоря Талькова. До какого морального падения нужно дойти, чтобы дать возможность убийце Шляхману без каких-либо проблем уехать в Израиль? Когда же кончится сионистская оккупация нашей страны и уничтожение патриотов?!

А мы все преступно молчим. Нам бы солидарность кавказских народов, которые все, как один, встали на защиту своего лидера Шанибова (председателя Конференции горских народов).

Е. КОСТЕЦКАЯ,
г. Одесса

* * *

Здравствуйте, уважаемая редколлегия журнала «Молодая гвардия»!

В России уже тысячи 7—10-летних русских девочек — проститутки. Куда уж дальше? А правительство делает вид, что не замечает этого.

Уже невооруженным глазом видно, что власть в России антинациональная, антирусская не только по национальному составу, но и по делам. Приходится признать, что наше Отечество гибнет!

Русский народ разгромил немецкий фашизм, эту чуму XX века, спас народы СССР и всю мировую цивилизацию. Теперь же русских называют «красно-коричневыми», «фашистами» и руками «пятой колонны» (масонов, сионистов, иезуитов, хасидов и др.) западный империализм уничтожает Россию как великое государство. Какая горькая ирония исторической судьбы России!

ИВАНОВ И. Т.,
г. Кустанай

* * *

Посылаю вам самые свежие факты, которые сильнее любых аргументов.

30 сентября по дороге в хлебный магазин мне встретились две женщины-пенсионерки. Они горько плакали. И было от чего: 29-го хлеб стоил 25 рублей за 800-граммовый батон серого хлеба, а 30-го — уже 40 рублей. Женщины пошли в магазин, взяв с собой по 25 рублей, и не могли, разумеется, купить себе хлеба. За неделю раньше нынешние власти отменили бесплатное питание для детей-школьников из многодетных семей. В это же время «Аргументы и факты» хвастали своим 26-миллионным тиражом и тискали гнусность о том, как одному дебилу, попавшему в Лондон, проститутка не смогла расстегнуть ширинку. Идет второе пришествие необольшевизма, в стране топчут и затаптывают пенсионеров, старух, морят голодом ребятишек — а в это время распространяется 26 миллионов порций печатной мерзости — и великое ликование! Господа бандиты от пера! Делаю то, что могу делать в моих стариковских силах: плюю вам принародно в ваши бесстыжие рожи!

БОГАЕВСКИЙ Владимир Анфимович,
ветеран войны, пенсионер

* * *

Получила № 8 «Молодой гвардии». В «Апокалипсисе для мертвых» я согласна со всем, это не грядущее, это уже есть, только вот с концом — восстанием — не очень согласна, ибо не вижу, кто будет восставать. Сейчас пенсионеров голодом морят, а они молчат, тихо мрут. Вместо того, чтобы выйти с кастрюлей и ложкой и погреметь возле властей, они ночами ходят за пенсией-подачкой. Что им терять? И это народ, который громил монголов, литовцев, поляков, шведов, французов, немцев?! У них отняли историю, поэтому они такие хилые и трусливые.

Господи, хорошо хоть я прозрела благодаря вам!

От «работы» хазар-сионистов остается чувство гадливости. Я уже год ТВ практически не смотрю. Один такой «хазар» Ростов выдал по ТВ: «...скудоумие России на протяжении столетий...» Тоже умник, у которого, говорят, на самом деле другая фамилия.

Напишите, создаются ли русские школы? Это сейчас самое главное! Как вы относитесь к монархии? Что-то я смотрю — парламент в России только для ее разрушения, а президент — для продажи России.

22.06.92 я пришла в Останкино, посмотрела на все это и решила записаться в карате. 41-летняя тетка — хожу теперь в карате. Это мой протест.

ИВАНОВА,
Тюменская обл., г. Когалым

Очерк и публицистика

Владимир ЗАБОРСКИЙ,
капитан 1-го ранга в запасе,
военный корр. «МГ»

ОНИ ГОТОВЫ СДАТЬ РОССИЮ БЕЗ БОЯ

Заметной особенностью российской внутриполитической жизни в прошедший летний период является повышенный интерес к военным проблемам России, что проявилось в попытке некоторых «политологов-обществоведов» снова разыграть «армейскую карту» в своих сугубо корпоративных интересах. Видимо, это обострение внимания к военным проблемам закономерно — в России сформировано национальное Министерство обороны, и начался тяжелый и ответственный процесс реорганизации Вооруженных Сил. В итоге такого «внимания» к Вооруженным Силам на свет появились практически одновременно несколько концепций построения военной политики и обеспечения военной безопасности России. Первым с такой концепцией выступило Министерство обороны России на военно-научной конференции в Военной академии Генерального штаба.

Примерно в это же время Советом Безопасности РФ под руководством его председателя Ю. Скокова разработана приуроченная к визиту Б. Ельцина в Вашингтон «Программа национальной безопасности России», в которой большое место уделено оборонным проблемам.

И наконец 30 июня — 1 июля 1992 года Российская Академия наук, в свою очередь, провела научно-практическую конференцию по военной политике России и обеспечению стабильности общества. На конференции был распространен и обсуждался документ под названием: «Основы оборонной политики России», разработанный группой гражданских и военных политологов и обществоведов. Странно, однако, что в этой конференции почему-то не участвовали представители Министерства обороны России, Генерального штаба, военные ученые, специалисты оборонной промышленности. О чем идет речь в трех вышеперечисленных документах?

Министр обороны России генерал армии П. Грачев так сформулировал основную цель конференции: «...Нас волнуют в первую очередь вопросы обеспечения безопасности России, в том числе военными средствами. В связи с этим особенно актуальна разработка военной доктрины России. На ее основе должна формироваться концепция строительства Вооруженных Сил РФ и осуществляться практические мероприятия по их совершенствованию».

А вот как видится будущая военная доктрина генерал-полковнику И. Родионову, начальнику Военной академии Генерального штаба: «Крупные государства (США и другие страны НАТО) располагают огромной военной мощью, они не только сохраняют ее, но и усиливают, а некоторое количественное сокращение вооруженных сил быстро восполняется за счет принятия на вооружение новых, более эффективных видов оружия... В настоящее время страны НАТО имеют около 20 000 различных средств воздушного нападения, развитую систему их базирования вблизи границ России, так что они располагают огромной наступательной мощью, которая быстро развивается (кстати, удерживание превосходства в воздушно-космическом пространстве и на море является одним из стратегических принципов США). В этих условиях не исключено, что для разрешения противоречий в различных сферах жизни общества и достижения своих военно-политических целей эти страны могут применить военную силу. Об этом свидетельствуют многие военные конфликты, возникшие после второй мировой войны, в том числе и война в районе Персидского залива».

Подводя итоги конференции, министр обороны П. Грачев, характеризуя проблему военной безопасности, еще раз подчеркнул: «...В современных условиях не может быть гарантий от повышения степени военной опасности и перерастания ее в определенных условиях в направленную и непосредственную военную угрозу... Поэтому было бы преступным не уделять самого серьезного внимания военным вопросам... Безусловно, в современных условиях приоритет должен отдаваться политическим средствам. Однако они будут эффективны лишь тогда, когда политика будет опираться на достаточную экономическую и военную мощь государства. Следовательно, в решении этой важной проблемы наряду с другими государственными институтами должны принимать активное участие и Вооруженные Силы. Именно они призваны обеспечивать территориальную целостность нашего государства от угрозы извне, сдерживание и отражение агрессии силовыми методами».

Выдвинутая Советом Безопасности РФ в «Программе национальной безопасности России» концепция военной политики вполне соответствует взглядам военных и звучит в унисон с предложениями, прозвучавшими на конференции в Военной академии Генерального штаба. Вот так, например, трактует эта «Программа...» предназначение Вооруженных Сил: «...Вооруженные Силы должны быть способны создавать и развертывать группировки войск в любых регионах мира... для противодействия возможным попыткам США в любом регионе мира добиваться выгодных условий».

В том же духе проводится концепция военной безопасности и в «меморандуме Е. Амбарцумова»: «...РФ должна объявить все геополитическое пространство бывшего Союза сферой своих жизненных интересов (по типу «доктрины Монро» США в Латинской Америке) и добиваться от мирового сообщества признания своих особых интересов в этом пространстве...»

Таким образом, все эти три документа, представляющие три государственные инстанции — Министерство обороны, Совет Безопасности и Верховный Совет РФ, — по своей направленности вроде бы совпадают.

Казалось бы, при таком единстве взглядов по основным военным вопросам остается засучить рукава и начинать слаженную работу по формированию военной политики на всех уровнях — и внутреннем и внешнем, — а также организации и становлению Воору-

женных Сил. Однако определенного рода политологи и околообщественные деятели, известные в период перестройки своими антиармейскими демаршами и акциями, снова решили показать себя и выпустили в пику Министерству обороны свой «меморандум» (манифест, декларацию — можно называть как угодно) под заглавием «Основы оборонной политики Российской Федерации» (по нашему мнению, правильнее было бы назвать этот документ «Основы политики развала обороноспособности России»). Видимо, эти «деятели» и задавали тон на конференции в Российской Академии наук в отсутствие представителей Министерства обороны и военных ученых.

Внимательно читая это «творение», невольно приходишь к мысли, что, если бы этот документ не имел подписей конкретных, причем довольно известных лиц, можно было бы с уверенностью утверждать, что он разработан где-то в недрах ЦРУ США, в его департаменте подрывных операций по моральному разложению и подрыву обороноспособности вероятного противника. И если обитают в нашей стране еще «агенты влияния», то они, ознакомившись с «Основами...», захлопают в ладошки.

По содержанию этот документ, на наш взгляд, представляет смесь полудирективных указаний и доморощенных, высосанных из пальца околонаучных изысков.

Главным содержанием и связующей основой формирования оборонной политики, считают авторы «Основ...», следует безоговорочно принять животворную идею, заключающуюся в том, что «...агрессия против России, а также других государств СНГ с крупномасштабным применением обычных вооруженных сил, а тем более — ядерного оружия, является маловероятной...». В сущности, это повторение старой песенки — у нас нет врагов, нам никто не угрожает, — распеваемой с начала перестройки главными закоперщиками антиармейской кампании, развернутой в средствах массовой информации, — Г. Арбатовым, В. Коротичем и др. Эта гнилая и глубоко вредная (если не вредительская) идейка, не соответствующая реальной обстановке в мире, закладывается авторами в фундамент военной безопасности государства.

Наше военное руководство, а также, по всей вероятности, Совет Безопасности, значительная часть депутатов Верховного Совета, как это уже указывалось выше, думают совершенно иначе, справедливо считая, как говорил император Александр III, напутствуя перед смертью наследника престола Николая II: «У России нет друзей, а врагов достаточно».

Под сурдинку исполняемой рулады о «маловероятности агрессии против России» (творцы «Основ...») проводят остальные постулаты своего видения оборонной политики. Оказывается, одним из главных «интересов», долженствующих определять оборонную политику России, является «...создание условий для исключения необходимости защиты внешних интересов военными средствами». Это как понимать? Уступай и иди на поводу сильных держав, не считаясь с интересами страны? (Наше доблестное МИД, в общем-то, демонстрирует нам деятельность такого рода.) Конечно, было бы неплохо все международные проблемы решать путем переговоров, но мир пока (и в обозримом будущем) устроен так, что разговаривают и ведут переговоры только с сильным в военном и экономическом отношении партнером. Со слабыми не договариваются, а диктуют свою волю. Примеров тому несть числа и в

наши дни. Так что для того, чтобы Россия могла защищать свои интересы на международной арене не военными средствами, а переговорами, она должна быть сильным государством прежде всего в военном отношении.

А вот как выглядят, по мнению авторов «Основ...», главные задачи оборонной политики РФ: «...установление государственного и гражданского (?) контроля над военной сферой; создание гражданского (?) Министерства обороны; осуществление демилитаризации (?) и демонтажа старой (?) военной системы с одновременным созданием собственной (?) военной системы Российского государства...»

Простите, разве это задачи оборонной политики государства? Что такое «государственный» и «гражданский» контроль? Это одно и то же или нет? Государственный контроль военной сферы осуществляется соответствующими государственными структурами — аппаратом президента, Верховным Советом, Министерством обороны, органами безопасности. Какой еще нужен к этому «гражданский» контроль? Как это представляют себе лихие «новаторы» военного дела?

Что такое «гражданское» Министерство обороны? И кто, где и когда доказал, что такое министерство лучше «военного»? Ведь всем понятно, наверное, что военные вопросы и проблемы не смогут решать на соответствующем уровне профессионализма некомпетентные в военном деле «гражданские» сотрудники. И не нужно обезьянничать, глядя на Америку. Министр обороны США хоть и гражданское лицо, но сам Пентагон сугубо военная организация. Кстати, и министр обороны, и президент, да и большинство конгрессменов в США — люди, как правило, с военным прошлым — американский избиратель с недоверием относится к политическим деятелям, не прошедшим хоть какой-то стадии военной службы, не испытавшим солдатского пота и не нюхавшим пороха.

Неужели авторы декларируемых «Основ...» всерьез считают одной из главных задач оборонной политики «демонтаж старой военной системы»? Опять лозунги из серии «...разрушим до основания, а затем...»! А зачем это нужно — неужели мы ничему не научились на горьком примере нашей истории? Ведь авторы ратуют за дальнейший развал Вооруженных Сил, тогда как необходимо на базе существующей организации наших, еще вчера мощных армии и флота (то есть «старой» системы) спокойно провести нужные реформы и реорганизацию, ничего не ломая зря. И, кстати, как понимать требуемую «демилитаризацию» военной системы? Ведь после такой операции любая военная система становится невоенной. В таком случае зачем она нужна военному ведомству? В то же время о главной задаче военной политики любого государства — а именно, прежде всего защите военными методами независимости, неприкосновенности границ, территории, суверенитета — в «Основах...» умалчивается.

Подобными, мягко говоря, несуразицами нашпигован весь документ — на них постоянно спотыкаешься. Например, к принципам оборонной политики авторы относят «транспарентность (!), открытость (?) в военной сфере». По-русски это, по-видимому, означает предоставление всем и вся наших военных планов, оборонных секретов и тайн — это имели в виду авторы или нет? Если да, то так бы и сказали русским языком, а не прятались за иностранный

непонятный термин. Если же говорить по сути, то все эти разглагольствования разработчиков «Основ...» о «гражданском» контроле имеют единственную цель — расставить на ответственные посты в Министерстве обороны и других, связанных с военной средой организациях и инстанциях, людей, поддерживающих их политические взгляды и принципы.

В «Основах...» утверждается: «Доля бюджетных ассигнований, выделяемых на военное строительство, не может превышать 2—3 процентов общего валового продукта, что должно быть закреплено соответствующим законом; численность Вооруженных Сил должна быть достаточна для... участия в операциях по поддержанию мира под эгидой ООН, предупреждения любых случайных несанкционированных террористических действий, направленных против РФ...»

Только и всего — по численности наши Вооруженные Силы должны быть способны действовать в объятиях ООН, а возможно, и в обхвате (если не захвате) НАТО и бороться с террористами (!). И такую участь готовят нашим славным непобедимым армии и флоту новоявленные военные «стратеги». Но ведь и ежу ясно, что единственным главным критерием боеспособности Вооруженных Сил в мирное время является обеспечение ими защиты страны. Или России это теперь не нужно?..

Относительно пресловутой процентовки на военные нужды «бюджетных ассигнований от общего валового продукта», то здесь эти «стратеги» передергивают факты и вводят в заблуждение общественность. О необоснованности и ненаучности такого «процентного» подхода говорил на конференции в Министерстве обороны генерал-майор В. Чепурной: «Мировой практикой доказано, что при военно-экономическом напряжении расходы на оборону могут составлять 6—7 процентов от ВНП, а рациональная численность ВС может быть доведена до 1 процента от общей численности населения. Такой подход характерен для многих высокоразвитых государств. Однако этот показатель, характеризующий экономические возможности, может вступать в противоречие с потребностями для обороны. Достаточно бросить беглый взгляд на карту России, чтобы прийти к выводу о том, что емкость театров военных действий, стратегических и операционных направлений значительно превышает приведенные показатели по численности армии и флота России».

Иными словами, не подходит такая «процентовка» для России.

Действительно, в отличие от США, не имеющих сухопутных границ со странами — потенциальными военными противниками, геополитическое положение России таково, что вынуждает даже в мирное время содержать значительные по составу Вооруженные Силы с крупной по численности частью сухопутных войск, которые тем не менее несущественно превосходят по численности сухопутные силы США — нашего бывшего главного вероятного противника, а ныне, по некоторым представлениям, чуть ли не друга.

Баланс и стабильность национальной безопасности страны гарантируются группировками Армии и Флота, которые развертываются по периметру ее границ с учетом опасности тех или иных операционных направлений. Любое изменение границ и территориальной целостности государства приводит к дестабилизации всей системы военной безопасности, ее деформации и последующей реорганизации и перекраиванию. В этом отношении весьма показателен чисто военный аспект муссируемой в настоящее время на различных уровнях проблемы Южных Курил. Ведь острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), замыкая с юга цепь Курильской гряды, имеют важное военное значение. Укажем только на два фактора — во-первых, эти острова обеспечивают выдвижение при необходимости на восток передовых пунктов базирования флота и его свободный выход, особенно подводных лодок, в океан, а также значительное расширение зоны контроля воздушного и морского пространства в этом секторе океана и непосредственно в районе японского острова Хоккайдо. Во-вторых, создается целостный барьер, ограждающий Охотское море, что делает его внутренним и позволяет надежно контролировать воды и воздушное пространство.

Что касается военной обстановки в этом районе, то Япония содержит на острове Хоккайдо сильную группировку войск, превосходящую наши войска на Южных Курилах в 4—5 раз. Эти острова японцы оценивают как основной район возможных боевых действий. В связи с этим на острове Хоккайдо дислоцировано (по данным на май 1992 г.) 4 дивизии (свыше 50 тыс. чел.), около 700 танков, 800 артсистем, 90 боевых самолетов, 40 пусковых установок противокорабельных ракет (на северном побережье) с дальностью стрельбы до 150 километров. В 1989—1991 годах наши войска на Дальнем Востоке сокращены на 120 тысяч человек, японцы свои войска не сокращали.

Одни эти факторы, не говоря уже об экономическом значении этих островов — наличие природных ископаемых, сосредоточение мировых рыбных запасов в прилегающей акватории и пр., — однозначно отвергают даже какие-либо намеки на возможность «дарения» (иначе это не назовешь) островов Японии. С военной же точки зрения это означало бы для России получение многомильной пробоины в ее восточном оборонительном поясе.

Парадоксально, что некоторые наши должностные лица, особенно из доблестного МИД, народные депутаты типа «святого отца» Г. Якунина, мирянина А. Красавченко да сладкоречивого телекомментатора В. Цветова всерьез пытаются замутить сознание и доказать нашему народу «необходимость» и «справедливость» передачи островов Японии.

Интересно посмотреть, как бы отнеслись патриотические американские налогоплательщики, если бы вдруг выявился какой-нибудь конгрессмен или телекомментатор, которые бы публично потребовали возвратить, к примеру, полуостров Флориду Мексике. Наверное, конгрессмен сразу перестал бы быть таковым, а телекомментатора просто попытались бы линчевать по выходе из телестудии.

Впрочем, кто же все-таки сотворил потрясающий по своей антиармейской, а значит, и антигосударственной сущности документ под названием «Основы...»? Секрета в этом, в общем-то, нет. Когда видишь фамилии «подписантов» этого «манифеста» — все становится понятным. Главные идеологи не скрываются. Во-первых, А. Арбатов-младший, с юных лет взращенный и оперившийся в тепличных условиях престижного ИМЭМО. Во-вторых, это А. Кокошин, бывший фигурант ЦК ВЛКСМ, перебежавший потом странным образом в науку, в не менее престижный ИСКАН под крылышко Г. Арбатова-старшего, доросший там до его заместителя.

Совсем недавно определенные круги усиленно пытались продвинуть А. Кокошина в министры обороны России («ЛР» писала об этом в № 14 с. г.), однако протолкнуть его удалось только в заместители главного военного начальника России (видимо, были серьезные опасения волнений в армии от такого назначения).

Собственно, ничего нового оба этих «подписанта» не сказали. В своем «труде» они повторили то же самое, о чем талдычили в перестроечные годы в своих печатных публикациях, интервью, выступлениях по телевидению, поддакивая Г. Арбатову, В. Коротичу, Г. Старовойтовой и др. Но, видно, очень хочется кому-то стать «гражданским» министром обороны, не прослужив ни дня в армии, не понимая ни уха, ни рыла в военном деле, с умным видом руководить военачальниками, помыкать ими, поучать, как следует проводить в жизнь «оборонную» политику и обеспечивать безопасность страны с учетом «транспарентности и открытости в военной сфере», взвалив на военных всю ответственность за исполнение принимаемых решений, а самим ни за что не отвечая.

Что касается других лиц, подписавших этот документ, особенно действующих и бывших военных, то, как говорится, суди их Бог. Возможно, кого-то из них чем-то прельстили, сагитировали, а возможно, некоторые и добросовестно заблуждаются.

Видимо, особую роль в плеяде «подписантов» играют представители Госкомобороны РФ генерал-майор А. Цалко и полковник В. Смирнов — они-то напрямую заинтересованы в подобного рода «Основах...».

Интересно, а как отнеслось к «Основам...» руководство Министерства обороны РФ — сам министр, его заместители, центральный аппарат?

Неужели наши генералы, прошедшие последовательно все этапы тяжелой и многогранной военной службы, имеющие, как правило, за плечами опыт боевых действий в Афганистане и других «горячих» районах, неужто они так покорно воспримут этот манифест завершающего разгрома армии? Или они согласны, чтобы ими помыкали и руководили «пастухи» и поводыри, не нюхавшие пороха?

●

Трибуна публициста

Петр ВЫХОДЦЕВ

ГЕНОЦИД РУССКОГО НАРОДА! УНИЧТОЖЕНИЕ РОССИИ!

> Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера.
>
> **Митрополит Витвлий**

I

Как подтверждают факты, «русский вопрос» остро встал перед мыслителями, религиозными деятелями и художниками уже в Древней Руси. Например, в долго замалчиваемом выдающемся сочинении митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати» (1049), хотя и с позиций лишь русского православия, ставится вопрос о свободе (Благодати) и несвободе (Законе, т. е. Ветхом Завете, утверждающем и благословляющем рабство). В «Слове» «с помощью притчи об Агари и Сарре осуждается сама социальная система, обслуживаемая «Законом». Система рабовладельческая, иерархическая, отрицающая равноправие целых народов, их права на свободу»*. Иудеи — сторонники Ветхого Завета как «Закона», по мысли Илариона, оказались неспособными принять новую, более глубокую и гуманиую, «небесную» веру и потому стали ниже даже язычников, остались поклонниками рабского прагматического миросозерцания.

В гениальном сочинении митрополита Илариона пророчески выражено главное направление «русского вопроса» — поиски высокой духовности («Благодати») как залога внутренней свободы. Именно в этом направлении развивалась в дальнейшем русская художественная и философская мысль. Она оказывается определяющей и в «Слове о полку Игореве», и в «Поучении» Владимира Мономаха, и в «Хождении Богородицы по мукам», и во многих других выдающихся древних и новых произведениях русских авторов. Своеобразно формировали самостоительность и самобытность русской веры некоторые ереси XVI века, например,

* Кузьмин А. Г. Мудрость бо велика есть. — В кн.: Златоструй. Древняя Русь X—XIII веков. М., 1990, с. 19.

нестяжатели (Нил Сорский, Максим Грек), старообрядческое движение XVII века (Аввакум, Епифаний). В эпоху бурного развития новой русской государственности (XVIII в.) «русский вопрос» выделился как вопрос исторического и теоретического осмысления — и прежде всего в трудах великих писателей и ученых В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина — авторов первых многотомных «Историй» Русского государства.

В. Н. Татищеву, обладавшему энциклопедическим талантом, принадлежит и ряд географических и философских сочинений. В своем главном философском труде «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733) он, как просветитель, сторонник петровских реформ и теории естественного права, рассматривает общественное устройство, исторический процесс и гражданские законы с точки зрения национального своеобразия государства и общества. Н. М. Карамзин стремился выяснить национальную самобытность России и русского человека. Говоря о патриотизме («гордость народная») как высшей форме сознания, он отмечал, что в отличие, например, от греков и римлян, которые, будучи патриотами, «считали себя первыми народами, а всех других — варварами», русские «излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве». Карамзин осуждал эту «излишнюю смиренность», которая, по его мнению, «в политике вредна» *. С чувством гордости отмечая высокие отзывы византийцев «о наших предках как о чудесных людях», отличающихся «не только своей храбростью», но и какими-то «рыцарским добродушием», Карамзин, пожалуй, впервые рассматривал «русский вопрос» не только в государственном (как Татищев) плане, но и нравственно-психологическом.

Как истинные государственники, отлично знавшие историю и психологию своего народа, Татищев и Карамзин проницательно обозначили коренные черты национального характера — обостренное чувство патриотизма, долга, самоотверженность при «смиренности» к себе и «великодушии» по отношению к другим народам.

В начале и середине XIX века, в связи с грандиозной победой русских над покорившей Европу высокопрофессиональной и мощно вооруженной армией Наполеона, «русский вопрос» получил в общественном самосознании новое наполнение. Русская идея гениально воплощена в творчестве А. С. Пушкина. Но она получила и новое теоретическое развитие — прежде всего в трудах славянофилов: А. С. Хомякова, К. и И. Аксаковых, И. и П. Киреевских, Ю. Ф. Самарина. Близко к ним стояли такие великие писатели и деятели культуры, как Ф. И. Тютчев, А. Н. Островский, Ф. М. Достоевский, А. Н. Афанасьев, В. И. Даль.

Из всех аспектов «русского вопроса», впервые широко поставленного славянофилами как вопроса о самобытном пути России, обратимся лишь к гуманистической сущности их национальной концепции.

Исходя из убежденности, что в России в отличие от буржуазного Запада главным условием расцвета полноценной личности является подчинение ее воли не эгоистическому началу, а общему (общинному), «соборному», народному, славянофилы развивали идею «самоотречения» личности во имя духовной внутренней свободы, подчинения (не слепого, однако) законам нации, выработанным традицией. Сама «соборность» подразумевала и добровольность, и духовность. Славянофилы были противниками прагматических концепций общежития. И даже такой последовательный «западник», как Н. Г. Чернышевский, полемизировавший со славянофилами, писал, что «они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе: а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность их намерений» *.

Чувство безграничной любви к своему народу и Отечеству было главной движущей силой всей деятельности славянофилов и их единомышленников, объясняет их труженическую самоотверженность во благо народа. Достаточно вспомнить величайший, мирового значения подвиг П. В. Киреевского по собиранию русского народного творчества, не менее значительный подвиг В. И. Даля по созданию «Толкового словаря живого великорусского языка», феноменальные труды А. Н. Афанасьева, занявшие почетное место в мировой науке и культуре, — трехтомное собрание «Русские сказки» и трехтомное фундаментальное исследование «Поэтические воззрения славян на природу». Это же чувство оправдывает и некоторую идеализацию прошлого. Впрочем, речь должна идти не столько об идеализации, сколько о стремлении сохранить лучшие качества народа во имя будущего, отстоять народные интересы перед лицом любого насилия, будь то монархия или революция. Неверно думать, что они боролись за возврат к прошлому. По меткому заключению А. И. Герцена, на надгробное слово Чаадаева о России — этот крик отчаяния — «славянофилы ответили криком надежды». Отстаивая право России на национальную самостоятельность и независимость, они полагали, что именно Россия с ее высокими нравственными идеалами может сказать новое слово цивилизованному миру, которому грозит бездуховность и нравственное вырождение. Принципиально важно заметить при этом, что русская идея возрождения и развития никогда не противопоставлялась воззрению других народов и общечеловеческим идеалам. «Разве воззрение народное исключает воззрение общечеловеческое? — писал К. С. Аксаков. — Напротив». «Поборники Западной Европы стоят за исключительную национальность», а «славянофилы стоят за общечеловеческое» в национальном преломлении **. «Общечеловеческое, — обобщал свои раздумья о русском воззрении К. С. Аксаков, — само по себе не существует: оно существует в личном разумении отдельного человека. Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть *собою*, надо *иметь свое мнение*, надо мыслить *самому*» ***.

С точки зрения религиозной историческая роль России, по А. С. Хомякову, состоит в том, что именно она приняла через Византию от греков и римлян истинную (православную) веру, которая является светочем человечества. И только в этом смысле они толковали о богоизбранности русского народа, не противопоставляя его другим народам и не возвышая над ними, как это свойственно иудейству.

* Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982, с. 94.

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 78.

** Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981, с. 197—198.

*** Там же, с. 201—203.

Многие, очень многие суждения славянофилов об опасностях, подстерегавших Россию, оказались пророческими. А их практические начинания (например, собирание и глубокое изучение народной художественной культуры) по своей общенациональной значимости во многом превзошли мировой опыт и дали мощный толчок русскому культурному развитию на столетия вперед.

Влияние славянофильских идей и, может быть, в особенности идей Ивана Сергеевича Аксакова на развитие русской культуры, в том числе и на философскую мысль, было огромным. Под их несомненным воздействием формировались такие крупнейшие писатели, ученые, публицисты, как Ф. И. Тютчев, А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Ф. М. Достоевский, М. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Д. И. Менделеев, В. О. Ключевский, Н. Н. Страхов, П. А. Флоренский, А. А. Блок, Н. А. Бердяев, Н. А. Клюев, С. А. Есенин и др. А «почвенники» и «позднее народничество» 70—90-х годов почти целиком взошли на подготовленной славянофилами почве.

Конечно, не сами по себе славянофилы побуждали соотечественников к постоянному обращению к русскому вопросу. На это были веские исторические причины, связанные с реформами Петра I и последующим засилием иностранцев во всех сферах русской жизни, с победой над Наполеоном и крестьянской реформой 1861 года. Но славянофилы были первыми, кто широко поставил вопрос о национальной самобытности.

Среди более поздних теоретиков, разрабатывавших этот вопрос, приоритет, несомненно, принадлежит ученому-естествоиспытателю, публицисту и общественному деятелю Н. Я. Данилевскому — автору солидной монографии «Россия и Европа» (издания 1869, 1871, 1888, 1889 гг.). Последователь популярной в Европе и России «органической теории» Г. Шеллинга, убежденный сторонник культурно-исторической типологии, Данилевский считал, что нет единого исторического плана развития общества, что, напротив, вся история человечества подтверждает «несовпадение однопорядковых фаз развития народов во времени» *. Уже исходная позиция автора предполагала объективное гуманистическое толкование равноправности и исторической самостоятельности народов.

«...Ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку зрения, в сравнении с ее предшественницами и современницами, — во всех отношениях». «...Развитие истории человечества шло не иначе, как через посредство самобытных культурно-исторических типов...» **.

Глубокие размышления Данилевского о соотношении человечества и народа (нации, племени) как родового и видового начал, о всечеловеческой цивилизации, которая складывается усилиями всех (разных!) народов, впрямую подводит его к выводу о самобытности славянского этноса, вносящего наравне с другими свой вклад в общечеловеческую культуру. Всякая искусственная прививка или подчинение одной культуры другой — вредны, возможны только равноправное соревнование и взаимообогащение.

Данилевский развенчивает популярную «элитарную» концепцию «цивилизованных» и «отсталых» народов и утверждает подлинно научный и подлинно гуманистический взгляд на *историческое* развитие народов и самобытность их пути. У каждого народа *свое* время становления и возмужания.

Данилевский, как никто до него, обосновал мировое значение русского вопроса.

В сущности, этот международный аспект русского вопроса волновал и Ф. М. Достоевского. Широко известна мысль писателя о всемирной отзывчивости как коренной черте русского народа.

В многотомном «Дневнике писателя» Достоевский не раз обращается к русскому вопросу, пытаясь понять и объяснить его с точки зрения национально-исторической, психологической, религиозной, социальной. Считая, что о народе надо судить «не по тому, чем он есть, а по тому, чем он желал бы стать», Достоевский большую роль отводит идеалу, к которому устремлен тот или иной народ, необходимости «уметь отвлекать красоту его от наносного варварства» *. Идеал этот особенно ярко проявляется в искусстве, литературе, народной культуре, религии, нравственных устоях народа. Потому-то Достоевский так часто обращается к этим сторонам духовной жизни, соотносит их с принципами и идеалами других народов.

Беспощадно анализируя реальную жизнь русского народа, Достоевский в то же время решительно заявляет: «...Мы должны преклоняться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклоняться перед правдой народной и принять ее за правду» (т. 22, с. 45). Вот почему он так болезненно и так страстно воспринимает всякую хулу и навета на свой народ. Стремясь понять, например, почему (судя по письмам к нему) у «образованных евреев» столько «ненависти... к «коренному населению», то есть к русским (т. 25, с. 81), Достоевский предпринимает исторические и психологические экскурсы в прошлое и настоящее евреев, их мечты и идеалы. И здесь великий художник-гуманист обнаруживает такое принципиальное свойство этого народа, как постоянное, на протяжении многих веков сохранение status in statu («государство в государстве») среди всех народов мира. Со ссылками на первоисточники этой идеи Достоевский формирует главные признаки национализма. Это осознанная «отчужденность и отчудимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей, а другие хоть и есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существует» (т. 25, с. 81). Это противоречит «христианской идее», которой служат русские, — «спасении лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей» (т. 25, с. 85). Потому-то и так называемый «мессионизм» у иудеев и православных (евреев и русских) наполнен совершенно разным, точнее, противоположным содержанием: у первых он несет в себе идею избранности и господства над другими народами, у вторых — идею самопожертвования во имя «братской любви». Достоевский опирается при этом не только на религиозные постулаты и «народную правду», но и на исторические факты. Под этим углом зрения, в частности, он рассматривает всю русско-турецкую войну за освобождение Болгарии. Готовность русского человека «бескорыстно и правдиво» идти «на спасение и возрождение угнетенных племен»

* Галактионов А. А., Никандров Н. Ф. Русская философия X—XIX вв. Л., 1989, с. 427.

** Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Спб., 1889, с. 115, 118.

* Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. 22. М., 1981, с. 43.

(т. 25, с. 99) рассматривается писателем и в более широком историческом и нравственном контексте.

Судьбу России и миссию русского народа он связывал с «всечеловеческой и всесоединяющей» идеей внесения в мир гармонии, в частности, «примирения в европейские противоречия». Если эту концепцию считать даже утопической (а такой подход существует), то ее бесспорно гуманистическую основу нельзя подвергать сомнению и связывать с реакционной и тем более с фашистской идеологией, как это делают современные сионисты.

II

В конце XIX — начале XX века русский вопрос в связи с новыми социальными движениями приобрел достаточно острое звучание. Поиски ответа на него разветвились на два основных потока: социально-политический и религиозно-философский. Для таких художников и мыслителей, как А. А. Блок, М. М. Пришвин, Н. А. Клюев, А. С. Чапыгин, Р. В. Иванов-Разумник, К. А. Леонтьев, В. В. Розанов, А. А. Ремизов, это был вопрос прежде всего социально-исторического пути, вопрос интеллигенции и народа, интеллигенции и революции — вопрос народности мировоззрения, несущего в себе национальную стихию. Много внимания уделяли они народному творчеству и через него постигали сокровенные черты нации. Для многих из них крестьянский вопрос имел огромное значение. Вопросы религии они рассматривали в связи с вопросами государства и культуры.

Для В. С. Соловьева, Д. С. Мережковского, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева идея совершенствования личности и национальное бытие непременно связаны, а точнее — определены религиозным миросозерцанием. В трудах этих мыслителей русский вопрос находится как бы в подчинении у вопроса о христианстве, православии, Боге. Их сочинения можно назвать скорее религиозно-философскими. Конкретно-историческая сторона вопроса сильно смещена или вовсе отсутствует. Даже обширные специальные работы (книги), посвященные русскому вопросу («Национальный вопрос в России» В. Соловьева, «Русская идея» Н. Бердяева), не являются исключениями. Идея народа-богоносца приобретает часто отвлеченный характер, а сложнейшая проблема народного (национального) идеала и социально-нравственных устоев размывается в христианском идеале. Постоянно ощущается интеллигентский взгляд сверху вниз. Характерно, что эти авторы совсем не обращаются к собственно народному творчеству как достоверному источнику познания и национального характера и национальной истории. И в этом отношении, с моей точки зрения, русская мысль начала XX века понесла определенный урон. Да и сама религиозность новых философов во многом стала иной (например, В. Соловьев и Н. Бердяев были экуменистами). Идея «нового религиозного сознания» (Бердяев) как универсального, синтетического мировоззрения, способного объединить мир, уже ближе к космополитической концепции, чем к национальной идее.

Кстати сказать: с противоположной стороны к космополитизму подходили социал-демократы (и большевики, и меньшевики). Они просто игнорировали русский вопрос, были к нему равнодушны и даже враждебны, переведя его в чисто классовый, интернациональный. Они исповедовали Марксов лозунг: «Пролетариат не имеет своего отечества». И это имело для русской нации трагические последствия.

Чтобы лучше понять два основных направления в поисках ответа на русский вопрос конца XIX — начала XX века, необходимо сопоставить рассуждения В. Соловьева и А. Блока.

В первых же строках «Предисловия» ко второму изданию своей книги «Национальный вопрос в России» В. Соловьев четко заявляет: «Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о *достойном существовании*». Возвращаясь к этой мысли на протяжении всей книги, автор рассуждает об общечеловеческих ценностях и идеалах, о русском народе как хранителе истинного христианства, о духовном совершенствовании через приближение к Богу, о пользе просвещения... Но как западник и экуменист, В. Соловьев озабочен тем, чтобы постоянно предупреждать народ против национального эгоизма («нравственный долг требует от народа прежде всего, чтобы он *отрекся* от этого национального эгоизма» *), требует «национального» самоотречения», преодоления «неразумного» (? — *П. В.*) псевдопатриотизма и слияния в единой (всечеловеческой) вере. Чтобы обрести эту благодать, народу надо обернуться лицом к Западу, «принять и деятельно усвоить те общечеловеческие формы жизни и знания, которые выработаны Западною Европою». Из книги трудно понять, что такое псевдопатриотизм и существует ли истинный патриотизм, из чего складывается и в чем реализуется национальное самосознание. Автора можно заподозрить в отрицании (или непонимании) самого предмета рассуждений.

В. Соловьев не случайно одну из глав книги назвал «Славянофильство и его вырождение»: он открыто не приемлет основные идеи не только славянофилов, но и Достоевского, Данилевского и всех почвенников, как будто именно они страдают «национальным эгоизмом». Известно, что под видом борьбы с так называемым псевдопатриотизмом велась и ведется лютая борьба с патриотизмом истинным. Достаточно вспомнить Троцкого и «рапповцев» или современных «демократов».

Рассуждения В. Соловьева о «замкнутости» и «ограниченности» национального чувства, об опасности национального эгоизма (а в этом пафос книги) безосновательны, поскольку автор не оперирует ни фактами, ни доказательствами. Все, даже спор со славянофилами (а точнее, с наиболее уязвимыми сторонами их идеи), строится на логических декларативных суждениях. Ратовать же за общечеловеческие идеалы, призывать к вселенской вере, полагая, что национальные основы бытия мешают достижению «достойного существования», по меньшей мере неэтично по отношению к народу, от имени которого развивается идея.

Совершенно иное в поисках ответа на русский вопрос мы видим у Александра Блока. Необычайно напряженный, тревожный и противоречивый путь поэта был сосредоточен на трех вопросах, завязанных в единый узел, — су́дьбы России, культуры и революции. Русский вопрос был для него самым мучительным, болевым и вместе с тем спасительным, а концепция народа и народности — определяющей во взгляде на историю и культуру. Своеобразие понимания русского вопроса во многом сложи-

* Соловьев Владимир. Национальный вопрос в России. Изд. 3-е. Спб., 1891, с. VI. Курсив мой. — П. В.

лось у Блока под влиянием народной художественной культуры, когда поэт работал над главой «Поэзия заговоров и заклинаний» (1904) для «Истории русской литературы» под редакцией В. Аничкова. С тех пор, вплотную прикоснувшись «к золоту неподдельной поэзии» (слова Блока о русском фольклоре), поэт не только весьма существенно обновляет свое поэтическое творчество в сторону народности, но и последовательно углубляет свою концепцию национальной самобытности русской культуры*.

Если очень коротко, схематично сформулировать общее методологическое значение обретенной великим поэтом истины «русского вопроса», можно без опасения впасть в ошибку выделить следующие моменты:

1. Еще находясь под сильным влиянием символистов и философов-идеалистов (В. Соловьева, Д. Мережковского), Блок начинает (примерно с 1902 г.) разочаровываться в «безжизненности», отвлеченности (космополитизме) их «тревожных теорий» о «духе» и «плоти», о грядущем царстве Третьего Завета, о «белом синтезе» и стремится «прильнуть» к живой жизни — к жизни народа («искать в душах людей, живущих на другом берегу») (т. 8, с. 109).

2. Искусство может развиваться только при «неразлучности с землей», со «стихией народной» (т. 5, с. 16—17).

3. «Святость богатырского братства» как черта «исторического характера русского народа», «исконное и безмолвное» «согласие» человека с природой, неукротимая «воля к жизни» и созиданию, неутраченное «чувство собственного очага», противостояние «варварской России» «цивилизованной Европе» как живое начало мертвому, «единство прекрасного и должного, красоты и пользы» как главный импульс поэтической души народа, так ярко обнаруживающейся в былинах, сказках и «широтах древней народной песни», — эти и другие качества русского национального характера, постигнутые Блоком, резко контрастируют с умозрительно безжизненными, вненациональными тенями или подозрительными фантомами В. Соловьева и Д. Мережковского. И вовсе не случайно после первой русской революции Д. Мережковский скажет о творчестве «грядущего хама».

4. Подлинное искусство «рождается из вечного взаимодействия двух музык — музыки творческой личности и музыки, которая звучит в глубине народной души» (т. 7, с. 364), а они всегда самобытны. Именно на этой почве всколосилась, по глубокому убеждению Блока, великая русская литература, поразившая мир.

Тем же путем в решении русского вопроса шли и другие великие художники XX века — С. Есенин, Н. Клюев, М. Пришвин, А. Платонов, М. Шолохов, А. Твардовский, хотя социальные обстоятельства резко противостояли этому.

После 1917 года русский вопрос был под запретом. Более того, на поверхность всплыла армия безнациональных «интернационалистов», которые повели наступление на основы русской жизни, национального самосознания, на народные идеалы (Л. Троцкий, Н. Бухарин, Л. Сосновский, А. Безыменский, Г. Лелевич, Л. Авербах, О. Бескин, О. Брик, И. Сельвинский, И. Бабель, И. Вардин, Н. Чужак, С. Родов, Г. Круссер, С. Вольфсон, М. Беккер, И. Эренбург, Б. Гальперин и несть им числа). Они глушили любые ростки национальной культуры, издевательски писали о русских художниках и критиках, высмеивали сами понятия «Россия», «русский». Достаточно открыть книгу Осипа Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика» (1931), чтобы вкусить пошлый аромат откровенно русофобского букета. Так продолжалось вплоть до наших дней (за исключением военных лет).

* Подробнее об этом см. в моих статьях «А. Блок и народная художественная культура. (К эволюции идейно-эстетических взглядов поэта)», «Русская литература», 1980, № 3, и «Золото неподдельной поэзии. Традиции фольклора в идейно-художественной эволюции писателя» («Наш современник», 1980, № 11).

Однако традиции русских мыслителей были продолжены за рубежом эмигрантами «первой волны» — Иваном Ильиным, Александром Куприным, Иваном Шмелевым, Александром Уайтом, Алексеем Диким, Федором Щербиной, Романом Гулем, позже — Юрием Мамлеевым, Александром Зиновьевым, Михаилом Назаровым, Владимиром Беляевым, Игорем Шафаревичем, Владимиром Максимовым, Сергеем Солдатовым и др. Эти авторы внесли немало нового в решение русского вопроса прежде всего благодаря глубокому знанию зарубежной жизни и непредвзятому осмыслению трагического опыта России после 1917 года. (Особое место занимает сложная и противоречивая концепция А. Солженицына.) Они были смелыми критиками деятельности большевистских правителей как антирусских.

Здесь следует сказать о прямо противоположном явлении в современном зарубежном освещении русского вопроса — о так называемой «третьей волне эмиграции», которую главный редактор зарубежного русского журнала и издательства «Посев» В. Миллер назвал «еврейской». Представители этой «волны» (А. Янов, Г. Померанц, А. Амальрик, Б. Шрагин, А. Синявский, Р. Пайпс, М. Агурский, К. Любарский, Э. Филькенштейн, Б. Хазанов (Г. Файбисович) и др.) развернули злобную антирусскую деятельность и вот уже более 30 лет на весь мир распространяют ложь и клевету на русский народ. Сомкнувшись с советской русофобией (А. Яковлев, В. Гроссман, А. Нуйкин, В. Оскоцкий, О. Попцов, Г. Попов, А. Рыбаков, М. Чулаки, А. Стреляный, Н. Эйдельман, А. Грязневич, Н. Катерли, В. Соколов, В. Коротич, Е. Яковлев — список был бы очень длинным), они направили все свои силы на дискредитацию русской истории, русского народа и на разрушение СССР и России. Мир еще не видывал такой мощной организованной кампании против народа, который своим историческим бытием доказал право на уважение и даже преклонение, народа, не раз спасавшего Европу от порабощения, внесшего огромный вклад в мировую культуру. В качестве убойного орудия были изобретены самые ядовитые, самые циничные жупелы типа «нация рабов», «нация бездарностей и завистников», «имперское мышление», «колонизаторские устремления» как исконное свойство русских, «ксенофобия», «антисемитизм», «расизм», «шовинизм», «русский фашизм» и т. д. и т. п.

Эти кощунственные обвинения, построенные на сознательном и весьма вульгарном извращении фактов, перебрасываются из одной статьи в другую, из одного выступления в другое, от одного автора к другому. Нередко же весь набор этих штампов выплескивается оптом, в одном опусе. Подобно своим предшественникам 20—30-х годов, травившим Н. Клюева, С. Есенина, А. Платонова, М. Булгакова, М. Шолохова, новоявленные геростраты используют любой повод (или придумывают его) для опорочива-

ния видных современных русских писателей, деятелей искусства, науки. В. Солоухин вынужден был публично опротестовать хулу на себя и заявить, что, когда писал о трагедии русского народа, он был (в глазах этих критиков) просто русским писателем, когда же назвал виновников этой трагедии, он стал антисемитом. (Примерно об этом же писал и А. Солженицын.)

В 80-е и 90-е годы в подходе к русскому вопросу произошло полное слияние советской и зарубежной русофобии под общей шапкой «Мировой Демократии». Образовался единый фронт, опирающийся (до недавнего времени) на высшие слои партократии и ее перевертышей типа М. Горбачева и А. Яковлева, а затем на «демократов» и международные сионистские силы.

Связи и взаимодействия зарубежных и советских русофобов достигли высокого развития. Гольданские, коротичи и эйдельманы свои наиболее откровенные выпады против русского народа свободно публиковали и публикуют за границей, а яновы, померанцы и пайпсы, выливающие тонны помоев на наш народ, с помпою перепечатываются в массовых изданиях России. «Голос Америки», «Свобода» и другие сионистские международные органы мгновенно распространяли по всему миру то, что до недавнего времени стряпалось у нас в «Пятом колесе» (редактор Б. Куркова-Крайцель) и во «Взгляде», теперь же распространяют то, что стряпается на так называемом (о, парадокс!) «Российском канале» телевидения, и наоборот.

Откровенно ненавидящие Россию Янов и Померанц с русской кафедры в русских городах проповедуют эту ненависть и вызывают аплодисменты у своих соплеменников — советских русофобов. Померанц публикует в «Огоньке» (1992, № 1) свои нечистоплотные измышления о русских людях как ленивых и бездарных, «развращенных сталинизмом», не готовых принять цивилизацию и уже «неспособных» жить ни при какой другой системе, а поэтому, естественно, заслуживающих быть только на кладбище истории.

Этими же доброхотами, составляющими могучий международный клан сионизма, русские как народ лишаются права не только на настоящее и будущее, но и на прошлое. Бывший коммунист Б. Никольский, главный редактор журнала «Нева», с восторженным сопровождением публикует в трех его номерах многословное, безграмотное и злобное сочинение про наш народ советского диссидента-еврея А. Янова «Русская идея и 2000-й год» (1990, № 9, 10, 11).

Надо обладать поистине неиссякаемой злобой к народу, чтобы посвятить его оплевыванию всю свою жизнь, как это сделали Померанц, Янов и иные многочисленные представители «аристократов истории» (так характеризует свое племя автор книги «Откровения еврейского духа. (Я есть кто я есть)» Нодар Джин (США, 1984) *.

Нет необходимости анализировать ни сочинение Янова с главной мыслью о «вырождении» русского вопроса и развивающего, по верному замечанию И. Шафаревича, типично сионистскую точку зрения на него (концепция национальной неполноценности русских), ни сочинения Джина с его безудержной апологетикой еврейского народа — закомплексованность этих и подобных им авторов совершенно очевидна с точки зрения здравого смысла. В работах И. Р. Шафаревича довольно обстоятельно (может быть, даже излишне обстоятельно) проанализированы и слишком вольное, а нередко и невежественное обращение Янова с фактами, и слишком тенденциозное толкование истории. Вульгарный примитивизм, несмотря на самоуверенность тона, претенциозность и видимость научной объективности настолько пронизывают сочинение Янова, что, право же, ставит этого автора за грань серьезного оппонента.

Однако сочинение Янова весьма примечательно тем, что аккумулирует антирусское понимание истории России и русского вопроса за целое столетие, от Владимира Соловьева до Михаила Агурского. «Русская идея», по этой концепции, не имеет серьезной исторической и социальной основы, это утопия, и потому уже у авторов ее (?!), славянофилов, приняла уродливые формы и была обречена на вырождение. Все попытки развить и реализовать ее заканчивались спесивой самоуверенностью избранничества, «имперским мышлением» или «шовинистической идеологией» (у некоторых авторов — фашистской). Именно поэтому Янову совершенно непонятно возрождение «русской идеи» в 1960-е годы. Исходя из этой кощунственной малограмотной концепции, автор пытается рассмотреть не только славянофилов и Достоевского, Данилевского и Трубецкого, но и деятельность таких современных журналов, как «Молодая гвардия» и «Наш современник». Янов не забывает при этом вслед за своими предшественниками-русофобами обвинить всех русских, озабоченных судьбой России и будущим своего народа, в «национальном эгоизме». Он пользуется набором клише, даже не делая ссылок на предшественников, видимо, полагая, что утверждаемое его единомышленниками и им самим — истина, которая не нуждается в серьезных доказательствах. Так, главная мысль книги Янова о «вырождении» «русской идеи» просто-напросто позаимствована у В. Соловьева (разумеется, без ссылки на него), а положение о превращении ее у русофилов 1960—1980-х годов в «шовинистическую» идею «имперского национализма» даже не приобрело характер варианта по отношению к многочисленным высказываниям сионистов наших дней — от жалкого лепета какого-нибудь Стреляного или Нуйкина до бойкого беспардонного радиоцентра «Свобода». Сочинение Янова — не исследование, а компиляция целенаправленно распространенных без меры и счета излюбленных в сионистской среде компрометаций.

Годы так называемой перестройки следует рассматривать не только как период бурной вспышки и тоталитарного господства теневой экономической мафии, но и как небывалого развития мафий идеологических, нравственных (безнравственных), информационных и националистических, повернутых против русского народа.

Естественно, что в условиях запланированного захвата почти всех средств массовой информации и наличия преступной продажной журналистики объективное осмысление русского вопроса оказалось весьма затруднительным. Но современные обстоятельства обострили и сопротивление национально-патриотических сил.

---

* Нодар Джинджигашвили — грузинский еврей, потомок раввинов, родившийся в Грузии и ныне живущий в США.

III

Прежде чем обратиться к некоторым важнейшим аспектам современного решения русского вопроса, необходимо сказать об одной парадоксально навязчивой идее русофобов — якобы имперском мышлении русских и одновременно (?!) их генетически-рабской психологии. Сочетание несочетаемого, да еще сдобренное жупелами «зоологического» антисемитизма и фашизма, являет полную несостоятельность антирусской концепции, навязываемой русофобами человечеству, и говорит о демагогичности самих приемов полемики и пропаганды.

Однако многолетнее обвинение русских во всех этих смертных грехах требует анализа и оценок. В ряде статей современных авторов содержится глубокий доказательный анализ некоторых из этих обвинений. Я хотел бы обратить внимание на то, что эти авторы с разных сторон и независимо друг от друга выявляют общие закономерности сознательного искажения русской истории и сущности русского вопроса внутренней и международной русофобией, что обнаруживает единство и целенаправленность некоего общего руководства силами разрушения России и одурманивания людей.

Многолетней лжи они противопоставляют правду, которая с 1917 года прочно держалась и сионистами, и советской партократией под замком.

Полны драматизма и в то же время и веры работы лучших людей России, оказавшихся после революции 1917 года за рубежом. Это особая, большая тема. Письма, воспоминания, статьи А. Куприна, В. Зайцева, Ф. Шаляпина, С. Рахманинова, К. Коровина, Н. Телешова, А. Толстого — не только ценнейшие документы духовной жизни России XX века, но и богатейший материал для изучения русского вопроса целой исторической эпохи. В качестве примеров можно назвать недавно опубликованные в нашей прессе работы И. С. Шмелева, И. А. Ильина, А. Куприна, А. Уайта, М. Назарова, И. Шафаревича, Ю. Мамлеева, П. Ланина, дающие ценнейший фактический и нравственно-психологический материал для понимания глубины национальной трагедии России XX века. На этом материале нетрудно убедиться, что не только тоска по Родине, но и стремление найти ответ на вопросы исторической судьбы России волновали ее сынов, насильно отторгнутых от родной земли. Работы некоторых из них, получивших непосредственную возможность не только видеть и сравнивать жизнь и культуру иных наций с жизнью и культурой своего народа, но и проникать в такие тайны движущих сил, которые оказывали и оказывают влияние на судьбу России, но и сейчас тщательно скрываются и сознательно искажаются. К ним, несомненно, принадлежат труды Ивана Ильина, Александра Уайта, Юрия Мамлеева, Игоря Шафаревича, Михаила Назарова *.

В обстоятельной статье «Русская политика самосохранения» («Молодая гвардия», 1991, № 4) Александр Уайт рассказывает о стратегии и тактике международных сил, которые, именуя себя мировой демократией, преследуют цель мирового господства.

* В настоящее время большую и плодотворную работу по изучению творчества русских писателей «второй волны» проводит В. Г. Бондаренко.

В качестве тактической цели выдвигается «революционная работа» по разрушению крупных государств и государственных объединений. С этой же целью использована идея коммунистических систем (как и цели Второго и Третьего Интернационалов). Под этим углом зрения рассматривается и проблема Восток — Запад, и внутренняя политика советского правительства, и планы строительства Общеевропейского дома. А. Уайт предвидел нынешнюю тактику разрушения России. На истории отношения стремящихся к мировому господству закулисной Мировой Демократии и официальных правительств Запада и Америки к Октябрьской революции он убедительно доказывает, что цели направлены были не столько на разрушение «мирового интернационализма», сколько именно России как великого государства — опасного экономического соперника, уверенно двигавшегося к своему могуществу.

Эта же мысль становится главной и в ставших известными теперь и у нас работах одного из крупнейших русских мыслителей XX века, философа и политолога Ивана Александровича Ильина. В книге «Мысли о России. Наши задачи», написанной совершенно независимо от Александра Уайта, приводятся многочисленные конкретные факты буржуазной «закулисы» (слово И. Ильина) по расчленению России. При этом сам процесс расчленения, «суверенизации» автономий и областей предсказан с поразительной точностью, будто автор писал не полвека назад, а в 1992 году. Гениально предсказаны и экономические и социально-нравственные итоги. И. Ильин начертал подробную и спасительную программу возрождения России, которую нынче патриотическое движение безуспешно пытается втолковать власть имущим. Особого внимания заслуживают мысли Ильина о разрешении национального вопроса в нашем Отечестве. Достаточно назвать заглавия статей, объединенных в книге «Мысли о России. Наши задачи» («Молодая гвардия», 1991, № 1, 2), — «Фанатики «общественного договора», «Что сулит миру расчленение России», «О сильной власти», «Очертания будущей России», «О русском национальном самостоянии», — чтобы понять размах и направление мысли философа. Сила автора не только в энциклопедичности знаний, научной оснащенности работ и страстности патриотических убеждений, но и в поразительной точности мысли и глубине предвидения. И. Ильин рассматривает русскую идею исторически, с учетом национальных, религиозных и державных основ и интересов России. И конечно же, связывает свой анализ с мировыми проблемами и закулисными силами. Большой интерес представляют размышления и умозаключения ученого об искусственности разделения России после 1917 года на республики и автономии, о сущности государственной власти, о ложном и истинном демократизме, о национальной политике России и др.

Выдающийся математик нашего времени академик Игорь Шафаревич, также прошедший тюрьмы и изгнание, в книге «Русофобия» (1978—1983), ставшей явлением мирового значения, исследует те внешние и внутренние силы, которые ставят своей задачей дискредитацию России и «русского вопроса». Условно он называет эти силы «малым народом».

«Малый народ», по мнению французского ученого Огюста Кошена, исследователя Великой французской буржуазной революции, — это своеобразная элитарно-интеллигентская каста, взра-

щенная в академиях и масонских ложах, враждебная тем, кто составляет «корни нации», «ее духовный костяк», то есть народ. Ссылаясь на этого ученого и разделяя его концепцию, И. Шафаревич исследует названную «интеллигентскую касту» на русской почве и показывает ее роковую роль в трагической судьбе русского народа, начиная с 1917 года.

На многочисленных конкретных фактах он вскрывает органическое единство всех авторов русофобских сочинений (представителей так называемой «третьей волны» русской, а точнее, советской эмиграции) с идеологией и практикой современного сионизма. По существу, ни одного русского эмигранта среди тех, с кем полемизирует Шафаревич, действительно нет. Нечто похожее происходит и внутри нашей страны. Поэтому с удивлением, сожалением или злорадством задаваемый во всех концах мира вопрос о беспрецедентном самоистязании, самоизбиении и самоуничтожении русского народа в наши дни следовало бы конкретизировать и расшифровать. Не отождествляя понятий «малый народ» и «еврейство», И. Шафаревич конкретно, я бы сказал, научно-деликатно выявляет современную их связь и приходит на основе сочинений его идеологов к выводу, что «образ Израиля», как столицы, или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей «без корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «малого народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Идея избранности, элитарности, отрыв от коренных народов, где проживают эти идеологи, полное пренебрежение интересами этих народов, их культурой, их этнической памятью, умозрительные концепции мироустройства — все это объединяет идеологов «малого народа» разных эпох и разных стран и — что самое главное — составляет основу осознания своей избранной роли на земле. Они об этом пишут откровенно. Упомянутый выше Нодар Джин (Джинджихашвили) в книге «Откровения еврейского духа» формулирует поразительный по своему высокомерию вывод: «Несмотря на создание собственного государства, евреи, как и прежде, остаются самым космополитическим народом в мире — аристократами истории» (с. 228). И. Шафаревич приводит большое количество кощунственных высказываний представителей «малого народа» о русских как о «невменяемых», бездарных, способных жить только под пятой «хозяина», под опекой «избранного народа». А если учесть, по верному замечанию И. Шафаревича, что «малый народ» способен вербовать в свою идеологию представителей коренных народов, станет ясным, что сионизм и еврейство, хотя и близкие понятия, — не синонимы. И. Шафаревич блистательно развенчивает не только ложные, ничем не подкрепленные концепции «избранного народа» (еврейского) и «рабского» (русского), но и всякие претензии русофобов на анализ русских традиций, русского народа и интеллигенции, русской философии и веры, он вскрывает невежество авторов лженаучных, мнимодемократических концепций мировой русофобии. Последняя утверждается и распространяется во всех странах одними и теми же путями.

Своеобразно подтверждают и дополняют наблюдения и выводы Шафаревича материалы о русофобии в США не только тем, что освещают малоизвестный у нас вопрос, но и тем, что выявляют единство действий одних и тех же сил (сионистских), направленных против России. Такова, например, статья русской американки Людмилы Селинской «Национальный вопрос. О русофобии в США» («Литературная Россия», 20 июля 1990 г.). Автор ее, рядовая русская американка, родившаяся и живущая в США, почти с детской откровенностью, исходя из живых наблюдений, показывает, какая непотребная спекуляция ведется в США на русском вопросе разного рода идеологами и политиканами, главным образом, представителями «третьей» («еврейской») волны эмигрантов из СССР. Это обстоятельство также подтверждает централизованную сионистскую пропаганду русофобии как одного из апробированных путей самоутверждения, достижения своих глобальных целей и интересов.

Не просто враждебные, но зловещие силы, действующие явно и тайно против России в Америке и Западной Европе — вопреки уверениям лакейской «демократической» прессы и телевидения, курящим в расчете на простаков фимиам якобы нашим друзьям и доброжелателям, — разворачиваются в статьях, выступлениях и докладах таких крупных писателей, ученых, политологов, религиозных деятелей русского зарубежья, как А. Зиновьев, М. Назаров, П. Ланин, Е. Вагин, С. Солдатов, Э. Лимонов, В. Пруссаков, Ю. Мамлеев, митрополит Виталий и др. В «Письме молодым людям в России» («Литературная Россия», 29 декабря 1990 г.) Первоиерарх Православной Церкви Русского Зарубежья митрополит Виталий накануне развала нашей страны писал: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера». Прошло всего два года, и эти миллиарды золота свершили свое черное дело, а нынешние властвующие «демократы» уже сами гонят русские миллиарды золота (и в виде природных ресурсов, и в виде денег) этим разрушителям России.

В статьях названных и неназванных авторов предстает страшная картина мирового заговора, о котором преступно хранят гробовое молчание «демократическое» правительство и «демократическая» пресса.

Колоссальная литература, посвященная тактике и стратегии масонства, сионизма, «мировой демократии», мондиализма (новая агрессивная космополитическая теория) и роли евреев в этих движениях, написанная самими идеологами и практиками сионизма, не оставляет сомнений в том, что при всем многообразии взглядов авторов по частным вопросам стратегические цели сионизма не меняются. Здесь необходимо сделать одно замечание. В талантливой, подлинно научной статье В. Кожинова «Сионизм Михаила Агурского и международный сионизм» («Наш современник», 1990, № 6) рассматриваются два основных течения в сионизме — внутренне-национальное, направленное на сохранение и возрождение национальной еврейской культуры и традиций, и внешне-международное, преследующее цель мирового господства. Приводимые примеры, в том числе и из наиболее яркого представителя первого течения — А. Лилиенталя, показывают, что это течение не является сионистским, оно сходно со всеми национальными движениями и не может характеризоваться отрицательно. И не случайно защитники этой национальной еврейской идеи отрицают сионизм.

Однако важно и другое: агрессивность, экономическое могущество и единство сионистского движения, сумевшего захватить ключевые позиции во многих странах мира, особенно в США, оказывают такое мощное давление на собственно еврейский национализм (подкупами, запугиванием, разжиганием ненависти к другим народам), что в нынешних условиях он занял глухую оборону в виде невмешательства «честных и порядочных евреев» в геополитические битвы и, в сущности, никакой роли не играет.

Весьма сложным и запутанным (сознательно и бессознательно) вопросом является вопрос о масонстве, имеющий прямое отношение к осмыслению судеб России.

Некоторые современные исследователи пытаются доказать полную невинность, почти благородство масонства и его независимость от сионизма. Но такие авторитетные еврейские исследователи масонства, как Ю. Гессен («Евреи в масонстве». СПб., 1903) и Я. Кац («Евреи и масоны в Европе 1723—1939», Гамбург, 1970), весьма убедительно доказывают, что во всех развитых странах еврейство играло активнейшую роль в деятельности масонских лож и всегда ориентировало их на социально-политические, а не отвлеченно-нравственные цели. Через масонские ложи сионисты получали (и получают) широкие возможности вовлекать в свою идеологию христиан, секуляризировать (отчуждать) даже христианскую церковь. Иудаизм, как духовная основа сионизма, во многих случаях целиком подчинял и подчиняет себе деятельность масонских лож. Немало существует и чисто еврейских масонских лож — «Бнай Брит» (Сыны Завета) и др. А, например, известный раввин-реформатор Г. Соломон вообще выводил масонство из еврейства, а не из христианства.

Все эти вопросы основательно освещаются в статьях М. Назарова «Мир, в котором оказалась эмиграция, или Чего боялись правые» («Наш современник», 1991, № 12), П. Ланина «Пружины истории (Масонство в его прошлом и настоящем)» («Молодая гвардия», 1991, № 7, 8), Е. Вагина «Мондиализм в России» («Слово», 1991, № 10) и др.

В этих очень серьезных и аргументированных работах, основанных на тщательном изучении огромной литературы о масонстве и иных закулисных силах истории, раскрываются масштабы деятельности тайного спрута, располагающего колоссальными средствами и связями, подготавливающего революции и низвергающего целые государственные системы, не говоря уже об убийствах политических деятелей, монархов и выборах президентов (классический пример — США). В этих работах по-новому приоткрывается занавес над многими трагическими событиями в истории России XX века вплоть до наших дней. А между тем массовый читатель, как правило, ничего этого не знает и даже не подозревает, например, о том, что новое сионо-масонское движение — мондиализм, — уже не скрывая, ставит глобальную цель уничтожения всех наций, их самобытной жизни и истории, превращения их в своеобразных биороботов, которыми будет «легко управлять». Между прочим, наша радикально-«демократическая» просионистская печать приветствовала эту бесчеловечную мораль. Один из «ученых» с радостью вынес эту мысль даже в заглавие статьи: «Человечеством управлять можно». Именно такие звероподобные существа в цивилизованных фраках профессоров и правоведов придумали деление народов на «основные» и «неосновные» и в связи с этим разрабатывают планы выживания одних и гибели других. Об одном из таких конкретных документов эпохи речь идет в блистательной статье Т. Глушковой «Хищная власть меньшинства. Над строками «Парижской Хартии для новой Европы» («Наш современник», 1991, № 3). В ней вскрываются подлинные цели авторов этого исторического документа, введшего в заблуждение миллионы людей своей фарисейской формой. Агрессивный антирусский характер Хартии, подписанной главами правительств Европы и Америки и тогда еще советским президентом М. Горбачевым, становится настолько очевидным, что вполне убеждаешься в беспрецедентном предательстве руководителей нашего государства собственного народа.

За усыпляющими читателя многословными, обтекаемыми, предельно отвлеченными понятиями «нового мышления», гуманизма, справедливости и согласия в тексте Декларации, как неопровержимо доказывает Т. Глушкова, скрываются довольно активные устремления определенной олигархии к захвату ключевых позиций в мире. При этом главный удар направлен против СССР и России с целью низвести их до уровня сырьевых источников для развития «избранных», «необходимых» наций. Все это может показаться неправдоподобным, если бы автор статьи не имел дело с совершенно конкретным текстом, скрывающим в себе своеобразные шифры иных значений. Масоны Горбачев, Буш, Миттеран и другие, подписавшие Хартию, прекрасно понимают значение этих шифров.

Развенчанию международных и внутрисоюзных экономических кланов, представляющих собой единую жесточайшую антирусскую мафию, посвящены циклы статей выдающихся ученых современности А. Кузьмича и А. Анисимова.

Статьи А. Кузьмича «Россия и рынок в свете советского и международного права», «Международные игры и тайна России», «За ширмой «коммерческих» тайн. (Подлежит ли продаже Россия?)», «С черного хода. (О международном преступлении на территории России)», «Почему совфинансы не поют романсы» и др. производят потрясающее впечатление: вопреки интересам и задачам политиков типа Горбачева, Ельцина, Г. Попова, стоящих во главе коррумпированных кланов и мафий, и сонму их советников-академиков типа заславских, аганбегянов, абалкиных и шаталиных, была вскрыта страшная картина международного сговора финансовых воротил и политических акул с нынешними правителями и теневыми преступниками нашей страны по уничтожению России.

Михаил Антонов справедливо сказал, что «серия статей А. Кузьмича представляет собой самый выдающийся вклад исследователя за все годы советской власти».

Как и в работах А. Кузьмича, в статьях А. Анисимова «Кто же выигрывает», «Шок рынку не товарищ» и др. экономические проблемы как проблемы «русского вопроса» нашего времени ставятся в широкой исторической перспективе и в национальном философском осмыслении. Интересен и даже несколько неожидан у А. Анисимова подход к проблеме с точки зрения противостоящих в мире сил вокруг России: Западной Европы, США, Японии и Китая. В статьях обоих авторов вскрывается роль международного капитала (на который, кстати сказать, бездумно делают

ставку нынешние «демократы», лакейски глядя на их подачки и обещания) в превращении СССР и России в колонию. В них по-новому зазвучали, казалось бы, привычные и уже полузабытые концепции «заката Европы», «мирового жандарма США» и традиционной «китайской отсталости».

На фоне названных работ доклады, выступления и проекты М. Горбачева, Б. Ельцина, С. Шаталина, А. Явлинского, Е. Гайдара и других «вождей» перестройки выглядят школярскими сочинениями. При сопоставлении одних и других особенно явственно обнаруживается духовная и профессиональная нищета космополитически (интернационалистски) мыслящих и коммунистов, и «демократов», взявшихся обновить и «благоустроить» Россию без малейшего понимания ее и национального фактора в историческом процессе.

Парадоксальность и откровенная антинациональность политики «демократической» верхушки власти как раз и состоят в том, что верхушка эта цинично попирает не только многовековой народный опыт и самобытные историко-этнографические и географические черты России, но и опыт отечественной науки. Главными архитекторами «нового мышления» и «новой государственности» становятся объединившиеся «отечественные» и зарубежные космополиты, плохо скрывающие свою истинную цель — полное подчинение нашей страны иностранному капиталу и американскому правительству.

«Программа Явлинского (т. е. программа правительства, возглавляемого Ельциным и Хасбулатовым. — *Сост.*), — справедливо замечает Э. Лимонов, — как две капли воды похожа на акт капитуляции. Эта программа открывает путь к неслыханному в современной истории вмешательству богатых стран во главе с США во внутреннюю политику СССР. Более того, под видом «децентрализации и федерализации» программа санкционирует расчленение СССР на суверенные республики, если это заблагорассудится западным партнерам».

Страшное впечатление производят своими данными, ранее скрываемыми всеми правительствами (в том числе и нынешним) от народа, статьи известных ученых Г. Н. Литвиновой «Легко ли быть русским?» («Народная правда», 1—16 января 1992 г.) и В. Первышина «Что же дальше?» («Литературная Россия», 25 января 1991 г.), посвященные демографическим судьбам русского народа. Сознательное, безжалостное, преступное искоренение народа продолжается ныне в не меньших масштабах, чем в 20-е и 30-е годы. Процесс вымирания русских стремительно нарастает. Чьи планы выполняют современные «демократы»?

Для понимания русского вопроса с точки зрения внутренней расстановки сил принципиальное значение имеет статья П. Краснова «Фронт центра», «Битва мамонтов с динозаврами и русский вопрос сегодня» («Наш современник», 1991, № 1). Автор предлагает глубоко содержательную, подлинно народную и национальную концепцию власти, реформ и будущего России. Борьба «левых» и «правых», утверждает автор статьи, протекает пока без участия «Фронта центра», то есть без основных масс народа, который только сейчас начинает понимать, что к чему, и есть все основания надеяться, что организующиеся патриотические силы возглавят его движение.

Союз писателей РСФСР, понимая это, обратился с открытым

«Письмом писателей России» в Верховный Совет СССР и РСФСР, а также в ЦК КПСС («Литературная Россия», 2.03.1990). Письмо подписали 72 писателя, позже к ним присоединились через печать еще сотни и тысячи писателей, ученых, деятелей искусства и культуры, читателей. Оперируя фактами, авторы письма доказывали, что в стране идет беспримерная травля всех патриотических сил, русского народа, армии, дискредитация национального самосознания и исторической памяти, что русофобия приобрела невиданный размах.

Как десять, двадцать и семьдесят лет назад, партия и правительство демонстративно игнорировали голос правды и возмущения. Более того, они возглавили и вдохновили новые атаки на русский народ и русскую культуру теми же русофобскими силами, которые уничтожали все русское, патриотическое и в прежние годы!

Возглавил же антипатриотическое движение «главный идеолог» партии и главный советник Горбачева А. Н. Яковлев, который, несомненно, как и его хозяева, должен предстать перед народным судом...

В многочисленных выступлениях современных русских писателей и ученых русский вопрос рассматривается с разных точек зрения — исторической и историко-культурной (В. Кожинов, Л. Гумилев, Д. Балашов, А. Кузьмин), экономической и экологической (М. Антонов, М. Лемешев, А. Кузьмич, А. Анисимов), демографической (Г. Литвинова, В. Первышин), социально-нравственной и национально-духовной (В. Распутин, Ю. Бондарев, Э. Володин, В. Белов, В. Личутин), религиозной (митрополит Филарет, митрополит Виталий, митрополит Иоанн). В этих выступлениях сосредоточены мысли и чувства лучшей части современной интеллигенции, активно противостоящей геноциду русского народа и разрушению России. Когда сравниваешь глубоко содержательные работы этих авторов со злобными, малограмотными и догматическими писаниями синявских, померанцев, стреляных, нуйкиных, сариовых, отчетливо ощущаешь духовную, интеллектуальную и нравственную бездну между этими двумя мирами. За спиной одних — великая история великого народа, богатейшее духовное и общекультурное наследие, страстная народная мечта о правде и справедливости, за спиной других — умозрительные концепции революционных потрясений столь же умозрительных схем «общечеловеческих идей», злоба, ненависть и властолюбивые устремления.

Работам современных русских писателей свойствен публицистический, полемический накал. Однако он не снижает научную доказательность и основательность суждений. Более того, в самом характере полемики, ее тональности всегда чувствуется самобытность личности автора.

Публицистическим материалам Валентина Распутина, крупнейшего русского писателя и, по замечанию В. Солоухина, «патологически скромного человека», свойственна глубина суждений, искренность провидческого слова при полном отсутствии претенциозности, высокомерия или начетничества. Каждое его выступление затрагивает потаенные струны души русского человека, вбирает великую народную мудрость. И всякий раз писатель произносит *необходимое* и новое слово, и всякий раз оно — откровение. Своеобразное обращение В. Распутина к совести славянских

народов в статье «Что дальше, братья-славяне?», в наши дни «отблагодаривших» злобой и ненавистью русский народ за его вековую заботу и бескорыстную самоотверженную помощь, звучит и как панихида по светлой мечте наших предков о единении славян, и как укор нынешним политиканствующим лидерам, и как горькое предупреждение о подстерегающих бедах. Горький вздох писателя и гражданина, думаю, заставит многих задуматься и обратиться к своей совести.

Грусть и боль, надежда и вера пронизывают работы и Владимира Личутина. В «Покаянном письме», полном иронии и сарказма (как средства полемики), большой русский писатель говорит об отсутствии национальной этики у когорты политических руководителей Отечества начиная с 1917 года, о взлелеянной в этих условиях плеяде деятелей-«абсурдистов» (типа академиков Заславской и Аганбегяна), которые, не зная, не любя земли и народа, предлагают и развивают на практике абсурдные идеи вроде «неперспективных деревень» и «великих строек», истощивших наше государство и народ. Немало интересных мыслей высказывает писатель о разгуле русофобии в нашей стране. Здесь особо надо выделить его мысль о том, что в патриотических русских изданиях в отличие от так называемой «демократической» прессы, методично унижающей наш народ, «ни одного злопыхательства не встречал ни в адрес еврейского народа, ни в адрес какой-либо из 15 республик, потому что в сердце русского человека никогда не вспыхнет это уничтожающее чувство, чувство мести и сладострастия в отношении других народов...»

Чисто русской исповедальностью, открытостью и непостижимой для иностранца верой в духовные и нравственные силы своего народа, несмотря на ни с чем не сравнимые страдания, выпавшие на его долю, поражает статья живущего в Париже русского писателя Юрия Мамлеева («В поисках России». «Литературная газета», 27 сентября 1989 г.). Интересны и основательны размышления автора о корневых истоках и особенностях русской духовности и миросозерцания, имеющие и более широкое значение: они демонстрируют подлинное, а не чисто словесное единство национального и общечеловеческого миропонимания, свойственное идеологам декларативного «интернационализма».

На протяжении ряда лет русского читателя укрепляли и укрепляют в его вере в свои духовные силы статьи, книги, выступления доктора философии Э. Володина, исследователя М. Лобанова, ученого филолога В. Кожинова, академика И. Шафаревича, доктора юридических наук демографа Г. Литвиновой, доктора искусствоведения В. Брюсовой, писателя А. Проханова, критиков А. Казинцева и В. Бондаренко, поэтов и критиков Т. Глушковой и С. Куняева, доктора исторических наук А. Кузьмина, главных редакторов журналов: «Молодая гвардия» — А. Иванова, «Наш современник» — С. Викулова, «Слово» — А. Ларионова, «Кубань» — В. Канашкина, «Москва» — М. Алексеева, газет «Литературная Россия» — Э. Сафонова, «Советская Россия» — В. Чикина, «Московский литератор» — Н. Дорошенко, «Русского вестника» — А. Сенина, «Домострой» — Л. Калининой, писателей В. Распутина, В. Белова, Ю. Бондарева, П. Проскурина, В. Личутина, хирурга Ф. Углова, ученого-экономиста М. Лемешева, экономиста и политолога М. Антонова... Отстаивая величие и славу нашего Отечества, доброе имя и честь русского человека, раскрывая современникам правду об истории и культуре нашего талантливого народа, они мужественно приняли на себя шквал злобы и наветов, ненависти и угроз физической расправы от доморощенных и заморских врагов России. Мы не должны забывать не по своей воле закончивших свой земной путь за пределами Родины Ивана Ильина, Ивана Солоневича, Федора Щербину, а также живущих за рубежом талантливых русских писателей, ученых и публицистов А. Зиновьева, В. Максимова, Ю. Мамлеева, М. Назарова, П. Лапина, С. Солдатова, Е. Вагина, В. Пруссакова, митрополита Виталия, так много сделавших и делающих для возрождения России.

* * *

Итак, русский вопрос — проблема мирового масштаба и в практическом, и в теоретическом отношении. Она имеет свою социально-историческую и национальную обусловленность, нравственные, экономические и общекультурные очертания и видимую (обозримую) историческую эволюцию. Можно сказать больше: русский вопрос на протяжении многих веков стал существеннейшим фактором мирового исторического развития.

И потому расползшиеся по планете злобные писания о России — всего лишь дешевая и грязная политическая конъюнктура, преследующая глобальные цели определенных общественных сил. Но, подхваченная и разжигаемая продажными политиканами и «демократической» печатью наших дней, она заглушила здравый смысл в миллионах людей, ставших жертвой лжи и хищнических вожделений своих тысячелетних и новых врагов.

Гвалт, поднимаемый в наше время в мировой и внутренней «демократической» печати об «агрессивности», «шовинизме», «национализме» и «фашизме» русских, — всего лишь недобросовестный, наглый политический прием. Факты, как мы видим, говорят совсем о другом. Едва ли не во всех странах и новых республиках, даже таких, которые никогда не имели государственного образования (как, например, Чечено-Ингушетия, Эстония), национализм принял небывалые размеры, сотни тысяч беженцев (не только русских) текут в Россию. Русский народ великодушно принимает их. И... молчит. Ни на одну из многочисленных провокаций — от подстрекательств к еврейским погромам до варварского сожжения русских людей в бывших «братских» республиках — народ наш не пошел. Воистину потрясающая, небывалая в мире терпимость! Почти преступная «скромность» в оценке «собственного достоинства» (слова Карамзина).

Но всему бывает конец.

Должен быть конец.

г. Санкт-Петербург

Валентин БАБИНЦЕВ

ПОЧЕМУ УХОДЯТ ЕВРЕИ?..

> Социальное положение евреев — барометр, показывающий состояние атмосферы народов. На нем отражаются все повышения и понижения культуры какой-либо страны, всякое колебание в ту или иную сторону социальной и политической жизни каждого отдельного государства. История еврейского вопроса служит лучшей иллюстрацией нашей собственной жизни...
>
> **Калмыкова А. М. Еврейский вопрос в России. Харьков, 1882.**

Средства массовой информации переполнены сообщениями о массовом исходе евреев из бывшего Советского Союза. Действительно, творится нечто невероятное — эмиграция, о масштабах которой еще несколько лет назад можно было бы с уверенностью сказать: «Это — фантастика!» Даже в восьмидесятые годы выезд евреев из страны (прежде всего в Израиль) колебался незначительно.

Израильские издания приводят следующие данные об алии* из СССР:

1980	— 7570	1984	— 367	1988	— 2228
1981	— 1770	1985	— 362	1989	— 12 842
1982	— 782	1986	— 202		
1983	— 399	1987	— 2096		

(См.: Панорама Израиля. 1990. № 266, с. 3.)

И вдруг настоящий взрыв. Президент Всемирного еврейского конгресса (ВЕК), недавно обласканный руководителями нашего «обновляющегося» государства, сообщил, что в 1990 году в Израиль переселились 200 тысяч советских евреев.

Некоторые сионистские идеологи поспешили в связи с этим поставить вопрос о неизбежной, относительно быстрой самоликвидации еврейской общины на территории бывшего Союза. М. Агурский, с которым очень любят полемизировать некоторые наши публицисты-патриоты, изображает суть дела так: «Я полагаю, что история евреев в СССР подходит к концу. Репатриация приобрела необратимый характер». Он считает, что подавляющее большинство евреев «безусловно, уедет, остальные ассимилируются. Ну, останутся, конечно, какие-то маргинальные группы...».

Теоретически в такой возможности нет, конечно, ничего нереального. Не раз в истории еврейские общины почти исчезали в одних странах и неожиданно возникали в других. Достаточно, например, вспомнить, что в 1877 году в США насчитывалось лишь 230 000 евреев, а через сто лет их было уже более шести миллионов. Могут возразить, что в нашей стране речь идет не просто о еврейской общине, но о своеобразном еврейском центре, дол-

* Алия (буквально: восхождение) — термин, применяемый сионистами для обозначения современной эмиграции евреев в Палестину.

гое время определявшем облик значительной части всего мирового еврейства. Той его группы, которую обычно называют «ашкенази». Но перемещались и еврейские центры. Американский исследователь Д. Рид в знаменитой книге «Спор о Сионе» географию таких перемещений связывает с маршрутом «Палестина — Испания — Польша — Россия».

В «демократической» прессе доминирует подход: бегут? — и правильно делают! Ибо разве может разумный человек оставаться в существующей прогнившей системе, если есть возможность покинуть ее. Нам постоянно указывают, что евреи выезжают вследствие роста «антисемитизма». Иногда проскальзывает предупреждение: после выезда евреев на роль «козла отпущения» неизбежно будет найден кто-то другой. В патриотической печати исход евреев чаще всего интерпретируется в духе разоблачения очередных происков сионистской политики. А подспудно ощущается надежда: вот уедут евреи, и доставляющий столько волнений «еврейский вопрос» будет наконец-то благополучно разрешен.

Такие надежды по меньшей мере наивны. «Еврейский вопрос» в стране давно уже приобрел глобальный характер. И эту его глобальность, выражающуюся, в частности, в том, что «еврейский вопрос» сохраняет свое значение для общества и при отсутствии самого еврея, прекрасно представляли себе многие русские мыслители. Явно симпатизировавший еврейству философ Вл. Соловьев писал, например: «Говорят о еврейском вопросе; но в сущности все дело сводят к одному факту, вызывающему вопрос не о еврействе, но о самом христианском мире... Главный интерес в современной Европе — это деньги; евреи — мастера денежного дела, естественно, что они господа в современной Европе. После многовекового антагонизма христианский мир и иудейство сошлись наконец в одном общем интересе, в одной страсти к деньгам».

Стоит даже сегодня прислушаться к этому мудрому заключению из прошлого и рассмотреть проблему: что же означает для нас исход евреев в Израиль или куда бы то ни было? Стоит принять во внимание мудрость, проверенную историей и выраженную, в частности, в приведенных в качестве эпиграфа словах А. М. Калмыковой. Еврейство действительно барометр общественных процессов. И уход евреев означает очень многое для страны. Тем более что при нынешних темпах эмиграции он все же будет осуществляться достаточно долго, ибо численность еврейского населения в СССР с учетом явно заниженных данных переписей населения (в ходе переписи графа «национальность», в сущности, заполнялась произвольно) составляет около 1,5 миллиона человек.

Для осмысления происходящего важно прежде всего задать вопрос, который может показаться кому-то абсурдным: кто же все-таки уезжает под именем «евреи»? Нет, речь не идет о тех, кто причисляет себя к ним, стремясь с помощью обмана покинуть страну. Речь о тех, кто считает себя евреем и рассматривается в качестве еврея окружающими. Понятие чрезвычайно многозначно.

Нас пытаются убедить, что эмигрируют потомки древнего еврейского народа, который почти два тысячелетия пребывал в изгнании, жил в диаспоре, а ныне дружно возвращается на свою историческую родину. В израильских и других сионистских изданиях в ходу термин «репатриация» — возвращение на родину. Такое мышле-

ние почти точно воспроизводит логику анекдота о слоне. На клетке в зоопарке надпись: «Слон. Родился в Вильнюсе. Родина — Африка».

Однако если перевести разговор в серьезное русло, то от предложенного объяснения все равно не остается камня на камне. Идентичность евреев из России другим группам еврейского населения, а тем более древним евреям, оставившим Палестину как под влиянием своей преимущественно торговой деятельности, так и в ходе насильственных депортаций, в этническом отношении отнюдь не бесспорна. Даже среди ученых нет единой точки зрения на проблему этногенеза евреев в России. Еще с прошлого века в ходу несколько гипотез.

Хазаро-тюркская гипотеза. Евреями в России ее сторонники считали потомков иудеев — хазар, которые со временем забыли о своем несемитском происхождении и возводили его, согласно принятой религиозной традиции, к древнееврейскому народу.

Босфоро-хазарская гипотеза. Евреи в соответствии с нею проникли в Хазарию через Босфор, а затем их потомки вместе с иудаизированными хазарами пришли в Россию.

Хазаро-славянская гипотеза. Евреи, по мысли ее создателей, появились в России опять-таки из Хазарии. Это были славяне, оказавшиеся на территории хазарского каганата, принявшие иудейство и сохранившие его после падения государства.

Скифская гипотеза. Сторонники ее защищали палестинское происхождение российских евреев, предки которых якобы попали на территорию, заселенную скифами, еще в 1 тысячелетии до н. э. во время похода Дария.

Босфорская гипотеза. Она выводит корни российских евреев от еврейско-греческих поселенцев, которые приходили на территорию южной Руси в III веке н. э.

Западная гипотеза. Авторы ее связывают основную миграцию евреев в южную Русь из европейских государств с XII—XIII веками. Однако в данном случае остается невыясненным вопрос о происхождении этих европейских иудеев.

Как видим, в мире науки нет единства по вопросу о происхождении евреев в России. И лишь немногие решались и решаются сегодня связывать его с древнееврейским народом Палестины. Скорее же всего этнически еврейское население нашей страны изначально было чрезвычайно разнородно. Общей для него была лишь религия — иудаизм. И вероятно, основная масса еврейского населения России вела свое происхождение от иудаизированных хазар, то есть **от тюрков.**

Предваряя возможные обвинения в «антисемитизме», которые скорее всего вызовет это заключение, сошлюсь на мнение израильских специалистов. Как рассказывает израильский журналист Р. Давид, ученые Поллак и Эврон своими исследованиями обосновывают изложенную еще известным писателем А. Кестлером в книге «Тринадцатое колено» мысль об исчезновении древних евреев и о приходе на их место других народов. «Хазары, принявшие иудаизм, были вытеснены из степей на Запад, — пишет Р. Давид, — как до них гунны, породившие венгерскую государственность. Современные восточноевропейские евреи, то есть почти все евреи мира, — их потомки. Тель-авивский профессор А. Поллак, автор монументального труда «Хазария» (его популяризировал А. Кестлер в своем «Тринадцатом колене»), доказал необоснованность легенд о приходе евреев в Польшу и Литву с Запада, из Германии».

Таким образом, ошибочно говорить, что ныне из страны выезжают евреи, имея в виду отдаленных потомков древнееврейского народа, которые возвращаются на свою историческую родину. Судя по всему, выходцы из этого народа на территорию России вообще не попадали, по меньшей мере — в значительном числе.

Но в таком случае, возможно, уходят от нас иудеи? Казалось бы, для такого предположения есть все основания. Длительное время и в Европе, и в России еврейство отождествлялось с иудейством, а еврей — с иудеем. Речь, следовательно, шла о религиозной общности, а все разговоры о евреях как о народе для длительного периода, охватывающего средневековье и новое время, надо считать плодом заблуждений. Именно так полагают многие западные специалисты. В частности, Ф. Граус, один из участников чтений об «антисемитизме», состоявшихся в 1982 году в «Центре по исследованию антисемитизма» в Берлине. Он подчеркивает: «Бесспорно, в евреях продолжало жить библейское представление о народе Израиль, но это представление не соответствовало национальной характеристике в современном смысле... Систематически и последовательно во всех средневековых высказываниях признавалась противоположность евреев не отдельным народам, но всему христианству». Относительно и средневекового периода, и более позднего времени другой немецкий автор, К. Зонтхаймер, пишет: «Еврейская религиозная общность прошлого была образом жизни; она являлась всеобщей, охватывающей все сферы жизни, как частную, так и общественную. Кто обращался к Моисеевой вере, принадлежал к еврейской общине и оставался в ней. Кто, напротив, отклонял ее, не только покидал еврейскую религию, но и еврейскую общину».

Да, действительно, евреи в России вплоть до конца прошлого и начала нынешнего столетия оставались главным образом иудеями. Но с тех пор еврейское население, как и вся страна, прошло через множество перемен. Прежде всего на рубеже веков начался более или менее массовый выход иудеев из общины. Прежде всего это касалось молодежи, которая рвалась к образованию, к участию в общественной жизни. Современники оставили нам множество свидетельств о характере и причинах данного процесса. Известный историк-сионист С. Дубнов, сам в одно время отошедший от еврейства, размышлял: «Когда я теперь спрашиваю себя: что гнало в те времена юных птенцов из многих еврейских гнезд и толкало их в большие университетские города, на голод и нужду? — я знаю, что отвечать: их стихийно увлекали носившиеся в воздухе новые веяния, сознание, что жить по-прежнему нельзя, что нельзя оставаться в старом болоте, жениться или выходить замуж, плодить детей, сидеть в лавочке и зазывать покупателей, маклерствовать, гоняться за наживою или за простым куском хлеба, вообще оставаться на низших ступенях социальной лестницы, в то время как новая культура тянула вверх. То были родовые муки переломной эпохи, порождавшей новый социальный слой, класс новой интеллигенции или полуинтеллигенции».

Так что же, не осталось в стране и иудеев? Ответ на данный вопрос не столь прост, как кажется на первый взгляд. Иудаизм не простая религия, и, в частности, само это слово может употребляться в двух значениях. Во-первых, в узком его значении,

собственно для обозначения одной из религиозных систем. Во-вторых, в широком смысле — для обозначения определенного образа жизни. Известный иудейский теолог М. Стейнберг, например, говорил, что понятие «иудаизм» в данном случае обозначает «целую цивилизацию».

Верующие иудеи в узком, строгом значении этого слова в СССР сохранялись. Правда, оставалось их не так много, как показали в свое время социологические исследования, проведенные на рубеже 60—70-х годов. Согласно им, на территории РСФСР и Украины верующие в то время составляли от 3 до 6 процентов среди тех, кто отождествлял себя с евреями. В Прибалтике — от 5 до 9 процентов, в Грузии, на Северном Кавказе и в районах Средней Азии — от 7 до 12 процентов, в Молдавии — 7—8 процентов (Баканурский Г. И. Иудаизм и современность. М. 1978, с. 61).

Данные в известной степени показательны, хотя и вряд ли достаточно точны в силу двух основных причин. Негативное отношение властей к религии: респонденты, очевидно, не были склонны к откровенности. К тому же идентификация верующих иудеев, иудейской религиозной общины всегда затруднена, если того не желают ее члены, спецификой отправления культа. Для этого не требуется, скажем, особое культовое здание. Синагогой может стать любой дом. В нем должен лишь находиться ковчег — ящик для хранения Торы. Любая группа евреев может образовать общину, если для этого собирается миньян — кворум из десяти мужчин. К тому же во все времена в иудаизме существовали марраны — так со времен средневековой Испании повелось называть людей, тайно исповедующих эту религию.

И все же истинных верующих иудеев до последнего времени* в стране было не так много — меньшинство среди евреев. И не они определяют состав нынешних эмигрантов. Преобладают другие люди. Это те, кто формально стоял вне религиозной общины, принадлежал по чисто внешним признакам к культуре коренного населения, а с евреями его можно было отождествить, пожалуй, лишь по фамилии. Впрочем, и по ней не всегда. Но фамилия, имя, отчество, а также и то, кем считали себя эти люди, в лучшем случае могли лишь указывать на главную особенность, о наличии которой общественное мнение подозревало, но в большинстве своем не умело (или не решалось) высказаться определенно. Секрет заключался в том, что люди, причисляемые к евреям в нашей стране, в своей основной массе были иудеями в широком значении данного слова, то есть отличались по образу жизни, по своим жизненным принципам.

Давайте все же признаем хотя бы сегодня, во время так называемой гласности, что в течение всех десятилетий существования Советского Союза в нашем обществе имелась эта особая группа людей, которых вне зависимости от записи в паспорте, порой без всякой связи с родовой фамилией, считали евреями и легко узнавали — судили в полном соответствии с заповедью

* Сегодня, очевидно, следует говорить о некотором росте числа верующих иудеев. Об этом свидетельствуют наблюдения раввинов. Хотя они же позволяют считать, что в большой степени речь идет о своеобразной моде, но не о регулярном исполнении культовых обрядов. Так, главный раввин московской хоральной синагоги А. Шаевич в интервью газете «Джуиш пресс» (Нью-Йорк) отмечал, что постоянно синагогу посещают 70—80 человек.

Христа «по делам их». Впрочем, и евреями таких людей именовали ошибочно. Гораздо больше здесь подходит понятие, введенное в оборот философами-евразийцами Л. П. Карсавиным и Л. Я. Бромбергом, — «периферийная интеллигенция» (вспомним, что С. Дубнов писал о «полуинтеллигенции»). К интеллигенции таких людей причисляли потому, что принадлежали они почти исключительно к работникам умственного труда. Определение «периферийная» несет в себе представление об особом месте этих интеллигантов. Формально они вышли из религиозной иудейской общины (а их потомки с нею не соприкасались вообще), но остались чуждыми иной культурной традиции, вне зависимости от того, была ли она русской, украинской, грузинской, казахской либо какой-нибудь другой.

Данный любопытный факт был подмечен еще известным адвокатом и сионистом Г. Слиозбергом. «Стоя вне синагоги, — писал он, — просвещенный еврей не чувствовал себя связанным с еврейством. Это явление нельзя смешивать с ассимиляторством в Царстве Польском. Последнее знаменовало собою, вместе с отказом от еврейства, сопричисление себя к польскому национальному коллективу без принятия католичества, — усвоение польских национальных идеалов, внешней и внутренней культуры. Русские интеллигентные евреи лишь отрывались от еврейства, и «русскими» они становились в лучшем случае только в смысле государственном, а не национальном» (Слиозберг Г. Б. Дела давно минувших дней. Записки русского еврея. Париж, 1933. Т. 1, с. 91).

Нельзя утверждать, что евреи не ассимилировались в России вообще. Напротив. Число таких людей, особенно после революции, всегда было достаточно велико. Но огромной была и масса еврейской периферийной интеллигенции, а еще более значительным ее влияние в стране. И именно она ныне уходит. Навсегда или нет? Трудно сказать. Но, возможно, понять это позволит представление о том, как она пришла.

История указывает нам два пути. Первый связан с развитием революционного движения в России. Еврейская периферийная интеллигенция приняла в нем активнейшее участие. Вспомним, что на это обстоятельство указывал еще В. И. Ленин. Он подчеркивал, что «процент евреев в демократических и пролетарских движениях везде выше процента евреев в населении вообще», что «евреи доставляли особенно высокий процент (по сравнению с общей численностью еврейского населения) вождей революционного движения», что «они дают относительно высокий процент представителей интернационалистского течения по сравнению с другими народами» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 74; Т. 30, с. 324). Это было характерно и для большевистской партии, где периферийные еврейские интеллигенты типа Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева, Я. Свердлова и других играли ведущие роли. После революции вся эта масса вождей и вождишек заняла ключевые места в структурах власти. Провластвовав практически до середины 30-х годов, многие из них погибли в годы репрессий. Но осталась созданная при их активном участии антинародная система. И под их крылом созрела новая поросль еврейской периферийной интеллигенции.

Она вошла в общественную жизнь России через систему вузовского образования. Уже в середине 20-х годов евреи составляли значительную долю студентов вузов. Представление об этом дает

сладующая таблица (См.: Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М. — Л. 1929).

Допя евреев среди студентов вузов (в %)

Тип вузов	Допя евреев	
	Россия (данные по 34 вузам)	Украина
Сельскохозяйственные	4,7	8,0
Педагогические	11,3	22,4
Индустриальные	14,7	31,9
Медицинские	15,3	44,8
Социально-экономические	17,3	32,1
Художественные	21,3	28,5

Примечательно, что евреи в то время на Украине составляли 5,4% насепения республики, в России (без Крыма) — 0,5% насе-ления.

Пожапуй, в этой таблице мы находим объяснение, почему и на рубеже 70—80-х годов сохранипось несоответствие между долей евреев в общей массе насепения страны (0,69%) и допей еврейской периферийной интеллигенции среди работников преимущественно умственного труда. Евреи (так указано в материалах переписи насепения 1979 года) составляли 5,2% работников культуры и искусства, 3,4% медицинских работников, 6,7% юристов, 6,5% работников литературы и печати, 5,7% научных работников (1975 г.). Каждый седьмой доктор наук в стране был в конце 70-х годов евреем («О некоторых статистических данных переписи насепения 1979 года». Советиш Геймпанд, 1980, № 12).

Сегодня считается чем-то неприличным всякое обсуждение этих данных — зачем, моп, высчитывать процент национального представитепьства в той ипи иной сфере деятепьности. Но все дело в том, что речь в нашем спучае идет вовсе не о национальных отношениях. Еврейская периферийная интеппигенция никогда не представляла собой национальной группы, но включала в себя пишь людей с особым мировоззрением. О его чертах и имеет смысл поговорить. Спожипись они довольно своеобразно. Еврейские периферийные интеппигенты, покидая иудаизм, вынеспи из этого религиозно-мировоззренческого комплекса, чрезвычайно спожного по своему содержанию, дапеко не самые пучшие идеи

Во-первых, крайний практицизм, который в сознании еврейского периферийного интеллигента всегда доминировап над такими несущественными для него понятиями, как «морапь», «идеалы», «общечеловеческие ценности» и т. п. Еврейский периферийный интеппигент жаждап благопопучия и — поскольку оно нередко осуществпялось через впасть — впасти в обществе. Все остапьное рассматривапось как нечто, не заспуживающее даже внимания. Практицизм оборачивапся крайней степенью цинизма, который вначапе буквально шокировал старую российскую интеллигенцию, которая еще сохранядась после революции и смотрела на вещи иначе. Любопытный пример приводил в своих записках И. Бунич:

«Бып В. Катаев (молодой писатель). Цинизм молодых людей прямо невероятен. Говорип: «За 100 тысяч рублей убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отпичные ботинки» (Бунин И. «Окаянные дни»).

Старая российская интеппигенция была воспитана на противоположных принципах, сводившихся в конечном итоге к приоритету духовного, нравственного начала (души, Бога) в жизни. Практицизм более всего бып свойствен иудаизму. Купьт практической потребности бып заимствован еврейской периферийной интеллигенцией именно оттуда и доведен до его крайней степени. Не принятый российской интеллигенцией вначале, он затем все же вошел в нашу жизнь. Основой обожествления практической потребности стапа созданная в стране (при активном участии периферийной интеллигенции) антинародная бюрократическая система. Знаменами ее стали цинизм и своекорыстие, что вполне устраивало еврейскую периферию.

Во-вторых, сознание еврейской периферийной интеллигенции в России было отмечено особой, порой изощренной жестокостью, напоминающей буквально ветхозаветные истории об уничтожении целых народов. В России ветхозаветная традиция была практически возрождена в годы революции и гражданской войны. Фипософ А. Я. Бромберг имеп все основания писать: «...Во многих ужасных сторонах и явлениях революционной катастрофы проявились начала, в которых при внимательном и беспристрастном наблюдении нельзя не заметить их спишком компрометирующего родства с продуктами религиозно-культурного вырождения и распада еврейской души...» Невозможно отмахнуться от таких утверждений, объявляя их антисемитскими. Требуют объяснения факты, связанные с активным участием деятелей еврейской периферии в репрессиях, с их непропорциональной представленностью в органах, осуществлявших эти репрессии.

Нельзя и объяснять их некими врожденными еврейскими качествами, как порой делают некоторые юдофобы. Жестокость еврейской периферийной интеллигенции вызвана скорее всего ее своеобразным пограничным положением, связанным с утратой прежних идеалов (какими бы они ни были) и с отсутствием новых. Полное безверие лишь укрепляло цинизм, лишало всяких нравственных ориентиров.

Практический расчет и необычная жестокость по отношению к окружающим сочетапись в сознании периферийных еврейских интеппигентов с представпением о собственной исключитепьности, своего рода избранности. Зараженные этим чувством люди представляпи свою деятельность новым мессианизмом, свои идеи единственно правипьными, достойными распространения во всем мире. Именно еврейская периферийная интеллигенция горячо поддержала идею мировой революции и постоянно подчеркивала интернационапистский (а в действительности космополитический) характер револющионных преобразований в России, которая должна была лечь на алтарь идола всемирной революции.

Со временем от идеи мировой революции осталось одно воспоминание. Но это не истребипо в сознании представителей еврейской периферии стремления к глобальным переустройствам вообще, а также — связанных с ними суждений о собственной гениапьности, выражающейся, в частности, в умении манипупировать огромным государством, народами, его населяющими, и жепания

выступать в качестве анонимных экспертов, советников, исследователей. Представляется, что именно усилиями еврейского периферийного сознания на каком-то из этапов нашего исторического развития была выработана и распространена так называемая советская «имперская» идея, не имеющая ничего общего с историческими традициями, признававшими высокую историческую миссию России. «Имперская» идея, несмотря на некоторые внешние совпадения с концепцией русского мессианизма, во-первых, превращала глобальную деятельность государства в функцию, обслуживающую чисто практические корыстные интересы утвердившейся в его высших эшелонах власти политической элиты. Во-вторых, она требовала для своей реализации пожертвовать интересами большинства народа, его благополучием.

Разумеется, наряду с еврейской периферийной интеллигенцией в утверждении «имперской» идеологии и политики сыграли активную роль и неевреи по своему происхождению. Но это значило лишь то, что чисто утилитарные, своекорыстные принципы существования с некоторых пор стали в стране всеобщими. Произошло то, о чем — правда, применительно к капитализму середины прошлого столетия — писал К. Маркс: «Гражданское общество из собственных своих недр постоянно порождает еврея».

Сюжет повторился в нашей стране. Только если раньше, во времена К. Маркса, основой еврейства было капиталистическое торгашество, то в СССР — бюрократическая система управления. Она создала прекрасные условия для максимальной самореализации еврейской периферийной интеллигенции, поскольку также строилась на принципах практической потребности, презрения к воле народа, жестокости в отношении его, мнимого великодержавия.

И вот сегодня уходят те, кто вложил немалые силы в утверждение данной антинародной системы. Уходят, как ни странно, изображаемые ее самыми главными жертвами. Но помилуйте! О каких жертвах может идти речь, если выезжают люди, получившие максимум возможных при данном общественном устройстве благ, главным из которых была практически неограниченная власть, позволявшая без каких-либо ограничений распоряжаться судьбой гигантского государства?

Другое дело, что сегодня сохранение такой перспективы уже, кажется, никого не привлекает. Антинародная система пришла к своему логическому концу: государство и общество в глубочайшем кризисе. И эмиграция еврейской периферийной интеллигенции весьма напоминает бегство тех, кто вовремя сумел понять, что оставаться в этом бывшем «раю» нет никакой выгоды. Надо искать новые возможности приложения своих честолюбивых планов.

В свою очередь, выезд еврейской периферии — еще один тревожный звонок для нас и настойчивое напоминание: она оставляет страну, пребывающую в плачевном состоянии полуразрушенной квартиры, где остаются хозяева, у которых жильцы не просто жили, но проводили над ними своеобразные социальные опыты к своей выгоде и во исполнение планов нового мироустройства. Хозяевам остается не только пустая квартира, но и утвердившийся в ней уклад жизни, губительный для всех проживающих. От него еще долго предстоит избавляться. Наконец, в перспективе сохраняется и возможность возврата — в случае, если жизнь пойдет все-таки на лад и возникнут новые возможности для процветания.

Литературная критика

Аполлон КУЗЬМИН

РОССИЯ В ОККУЛЬТНОЙ МГЛЕ, ИЛИ ЗАЧЕМ «ЕВРАЗИЙЦЫ» МАСКИРУЮТСЯ ПОД РУССКИХ ПАТРИОТОВ

Всем памятен образ Уэллса: Россия во мгле и мечтатель в Кремле. В Кремле и тогда были не все мечтателями. Ныне же — только деловые люди. Без мировой и гражданской (пока еще) войны Россия стремительно погружается во мглу, а из Кремля несутся бодрые голоса: все хорошо, так и задумано. Наверное, действительно, так и задумано. Недавно «Нью-Йорк таймс» в материале из Москвы процитировала высказывание западного дипломата: «Русские политические деятели вечно путают приоритеты. Они настолько поглощены борьбой за власть, которая в значительной мере сводится к обладанию дачей и автомобилем, к заграничным поездкам и доступу к твердой валюте, что фактически не отдают себе отчета в том, что экономика находится на грани краха» («Недельное обозрение», 1992, № 12).

Подобных материалов «там» выходит немало. В США вышла даже книжка, поясняющая, сколько надо *давать* российским чиновникам при заключении сделок. Книга и у нас могла стать бестселлером: даже бывший мэр Москвы Г. Х. Попов жаловался, что не знает, сколько давать, и предложил научно обоснованную норму — 15 процентов. Мэрам же, конечно, чаще приходится не давать, а получать: о подвигах на этом поприще и прежнего, и нынешнего мэров тоже писали и здесь, и «там». Под стать экс-мэру и. о. премьера, буквально провозгласивший, что «спекуляция — это нормальная форма становления рыночной экономики» («Правда», 8.X.92). «Нормально», очевидно, и то, что подчинена эта «форма» мафиозным структурам, а также то, что на 90 процентов спекулируют краденым. Видимо, «нормой» является и тот вид «деятельности», который описан в статье О. Кармазы «Детский труд в России: проституция» («КП», 10.X.92). И самое страшное в этом страшном материале — это и размах детской

проституции, и то, что растлители малолетних никаких наказаний ныне не несут.

Западный дипломат, конечно, лукавил, представляя наши власти туповатыми ворюгами, не думающими о последствиях. Ему наверняка известно, что только в штате Теннесси московская мэрия купила 1200 га земли и возводит тысячу коттеджей, что десятки миллиардов долларов переводятся в зарубежные банки, что лишь четверть «нефтяных» денег остается «в этой стране», где пока еще правит «англо-язычная команда» (отнюдь не «мальчики в коротких штанишках»!).

Взрыв, конечно, будет. Его давно ждут власти предержащие. И, к их удивлению, взрыва все нет. Народ, многократно ограбленный своими правителями, безмолвствует. Неужто не стыдно хотя бы? Или оттого и молчит, что стыдно? Редкие всплески раскаяния бывших «защитников Белого дома» не меняют общей картины оцепенения и растерянности. Впервые за всю историю Россия вымирает в условиях мирного времени, как бы откликаясь на пожелания заокеанских советников сократить население страны вдвое, а народ, и вымирая, молчит.

Что же произошло? Почему народ, совершивший некогда три революции за 12 лет, ныне не может защитить себя от паутины мафиозных структур? Вопросы эти встают перед многими, с ответами же дело обстоит хуже. Председатель Черемушкинского райсовета Сергей Пыхтин справедливо замечает, что «самые отчетливые разоблачения коррупции московской администрации не оказывают влияния на общественное мнение. «Поток и разграбление», учиненные в Москве новым классом администраторов, воспринимается массой людей как само собой разумеющиеся действия, «обывательски привычные». Верно и то, что «если почти всем нам свойственно «тащить» по мелочам, то им прощается то же самое, но совершаемое всего лишь в увеличенном масштабе» («Сов. Россия», 17.X.92).

Действительно, «поток и разграбление» идут и сверху, и снизу. Под Москвой вырубают леса, отдавая «ничьи» земли нуворишам, у огромного города отнимают уже и воздух, разворачивается самозахват земель (со ссылкой на «рекомендации» Попова), а иным политикам кажется, что власть не в силах справиться с ростом преступности. Все понимают, что социальной базы у нынешней власти нет (привычка мыслить марксистскими формулами!), а антиобщественные элементы вроде бы и не в счет. Между тем этого оказывается за глаза достаточно. Пока этого не осознают «социальные» слои, власть будет чувствовать себя более уверенно, нежели в любом «правовом» государстве: ведь в условиях нарочитого беззакония законных путей для смены власти попросту не может быть. И, оставляя граждан самим разбираться с бандитами, власть лишь осуществляет старый принцип: разделяй и властвуй. Похоже, оппозиция в этом до конца не разобралась, а потому президент мог, со своей стороны, заверить чуть-чуть напуганных сотрудников «Останкина», что и у них нет сколько-нибудь широкой социальной базы.

Что поднимало людей на борьбу в начале века? Вера в возможность социальной справедливости. На выборах в Учредительное собрание осенью 1917 года почти 90 процентов избирателей отдали голоса социалистическим партиям. Что привело к нынешней безыдейности и бездуховности, несмотря на крутой поворот в

сторону религии? Разочарование в идеалах, скомпрометированных правителями. Никто уже и не хочет разбираться, почему идеалы не сработали, почему у власти оказалась та часть партийно-хозяйственной верхушки, которая жаждала обнажить накопленные и наворованные за десятилетия богатства и вкупе с транснациональными компаниями готовила переворот. Исподволь разрушались прежние идеалы. Место государства и общества занял «суверенитет личности», место социальной справедливости — «рынок», во всей его дикой античеловеческой свирепости. Можно только удивляться, с какой легкостью наша самая читающая в мире интеллигенция заглотала отраву: ведь «суверенитет личности», помноженный на «рынок», — это общество, в котором «человек человеку — волк». Об этом давно и многие писали.

На вопрос «кто виноват» — ответ уже есть. В печати много сказано о вине интеллигенции: она привела нынешний режим к власти. К сожалению, в природе интеллигенции — стремление к «суверенитету личности». Между тем вне общества и государства ей вообще делать нечего. Дикому рынку она не нужна. Пренебрежение нынешних рулевых к науке, образованию, культуре — закономерно, и это легко было предвидеть. Ведь ничего, кроме «дай порулить», в потоке демагогии «демократов» и не было. В природе же интеллигенции и стремление перекладывать свою вину на кого угодно. И жалко ныне выглядят те интеллигенты, кто все еще числит себя в рядах «защитников Белого дома», выдавая тем самым либо корысть, либо нечто еще худшее.

В целом интеллигенция от шока еще не оправилась. Рабочий же класс, всеми обманутый, естественно, никому не верит. К тому же, как было сказано Маяковским, «ну а класс-то жажду заливает квасом?..». Нет, конечно. Принцип «разделяй и властвуй» и здесь пока срабатывает. Пока потенциально наиболее опасную для властей часть рабочих подкармливают за счет обнищания учителей, ученых, работников культуры, пенсионеров. А последствия грядущей безработицы еще не осознаны. Не на уровне государственных задач и депутатский корпус. При наличии ряда ярких личностей он по всем линиям слабее Верховных Советов застойных времен. Там все-таки отбирали (как прежде в составы Земских соборов) с учетом социального расклада и квалификации. Последние выборы по числу нарушений и подтасовок перекроют едва ли не все «застойные», вместе взятые. И если надо решительно противодействовать намерению президента разогнать Советы, то не потому, что депутатский корпус хорош, а потому, что новая диктатура будет неизбежно более кровавой, нежели все предшествующие, хотя бы в силу специфичности своей «социальной» базы.

Явно не на высоте и патриоты. Никаких выводов не сделано из результатов прошедших выборов, на которых патриоты потерпели сокрушительное поражение. А как могло быть иначе, если они шли с теми же лозунгами, что и демократы, не обладая ни организационными, ни информационными, ни денежными средствами последних?

Мало изменилось положение и ныне. Хотя «демократы» и показали полную неспособность «рулить», патриоты ясной альтернативы не предложили. И те, и другие говорят о «возрождении России», не внося в это понятие ничего конкретного. И те, и другие игнорируют позитивные достижения последнего семидесяти-

летия (система образования, наука, социальные гарантии, общий уровень производства и потребления в 50—70-е годы, влияние в мире). И те, и другие, с некоторыми разночтениями, смотрят на Россию до 1914 года не с позиций подавляющего большинства («лапотного» и неграмотного), а с точки зрения дворянской или буржуазной элиты. Превращение России в полуколонию «демократов» не смущает (на Генуэзской конференции России был предъявлен счет на 33,8 миллиарда золотых рублей, который она, конечно, оплатить не могла), а патриоты этот факт просто не замечают. И если с осени 1917-го по весну 1918 года (и при Временном правительстве, и при Советах) крестьяне пожгли почти все помещичьи усадьбы и вагнали хуторян в общину, то осуждением разгула стихии не обойдешься: надо и их понять.

Манипуляция общественным сознанием всегда была важной заботой антинародных режимов. В печати сейчас говорится много правдивого, приводятся факты, за которыми, казалось бы, должно следовать самое суровое наказание провинившихся властителей. Такие факты можно найти и в «демократической» «Независимой газете», и в других «демократических» изданиях. В той же «Комсомолке» едва ли не в каждом номере прочтешь материалы, от которых берет оторопь (правительство постоянно лжет, пользуясь нашим попустительством, генеральный прокурор надругается над правом и законом, публикуя в валютных изданиях материалы предварительного следствия, называя, кстати, в числе главных заговорщиков Горбачева, Ельцина и Назарбаева — см.: «КП» от 29.VIII.92). Но вывод следует неожиданный: всю эту грязь пытаются опрокинуть в более или менее отдаленное прошлое, отвлекая внимание от наших дней и современных деятелей, а заодно и приучая к мысли, что все это неизбежно ныне.

Отвлечение — главный способ поддержания господства непопулярной власти. Воруя сотнями миллиардов, кричат о «деньгах КПСС», которые в большинстве шли все-таки на дело (пусть и иллюзорно понятое, вроде «мировой революции»), на защиту стратегических государственных интересов, и которые, оказывается, были каплей по сравнению с морем средств, затраченных против нас ЦРУ. Таким же путем от разрушительных последних лет уводят в начало века. И это свойственно как прозревшим демократам, так и тем, кто искренне считает себя патриотами. Привычка искать черную кошку в темной комнате, заведомо зная, что там ее нет, всегда была свойственна нашей интеллигенции. Сейчас эта привычка все чаще уносит с земли куда-нибудь в потусторонние миры.

Верно сказано: «Обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад». Но социально-политический сомнамбулизм и насаждается. Странно смотреть, как бывшие секретари отмечались на церковных службах со свечой в руках, а владыки делали вид, что всерьез принимают эти игры. Президент заявляет, что лишь Бог может лишить его власти (имея в виду, что народ ему нипочем!). И это сходит. Не замечает высшее духовенство и приобщения президента к Мальтийскому ордену, крайне враждебное отношение которого и к старой, и к новой России никогда не являлось секретом.

В данном случае речь совсем не о православии. Но складывается впечатление, что православие-то как раз никто сейчас и не защищает. Сам патриарх в многократно перепечатанном послании раввинам американских синагог в декабре позапрошлого года за образцы православной мысли берет писания русских розенкрейцеров — наиболее мистического направления в масонстве. И вот уже рэкетиры и проститутки напяливают кресты, изображая из себя истинных православных, а священники (вроде Глеба Якунина) в политиканстве дадут фору любому служителю Сатаны.

Именно «трон Люцифера» подпирают сейчас большинство новообращенных. И опять-таки среди них и «демократы», и «патриоты». Как и во все времена общественных кризисов, разного рода оккультные издания перегородили переходы метро. И вот уже вроде бы христианский Бог примирился и с иудейским, и с Люцифером. Именно такая необычная «Троица» стремительно вытесняет привычную старую.

В поклонении «демократов» новой «Троице» ничего удивительного нет: они в лучшем варианте предполагают внедрить в головы соотечественников «новое», западное мышление, а Запад давно уже принял эту «Троицу» в качестве запредельного идеала и вполне земной структуры, где каждый сверчок знает свой шесток. (Именно об этом напомнил А. Зиновьев в нашумевшей статье «Я хочу рассказать вам о Западе» в «КП» от 15 сентября 1989 г.) Но и патриоты чуть ли не в большинстве устремились туда же.

В средние века мистика, магия, оккультизм — тайное знание о «запредельном» — противостояли христианской церкви. Поэтому некоторые воинствующие атеисты склонны были венчать эпитетом «прогрессивных» секты, прямо поклонявшиеся Люциферу — антиподу христианского Бога. Но при этом, как правило, не затрагивали ни изуверского фанатизма, ни открытой аморальности сектантов, их противообщественной деятельности. Именно подобные секты и «ордена» являются предтечами и истоками позднейшего масонства, которое целиком усваивает и их символику (в частности, иудейскую каббалу), весьма важную в системе «тайного знания». Но реформация основательно подорвала способность западного христианства противостоять этим сектам. Сначала разные направления протестантства, а затем и католическая церковь сами становятся элементами оккультно-масонской структуры.

В России оккультные науки приживались с трудом. Славянское язычество вообще не знало фатализма. Астрология и хиромантия приходят из Европы, и относительно поздно, захватывая к тому же лишь высший слой общества. И православие изначально ставило мистику в достаточно жесткие рамки, оставляя известный простор для «самовластия души» («на Бога надейся, а сам не плошай», «Бог-то Бог, да сам не будь плох» и т. п.). (Суеверия и поверия, сохранявшиеся в деревне, — явления иного порядка, восходящие к язычеству.) Более или менее значительное распространение оккультизм получает лишь с резким поворотом России к Западу при Петре I, и связан он был с возникновением масонских лож (сам Петр входил в две ложи), которые поначалу охватывали нахлынувших в Россию иноземцев, а затем и иных, «жадною толпой стоящих у трона».

Вопреки предпринимаемым ныне попыткам «реабилитировать» русское масонство XVIII — начала XIX века (см. статью В. Кожинова в «Нашем современнике» № 6 за 1992 г.), оно всегда управлялось извне, а русские «братья» находились на низших

ступенях масонской иерархии. Отнюдь не случайно, что Радищев, Карамзин и Пушкин, соприкоснувшись с масонством, затем отходят от него и ведут с ним открытую или скрытую, весьма непростую борьбу (эти факты В. Кожинов обходит).

Н. Бердяев не без оснований отметил «масонский дух» русской интеллигенции вообще. Это верно в том смысле, что ни русская государственность, ни православие не являлись приоритетными ценностями для формирующейся в XVIII веке русской интеллигенции, в составе которой иноземцы изначально составляли высший слой. Даже в низших «градусах» масонской иерархии, формально ориентированных на христианство, не обязательно было держаться православия. В высших же ярусах (в XVIII веке это 7—8 «градусы») третировалось и христианство в целом. В конечном счете и православная церковь оказалась неспособной защитить свои принципы и приняла идеологию розенкрейцеров как свою собственную (см. о содержании религиозной философии Соловьева, Бердяева. Булгакова. Флоренского, Франка, на которых ссылается в упомянутом послании патриарх, в принципиальво важной статье И. Н. Смирнова в «Нашем современнике» № 11 за 1991 год. Достойно сожаления, что ряд значимых фактов и положений статьи были вычеркнуты пристрастными редакторами). Хотелось бы, чтобы и православные богословы (а таковые есть!) назвали вещи своими именами и вступились за чистоту веры. Ведь в противном случае она лишь будет прикрывать не спасительную, а разрушительную ложь. Сейчас, как никогда, народу нужно сказать правду. Он ведь потому и бездействует, что понимает: все его обманывают.

К сожалению, обманывают и многие патриоты. Ясно, что, когда рушится государство, спасти и восстановить его способны только истинные патриоты. А под флагом «патриотизма» нередко подбрасывается такая пища, которую не сможет переварить самый здоровый желудок. В последнее время не раз (в немногих, к сожалению, патриотических изданиях) обращали внимание на странные материалы, печатаемые в патриотической газете «День». С одной стороны — самое информированное (наряду, может быть, с «Независимой газетой») издание, горделиво-открыто стоящее на стороне ГКЧП, разоблачающее нынешних преступных правителей, а с другой — пропаганда элитарности, превебрежение к насущным потребностям того самого народа, от имени которого вроде бы выступают, и тот же оккультизм, поднимаемый на высший политический уровень. Поворот традиционно патриотического (и народно-социалистического) журнала «Наш современник» в это же русло усиливает и недоумение, и тревогу, поскольку становится ясным, что новые концепции разработаны за кулисами, а заглатывают наживку многие известные и уважаемые писатели и политики. И в этих условиях надо выразить искреннее удовлетворение в связи с выходом нового журнала — «Элементы. Евразийское обозрение», редактором которого является едва ли не главный идеолог газеты «День» А. Дугин, а в редакционный комитет журнала входят А. Проханов и определенная часть авторского актива газеты.

Прежде всего новый журнал открыто оккультный. Одна из видимых его задач — прояснить некоторые принципиальные материалы (того же А. Дугина), напечатанные в газете и в «Нашем современнике». Несколько лет назад констатацией этого факта

можно было бы и ограничиться: оккультизм противостоит и научному знанию, и православной вере. Но ныне этого будет совершенно недостаточно в силу отмеченных выше причин, в частности, пораженности самого православия оккультизмом. Да и в науке давно уже наметилось некое любование оккультизмом и возникшими на его основе организационными структурами. Достаточно назвать сочинение Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» (экранизированное к тому же) и относительно недавнее роскошное издание Политиздата «Трон Люцифера» (1985), в которых и рекламируются, и прославляются магия, оккультизм и масонство.

Стоит отметить и определенные заслуги оккультизма в противостоянии вульгарно-материалистическому видению мира, когда забывают о том, что процесс познания мира так же бесконечен, как и сам мир, и что наши знания бесконечно малы по сравнению с тем, чего мы не знаем, в том числе в самых важных жизненных сферах. Верно и то, что многое мы познаем не разумом, а чувствами, а сам процесс творчества без определенного мистического настроя попросту невозможен. Очень хорошо выразил это Николай Рубцов в одном из самых философских своих стихотворений:

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Истинное искусство и творческий поиск вообще всегда идут впереди знания (хотя, конечно, и опираются на него). И суждении вроде того, что «Толстому для его гения не хватило ума», указывают не на слабость его ума, а на силу гения. Объяснить же непонятое им самим должна социальная наука, перед которой он поставил проблемы.

На обыденном уровне не страшен и спиритизм, вера в предсказания Глобы (тем более что они не сбываются), общение особо экзальтированных особ с инопланетянами и самим Люцифером. Но оккультизм никогда этим не ограничивался: он стремился оттеснить и вообще вытеснить науку и из таких областей, которые вроде бы прочно усвоены человечеством. Еще важнее то что он всегда увязывался с тайными организациями и борьбой за влияние и власть.

«День» и «Евразийское обозрение» подают оккультизм именно на политическом уровне. Здесь все сфокусировано на «евразийском оккультном ордене» и на оккультной науке геополитике. И крайне важно разобраться: какие идеи и какую политику скрывает оккультный туман?

Должно признать, что с некоторых пор понятие «евразийство», оцениваемое раньше как слабенькая ветвь российско-украинской эмиграции, близкая к российским розенкрейцерам, стало модным. И употребляют сам термин, вкладывая в него разное содержание, как «демократы», так и патриоты. То же самое относится к понятию «геополитика». Совсем недавно слово употреблялось лишь немногими специалистами-международниками (обычно в критическом плане, как «фашистская лженаука» или лукавое оправдание империалистических притязаний на мировое гос-

подство; в этом плане она, в частности, рассматривалась в книге известного юриста-международника Л. А. Моджорян «Геополитика на службе военных авантюр», вышедшей в 1974 году). Теперь понятием жонглируют и публицисты, и политики от премьера до депутата сельского Совета.

Что скрывается за новыми терминами — читателю и слушателю уразуметь невозможно: у каждого свой смысл. Это проявилось уже за «круглым столом» в газете «День» (№ 2 за 1992 год), когда газета определила себя в качестве рупора евразийской геополитики. Наши участники (помимо А. Дугина) говорили просто о государственных интересах (с неизбежными разночтениями в определении их), иностранные — о некой науке, объяснившей раз и навсегда все в системе международных отношений. Что означает в понимании редакции «евразийское сопротивление» и «геополитика», разъясняли печатавшиеся почти полгода очерки А. Дугина «Великая война континентов». Но похоже, что читатель, ошеломленный каскадом новых для него терминов и сюжетов, ничего не понял. Вряд ли что-нибудь прояснил и отклик В. Кожинова («День» № 18, по отделу «Конспирология»), поскольку ничего, кроме «глубокого удовлетворения» и убеждения, что «воскрешение и дальнейшее развитие «евразийского» мышления — это... необходимейшая задача нашего самосознания», по поводу изложенной концепции не сказано. А говорить есть о чем хотя бы потому, что многие из ничего не понявших остаются под гипнозом трескучих фраз и непривычных формул.

Журнал «Евразийское обозрение» проясняет многое уже потому, что в нем дается расшифровка своеобразного кода «геополитиков». К тому же здесь более обнаженно выражено политическое кредо евразийцев.

Разъяснение понятия «геополитика» дается в статье члена редкомитета Р. Стойкерса — бельгийского политолога, участника упомянутого «круглого стола» в газете «День». Статья является сокращенным изложением брошюры с тем же названием — «Теоретическая панорама геополитики», распространяемой ныне в Москве неким «Союзом русских патриотов». На фоне этих публикаций яснее и «современная историософия» (выражение В. Кожинова) главного редактора журнала.

Итак, что же такое оккультная наука геополитика? В газетных очерках А. Дугина «оккультные ордена» и их политические деяния заслонили все остальное, даже то, что это и есть геополитика в действии. Стойкерс, напротив, мало касается этих действий, а говорит об истоках и компонентах новой политической науки. Родоначальником геополитики «в чистом смысле этого слова» он, в соответствии с мнением ведущих геополитиков, называет Фридриха Ратцеля, опубликовавшего в 1897 году работу «Политическая география». Справедливо выделена и главная идея Ратцеля: теория «жизненного пространства». Здесь можно лишь усомниться в правомерности отнесения «главной идеи» на четвертое место, тем более что поставленное на первое место представление о государствах, как живых организмах, которые рождаются, живут и умирают, было уже у Данилевского и Леонтьева.

Появление теории «жизненного пространства» именно в конце XIX века — закономерно. Мир уже был поделен, и назревала решающая схватка между хищниками за передел мира. Набравшая силу и несколько запоздавшая к праздничному пирогу Германия готовилась свалить главного соперника: Британскую империю. В качестве оправдания территориальных притязаний могла служить любая «теория» (в частности, в социал-дарвинизме, популярном в это время, были «подходящие» направления). Оккультная наиболее удобна именно потому, что аргументами от «здравого смысла» ее не свалить: она их просто проигнорирует.

Ратцель и его последователи (в том числе противоположного в политическом смысле лагеря) стремились прежде всего убедить публику в предопределенности политических событий географическим фактором. (У А. Дугина это обозначается как «метафизика континентов» в традиционном понимании «метафизики» — внеопытной, «запредельной» науки.) Изменение роли географического фактора по мере социально-экономического и научно-культурного развития, а также изменения международной обстановки практически игнорировались. «Суша» и «море» на многие тысячелетия настроились друг против друга. В новейших интерпретациях Евразия от Дублина до Сингапура противостоит «ордену Атлантики», то есть Америке. При этом если у Жана Тириара (бельгийского геополитика) она *должна* противостоять, то у А. Дугина противостоит в силу оккультной предопределенности.

Невозможность такого объединения очевидна для каждого, иногда открывающего газеты (тот же «День») и включающего радио. И вполне логично на упомянутом «круглом столе» Ш. Султанов предостерег коллегу о возможности каверзных вопросов со стороны оппонентов, что-нибудь вроде: «Что общего между, скажем, Португалией, республикой Марий Эл и Уйгурским национальным округом?» Отвечать, естественно, нечего. Но метафизика до таких мелочей не опускается, как не пытается она выяснить, почему вековые конфликты раздирают всю Евразию, и они не только не гаснут, а скорее разгораются на наших глазах.

Не исчезают конфликты и по ту сторону океана. Да и как противопоставлять эти континенты, если, скажем, индейцы приходят в Америку из глубин Азии, и истребляют их в XVI—XIX веках выходцы из Европы. Или это потому, что в то время «сушей» была Америка, а «морем» Европа?

Похоже, такая метаморфоза геополитикой не предполагается. Она все-таки прочно держится того размежевания, которое сложилось в канун первой мировой войны. Тогда «суша» вдохновляла немецкий империализм, а «море» — британский. Итог — две мировые бойни — известен. Известно и то, что основные сражения шли в Евразии между евразийскими государствами.

Из германских и прогерманских геополитиков обычно называют шведа Челлена, отождествлявшего германские интересы с европейскими, и особенно Хаусхофера (1869—1946). Именно у последнего лидеры «третьего рейха», начиная с Гитлера, заимствовали «геополитические» лозунги, и он оказал значительное влияние на формирование направлений фашистской внешней политики Германии. И вполне возможно, что Гитлер и его окружение верили в предопределенность именно такой политики. Как показывает в недавно вышедшей книге «Оккультный мессия и его рейх» В. Пруссаков (кстати, неоднократно рекламированной газетой «День» еще до ее выхода), все существенные положения «Майн кампф» навеяны именно беседами Гитлера с Хаусхофером. Беседы шли обычно на языке оккультизма: «Все происходи-

ло так, как если бы Гитлер был медиумом, а Хаусхофер — магом» (с. 145).

Британская геополитика начала века была представлена именем Макиндера (1861—1947). В свое время он был верховным комиссаром Антанты на оккупированной территории Украины, и на его концепцию этот факт повлиял. Самой трудной и актуальной задачей он считал установление господства над «срединной землей» — стыком Европы и Азии на территории России. В Англии, однако, геополитика не прижилась: на мировое господство она к середине столетия претендовать уже не могла, а употребление самого термина слишком ассоциировалось с агрессивными устремлениями «оккультного рейха». К тому же, хотя англо-саксонское масонство и является наиболее многочисленным и могущественным в мире, оккультизм здесь — лишь ритуал и даже маскарад. Политика же строится не на предсказаниях звезд, а на основе всестороннего анализа действительности. В США геополитика нашла некоторых приверженцев. Но и там «новый мировой порядок» рассчитывают утвердить не проникновением в «метафизику континентов», а долларами и ракетами с использованием вполне земных «агентов влияния» (в том числе и для пропаганды оккультизма).

Геополитика как обоснование притязаний на мировое господство в той или иной мере проявлялась также в Японии (в своем варианте). Нередко называют также Израиль. Вот только как это «евразийское государство» противопоставить «атлантическим»?

Конечно, и в рамках геополитики могут присутствовать реальные государственные интересы той или иной страны. Так, Челлену совсем не надо было обращаться к запредельным таинствам, чтобы оценить потребность России в теплых морях и т. п. Но подобный учет интересов разных стран был обязательным для внешнеполитических ведомств и тысячу лет назад. Другое дело, что на всемирный уровень такая задача вышла лишь в XIX веке, когда мир был поделен между несколькими империями. Лукавство «геополитиков» в том и проявляется, что очевидные, опытом подтвержденные интересы они возводят к «метафизике континентов».

Безопасные на обыденном уровне, оккультные игры становятся угрозой для целых народов, если этот магнит подложен под компас, ориентирующий государственную политику. У А. Дугина, как было сказано, мир поделен между двумя оккультными орденами, к которым принадлежат все сколько-нибудь заметные политические деятели мира. Кому удалось одолеть «Великую войну континентов», не могли не подивиться, с какой легкостью он развел по «орденам», в частности, всех советских деятелей и даже целые ведомства (вроде «ГРУ против КГБ»). И чем же доказываются эти обвинения либо в принадлежности к тайной организационной структуре, либо прямо в государственной измене? А ничем! С пионерской непосредственностью А. Дугин признается, что не следует тех, кто привел к развалу страну, связывать с агентами ЦРУ и «каких-либо других организаций (избави Боже такое утверждать — это надо доказывать!)». Проще сказать, что это «агенты атлантизма — иной глобальной идеологии, иного континента» («День» № 2). Для такого утверждения никаких доказательств не требуется, и вот уже перед нами вереница «агентов

атлантизма», среди которых Хрущев, Андропов и многие-многие другие.

«Метафизический» метод позволил А. Дугину без малейших сомнений вскрыть тайну событий августа 1991 года. «Лукьянов — вот тайное объяснение августовского путча. Этого человека надо было убрать любой ценой. Именно в его руках сосредоточивались нити евразийской оккультной структуры. Начиная с 1987 года именно Анатолий Лукьянов был протектором ордена Полярных» («День» № 15).

Под «орденом Полярных», видимо, разумеются нацистские ордена «Туле» и «Атлантиды» — сердцевина геополитики «оккультного рейха», некое оккультное оправдание идеи расового превосходства нордической расы (с этими легендарными островами, помещаемыми на севере, связывали нацистские оккультисты происхождение арийской расы). Сенсационное открытие ведущего современного медиума, очевидно, заинтересует писателя-прокурора, и можно ожидать, что вскоре появится еще одна версия обвинения, а собрание его сочинений пополнится еще несколькими томами. Как это все выглядит в земном измерении — пояснять не надо. Но то в земном. А у «полярников» мораль иная. Точнее — никакой. В «метафизике оккультной войны» («День» № 15) «не следует идеть упрощенный моралистический образ борьбы добра и зла, правды и лжи, ангелов и демонов и т. д.». «Оба ордена имеют глубочайшие онтологические и сакральные корни, метафизические причины быть именно тем, чем они являются. Считать какой-то один из этих орденов исторической случайностью — значит отрицать тайную логику человеческих и космических циклов (подумать только, до чего можно докатиться! — *А. К.*). Выбор геополитического пути отражает выбор пути метафизического, пути эзотерического, пути духа сквозь мироздание. Поэтому не существует никаких гарантий, поэтому нельзя, строго говоря, утверждать, что Евразия — это хорошо, а Атлантика — плохо».

Поистине удивительно, как такую глубоко антихристианскую «метафизику» заглатывают православные (в интервью «Элементам» А. Проханов рассказал о давнем желании уйти в монастырь). «Никаких гарантий». Конечно, это для других. Себе же теоретик евразийства таким образом заготовил мосток для перебежки с континента на континент (о чем ниже еще скажем). А вот «идеолога» «заговора Полярных» можно и выдать: Боливар не снесет двоих.

К сожалению, все это далеко не смешно. Когда из недр «демократической» закулисы возник жупел «красно-коричневой опасности», было непонятно, о чем идет речь: слишком несовместимы эти два цвета в политической жизни планеты в последнее столетие. Но не покидало и «метафизическое» чувство, что за этим нечто кроется и в нужный момент проявится. «Евразийское обозрение» и в этом отношении поставило точки над «и». Оказалось, что именно таков «евразийский орден». В разделе «Идеология» главный редактор дает панораму предшественников нынешних поборников «Третьего пути», «Консервативной революции». Это «фаши Италии», «фалангисты Испании», «гвардисты Румынии», «русские евразийцы» и — главное — разные варианты этого движения от национал-социализма до национал-большевизма в Германии. Поскольку именно «русские евразийцы» являются не-

посредственными предшественниками нынешних евразийцев, знаменательна оценка их политического облика. «Русский Третий путь фактически раскололся на национал-большевиков, увидевших в сталинизме определенный поворот к народно-имперской стихии, и национал-социалистов, солидарных с немцами в надежде осуществить на русских землях после предполагаемого поражения Советской России в войне вариант русского национал-социализма» («Элементы», с. 51).

Каковыми «евразийцы» были на самом деле, здесь разбирать не будем (Западная Европа в состав Евразии ими не включалась). Важно, что ярлык «красно-коричневых» проецируется на реальную политическую группу и даже на целый оккультный орден, который стоит над всеми патриотическими движениями и организациями.

Искусственность притягивания «красных» в орден вполне очевидна: пролетариат не охватывается даже понятием «социальной справедливости» (оно предполагает «хозяина»). Но и для патриотов уготовано в нем весьма незавидное место.

Прежде всего, что означает стратегическая задача германской политики — борьба за «жизненное пространство»? В основе ее всегда лежал тезис «Дранг нах остен» (натиск на восток). Более тысячелетия объектом германской экспансии были прежде всего славянские племена и народы. Апологет раннефеодального Немецкого государства Видукинд Корвейский (X в.) более откровенно определял роли сторон, нежели нынешние его последователи: германцы воюют «ради славы за великую и обширную державу», а славяне «за свободу, против угрозы величайшего рабства» (Деяния саксов. М., 1975, с. 163). Многие славянские племена в результате многовековой борьбы были полностью истреблены, другие действительно обращены в рабство.

Кумиры нынешних геополитиков-евразийцев — вожди «третьего рейха» были также достаточно откровенны. А. Дугин, например, любуется Гиммлером, главой СС: «Парадоксально, но именно в этой организации при Гитлере царила наибольшая интеллектуальная свобода и плюрализм. Гиммлер защищал от нападок догматика Розенберга таких консервативных революционеров...» И т. д. (с. 53). Наверняка кого-то он защищал. А вот как он относился к славянам: «Этот низкопробный сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков». Может быть, стоит перепечатать хотя бы статью А. Андерле «Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР» («Вопросы истории», 1961, № 6). Слишком уж забывчивыми стали некоторые наши патриоты.

В «Дне» А. Дугин писал уже, какая это трагическая дата для «евразийцев» — 9 мая (слово «победа» там вообще одето в пренебрежительные кавычки). В «Элементах» он вновь напоминает, что «поражение Германии во второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего пути» (с. 54). И это не запальчивая полемическая фраза, а стержень концепции, причем не только редактора, но и других геополитиков, тяготеющих к «евразийству». В том же номере журнала Робер Стойкерс подчеркивает, что именно «Хаусхофер тайно рекомендовал известный германо-советский пакт, заключенный в августе 1939 года. Он развил свою теорию и приблизительно через год предложил план большого континентального евразийского союза, объединив в него Испанию Франко, Францию Виши, Германию, Россию и Японию против Британской империи». Стойкерс сожалеет, что Сталин и Молотов не ответили на предложение (с. 7 «Геополитических тетрадей»).

Выше имя Хаусхофера уже упоминалось в связи, в частности, с его ролью в формировании нацистской внешней политики. В «Элементах», помимо материала Стойкерса, напечатана статья самого Хаусхофера «Геополитическая динамика меридианов и параллелей», опубликованная в 1943 году, и «послесловие» к ней, в котором поются дифирамбы главному геополитику. Здесь, в частности, на основании «меридианов» и «параллелей» отмечается «абсурдность обвинения автора в расизме» и его особая привязанность к Японии как антиподу США.

Привязанность Хаусхофера к Японии в 1943 году более чем понятна. Уже разразился Сталинград, а о «меридианах» речь шла уже и после Курска. Северная Африка и Южная Италия находились в руках союзников, в лагере которых американцы, естественно, преобладали. Япония оставалась последней надеждой. К тому же Хаусхофер там бывал и даже служил. И в данной статье он вполне одобряет стремление японских милитаристов «создавать на периферии своего влияния буферные зоны безопасности» (с. 14). Имелись в виду Корея, Маньчжурия и Уссурийский край. Что же касается его «русофильства» и «антиамериканизма», то здесь нужны существенные поправки.

В упомянутой уже книге В. Пруссакова есть два сюжета, относящиеся к данному вопросу. «Подлинным наваждением для герра профессора, — пишет автор, — была идея жизненного пространства. Глубоко убежденный в превосходстве северных народов и в тлетворном влиянии евреев на ход мировой истории (к слову сказать, его жена была еврейкой. — *В. П.*), Хаусхофер полагал, что арийская раса ведет свое происхождение из Центральной Азии, и потому настаивал на необходимости захвата ее территории» (с. 142). «Хаусхофер... еще до первой мировой войны... отдал большую дань оккультизму, прошел выучку у... тибетских лам и у адептов японского тайного общества Зеленого Дракона» (с. 143). По мнению Гитлера, «следуя бессмертной мудрости древних нордических народов, мир должен постоянно омолаживаться посредством крушения отжившего и сумерек богов». И «Хаусхофер поощрял и развивал веру Гитлера в неизбежность появления сверхчеловека, ибо он сам вовсе не случайно побывал в Тибете, который Блаватская и Гурджиев считали родиной Неизвестных Сверхлюдей» (144).

Другой сюжет касается глубины «евразийских» (и российских) симпатий Хаусхофера. Его давним и подобострастным почитателем был Гесс — второе лицо «третьего рейха». Именно через него Хаусхофер вошел в интимный круг советников Гитлера. Гесс до конца благоговел перед учителем. И ему обязан концом своей политической карьеры.

Вопреки мнению Стойкерса, Хаусхофер был расстроен не вероломным нападением Германии на СССР. Его обескураживала другая неудача. Именно он был инициатором экстравагантной миссии Гесса в Великобританию в мае 1941 года. Хаусхофер и его сын Альбрихт имели, как сообщает В. Пруссаков, «тесные

связи с представителями английского высшего света, являвшимися членами оккультистского ордена Золотой зари... Старший Хаусхофер попытался через Гесса убедить Гитлера в необходимости мира с Англией. Он же весной 1941 года убедил своего послушного последователя совершить полет в страну туманного Альбиона, закончившийся воистину плачевно. Хаусхоферы составляли планы личной встречи между Гессом и герцогом Гамильтоном, который был хорошим другом Альбрихта. К мнению герцога прислушивались премьер Уинстон Черчилль и король Джордж. Если бы он смог сообщить им детали немецкого мирного предложения, то кто знает... Хаусхоферы полагали, что стоит пойти на риск. Старший Хаусхофер, зная, каким языком следует говорить с Гессом, сказал ему, что звезды благоприятствуют полету. Этого оказалось достаточно: Гесс всегда верил знакам, подаваемым из высшего мира» (с. 154).

Звезды подвели: «Британское правительство отвергло мирные предложения». В. Пруссаков сомневается: знал ли Гитлер о замысле Хаусхофера и Гесса? Знал, видимо, не все. Автор, похоже, прошел мимо новейших работ, в которых доказывается, что Гесс вообще не долетел до Британии, а прибыл к оккультистско-масонским братьям его двойник (см.: Томас Х. Гесс. Рассказ о двух убийствах. — «Вопросы истории», 1990, № 4). «Братьев» связывала и еще одна близость: Хаусхофер и герцог Гамильтон были в довоенное время «гомосексуальными партнерами». О том, что это означает в высших эшелонах масонской иерархии, недавно обстоятельно писал Г. Климов. Переговоры о мире с Британией велись в Мадриде, Стокгольме, Ирландии, Сан-Франциско при активном участии транснационального капитала. Германия получала возможность «легализовать» захват Чехословакии и Польши, а также свободу в «европеизации» России. Не исключалось отстранение от власти Черчилля и Гитлера, что и предопределило твердую позицию английского премьера, а может быть, и фюрера.

Сталин и Молотов, очевидно, потому и не откликнулись на «великий проект Хаусхофера», что были лучше осведомлены о действительных целях и замыслах гитлеровского правительства, нежели нынешние евразийцы. К тому же они, в отличие от нынешних интеллигентов, хорошо знали и «Майн кампф» Гитлера (в 1939 году книга вышла у нас ограниченным тиражом с предисловием Молотова), и вполне откровенные высказывания иных вождей «Третьего пути». Вопрос-то стоял — быть или не быть.

В журнале А. Дугина опубликованы также тезисы Жана Тириара по книге «Евро-советская империя от Владивостока до Дублина». (Идея книги вынесена на обложку журнала, правда, с поправкой: Тириар не включал в умозрительную «империю» Индию и Китай.) Тезисы открываются подзаголовком «СССР — наследник «третьего рейха», завершаются утверждением, что «не война, а мир изнуряет СССР. В сущности, Советский Союз и создан, и подготовлен лишь для того, чтобы воевать» (с. 5, 8). Снова «красно-коричневые». Действительной политике СССР 60—70-х годов это никак не соответствовало, а европейцев пугало. Недавно в газете «День» (№ 37 за 1992 г.) вновь Тириар вернулся к 1941 году, разделив вину за 22 июня пополам. По мнению бельгийского геополитика, «война России с Германией — это ошибочная война. Истинно справедливая война должна была быть направлена против американского капитализма». Между тем о войне с американским капитализмом тогда не было и речи. Как раз американский капитал и продвигал Гитлера с его «консервативными революционерами» к власти. И лишь слишком быстрый разгром коалиции западных держав побудил пересмотреть отношение к Германии, да и то лишь тогда, когда немцы стояли под Москвой и нависла угроза остаться наедине с двумя ненасытными хищниками — Германией и Японией.

Вообще поражает безразличие евразийцев к трагедиям целых народов. На них не производит никакого впечатления напоминание о том, что восхищающая их империя Чингисхана — это полное уничтожение многих народов, колоссальная деградация и опустошение огромных областей. Достаточно сказать, что Руси для восстановления численности населения домонгольского времени потребовалось пять столетий. Такого же характера и рассуждения об «ошибке» стоимостью более полусотни миллионов жизней. Бельгийских геополитиков еще как-то можно понять: они на себе это практически не ощутили. Но как понять доморощенных геополитиков, для которых 30 миллионов жизней, отданных за сохранение независимости страны и народа в целом, ничего не значат? Да это похуже монгольского и гитлеровского геноцидов!

По заключению А. Дугина, «единственным государством, которое отчасти смогло реализовать на практике определенные аспекты Консервативной Революции, было государство Израиль» («Элементы», с. 54). Что же? Значит, свет в конце туннеля есть? И континент Евразийский. Только неясно, какой же прок от этого Евразийскому континенту: ведь «борьба за жизненное пространство» ведется этим государством, как и ранее нацистами, на Евразийском континенте, а главные опорные пункты остаются за океаном.

Тасуя политиков на две колоды — евразийцев и атлантистов, призывая держаться «своего» ордена, А. Дугин замечает, что оба они «необходимы друг другу» («День» № 15). Пожалуй, в этом замечании и раскрывается суть. Столь чтимый евразийцами Хаусхофер сразу же с крушением немецкой «суши» предложил свои услуги американскому «морю». И если даже ЦРУ не решилось принять его в свои объятия, то это потому, что уж слишком одиозной была фигура немецкого геополитика. Самоубийство Хаусхофера в то время многие восприняли с облегчением: недавние приверженцы «суши» устремились к «морю», сбрасывая лишний груз на покойника. Теперь же, полвека спустя, «конспирологическая» и «метафизическая» связь «орденов», очевидно, стала еще более прочной.

В России никогда не было оккультной геополитики. У России, естественно, всегда были свои государственные интересы, но никогда не было притязаний на мировое господство. Ныне говорят о необходимости обзавестись геополитикой. Выбор небогат. И суть его в рубрике «Дня» — «Евразия», пользуясь принятой в газете терминологией, но вкладывая в нее свое содержание, выразил А. Анисимов. По его мнению, цивилизованный Запад подняться нам не даст. Надо идти к кому-то с опущенной головой. Лучше всего на Восток. Япония, Китай и снова «империя Чингизидов». «Это лучше погибели», — заключает автор («День» № 31).

Собственно «евразийство» никогда и не предполагало россий-

ской самостоятельности и самостоятельной политики. В прошлом оно было ответвлением германской геополитики, ныне появились и восточные конкуренты. И если что во всей евразийско-геополитической кампании и удивляет, так это притязания говорить от имени русских патриотов.

Ясно, что с таким «патриотизмом» Россия обречена, и еще вопрос, что для нее хуже: «суша» или «море». Ясно и то, что оккультизм парализует и без того ослабленную волю к сопротивлению. Поднять народ могут и должны совсем иные призывы и идеи. Их нетрудно найти в давней и недавней истории. Их надо найти, очистив от деформаций и выработав механизм предупреждения нового перерождения будущих «народных избранников». Идея социальной справедливости неистребима, как бы ей ни сопротивлялись «оккультные ордена» и прочие мафиозные структуры. Она может погибнуть только с самим человечеством. Крушение коммунистической идеи на шестой части планеты имеет и положительное значение для нее самой. Стало ясно, что на смену ей всюду идет нечто гораздо худшее, что сами компрометация идеи и деформация осуществляющих ее институтов — результат целенаправленного воздействия и прямого вмешательства всевозможных «орденов», стремящихся к установлению некой всемирной иерархии во главе с «мировым правительством», назначаемым транснациональными корпорациями.

●

Валентин СОРОКИН

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ. ДЕЛО № 11245

Это — очерковая повесть, документами подтвержденная. Когда я читал их в архивах КГБ, волосы дыбом вставали, а сама жизнь, казалось, суживалась до линии, бегущей по стволу пистолета — от курка до мушки...

Автор

Красивый, сильный, одних покоряя отвагой, других дразня дерзостью, он не вошел, а ворвался в поэзию, как влетел на разгоряченном коне, с гиком, — таков Павел Васильев.

Казалось, в нем соединились два древних ветра — русский и азиатский, соединились две доли — русская и азиатская, коснулись крылом друг друга два материка — Европа и Азия. Мятежность, буйство, тоска, переходящая в страдание, в скорбь, это — возвращение к звездным скифским далям, к думам вечным: кто я, что я?..

Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.

А «волос русый у меня», как говорит Рюрик Ивнев, встретивший юного Павла Васильева во Владивостоке, — «золотая кудрявая шапка, золотой огонь» покачивался на крепких плечах сибиряка. Рюрик Ивнев, рассказывая о Сергее Есенине, вспоминал Павла Васильева: «Нет, понял я, не умрет русская удаль, русская стать, русская храбрость слова, за Сергеем Есениным Павел идет, Павел пришел, невероятно талантливый, чуть на него похожий, только резче, объемнее, размашистее — от моря до моря!»

Два ветра — два крыла. Два пространства — два крыла. С раскосинкой, изумленные, ошеломленные восторгом, дружбой, любовью, миром, раскинувшимся у ног, глаза, хохочущие, грустящие, виноватые — озорника и атамана очи, цепкие, все хватающие: ни ускользнуть от них, ни увернуться!..

Поэт богат даром чувств, богат ощущениями художнического неодолимого богатырства, страстями, бросающими его по селам и городам, краям и республикам страны. Павел Васильев — мудрец. Иначе бы он и не справился с самим собою, пропал бы в богемной бездне или во взорванном вулкане противоречий. Но,

удивительно земной, Павел Васильев не погиб от страшной своей банальностью трагедии — творческой неуправляемости, одаренный переполненно. а погиб от волчьей пасти того кровавого времени, погиб от волчьей зависти безродинных негодяев, от их кровавого засилья, от их кровавых расправ.

Стан серых мышей, наполнивших ветровые просторы нашего Отечества, не дали спасти себя поэту. А как затаенно, как точно и трагично предугадывал собственный исход Павел Васильев!

Зверя сначала надо гнать
Через сугроб в сугроб.
Нужно уметь в сети сплетать
Нити звериных троп.

Зверя сначала надо гнать,
Чтоб пал, заморен, и потом
Начал седые снега лизать
Розовым языком.

Начали гнать сразу. Лишь поднялась, похожая на есенинскую, золотая, русокупольная голова над русской землей, над расстрелянной Россией нашей, не успевшей еще выплакаться у могилы Сергея Есенина, свеже пестрящей заснеженными цветами на Ваганьковском кладбище, не успела еще родная Россия чуток забыть Николая Гумилева и Александра Блока, а тут золотоволосого, талантливого, доверчивого, сильного Павла поставили — распять собираются...

А ему некогда умереть-то, слишком юный, слишком надежный, слишком радостный и распахнутый:

Так мы идем с тобой и балагурим.
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
Слетают голуби и облака.

Они теперь шумят над каждым домом,
И воздух весь черемухой пропах.
Вновь старый Омск нам кажется знакомым,
Как старый друг, оставленный в степях.

Поэту — двадцать лет. Рядом — любимая. Впереди — жизнь.

Пускай прижмется теплою щекой
К моим рукам твое воспоминанье,
Забытая и узнанная мать, —
Горька тоска... Горьки в полях полыни...

Глафира Матвеевна, мать поэта, играла на многих музыкальных инструментах. Николай Корнилович, отец поэта, учитель. Дом Васильевых собирал людей интеллигентных, умных, редких. Талант, вдохновение, русские надежды теснились и действовали под крышей дома. Паша Васильев, мальчик, слушал разговоры, суждения, песни и музыку слушал, из красоты и горя в жестокий кровавый мир выходил.

Недаром, когда расстреляли, забили, как благородного оленя

забивают ошалевшие от вина и крови бандиты, сибирские люди часто видели среди толпы, на базарах и сходках, прочного крупного человека, читающего стихи, главы из великолепных поэм, это — отец Павла Васильева, не примирившийся с убийцами, с палачами, браня Сталина и Молотова, приговаривал: «Ах, какого поэта загубили! Ах, какого поэта загубили!..»

Читал, в толпе толкался, боль остужал, не мог, видно, дома-то задержаться — дом разрушен приговором, уничтожен дух его, музыка его. А мать? Отец хоть читал, бранил кровавых палачей русской земли, а мать? Братишку из института выволокли — и в тюрьму. Отца из толпы выволокли — и в тюрьму. А где остальные, еще два брата? Где мать?

...Каракумы крови песком шуршат, песком шумят.

Могила Павла потеряна, могила его отца потеряна. А мне и ныне чудится: ходит отец один, ходит ночами по улицам сибирских деревень и городов, обращаясь:

Друзья, простите за все — в чем был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами.
Ваши руки стаями на меня летят —
Сизыми голубицами, соколами, лебедями.

Посулила жизнь дороги мне ледяные —
С юностью, как с девушкой, распрощаться у колодца.
Есть такое хорошее слово — р о д н ы е,
От него и горюется, и плачется, и поется.

А я его оттаивал и дышал на него,
Я в него вслушивался. И не знал я сладу с ним.
Вы обо мне забудете, — забудьте! Ничего,
Вспомню я о вас, дорогие мои, радостно.

Так бывает на свете — то ли зашумит рожь,
То ли песню за рекой заслышишь, и верится,
Верится, как собаке, а во что — не поймешь,
Грустное и тяжелое бьется сердце.

Помашите мне платочками за горесть мою,
За то, что смеялся, покуль полыни запах...
Не растут цветы в том дальнем, суровом краю,
Только сосны покачиваются на птичьих лапах.

Далее — стихотворение еще точнее рисует лагерь, дозоры, но ведь Павел Васильев написал его в 1936 году. Почему? А потому — предчувствие гибели не давало ему покоя. Поэт, глубокой осенью 1929 года заявившись в Москву, не нашел в ней счастья. С одной стороны — внимание к нему, к его могучему таланту, публикация поэм, бурные выступления, с другой — зависть карликов, обвинения Павла Васильева — в национализме, шовинизме, фашизме, антисемитизме...

Невероятно, гениально одаренный, рожденный стать Пушкиным своего времени, русский, он и не понимал, как парящий орел, почему же он раздражает кровавых карликов огромностью, красотою и независимостью размаха степных крыльев?

Бесконечные накачки, обвинения, придирки, угрозы. Суд над

ним — в 1932 году. Помяли — выпустили. Суд над ним — в 1935 году. Помяли — выпустили. Зарядили гневом. Поиздевались. Дали условно, три года. Каково? Практически в Москве Павел ежедневно оказывался под зорким наблюдением, доносом, гнетом сионистских сил.

Можно удивляться его мужеству, его способности — оставаться живым. В Павле Васильеве держалась великая народная культура, помноженная на интеллект родной семьи, ее идеал: много знать, служить Отечеству. Осыпанный из щедрых ладоней Бога разными талантами, поэт рано впитал (успел!) начитанность поколений, музыкальность поколений, работоспособность поколений, философию и красоту поколений:

Шла за мной, не плача и не споря,
Под небом стояла как в избе.
Теплую, тяжелую от горя,
Золотую притянул к себе.

Какая «вязанка» чувств, страстей, какая нежность, образ какой — русский, серьезный, рассчитанный на муки, на радость, на долгое борение в океане жизни. Это в двадцать три года лепит, из бронзы льет Павел Васильев. И когда Сергей Залыгин навязчиво, с шаберской непосредственностью повторяет «инфантильность», «натурализм», «грубость», «народность», «отсутствие поэтической культуры» *, с ним никто из понимающих творчество Павла Васильева не согласится. Павел Васильев — оратория гения, богатырство гения, пророчество гения! И безукоризненное «поведение» Залыгина — не для него.

Случайно ли через год после смерти Сергея Есенина Рюрик Ивнев, а ему не откажешь в культуре, во Владивостоке встретив шестнадцатилетнего подростка, золотоголового, летящего, с глазами широкими, раскинутыми жадно на весь мир, приблизил его к себе, к Есенину, к России, которая и так стонала в груди юного певца? Благодарный, откликающийся на доброту, гордый мальчик, Павел Васильев стихами «платит» на память, расставаясь:

Рюрику Ивневу

Прощай, прощай, — прости, Владивосток,
Прощай, мой друг, задумчивый и нежный...
Вот кинут я, как сорванный листок,
В простор полей, овеянных и снежных.

Я не хочу на прожитое выть,
Не жду зарю совсем, совсем иную,
Я не склоню мятежной головы
И даром не отдам льняную!

Прощай, мой друг! Еще последний взгляд.
Туман тревожно мысли перепутал.
В окне мелькают белые поля,
В уме мелькают смятые минуты...

Из содержания этого стихотворения ясно: поговорили они о

* Предисловие С. Залыгина к однотомнику П. Васильева. Библиотека поэта. М., «Сов. пис.», 1968.

Есенине, трагедии его, облике его, ведь «льняная», ведь «мой друг, задумчивый и нежный», и «даром не отдам» — разве не доказательство тому?

Но Залыгин упорно «припорачивает» Павла Васильева к Демьяну Бедному. Зачем? Лишь потому, что Павел Васильев сказал: «Сколько струн в великом Мужичьем сердце каждого стиха!», это — причина? Но вот ответ Рюрика Ивнева, повторяю, через год после гибели Есенина, через год:

Павлу Васильеву

Пустым похвалам ты не верь!
Ах, труден, труден путь поэта.
В окно открытое и дверь
Льет воздух — лекарь всех поэтов —
Ушаты солнечного света.
В глаза веселые смотрю.
Ах, все течет на этом свете!
С таким же чувством я зарю
И блеск Есенина отметил.
Льняную голову храни,
Ее не отдавай ты даром,
Вот и тебя земные дни
Уже приветствуют пожаром!

Поэты, юный, шестнадцатилетний Павел Васильев, и опытный, тридцатишестилетний Рюрик Ивнев, обменялись не посланиями, а предчувствиями надвигающейся беды, кровавой катастрофы, да, кровавой катастрофы. Приветствуя в Демьяне Бедном «мужичьи струны», Павел приветствовал Демьяна не в лучшие сроки для себя и Демьяна. И это заслуживает уважения, но юный поэт не хуже Залыгина знал и понимал разницу между Сергеем Есениным и Демьяном Бедным, между собою и многими-многими другими...

Дальнейшая жизнь Павла Васильева переплелась с есенинской семьею, он появлялся даже в Рязани, он, а тогда это было крайне опасно, громко воспевал «князя песни» — Сергея Есенина, воспевал сестру Есенина — Екатерину, ее мужа, поэта и своего друга — Василия Наседкина:

Али тебя ранняя перина
Исколола стрелами пера?
Как здоровье дочери и сына,
Как живет жена Екатерина,
Князя песни русская сестра?
Знаю, что живешь ты небогато,
Мой башкирец русский, но могли
Пировать мы все-таки когда-то —
Высоко над грохотом Арбата,
В зелени московской и пыли!

Не миновал Павел Васильев и Маяковского, правда — не так «наследственно», но так «традиционно»...

И вот по дорогам, смеясь, иду,
Лучшего счастья

Нет на свете.
Перекликаются
Деревья в саду,
В волосы, в уши
Набивается ветер.

Ну скажите, разве вам не напоминает эта строфа знаменитые строки Владимира Маяковского?

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Зачем Залыгин отказывает Павлу Васильеву в знавиях окружающей его поэзии — творчества современников, утверждая: «Опытом своих современников Васильев пренебрегал. Маяковского будто для него не существовало. Напрасно критик К. Зелинский ставит его и рядом с Есениным». Да, ничего себе!

Я уважаю, ценю Сергея Павловича Залыгина, писателя, лауреата, секретаря, главного редактора, депутата, соцгероя, общественного деятеля, председателя наших «зеленых», но он, «взбегая на ямбы» Павла Васильева, теряет «ямбы» Есенина и Маяковского, скачущие впереди, как не менее известный и государственный человек, Дмитрий Сергеевич Лихачев, взбегая на «ямбы» Пушкина, скользит по другим — по «ямбам» Осипа Мандельштама, не отличая их от «ямбов» Александра Пушкина.

Павел Васильев, безусловно, наделен талантом гениального поэта, и приход его на «пепелище» русской поэзии, когда вместо русской поэзии мерцало окровавленное, взятое огнем и свинцом, черное скорбное пространство, закономерен. Бог, русская земля послали Павла Васильева предупредить:

Ах, уж как лежал
Сашенька наш родненький,
Все-то личико у него
В кровиночках,
Пальчики-то все перебитые...

Народ так лежал, сыны и дочери, изувеченные кровавыми карликами, так лежали. Слова-сказ, слова-былина. Слова-плач.

Я тебя забывал столько раз, дорогая,
Забывал на минуту, на лето, на век, —
Задыхаясь, ко мне приходила другая,
И с волос ее падали гребни и снег.

Это — боль верности. Это — пушкинское, есенинское. Это — русское. Это — в пространстве души. Это — во вздохе памяти.

Да и укоротить ли стихи Павла Васильева до обывательского и мелкого росточка завистников? Они, его стихи, как сибирские реки, широко идут, далеко идут, тяжело идут — накатно, охватывающе:

Брата я привел к тебе, на голос
Обращал вниманье. Шла гроза.
Ядра пели, яблоко кололось,
Я смотрел, как твой сияет волос,
Падая на темные глаза.

Или:

Брат держал в руках своих могучих
Чашу с пенным, солнечным вином,
Выбродившим, выстоянным в тучах,
Там, под золотым веретеном!

Или:

Но вас, матросы, крестьянские дети,
После битв
От друзей, от морей, от подруг
Потянуло к полузабытой повети,
Как гусей, как гусей на юг...
Быть вам радостными,
Быть счастливыми!
Почеломкаемся — вот рука...
Вы, цемент
И оплот актива
Пробуждающегося Черлака!

Павла Васильева, погибшего в двадцать шесть лет, обвиняют в малограмотности — против коллективизации выступал, обвиняют в жестокости — описывал свары и расстрелы, обвиняют в национализме — пророчил гибель России. Интересно, кто же оказался грамотней и честнее: юный Павел Васильев или увешанные орденами и званиями ликующие теперешние старцы?

* * *

Время перед кровавой вакханалией 1937-го было извинчено в печати подозрительностью, криками об «угрозе со стороны правых», о «русском национализме», «русском шовинизме», «русском монархизме», «русском возможном терроре», «русском заговоре против ВКП(б), против правительства и советской власти», но самое главное — «русском антисемитизме». И, понятно, любой русский человек, относящийся к себе с маломальским уважением — «антисемит», «черносотенец»!

Редакции газет и журналов, театры, институты, кино были «наглухо» заселены евреями, во всяком случае, не меньше, чем заселены они сегодня. Русские дарования, стремящиеся найти поддержку в печати, получали «от ворот поворот» и, естественно, приходили в отчаяние, в ярость. Мелькали среди русских и храбрецы, не собирающиеся лизать блюдо после хозяина. Один из таких — Павел Васильев.

Встретив во дворике ВРЛУ младшего друга, поэта Сергея Поделкова, студента, Павел троекратно поцеловал его «крест-накрест», обнимая. А в стороне стоявшие Женя и Маргарита заметили однокашнику, Поделкову:

— За что он тебя так?
— За то, что это мой друг, талантливый русский поэт! — за Поделкова ответил Павел. — На голову выше некоторых ваших.
— Ну погоди! — погрозила Алигер. — Ты еще ответишь... за свои шовинистические штучки.

Вскоре как по тревоге был поднят ректорат и коллектив Всесоюзного Рабочего Литературного Университета. Сергея Поделкова исключили. На собрании Алигер обвинила его в нелюбви к Сталину, комсомолу, советским поэтам. Нависли тучи и над Павлом Васильевым. Дескать, аморально ведет себя, говорит дерзости...

Как-то сидел Павел с земляком, сибиряком Макаровым, в Клубе литераторов. Захотелось парням потанцевать. Обратился Павел за разрешением к директору, Эфросу:
— Можно «русскую барыню»?
— Шовинист! — выкрикнул Эфрос.
— Что, нельзя?
— Черносотенец, белогвардеец!
— Белогвардейцу в 1917-м было семь лет!
— Ты меня за нос не проведешь! — заорал Эфрос.
— Проведу! — возразил Павел. Большим и средним пальцами он зажал добротный нос директора и неторопливо повел Эфроса по круглому залу. Не мог предположить Павел, что эта мальчишеская шутливая дерзость будет стоить ему жизни.

Незамедлительно посыпались грозные обвинения: антисемит, белогвардеец, шовинист, монархист, заговорщик, расист, террорист, фашист, мечтающий разгромить советскую власть, ВКП(б), Политбюро и Сталина, вождя всех народов. Павел Васильев, схвативший за нос Эфроса, директора Клуба литераторов, — шпион, лютый враг социализма!

А было еще и такое: перед окном особняка Максима Горького Павел плясал и частушки пел! Фашист. И великий пролетарский писатель заклеймил изверга: «От хулиганства до фашизма расстояние меньше воробьиного носа!»

Я помню шумные ноздри скачек
У жеребцов из-под Куянды,
Некованых,
Горевых
И горячих,
Глаза заживавших
Кострами беды,
Прекрасных,
Июльскими травами сытых,
С витыми ручьями нечесаных грив...
Они танцевали на задних копытах
И рвали губу, удила закусив.

Огонь характера. Буйство натуры. Талант Павла Васильева — река Волга, атаманский талант.

В народе выкосили, казнили самых сильных, самых русских, самых надежных. В поэзии выкосили, казнили самых одаренных, самых неукротимых. И теперь часто журчащий родничок

мы принимаем за Иртыш или Волгу. Потому нет в музыке ливня. Потому нет в стихах могучего ветра.

За Гумилевым, Блоком, Есениным, Маяковским уничтожены — Васильев, Клюев, Корнилов, Кедрин, Шубин, Недогонов, уничтожено «подземное русло» реки, на котором держатся надземные воды... Уничтожили их всех, кого — страхом и водкой, кого — колесом трамвая, кого — приговорами рогинских, вышинских, ульрихов и прочей своры кровавых карликов.

Уродики, уроды, разве могли они простить такую роденовскую любовь к жизни, к призванию, такую раннюю отзывчивость на мудрость и красоту?

Ну что ж!
За все ответить готов.
Да здравствует солнце
Над частоколом
Подсолнушных простоволосых голов!
Могучие крылья
Тех петухов,
Оравших над детством моим
Веселым!
Я, детеныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!

Это взахлебное, это орлиное чувство простора, чувство самого себя выдавалось да еще и ныне бездарно и бесчестно выдается за «жестокость», за «натурализм».

Вот и «копали», вот и «выискивали» в Иосифе Уткине Евгения Боратынского, в Михаиле Светлове — Афанасия Фета, в Константине Симонове — Николая Гумилева, а в Евгении Гангнусе — Александра Сергеевича Пушкина. Или во всех — Сергея Есенина. И не стыдно? И не позорно? Критика — политика. Сионистская. А прерванную золотую жилу народности, даровитости, золотую жилу совестливости, распахнутости, русскости «связал и зарастил» Василий Федоров, приехавший в столицу с живыми стихами, пылающими, как цветок сибирской сарапы:

О беде понятья не имея,
Тополь рос и, кривенький, прямел.
Он потом над юностью моею,
Над моей любовью прошумел.

Долго надо было расправляться и распрямляться тополю, ведь и Василию-то Федорову в Литературном институте диплом не выдали — творчество его «не заслужило» диплома, по мнению ученых.

Павла Васильева в бессчетный раз повели в подвал, а неуемная Алигер заявила Поделкову: «Будешь знать, с кем целоваться!» Вот паранойя!

Недавно один «демократ и прораб» перестройки докумекался: «Большевизм — интернациональный шовинизм!» Но кто громче

всех кричал об интернационализме и большевизме, не «демократы» ли и «прорабы» перестройки?

Что воспевает Павел Васильев? Родину. Что несет в своем сердце Павел Васильев? Имя отца, доброту матери. Что вспоминает Павел Васильев на торговом судне в море? Братьев, невесту. Что не может предать, забросить Павел Васильев? Дом свой. Семью свою, себя, Родину, слово. Русские должны за ним глядеть. Русские должны его беречь. Но где он?

Павла Васильева арестовывали и допрашивали, судили и наказывали в 1931, 1932, 1933, 1934, 1935, 1936, 1937-м. Господи, и терпел, выносил, мученик, святой бунтарь, атаман, и не выстрелил в кого-нибудь из этих, дозорящих у его двери подлецов?

Щедрый, наивно-доверчивый, благодарный. Почитайте:

«Милый Рюрик Александрович!

Приехали мы с Андрюшей в Хабаровск так скоро, что поцелуи, которыми Вы нас благословили, отправляя в далекий путь, — еще не успели растаять на губах.

А в душе они будут жить всегда.

Остановились мы здесь во 2-й коммун. гостинице № 5 — как подобает восходящим звездам литературного мира.

Хабаровск после Владивостока — рай.

Великолепная погода, снег и широкие улицы...

П. Васильев.

P. S. Если Вас не затруднит, так следите в Университете за присылаемыми мне письмами. Потом перешлите в Москву. Ждите стихов, которые Вам посвящаю, работаю.

19/XII — 26 г. г. Хабаровск».

Сколько здесь юности, порыва, дружбы, а чистота душевная какая!

Запомнив Павла Васильева, шестнадцатилетнего, осенью 1926 года во Владивостоке, на вечере в университете, опытный и дальновидный Рюрик Ивнев не мог не заметить в нем гигантской могучести Поэта, попытался предостеречь его от своры кровавых карликов, ненавидящих русскую душу, русскую речь. После гибели Павла Васильева Рюрик Ивнев как бы себе самому сообщает:

Металась бурей необструганной
Необъяснимая душа
И доставала звезд испуганных,
Забыв о волнах Иртыша.
Все было словно предназначено:
Тоска и слава юных лет
И сходство с тезкою из Гатчины
В неистовстве тревог и бед.

Рюрик Ивнев познакомился с Сергеем Есениным в Гатчине а 1915 году, когда Есенин служил там в лазарете.

Я помню Есенина в Санкт-Петербурге,
Внезапно поднявшегося над Невой,
Как сон, как виденье, как дикая вьюга,
Зеленой листвой и льняной головой.

Я помню осеннего Владивостока
Пропахший неистовым морем вокзал
И Павла Васильева с болью жестокой
В еще не закрытых навеки глазах.

Неужели и Бог взял грех тяжкий на себя — не защитил дланью песенника, богатыря, юного мудреца?!

Зачем арестовывали, в чем обвиняли его, доверчивого, красивого, удивленного? Как можно было бить, втаптывать в грязь? Скажите мне, как расстреливать? Как в него целиться? Русским народом разбрасывались, как похмельный купец измятыми червонцами.

У русского народа нет русского государства, а оно должно быть. Нет у русских своей национальной газеты, журнала, радио, телевидения. Даже «Правда», которая трусит брать русскую тему, русскую боль, фактически задушена.

Давно пора провести «ревизию» каждой русской области: выяснить количество отравленной и годной земли, действующего русского населения в сравнении: было до революции — осталось теперь... И честно сказать народу о трагедии. Прекратить преступный геноцид русского народа, повести умную и откровенную политику его возрождения.

Вернуть русскому народу русскую школу, русский театр, русскую музыку, русскую литературу.

Думалось, возвращая из Европы армию, сокращая ее, мы поднимем уничтоженные деревни России, но нет — решили платить корейцам, вьетнамцам, ввозить турок-месхетинцев. Нужно немедленно создать ряд специальных фильмов, вузовских программ для русской женщины, дабы защитить ее от браконьерства интернациональных торгашей, защитить ее от разврата.

Научить русских чувствовать Россию, бессмертие ее, так попранное большевизмом. Но какое правительство, какая власть могут сегодня сделать все это?!

* * *

В архивах КГБ есть «Дело № 11245» — это документ о гибели великого русского поэта Павла Васильева. В «Деле» отмечены почти все его аресты и «преступления», особенно драка Павла Васильева с Джеком Алтаузеном, спровоцированная: Джек Алтаузен грубо обозвал Наталью Кончаловскую, Васильев же уважал ее и, как известно, посвятил ей прекрасные стихи.

Джек Алтаузен неумолимо следует за поэтом. Неумолимо следуют за поэтом ярлыки: «антисемит», «контрреволюционер», «шовинист», «сын крупного кулака», «добровольно вызвавшийся на заседании тайной антисоветской террористической организации убить вождя — Сталина»...

Заметим: «Дело № 11245». Сколько же их, черных, кровавых «дел» пропустили через свои руки дзержинско-ягодо-менжинско-ежовско-бериевские убийцы? В газетах и журналах, в устных выступлениях поэтесса Наталья Сидорина и поэт Алексей Марков сообщали: «Павлу Васильеву сигаретой выжгли глаза, переломили позвоночник, надругались над полумертвым — забили кол!..» И вел следствие якобы Андрей Свердлов, сын кровавого карлика эпохи революции.

Нельзя было без содрогания и омерзения глядеть на бронзовую фигурку чертика — памятника, стоявшего на площади Революции. Сын Якова Михайловича, Андрей Свердлов, «специализировался» на интеллигенции: гыгыкал, издевался, пытал, изуверствовал, отмечает жена Бухарина, Ларина, с которой Андрей Свердлов рос рядом. Они ездили вместе в Кремль, бегали на «милые» советские праздники. И ее не пощадил Андрей Свердлов...

За драку с Джеком Алтаузеном Павла Васильева исключили из СП СССР в 1935-м, в июне 1935-го приговорили к полутора годам заключения. В марте 1936-го — «освободили». Вмешался ЦК ВКП(б), Куйбышев, помог главный редактор «Нового мира» Гронский. Но алтаузенские шипения, как неумолимые библейские змеи, всюду ползли и жалили русского певца.

Наконец была ликвидирована «террористическая группа среди писателей, связанная с контрреволюционной организацией правых»... Цель этой группы — террор против вождя ВКП(б) Сталина. В группу вошли партийные литераторы. Но Васильев — беспартийный. Почему? А это, дескать, на случай провала — легче будет «зашифровать» правых партийных от беспартийного. Легче «скрыть» правых партийных. А как Павел Васильев доберется до Сталина? Через Гронского — родственники. Гронский бывает на заседаниях ЦК, связан по работе с Молотовым, Кагановичем, с руководителями страны.

А почему Павел Васильев вызвался добровольно убить Сталина? А если убьет, мир заговорит, все в Москве заговорят: «Диктатора убил лучший поэт эпохи!» Иезуиты берут фразу Сталина «лучший поэт нашей советской эпохи», сказанную о Маяковском, и переворачивают ее на осужденную голову Павла Васильева. Писатель Карпов М. Я. «завербовал» Васильева, чуя в нем недовольство, мол, такому поэту недодали славы, «завербовал» за столиком, шутя «завербовал».

Имена «подпольщиков» составили длинный список: Клюев, Забелин, Карпов, Макаров, Артем Веселый, Никифоров, Новиков-Прибой, Низовой, Сейфуллина, Олеша, Перегудов, Санников, Приблудный, Наседкин. Правдухина, своего мужа, Сейфуллина чуть приберегла — не пригласила на «темное совещание о ликвидации» вождей Отчизны. В группу «террористов» включили и сынишку Сергея Александровича Есенина, Юру, совсем еще наивного паренька, подростка. Подтянули имена Клычкова, Зырянова, вспомнили сибирских «подпольщиков» С. Маркова, Л. Мартынова, русские имена — не ими ли мы ныне гордимся?

Конечно, Джек Алтаузен отлично видел в Павле Васильеве «убийцу» вождя, но вот Иосиф Уткин принял у себя на квартире Раковского, ненавистного Сталину, а Павел Васильев «скрывал террористическую организацию», пока его не взяли. Джек Алтаузен — дома. Иосиф Уткин — дома. Маргарита Алигер — дома. А Павла Васильева «антисемита, бандита, паразита» сцапали у Елены Вяловой на Палихе, д. 7/9, кв. 158. Следователь Журбенко. Обыскал «террориста» Заблогрит. В документах, кровавых манускриптах, почти никогда не указываются имена и отчества палачей. Фамилия — и точка.

Павел Васильев «быстро признался»: поднимем крестьянское восстание и уничтожим вождя народов! Павел Васильев «признался»: Артем Веселый собирался выкатить на Красную площадь пушку и лупануть по Кремлю! Надоели — вождь народов, партия, колхозы и прочее! А «подпольщик» Никифоров на тайном заседании восклицал: «Русских писателей угнетают. Литература находится в руках разных Габриловичей, Файвиловичей и других еврейских писателей. Все — в руках евреев».

Далее Никифоров «развивал» идею: выдвигать русских талантливых людей на посты в русской литературной обыденности. «Развивал» идею: выступать против еврейского засилья в искусстве. Но 3 марта 1937 года главный исполнитель, как наметило «тайное заседание подполья», русский поэт, «антисемит и шовинист, монархист, белогвардеец и черносотенец» был обезврежен. Сопротивление «оказал слабое», но на случай «оказал» же?

Следователь Илюшенко, псевдоним еврея, получает «признание» от Павла Васильева: «Террористических настроений у меня не было. У меня подчас проявлялись национал-шовинистические настроения. Я умалял роль и значение национальных меньшинств». Начинается игра. Если следователь не добьется «признания» в «преступлениях», следователю крышка.

Илюшенко, понимая, с кем он имеет дело, будучи очень честным, оставляет «лазейку» Павлу Васильеву: признайся, но посветлее охарактеризуй свои «преступления». Следователь пытался отвести пулю от золотой головы Павла. Поэт пошел бы «по этапу» не как террорист, а как шовинист. Без расстрела и пыток. Без выжигания красивых и озорных глаз, без перелома позвоночника, без садистского надругательства.

Госбезопасное начальство мгновенно заметило «ухищрения» Илюшенко — отстранило. Назначило нового — Павловского. Уже в 1956 году Илюшенко пишет: мол, я понимал невиновность Павла Васильева и попытался вывести его из-под расстрела. Но меня не только «ушли», а позднее и посадили, правда, по иным лжемотивам. Илюшенко пишет: «Видя мое к нему отношение, Васильев мне говорил, что он готов дать любые показания, чтобы его только не били... Он говорил, другие заключенные в казармы возвращаются избитыми, а он не хочет, чтобы его били... Васильев мне говорил, что никто его не науськивал на террористические акты, ни от кого никаких заданий не получал, не принадлежал никогда ни к какой тайной террористической организации. Я верил Васильеву. Меня отстранил Литвин и проработал, а «Дело» передал Павловскому».

В нескольких «признаниях» Павла Васильева подчеркивается, что он собирался убить Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Ежова. И его «сообщники» собирались их прикончить. Убить Сталина — обезрулить партию. Убить Молотова — обезрулить страну. Убить Кагановича — обезрулить Москву. Убить Ворошилова — обезрулить армию. Убить Ежова — обезрулить бдительность Родины. Павловский, пишет Илюшенко, хвастался: я, дескать, не беру «Дело», если там нет двух шпионов иностранных разведок и тридцати участников, клиентов, врагов народа, выросших у нас под боком.

Заблогрит, Литвин, Свикин, Журбенко, Павловский, Якубович, Аленцев — маленькие палачи. Кто-то, подпись неразборчива, им приказывает: «Надо получить показания в более развернутом виде, срок 13/6».

Прав был бы Артем Веселый, скажи он: «Выкатить бы пушку на Красную площадь и ударить по Кремлю!» Мелькает имя Ильи Заславского, еще каких-то совершенно неизвестных лиц —

по протоколам допросов, доносов, протоколам выкручивания рук, вытаскивания «признаний».

Пока не отстраненный от «Дела» следователь Илюшенко работает:

«Наркому Внутренних Дел Н. И. Ежову

Заявление
от Васильева П. Н.

Я выслушивал их к-рев. высказывания и скрывал их от Советской Власти. Этим самым я солидаризировался с врагами и террористами, оказался у них в плену и таким образом предавал Партию, которая вчера только протянула мне руку помощи и дала свободу».

Можно верить Павлу Васильеву? Нет. Не его это словарь, не его это душа. Смотрите: «солидаризировался», «оказался в плену», «таким образом», «руку помощи», «предавал», «скрывал» и т. д. Несчастных принуждали копировать кровавые заготовки. Читаем «заявление» дальше:

«Тактика их по отношению ко мне, как теперь я вижу, заключалась в том, чтобы сначала исподволь, полегоньку, как бы случайно при встречах со мной проводить скользкие политические намеки, потом заходить все дальше и дальше в антисовет. разговорах, восхваляя меня, и одновременно незаметно подставлять мне черные очки, сквозь которые советская действительность видна в их контрреволюционном освещении, и в конце концов окончательно меня прибрать к рукам».

Я даю «куски» из заявления поэта, даю без первых абзацев, где Васильев «признает» врагами народа Клюева, Наседкина, Клычкова, Гронского, «признает» вину в скандале с Джеком Алтаузеном, «упрекает» Гронского в семейном пьянстве, — слишком цинична и груба подтасовка под Павла Васильева. Но давайте разберем кое-что и в этих абзацах...

Павел Васильев — русский поэт, прекрасно знающий язык, грамматику, орфографию, синтаксис. А тут: то нет запятой, то логика «движений мысли» переломлена, а уж о «пластичности» изложения и говорить больно.

Поэт и не произнесет — «Тактика их по отношению ко мне», «исподволь», «как бы случайно», «проводить скользкие политические намеки», «заходить все дальше и дальше», «одновременно незаметно подставлять мне черные очки, сквозь которые», «советская действительность», «в контрреволюционном освещении», «окончательно меня прибрать к рукам»!..

Только недруг Павла Васильева, только враг русского поэта согласится с тем, что заявление писал заключенный Павел Васильев. Его пытали. Били. Психологически атаковали. Его «отключали» беспамятством, «оживляли» изуверскими методами — зажимом конечностей, удушием, бессонницей, угрозами, что погубят братьев, жену, отца, мать.

Когда узник был доведен до «полусознания», до «полуумирания», ему подсовывали их готовый текст «признания», их кровавый гимн смерти, их кровавое сочинение. Ну кто не подпишет? Кто? Ведь травля «зверя», гон, продолжается и продолжается. Часы, дни, недели, месяцы, годы! Господи, разве устоит кто перед этими «клятвенными братьями».

До ареста, в марте, Павел Васильев, чувствуя дыхание палача «по следу», мог еще страдать:

Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом северном краю.
Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листье,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши все...»

Февраль 1937

Следователь Илюшенко знал, «беря из рук Павла Васильева заявление», где его друзья, его наставники, как правило, русские люди, русские национальные писатели, упоминаются и называются врагами, знал следователь, что это — липа, добытая у несчастного, бесправного, затоптанного в кровавых подвалах. Но не мог следователь опровергнуть «Дело». Чуть «накренил» — вылетел из грозного кабинета сам. Да «крен», любой, — тюрьма или пуля, Васильев обречен.

Как-то я приехал в Омск на праздник зимы. И удивил меня разговор о Павле Васильеве молодых поэтов. Мол, он не выдержал, мол, он «раскололся». Нельзя, мы с вами не имеем морального разрешения на такие безответственные и самонадеянные заключения.

Великий русский поэт Павел Васильев «признался», как «признался» перед фашистами татарский поэт, великий поэт Муса Джалиль, как «признался» русский генерал Карбышев: умылся кровью, потерял на мгновение материнский свет, уронил на мгновение материнский голос и остро услышал запах пули, горячий дух нацистского свинца.

Такое пережили Клюев, Клычков, Наседкин, Забелин, Приблудный, Марков, Карпов, все, кто втоптан в кровавые подвалы кровавыми карликами эпохи Октября...

Нет! Ни за что
Не вернусь назад,
Спи спокойно, моя дорогая.
Ночь,
И матери наши спят,
И высоко над ними стоят
Звезды, от горестей оберегая.
Но сыновья
Умней и хитрей,
Слушают трубы
Любви и боя,
В покое оставив
Матерей,

Споры решают
Между собою.

Кому нужна свара? Дерутся Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Раковский, Рыков, Молотов, Каганович, Ежов, Ворошилов, а поэт тут при чем, при чем тут писатели? Но подвальная свора видит в Наседкине последователя Бухарина, в Карпове — последователя Зиновьева, даже в сынишке Есенина — врага видит...

Одни карлики — мстят, другие — холуйствуют, повышаясь в чине, и все — на слезах, на безымянных, запрещенных могилах несчастных! Следов, указывающих на изуверства следователей, не найти, кроме бумаги, кроме слова, но слово бессмертно, слово — неумирающий свидетель.

Сталкивали и сталкивают лбами — русских и евреев, евреев и русских, сталкивают лбами другие народы. А кто сталкивает? Те, кому выгодно сталкивать, торча нагло и беззаконно на трибуне Мавзолея, торча на стенах домов, институтов, заводов. Портреты, портреты...

Злоба, фонтанирующая в Кремле, дотекла до низов — до рабочих, крестьян, учителей, врачей, литераторов, раздирая умы и души, ослепляя ненавистью и обвинениями взаимно, правоту и неправоту.

«Война» между русскими и евреями началась у Троцкого в бесовских мозгах, устлала трупами Центральную Россию, Кубань и Сибирь. Гражданская война продолжалась в расстрельных подвалах бутырок, лубянок, Магадана. «Русская волна» — «еврейская волна». «Еврейская волна» — «русская волна».

Ленин — Троцкий. Сталин — Бухарин. Хрущев — Молотов. Брежнев — Шелепин. Горбачев — Ельцин. А между ними звенят и захлебываются потоки крови, потоки горя, потоки нищих инвалидов труда и войны, потоки «усредненных» шахтеров, лесорубов, сеятелей, физиков, принужденных приноравливаться к очередному трюку «демократов и прорабов», «перестройщиков и вожаков» нашей измученной Родины, разбухших от спецпайков и спецблаг.

Министр РСФСР Фильшин «махнул» авторучкой — и 140 миллиардов рублей зашелестели в западную сторону. Руководители РСФСР, Ельцин и Силаев, «махнули» авторучками — и триста миллиардов рублей зашелестели в западную сторону. Выскочил на экран главный торговец СССР Катушев, «махнул» авторучкой — 237 тонн российского золота в западную сторону — за сосиски, лифчики, зеленый горошек и бритвенные помазки. Знаменитый Шеварднадзе «махнул» авторучкой — русские острова поплыли в пасть США... К нам направляются «американские магнаты», вчерашние советские христопродавцы-диссиденты, едут, слюнявя нас, поднимать, обогащать и совершенствовать нас. Что это? Кому надо это? Бушу? Хусейну? Шамиру? Ельцину? Горбачеву?

Западные союзные армии под командованием генералов США оккупировали Персидский залив. А мы, потеряв-«подарив» соцстраны им, Западу и США, радуемся уму Шеварднадзе и гению Горбачева...

Киевский еврей, беспартийно-беспаспортный, дважды судимый у нас за хищения и спекуляцию, президент компании «Ньютекнолоджи энд продакшн интернэшнл» и «Америкэн лабораториес», компании-фабрики, на паях, поди, штампует презервативы, а лезет к нам в карман за миллиардами.

...Итак, Павла Васильева пытает следователь Павловский. Поэт уже «чистосердечно подтверждает»:

«Однажды летом 1936 года мы с Макаровым сидели за столиком в ресторане. Он прямо спросил меня: «Пашка, а ты бы не струсил пойти на совершение террористического акта против Сталина?» Я был пьян и ухарски ответил: «Я вообще никогда ничего не трушу, у меня духу хватит».

Приглядитесь, знаков препинания не хватает, они «грамотно» опущены. Ясно: это — следовательская стряпня, а не истина поэта.

Допрашивают — шьют поступки. Протоколят — шьют поступки. Заставляют под копирку переписывать «кровавое блюдо» — шьют поступки. Присовокупляют к «Делу» стихотворение, еще не сочиненное Васильевым, «Неистовый Джугашвили», «присовокупляют» эпитеты, определения: «Теперь я с ужасом вижу, что был на краю гибели и своим морально-бытовым разложением сделался хорошей приманкой для врагов, намеревающихся толкнуть меня на подлое дело убийства наших вождей».

Эта стряпня несколько раз «редактировалась», а потом текст бросался на машинку. Но и тут — попадались, прокалывались.. «Я подленько с готовностью ответил: «Я вообще никогда ничего не трушу, у меня духу хватит».

Запятая появилась, появилось «подленько», которое переполнило нашу чашу терпения к «поэтическому словарю» следователей: «ухарски ответил», «на совершение террористического акта», «морально-бытовым разложением сделался хорошей приманкой»... По-русски ли сказано? Нет. По-одесски...

Макаров книгу писал, на авторитет Бухарина «работал», деньги «принял» от Бухарина. Татарский поэт Ерикеев анекдот про маршала Буденного «слышал» от Ровича. Подросток Юра Есенин «замышлял» стать террористом. Словом, «правая — подпольная террористическая организация русских националистов, шовинистов, антисемитов», а «левая — интернациональная, демократическая». Это Павловский, он заставляет написать Карпова: «Свои контррев-е позиции я сохранил до самого последнего времени, утверждая, что позиция партии приводит страну к гибели...» И далее: «Нам на три дня установить фашизм, и мы вырезали бы всех евреев»... Мол, партия оторвалась от масс и не осуществляет интересов русского народа, делает подвальную казарму из России. Мол, власть в СССР принадлежит евреям. Соглашается, мол, я заявлял: «Скоро посадим Сталина на штыки, Троцкого вернем к власти». Ну где логика лжи? Где связь между планами, поступками и реальностью? Бранит евреев, ратуя за еврея на троне.

Да, троцкисты Троцким вышибали и уничтожали антитроцкистов, а сталинисты Сталиным вышибали и уничтожали антисталинистов, иногда — параллельно, но, перекрещивая «пути» узников, палачи далеко брызгали кровью: от Москвы до Зайсана, до родного дома Павла Васильева, у китайской границы. А метод расправ брали в Кремле, у кормчих славного Октября: троцки-

сты, сталинисты, а поскреби мурло — бешеные, привезенные в немецких вагонах «борцы».

И вот как выставили они один на один, против Сталина, кумира и отца человечества, выставили золотоголового русского безвинного поэта — Павла Васильева:

«Постановление
(об окончании следствия)

1937 г. Июня 11 дня я оперуполномоченный Павловский рассмотрев следственное дело № 11245

нашел:

произведенным по делу следствием установлено, что Васильев Павел Николаевич был завербован участником террористической группы Макаровым Иваном Ивановичем, для совершения террористического акта против Сталина. Васильев откровенно признал что дал согласие на это. Аналогичные показания дали обв. Макаров И. И., Карпов М. Я. Зырянов И. А. на основании чего Васильев изобличается в преступлениях предусмотренных ст. 58 и 8 и 11 через ст. 39.

Постановил.

Объявить обвиняемому об окончании следствия и ознакомить его со следственными материалами».

Верхняя подпись неразборчива. Нижняя подпись — Свикин. За подписью оперуполномоченного Свикина идет еле узнаваемый почерк Павла Васильева:

«Об окончании следствия мне объявлено по существу объявленного мне обвинения признаю себя виновным со следственными материалами: показаниями Макарова, Карпова ознакомлен».

П. Васильев.

11.VI.37».

Третья, последняя подпись, неразборчива.

Внимательно просмотрев «логику» текстов, их «язык», их «грамматику», их «синтаксис», я их стремился уберечь в «первозданном виде», я без боязни «согрешить» уверяю: сержанты, лейтенанты, капитаны, следователи, опера, начальники менялись, а заключенные, безвинные подвальные узники нет. Не менялся и «составитель». По «Делу» Павла Васильева, если вы серьезно просмотрите хотя бы то, что я даю, поймете — «составитель» справок, допросов, обвинительных заключений, протокольных «диалогов», персональных «признаний» у всех, повторяю, у всех — один. Мог — Павловский, мог — кто-то другой...

Весь 1936 год Павел Васильев ожидал ареста, поэт явно слышал шаги смерти, слышал голос рыдающей далекой матери:

Но вот наступает ночь, —
Когда
Была еще такая ж вторая,
Так же умевшая
Звезды толочь?
Может быть, вспомню ее, умирая.
Да, это ночь!
Ночь!..
Спи, моя мама.
Так же тебя —
Живу любя.

Видишь расщелины,
Волчьи ямы...

Ритмом, «действием» слова, «вторым смыслом» его, восклицательными знаками и точками — гляньте! — Павел Васильев предсказал свою судьбу до суда над ним, до расстрела. «Да, это ночь!» И — с новой силой в новой строке, сразу: «Ночь!..» И — опять с новой строки: «Спи, моя мама». После: «Так же тебя — Живу любя», идет: «Видишь расщелины, Волчьи ямы...» Да, волчьи ямы! Травля, гон зверя.

Удивительна глубина и гармоничность, покорность фразы, подчиненность информации, удивителен сам инструмент — творчество, культура таланта, трагизм пророчества Павла Васильева, поэта, последнего на русской земле с таким широким размахом степных орлиных крыл, с такой бескрайней высотою духа, с такой пронзительной земною тревогой, достающей до космических звезд.

Павловский Журбенко.

Протокол №

подготовительного заседания военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

14 июля 1937. Гор. Москва

Председатель Армвоенюрист В. В. Ульрих

Корвоенюрист Л. Я. Плавнек

Военный юрист I ранга Д. Я. Кандыбин

Военный юрист I ранга А. Ф. Костюшко

Зам. прокурора СССР т. Рогинский

Определили:

1. С обвинительным заключением, утвержденным Рогинским, согласиться и дело принять к производству Военной коллегии Верховного суда СССР.

2. Предать суду Васильева П. Н. по ст. ст. 58 и 58 — 1 УК РСФСР.

3. Дело заслушать на закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей, в порядке закона 1 декабря 1934 г.

4. Меру пресечения обвиняемому оставить прежнюю, т. е. содержание под стражей.

Как видим — ловушка захлопнулась. Золотоголовый орел, Стенька Разин — перед казнью. Свидетелей — не вызывать. Защиту — не вызывать. Да и обвиняемого-то вряд ли вызывали... Суд — закрытый.

Удар нанесен — в огромное сердце. Великий поэт не успел стать великим, «зверь» пойман. А вокруг его золотой «льняной» головы расставлены «преступники-террористы» — Макаров, Карпов, Сейфуллина, Новиков-Прибой, Зырянов, Марков, Есенин Юра, сын Сергея Александровича Есенина, Мартынов, Приблудный, Наседкин, Клычков, Ерикеев, Гронский, Забелин, Никифоров, Черноморцев, Клюев, да разве всех их, «преступников-террористов», русских выдающихся писателей, перечислить? Но главный «бандит-убийца» он, Павел Васильев, поскольку и недоумку ясно — великий русский поэт!..

За драку, за «шовинистическую рубашку-косоворотку», за Дже-

ка Алтаузена, за «оскорбление евреев», за «намерение убить» Сталина, за дружбу с Сергеем Поделковым, за уважение к матери — Глафире Матвеевне, отцу — Николаю Корниловичу, братишкам — Виктору, Льву, Борису, за любовь к молодости, женщине, красоте, мудрости, за гордую и дерзкую верность России, а в общем, за призвание великого поэта — гибель!..

Торопи коней, путь далеч,
Видно, вам, казаки, полечь.
Ой, хорунжий, идет беда,
У тебя жена молода,
На губах ее ягод сок,
В тонких жилках ее висок,
Сохранила ее рука
Запах теплого молока.

Руки матери, руки любимой, руки друзей, руки тоски, руки безысходности, руки смерти чует поэт, слышит поэт, видит поэт. Чует — в черном кровавом подвале. Слышит — в черном кровавом подвале. Видит — в черном кровавом подвале.

Протокол

Закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР
15 июля 1937. Город Москва
Виновным себя признает. Отвода составу суда не дает. Копия обвинительного заключения получена 14 июля 1937 г.
Подпись Павла Васильева — карандашом...

Приговор

15 июля 1937 г. Приговорили к высшей мере — расстрелу: Ульрих, Плавнек, Кандыбин, Костюшко.

Какая торопливость! Какая поспешность! Подготовительное заседание суда палачи провели 14 июля, а 15 июля — решение, приговор.

У меня прочное мнение: палачи, малые и большие, трусили, верша казнь над поэтом, боялись — вдруг «закачается» под ними земля. Вдруг «новый» Куйбышев, «новый» Молотов, «новый» Сталин догадаются о льющейся безвинной крови и защитят русского гения, защитят русских писателей, из честных душ которых они, кровавые карлики и убийцы русского народа, состряпали «доносчиков», «обвинителей» друг друга, мстя им за их дарования пытками, подлогами, избиениями, пулями.

Лирик, эпик, публицист, драматург, Павел Васильев, по словам Сергея Поделкова, рано освоил искусство, философию, накопленную человечеством. Его стихи балладны. Его поэмы романичны. Его повествования былинны. Гусляр. Волхв.

Горе прошло по глазам ее тенью:
Может быть, думала что-то, тая.
Худо,
Когда, позабыв
Про рожденье,
Мать не целуют свою сыновья!
Мало ли что...

И всюду в его тоске, и его песне — любимая, брат, сестра, мать, отец, Родина и он — чувствующий погибель России, народа ее, свою погибель чувствующий!.. Так где она, его жестокость? Где его натурализм? Где его некультурность?

Он — пророк. Он — заплатил за пророчества смертью. Он расстрелян. Но расстрелян ли? Но был ли он на суде? Слышал ли приговор? Думаю — нет. Думаю — угроблен до приговора. Иначе зачем ворья спешка? Спешка взломщиков. Спешка дорожных пиратов.

Протоколы высших инстанций, высших судов составляли грамотные палачи — и у них-то все точки, запятые, тире, буквы на месте, не как у рядовых кровавых карликов. Но в каждом документе — беззаконие, в каждом документе — разбой, в каждом документе — беззащитная русская трагедия.

20 марта 1956.
Пом. Главного военного прокурора подполковнику юстиции
тов. Бирюкову
Сообщаем, что личное тюремное дело заключенного Васильева Павла Ник., 1910 г. р., не сохранилось, не представляется возможным также сообщить — когда и кем он вызывался на допрос, продолжительность допроса, — так как архив за 1937 год уничтожен.
Нач-к Бутырской тюрьмы УМВД полковник (Калинин)
Нач-к канцелярии мл. лейтенант (Чупятова)

Почему на смертном приговоре поэт поставил свою подпись карандашом? И многие на смертных документах ставили свою подпись карандашом. Палачи боялись и могли при случае стереть? И сами палачи, требуя «развернутых признаний», ставили свою подпись карандашом. Неточность, неразборчивость подписи, «увиливание» от инициалов — привычка негодяев, профессиональная их болезнь, страх перед грядущим.

Кто уничтожал архивы бессчетных советских тюрем и лагерей? Кто уничтожал списки палачей? Кто уничтожал списки жертв? В опросах 1956 года указывается, что ни Павел Васильев, ни другие узники не признали себя виновными, по сути — указывается на произвол следователей. Ныне в КГБ мне помогли те, кто, как и мы с вами, тяжело переживает безвинную кровь людей, погубленных мафией карликов, палачей XX века.

Избитый, измученный юноша, великий русский поэт, раздавленный каблуками изуверов, расстрелянный, как великий татарский поэт Муса Джалиль. Да, юноша, измученный в неонацистских подвалах, ослепленный тьмою, потерявший любимую, потерявший мать, потерявший отца, потерявший братьев, потерявший Родину, Россию, о чем он, Павел Васильев, думал, о чем плакал?

На далеком, милом Севере меня ждут,
Обходят дозором высокие ограды,
Зажигают огни, избы метут,
Собираются гостя дорогого встретить, как надо.
А как его надо — надо его весело:
Без песен, без смеха, чтоб ти-ихо было,
Чтоб только полено в печи потрескивало,
А потом бы его полымем надвое разбило.

Чтобы затейные начались беседы...
Батюшки! Ночи-то в России до чего ж темны.
Попрощайтесь, попрощайтесь, дорогие, со мной, — я
еду
Собирать тяжелые слезы страны.

А меня обступят там, качая головами,
Подпершись в бока, на бородах снег.
«Ты зачем, бедовый, бедуешь с нами,
Нет ли нам помилования, человек?»

Я же им отвечу всей душой:
«Хорошо в стране нашей — нет ни грязи, ни сырости,
До того, ребятушки, хорошо!
Дети-то какими крепкими выросли.

Ой и долог путь к человеку, люди,
Но страна вся в зелени — по колени травы.
Будет вам помилование, люди, будет,
Про меня ж, бедового, спойте вы...»

Все сказал, «гулаги, колымлаги, певеклаги, сиблаги», все в стихах поэта. «Дети-то какими крепкими выросли» — в позднейших расстрельных подвалах, в тюрьмах, в солдатских могилах Монголии, Китая, Кореи, Польши, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Германии, под стелами Норвегии, Италии, Финляндии, Испании и т. д., и т. д., и т. д.

Да, «Ой и долог путь к человеку, люди!..» Но не одни МГБ и НКВД окровавлены. Окровавлен и КПК, тогдашний ЦКК, про него еще Владимир Маяковский упоминал:

Явившись в ЦеКаКа
грядущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет
все сто томов
моих
партийных
книжек.

Сильно, видать, допекли аппаратные инквизиторы этого мамонта — Владимира Владимировича Маяковского. ЦКК, КПК — а на деле: партийная хунта, хранители и блюстители «образцов принципиальности» участвовали в кровавых преступлениях, в геноциде — над калмыками, чеченами, татарами, украинцами, мордвою, чувашами, всеми, всеми, кто лежит в безымянных курганах, под номерами и без номеров, кто — мы, русские!..

Комитет партийного контроля, рудзутаки, москатовы, андреевы, эти шкирятовы, эти пельши не встали, не заслонили ни одного из членов партии — «участников подпольного заседания террористов» — святых русских писателей, патриотов.

А чем они, ленинцы, сталинцы, хрущевцы, брежневцы, андроповцы, горбачевцы, помогли нам, изнывающим под прессом «демократов и прорабов» перестройки, навешивающих на нас ярлыки «антисемитов», «черносотенцев», «шовинистов», «правых консерваторов», «переворотчиков», «экстремистов», — чем? Мы — «правые», как «правые» Павел Васильев и те, кого уничтожили «левые», мы — «консерваторы», а палачи — «стахановцы», да?

У Павла Васильева есть строки о наших днях:

— Что вы, ограбить меня хотите! —
Били в ладони.
Спор шелестел
Из-за коровьих розовых титек...
(Что вы, ограбить меня хотите!)
Из-за лошажьих
Рыжих мастей...

И ограбили. И расстреляли, сгноили, втоптали в советскую пыль крестьян Васильевых, рабочих Васильевых, ученых Васильевых, втоптали дзержинские, ягоды, ульрихи, менжинские, ежовы, рогинские, берии, москатовы, вышинские, андреевы, шкирятовы, пельши и тысячи других «несгибаемых ленинцев».

Край обилен. Пониже, к пескам Чернолучья,
Столько птицы, что нету под нею песка,
И из каждой волны осетриные жабры да щучьи...
И чем больше ты выловишь — будет все гуще,
И чем больше убьешь — остальная жирней и нежней.

Но истребили мы обилие. Но истребили мы нежность. Арал высох. Иртыш отравлен. Енисей погибает. Волга в болота превращена. И доброта пускается в ночные грабежи, в изуверство: палачам, кровавым карликам «молодежь» подражает?

Русские, склоним головы перед жертвами, людьми, уничтоженными в черных подвалах, склоним и проклянем кровавых карликов, дикарей планеты, и послушаем пророчества Павла Васильева:

Я стою пред миром новым, руки
Опустив, страстей своих палач.
Не познавший песни и науки.
Позади — смятенье и разлуки,
Хрип отцовский, материнский плач.

Вот он — разбитый. Вот он — истоптанный, встает, золотоголовый, глаза широкие, озорные, летящие в синюю даль.

Я ничего не выверяю, ни дни арестов, ни даты гибели — шестого марта его взяли или седьмого, 13 июля его убили или 15, какая разница? Я не искал «бугорок» Юрия Есенина — не найти. Следователь, «пытавшийся спасти Павла», — Илюшенко, он дожил до пенсии. Имя садиста Андрея Свердлова я не обнаружил в «Деле № 11245», вырванные машинописные страницы заменены чернильными, и — наоборот...

Не хочу, нет у меня «данных», нет у меня права обвинять в кровавых расстрельных казнях лишь евреев, русские на службе у

Бронштейнов и Свердловых «не хуже», без русских малют, без русских, «приданных» сионистскому каравану, не смогли бы интернациональные палачи осуществлять казни от имени партии, якобы защищая партию, на которую бессчетно «посягают антисоветчики», как честнейший поэт Павел Васильев.

Замолкни и вслушайся в топот табунный, —
По стертым дорогам, по травам сырым
В разорванных шкурах
бездомные гунны
Степной саранчой пролетают на Рим!..

Тяжелое солнце в огне и туманах,
Поднявшийся ветер упрям и суров.
Полыни горьки, как тоска полонянок,
Как песня аулов,
как крик беркутов.

Раскидали, рассекли, раскроили русский народ: в Казахстан — доля, в Грузию — доля, в Киргизию — доля, в Азербайджан — доля, в Молдавию — доли, в Прибалтику — доли, доли — наследственно обжитые русские веси. Ну разве это не сионизм? Разве это не грабительство русских? К тому же — злой нерв для конфликта.

Внутри России русских безжалостно стараются отодвинуть, укоротить их желание стать русскими, вершить русские задачи. Ищешь выхода из русской беды, а попадаешь в кабинет к свежему Бронштейну или Свердлову.

Гражданская война, натравливание русского на русского, славянина на славянина продолжаются с неслыханным рвением, иезуитским умением, бандитской оголтелостью.

А вот что публикует «Тюмень литературная» в номерах 2, 4, 5 за 1991 год:

«В Израиле несколько лет назад вышла книга на русском языке «Возвращение». Автор ее Герман Брановер пишет: «...мои братья хасиды уничтожали православных гоев». Автор называет имена этих «братьев хасидов»: Урицкий, Каменев, Зиновьев, Каганович, Мехлис, Ягода, Берия и другие. Далее он заявляет: «Славные сыны Израиля Троцкий, Свердлов, Роза Люксембург, Мартов, Володарский, Литвинов вошли в историю Израиля. Может быть, кто-нибудь из моих братьев спросит, что они сделали для Израиля? Я отвечу прямо: они непосредственно или посредственно старались уничтожить наших наибольших врагов — православных гоев. Вот в чем заключалась их работа. Этим они заслужили вечную славу!»

На стр. 130 автор этой книги говорит: «Великий сын израильского народа Карл Маркс написал теорию коммунизма, которая применима только на гоях. Это не для Израиля... Эта теория для успешного уничтожения гоев-христиан».

На стр. 119: «Каждый израильтянин, способствующий уничтожению гоев-христиан... совершает благо для Израиля».

На стр. 116: «Чистое и настоящее богоискательство возможно через Тору и Талмуд. Тора же присуща только евреям. Все же остальные двуногие созданин, по образу Израиля, создавали и создают нечто примитивное, не особенно утешительные фетиши, и одним из таких фетишей является Христос».

Что им русский поэт Павел Васильев? Пролетарского «Прометея» — Маркса «ворочают и перекидывают», Христа бесцеремонно «уценяют». Павел Васильев — жаворонок в сетях. Читайте «Тюмень литературную».

На стр. 326: «Нам не так опасны гои западной формы или, как они себя называют, католики, по следующей причине. Они в своих канонических формах совершенно отклонились от упоминания Израиля, они даже упразднили внешний вид древних израильтян при исполнении своей обрядности, а восточные гои до сего времени держатся этого, и это наносит нам оскорбление. Другая причина в том, что лидер западных христиан-гоев официально объявил, что израильтяне не виновны в казни ихнего Христа, хотя это стоило мировому еврейству много денег, но все-таки мы добились своей цели».

До чего нам, русским, да не только русским, а представителям других народов несчастного нашего Отечества знакомы термины: «закрыть», «задержать», «выдворить», «меньшинство», «заставить», «бежать», «выстрелить», «уничтожить», «в лагерях», «беженцев» и т. д. Как вчера — дзержинские, ягоды, менжинские, ежовы, берии, как сегодня — слепые от кровавой тошноты сионисты, свои и закордонные. воюют за великий Израиль. И при этом сиротски называют себя малым народом.

Нас, русских, расказачивали, раскрестьянивали, нас, русских, арестовывали, допрашивали, выселяли, раскулачивали, судили, расстреливали чужие палачи, опирающиеся на «доморощенных» русских палачей, интернациональная банда зарыла лучшую, наиболее здоровую, духовную и дисциплинированную часть русского народа. Павловский от крови — свихнулся, позже...

На земле не было такого: не ликуешь, вступая в колхоз, не хвалишь Троцкого, Свердлова, Ленина, Сталина, — под пулю, как саботажника.

А ныне: не хвалишь горбачевско-ельцинские реформы, капитализм и США, — враг перестройки.

Великие поэты — всегда пророки. Стремительный, ясный, яростный Павел Васильев прав:

Через пурги,
Средь полей покатых,
Через ливни свинцовые,
Певшие горячо,
Борясь и страдая,
Прошли в бушлатах
С пулеметными лентами через плечо.

Пусть многомиллионные могилы под звездными траурными обелисками со всех сторон движутся в наши очи, пусть.

Мы, рожденные в черные годы торжества кровавых железных карликов эры Октября, сохраним совесть, сохраним память о безвинных, превращенных иудами в стон ветра.

Россия, мы — дети твои. Россия, мы — правда твоя. Россия, да не погаснет над твоею великой судьбою слово поэтов твоих!..

1991

Наши публикации

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА М. А. ШОЛОХОВА

За годы, прошедшие после смерти М. А. Шолохова, большие подборки писем художника увидели свет в журналах «Знамя», «Дон», «Огонек», в специальном выпуске «Литературной России» и других изданиях. Несмотря, однако, на эти публикации, мы имеем все еще весьма скудное представление о полном объеме и конкретном содержании эпистолярного наследия автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Многие из писем М. А. Шолохова остаются до сих пор не выявленными и находятся в различных фондах центральных и местных архивов и музеев не только России, но и стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья, а также в бумагах частных лиц, круг которых был очень широким — от простого колхозника или рабочего до известного писателя, ученого или видного государственного деятеля.

Предлагаемые вниманию читателей письма обнаружены литературоведом Юрием Дворяшиным в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), в архивах Государственного Литературного музея (ГЛМ) и Тульского областного краеведческого музея и хронологически охватывают большой и сложный период в жизни и творчестве М. А. Шолохова — 1927—1946 годы.

1. М. А. Шолохов — в Госиздат

27.1.<19>27 г. Ст. Вешенская

Убедительно прошу сообщить, вышла ли из печати моя книжка по универсальной библиотеке «О Колчаке. крапиве и прочем»?[1] Пишу второе письмо в надежде, что снизойдете до ответа. В том случае, если книжка вышла, перешлите полагающиеся авторские экземпляры и остальные 30% гонорара Северо-Кавказский край, г. Миллерово, ст. Вешенская, М. А. Шолохову.

М. Шолохов

Автограф: ЦГАЛИ, ф. 613, оп 7, ед. хр. 431.

[1] Имеется в виду сборник, в который вошли рассказы «О Колчаке, крапиве и прочем», «Лазоревая степь», «Чужая кровь», «Жеребенок». Вышел в 1927 году.

2. М. А. Шолохов — Годлевской[1]

Ст. Вешенская, 24 сентября 1928 <года>.

Вспоминаю тебя, дорогая Годлевская, и горько сожалею, что не остался в Москве. Надо бы полечиться в Институте, а то ведь мотает меня лихоманка до сей поры. Каково? Скоро ветер будет

с ног валять. Чем черт не шутит, — издохну помаленечку, и осиротеет «Тихий Дон»... Ты уж тогда чувствительный некролог напиши, что, так, мол, и так, надежды подавал, сулил быть «маститым». Приехал-то я домой почти здоровым, но дней пять спустя на охоте промок под дождем до нитки и... опять трубка ноль пять. Ну, да все это «образуется» (дань толстовскому юбилею), выхожусь.

Хочется мне поторопить вас со 2 кн<игой>[2]. Выпускайте поскорее. Когда это дело будет? Потом, почему 2 кн. ром<ан>-газ<еты> отложена?[3] Буду очень тебе признателен, напиши, когда будет корректура, когда думаете выпустить книжку, 2 кн. ром<ан>-газ<еты>? И деньги вышли непременно. Жду письмо. Как твое здоровье? Когда и куда в отпуск?

Привет [нрзб]. Жму руку.

М. Шолохов

P. S. Написал и вспомнил, что рука у тебя тонкая, тонкая, в ладонь можно взять. Привет!

Автограф: ГЛМ, роф. 8968, кп. 54118/8.

[1] Годлевская — сотрудник издательства «Московский рабочий». Имя, отчество и другие сведения не установлены.

[2] Имеется в виду вторая книга «Тихого Дона». Вышла из печати в издательстве «Московский рабочий» в феврале 1929 года.

[3] Издательство «Московский рабочий» с июля 1927 года стало выпускать «Роман-газету». В 1928 году на страницах «Роман-газеты» были опубликованы первая книга и две части второй книги «Тихого Дона». Пятая часть романа под названием «Кровь под копытом» вышла в № 7 «Роман-газеты» за 1929 год.

3. М. А. Шолохов — А. Митрофанову[1]

Т. Митрофанов.

Посылаю 3 книги «Тих<ого> Дон<а>». Я против того, чтобы ГИХЛ издавал по юбил<ейной> серии одну лишь первую книгу. Если издавать, — то все три, а нет, — так лучше не надо ни одной.

Все три книги претерпели некоторую авторскую переработку. Я прошу правление ГИХЛа издать 3-ю и переиздать первые две по серии «Дешевой библиотеки». Никаких исправлений, выкидок и дополнений делать больше не буду.

В 3 кн. есть ряд вставок. Все эти куски были выброшены редакцией «Октября». Я их восстановил и буду настаивать на их сохранении. И еще: прошу не затерять вставки по 3 кн., т<ак> к<ак> исправления я делал по единств<енному> экземпляру.

С прив<етом> М. Шолохов.
Вешенская. 26.IX.<19>32.

P. S. 4-ю (последнюю) книгу сдам не раньше июля 1933 г.

М. Ш.

Автограф: ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 7, ед. хр. 431. Частично опубликовано: Гура В. Как создавался «Тихий Дон». — М., 1980, с. 161.

[1] Митрофанов Александр Георгиевич (1899—1951) — прозаик, в 1932 году — работник ГИХЛа.

4. М. А. Шолохов — С. И. Вашенцеву [1]

Т. Вашенцев!

Спасибо за предложение, но «Тихий Дон» я все же не буду печатать в журнале. Твердо решил издать сразу книгой.

С прив<етом> М. Шолохов.
18.III. 1935 г. Вешенская.

Автограф: ЦГАЛИ, ф. 618, оп. 2, ед. хр. 1083.

[1] Вашенцев С. И. — ответственный секретарь редакционной коллегии журнала «Знамя». Письмо М. А. Шолохова является ответом на письмо С. Вашенцева от 11 марта 1935 года с предложением опубликовать четвертую книгу «Тихого Дона» в «Знамени».

5. М. А. Шолохов — Н. Н. Накорякову [1]

Вешенская. 13 апреля 1935 года.

Дорогой т. Накоряков!

Искренне сочувствую Вам и... тоже прошу отсрочки. Сейчас боюсь называть даже приблизительные сроки, т<ак> к<ак> начал заново переделывать первую половину «Тих<ого> Дона» (я говорю о 4-й кн<иге>).

Ни в одном из журналов «Тих<ий> Дон» печатать не буду. Наша договоренность на сей счет остается в полной силе. Приложу все усилия к тому, чтобы окончить книгу возможно скорее и выручить Вас из «противоестественного» — как Вы пишете — положения, а взамен буду просить лично Вас вот о чем: срочно перечислите из моих денег 6500 р<ублей> на текущий счет № 40/61 Мособлбанка и одновременно поручите черкнуть бумажку нач<альнику> конторы Сельхозснабжения Наркомзема СССР о том, что 6500 р<ублей> перечислено на их текущий счет в уплату за грузовую машину, отпущенную Еланской средней школе Вешенского района...

Дело, видите ли, такое: школа — одна из 10 лучших в Союзе. Отпустили им машину, отгрузили ее, а у школы не оказалось презренного металла... Машину, того и гляди, продадут в другие руки. Вот я и выручаю школьников.

Очень прошу Вас помочь в этом деле и поручить, чтобы деньги и бумажку не задержали.

Крепко жму руку и желаю успехов. С приветом М. Шолохов.

Автограф: ГЛМ, оф. 5488, ф. 212, И 51236/476.

[1] Накоряков Николай Никандрович (1881—1970) — один из организаторов книгоиздательского дела в СССР, в 1930—1937 годах — заведующий ГИХЛом (с 1934 года — Гослитиздат).

6. М. А. Шолохов — в редакцию журнала «Новый мир»

Дорогой редактор!

Прости за то, что невольно подвожу тебя со сроками сдачи «Поднятой целины». Ей-богу, если и виноват, то все же заслуживаю снисхождения.

До сих пор не разделался с «Тихим Доном». Кончу его в конце года, если добрые люди не будут мешать. Печатать в журнале

его не буду. Ну, а за «Под<нятую> цел<ину>» возьмусь тотчас же, чтобы к весне ее закончить и с полным поклоном вручить в Ваши редакторские ручки.

Такие-то дела. Желаю успехов и крепко жму руку. Привет народу из «Нов<ого> мира».

16.X.<19>35 г.

М. Шолохов

Машинописная копия письма, заверенная заведующим редакцией «Нового мира» В. Раковским: ЦГАЛИ, ф. 2196, оп. 3, ед. хр. 386.

7. М. А. Шолохов — В. П. Ставскому [1]

Дорогой Володя!

Так завертелся с этими делами, что некогда дыхнуть было. Сегодня уезжаю. В марте снова буду в Москве, и тогда потолкуем. У меня к тебе вот какое дело: пожалуйста, выведите меня из редколлегии «Октября» [2]. Никакой работы я там не вел и не веду, а стало быть, и отвечать за линию журнала не могу. К характеристике моих взаимоотношений с редколлегией и, в частности, с Панферовым: года три я не получаю журнала от них. Ни единого письма не прислали. Не хочу быть для вывески. Избавь от этого.

И еще очень прошу тебя помочь Кудашеву [3]. Он написал книгу, первая часть которой печаталась в «Октябре» [4]. Рукопись пролежала в «Октябре» полтора месяца, и сейчас ее вернули Кудашеву, т<ак> к<ак> Панферов дал распоряжение не читать ее. Довольно странная манера работать с писателем, если не сказать, что это — попросту хамство.

Было бы очень хорошо, если б ты нашел время ознакомиться с книжкой или поручил бы сделать это кому-либо из знающих людей. Книгу читал Лукин [5], он ее знает. Читал и я. Мое мнение — надо печатать, обязав автора сделать кое-какие поправки. А в Гослитиздате обещают издать... в 1939 году. Кудашеву не на что жить, и «консервировать» книжку по доброй воле он не может. Пожалуйста, помоги ему разрешить этот вопрос...

Твой М. Шолохов.

27.II.<19>38 г.

Автограф: ЦГАЛИ, ф. 1712, оп. 1, ед. хр. 553а.

[1] Ставский (настоящая фамилия — Кирпичников) Владимир Петрович (1902—1941) — прозаик, в 1936—1938 годах — генеральный секретарь Союза писателей СССР, погиб на фронте.

[2] М. А. Шолохов был утвержден в составе редакции журнала «Октябрь» секретариатом РАППа в марте 1931 года.

[3] Кудашев Василий Михайлович (1902—1941) — прозаик, автор романа «Последние мужики», повестей «Звезда Ивана», «На поле Куликовом» и др.; друг М. А. Шолохова; погиб под Ельней осенью 1941 года.

[4] Имеется в виду роман В. М. Кудашева «Последние мужики». Начальные главы романа были напечатаны в журнале «Октябрь» еще в 1932 году. По требованию некоторых членов редколлегии, считавших, что произведение «искажает эпоху», его публикация была прервана. А в 1934 году роман вышел отдельным изданием в издательстве «Московское товарищество писателей». В данном случае речь идет о втором варианте произведения, отдельная публикация которого была осуществлена в 1939 году Гослитиздатом.

[5] Лукин Юрий Борисович (род. 1907) — литературный критик, исследователь творчества М. А. Шолохова.

8. М. А. Шолохов — Н. С. Мамуровскому [1]

Уважаемый т. Мамуровский!

Рассказ «Предреввоенсовета», как и все остальные ранние слабые рассказы, не переиздавались по моему настоянию с 1927 года, и читать их не стоит. Тем более нет нужды инсценировать этот рассказ. Таково мое мнение.

С приветом М. Шолохов.

24.IV.<19>41.

Автограф: ГЛМ, роф. 8876, ф. 212, нп. 54073.

[1] Мамуровский Николай Семенович (1900—1973) — артист эстрады. Письмо М. А. Шолохова является ответом на просьбу Н. С. Мамуровского разрешить ему чтение с эстрады рассказа «Председатель Реввоенсовета республики».

9. М. А. Шолохов — И. Ф. Трусову [1]

Дорогой Ваня!

Дойдет к тебе этот голос из страшного «далека», и ты все вспомнишь, и станет тебе (как и мне сейчас) страшно грустно... Зашел к Моте [2], пришла твоя жена [3], вспомнили, выпили по стопке сухого вина, — и вот письмо к тебе. Повелось так, бываю в Гослитиздате — спрашиваю о тебе [4], рад, что ты жив, краем уха слышал о всех твоих передрягах... Очень хочу увидаться с тобой после войны. Если сейчас занесет ветер в твои края [5] (думаю, что подует он южнее), — обязательно найду и воскликну, как смолоду: «Дорогой Ваня, Трусов-Зверовой [6], жив?!.»

А Васьки нет [7]... Я тебя крепко обнимаю и желаю здоровья. Напиши 2 слова мне, шлем через Мотю привет.

Михаил Шолохов

16.III.<19>44.

Машинописная копия: Тульский областной краеведческий музей имени В. В. Вересаева, НВ 4912, опись 116, № 83.

[1] Трусов Иван Федорович (1903—1957) — прозаик, автор сборников рассказов «Ворота в простор» (1933), «Освобождение» (1936), «Общая жизнь» (1955) и др., участник Великой Отечественной войны, друг М. А. Шолохова.

[2] Лицо не установлено.

[3] Уйска-Трусова Анна Яновна — жена И. Ф. Трусова.

[4] И. Ф. Трусов работал в ГИХЛе (с 1934 года — Гослитиздат) с 1930 по 1941 год редактором отдела современной русской прозы.

[5] В годы Великой Отечественной войны И. Ф. Трусов служил в редакции газеты 33-й армии «За правое дело», которая в марте 1944 года располагалась в районе юго-западнее Смоленска.

[6] Первый сборник рассказов И. Ф. Трусова «Ярь» (1927) вышел под псевдонимом «И. Трусов-Заревой». А. Я. Уйска-Трусова в своих неопубликованных воспоминаниях отмечает: «Шолохов, большой противник псевдонимов, стал Трусова шутя называть «Ваня Трусов-Зверовой». Иван Федорович понял эту шутку и навсегда бросил псевдоним».

[7] Имеется в виду Кудашев Василий Михайлович.

10. М. А. Шолохов — Е. Н. Пермитину [1]

Дорогой Ефим!

Извини, что задержал ответ и книгу. Проклятые дела и поездки замучили.

Был в Москве и не увиделся с тобой потому, что депутатских дел, хождений по министерским приемным и пр. хватило как раз по завязку... Вот в чем дело, а не в клевете на тебя и не в прочих небылицах, которые тебе подсказывает твое настороженное воображение. Теперь несколько слов по вопросу о «Любви» [2]: поработал ты над ней основательно, переиздать ее стоило бы (во всяком случае, я — за это). Но от предисловия ради бога уволь. Не мой это «жанр», и, скажем, т. Федосеев [3] сделает это безусловно лучше.

Шлю привет тебе и семье, особенно — сыну, который охотник. Когда же мы с тобой махнем на Чаны [4]? Хорошо бы будущей весной. А? Черкни свои соображения и возможности.

Твой М. Шолохов.

18.VIII.<19>46. Вешенская.

Слева на поле вдоль листа: «А сибирских пельменей у тебя все равно отпробую...»

Автограф: ГЛМ, оф. 5997, ф. 212, И 51236/799.

[1] Пермитин Ефим Николаевич (1895—1971) — прозаик, автор романов о коллективизации «Когти» (1931), «Враг» (1933), а также автобиографической трилогии «Жизнь Алексея Рокотова» (1938—1969); друг М. А. Шолохова.

[2] Имеется в виду второй вариант романа Е. Н. Пермитина «Любовь» (первый опубликован в 1937 году). В переработанном и дополненном виде роман был издан в 1951 году под названием «Горные орлы».

[3] Федосеев Г. — литературный критик.

[4] Чаны - озеро в Новосибирской области, излюбленное место охоты Е. Н. Пермитина.

Публикация и примечания Ю. А. Дворяшина

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читатвлй о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но бвз предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция нв обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы нвсут отвттственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецвнзируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 01.12.92. Подп. в печ. 30.12.92.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,07. Уч.-изд. л. 17,3.
Тираж 66 000 экз. Заказ 2140.
Типография акционерного общества «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. **Подписка на второе полугодие 1993 года будет производиться с 1 марта по 30 апреля 1993 г.** во всех почтовых отделениях и учреждениях «Роспечати» без ограничения. В розничную продажу журнал практически не поступает. **Каталожная цена на «Молодую гвардию» на один месяц — 40 руб., на три месяца — 120 руб., на полугодие — 240 рублей.**

Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал | 70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания) | Количество комплектов

на 19___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____ (почтовый индекс) ____ (адрес)

Кому ____ (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер | на ~~газету~~ журнал | 70544 (индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Стоимость	подписки	___руб. ___коп.	Количество комплектов
	переадресовки	___руб. ___коп.	

на 19___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда ____ (почтовый индекс) ____ (адрес)

Кому ____ (фамилия, инициалы)

ВЫПИСЫВАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»!

Во втором полугодии 1993 года журнал «Молодая гвардия» предполагает опубликовать:

Юрий БОНДАРЕВ. **«Победители»** — роман,

Николай КУЗЬМИН. **«Сколько стоит подвиг!»** — повесть о трагедии жизни Юрия Домбровского,

Анатолий БАЮКАНСКИЙ. **«Вернуть шпагу»** — остросюжетный исторический роман о трагической судьбе русского офицера, отважного путешественника, ученого-подвижника Ивана Прилуцкого,

Иван СТАДНЮК. **«Меч над Москвой»** — роман о разгроме в 1941 году советских армий в «вяземском котле».

Князь Н. Д. ЖЕВАХОВ. **С. А. Нилус: подлинные тайны «Протоколов сионских мудрецов».**

Надежда ВЕСЕЛОВСКАЯ, Иван ШЕВЦОВ, Евгений ЧЕРНОВ, Геннадий ШИМАНОВ, Ирина ВОЛЬНОВА — новая проза.